

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2024 17 (4)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2024 17(4)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Erihplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 4. 30.04.2024. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 12.04.2024. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 17,6.
Уч.-изд. л. 17,1. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 20995.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Б. В. Марков**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- О. Г. Смолянинова**, д-р пед. наук, профессор, академик РАО, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Roman I. Kuts, Maksim M. Trojanski and Nikolai A. Starukhin Bell Ringing Traditions of the Popovtsy Old Believers	624
Polina A. Vasineva and Fedor F. Korochkin The Unity of Nature and Mind: Höderlin, Novalis and Schelling on a New Mythology and the Absolute	632
Aleksandr N. Andreev and Yulia S. Andreeva Catholic Erudition of Metropolitan Arseny Matseyevich in the Context of Russian Theology Modernization in the 18 th Century	642
Svetlana P. Vasilieva and Alexandr D. Vasiliev Linguoaxiological Model of an Ideal Teacher as Perceived by Teachers and Students of a Pedagogical College	652
Natalia P. Koptseva, Yulia S. Zamaraeva and Yulia N. Menzhurenko The Policy of the Council of People's Commissars and the Russian Communist Party (Bolsheviks) in Relation to the Fine Arts in Years 1917–1918	666
Tikhon K. Ermakov, Ksenia A. Degtyarenko and Anna A. Shpak The Artistic Meta-Narratives Construction in Modern Culture: Formal and Semantic Aspects	681
Aleksandra A. Sitnikova Features of Krasnoyarsk Artistic Culture Development in 1990s	694
Natalya N. Pimenova, Anastasia V. Kistova and Maria I. Bukova The Role of Krasnoyarsk Art History Education in the Cultural Life and Educational Sphere of the City of Krasnoyarsk at the End of the 20 th – Beginning of the 21 st Centuries	708
Maria A. Kolesnik, Natalia M. Leshchinskaia and Anna A. Omelik National Motifs in the Works of N. S. Goncharova	719
Yuriy V. Kot Russianness: on the Concept Definition	730
Mariana A. Borodina and Natalia A. Sergeeva The Concept of «Regional Visual Culture» in the Modern Theory of Culture and Art	737
Natalya N. Seredkina The Concept of “Artistic Practices”: a Thematic Analysis of Scientific Literature (1990s-2023)	751
Ekaterina A. Sertakova Cultural Memory Representation in the Projects of the 7 th Krasnoyarsk Museum Biennale “Drawing of Siberia”s	766
Sergei S. Merzliakov Socio-Cultural Potential of the Russian IT Community. Part 2	778
Sergey V. Bereznitsky Natural Disasters and the Changing Materiality of Indigenous Peoples of the Amur and Sakhalin	792
Indira M. Zhanalina, Saule B. Begalieva, Elmira K. Erkebekova and Gulmira Y. Kozhamkulova Ethnolinguistic Aspects of Cultural Affiliation	801
Veronika A. Beliaeva-Sachuk and Vladimir N. Davydov Tea Drinking Traditions in the Nomadic Cultures of Eastern Siberia: Ritual, Hospitality, Feeling Full, Health	813
Konstantin B. Klokov Use of Local Biological Resources of Chukotka for Food Self-supply of Local Communities	824

EDN: YHLFCU
УДК 789.5

Bell Ringing Traditions of the Popovtsy Old Believers

Roman I. Kuts^{*a}, Maksim M. Trojanski
and Nikolai A. Starukhin^b

^aNovosibirsk National Research State University

^bInstitute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Received 02.12.2021, received in revised form 12.04.2022, accepted 01.12.2023

Abstract. The study is devoted to the allocation, fixation, and historical substantiation of the authenticity of the Old Believer tradition of bell ringing, widespread in the countries of Southeast Europe, America, and the Kuban region of Russia. The analysis of a number of video and audio recordings of bell ringing in the parishes of the Old Believers of the Belokrinitskaya and Novozybkovskaya hierarchies is carried out.

For the first time, the Old Believers tradition of the bell ringing is highlighted. A hypothesis is put forward about the deep historical roots of this tradition based on the history of settlement and isolated residence of Old Believers in emigration. The proofs of the possibility of preserving this tradition among the Old Believers in conditions of cultural isolation since the end of the 18th century are presented.

On the basis of the video recording of the bell ringing characteristic of this tradition, the recording of the Lipovan tradition was made on a specialized staff. The compositional structure and elemental content of this ringing is described, the unique features of this tradition are highlighted. The comparison of the musical-rhythmic and technical features of the tradition with the elements of the ringing of the modern academic bell-ringing school is carried out.

Keywords: bells, bell ringing, Old Believers, Popovtsy, Lipovan tradition, Lipovans, Nekrasovites.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Kuts R. I., Trojanski M. M., Starukhin N. A. Bell ringing traditions of the popovtsy old believers. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 624–631.
EDN: YHLFCU

Традиции колокольного звона староверов поповских согласий

Р.И. Куц^а, М.М. Троянский, Н.А. Старухин^б.

^аНовосибирский национальный

исследовательский государственный университет

^бИнститут истории СО РАН

Российская Федерация, Новосибирск

Аннотация. Исследование посвящено выделению, фиксации и историческому обоснованию аутентичности старообрядческой традиции колокольного звона, распространенной в странах Юго-Восточной Европы, Америки, Кубанского региона России. Проведен анализ ряда видео- и аудиозаписей колокольного звона в приходах старообрядцев-поповцев Белокриницкой и Новозыбковской иерархий. Впервые выделена традиция колокольного звона старообрядцев. Выдвинута гипотеза о глубоких исторических корнях данной традиции на основе истории расселения и изолированного проживания старообрядцев в эмиграции. Приведены доказательства возможности сохранения данной традиции у староверов в условиях культурной изоляции с конца XVIII века.

На основе видеозаписи колокольного звона, характерного для данной традиции, оформлена запись колокольного звона липованской традиции на специализированном нотномосце. Описаны композиционная структура и элементное содержание данного звона, выделены уникальные черты данной традиции. Проведено сравнение музыкально-ритмических и технических особенностей традиции с элементами звона современной академической звонарской школы.

Ключевые слова: колокола, колокольный звон, старообрядцы, староверы, поповцы, липованская традиция, липоване, некрасовцы.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Куц Р.И., Троянский М.М., Старухин Н.А. Традиции колокольного звона староверов поповских согласий. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 624–631. EDN: YHLCFU

1. Введение

История развития колокольного звона Русской православной церкви содержит периоды грубого вмешательства со стороны государства. Примером такого отрицательного влияния является советский период (Pospelovskij, 1995, Videneeva, 2015). За время существования СССР русская православная культура понесла серьезные потери (Redko, 2010). Политика государства в этот период была направлена на уничтожение религиозных нравственных ценностей у населения, сокращение материального благосостояния

религиозных сообществ, насаждение атеистического мировоззрения. К концу XX века традиции православного колокольного звона, основанные на устном способе передачи из поколения в поколение, были в значительной степени утрачены. Русская православная общественность взяла на себя миссию восстановления искусства колокольного звона, продолжающуюся и в наши дни (Tosin, 2009).

Другая ситуация наблюдается в истории развития колокольного звона в среде старообрядцев. С момента раскола русского православия, возникшего из-за реформ па-

триарха Никона и жестокой государственной политики царя Алексея Михайловича Романова, староверы оказались на нелегальном положении. Гонения на староверов имели волнообразный характер в зависимости от внутренней политики последующих царей и императоров. С каждым усилением гонений со стороны государства староверы были вынуждены переселяться в труднодоступные места, скрываться за границей. Однако, не смотря на это, старообрядцев всегда характеризовали как людей, строго и последовательно сохраняющих свою культуру, устные и материальные культурные ценности.

Одновременно с этим часть культуры староверов, связанной с колокольным звоном, подверглась гораздо большей утрате. Это связано с тем, что использование колокольного звона могло дать повод к обнаружению скрытых поселений староверов. Однако существование крупных старообрядческих общежитий позволяло сохранить традиции староверов, представлявших собой традицию дореформенного православия. Кроме этого, значительная часть культуры старообрядцев сохраняется благодаря культурной изоляции староверов-эмигрантов из России. На протяжении всей истории старообрядчества существовало несколько волн эмиграции в страны дальнего зарубежья, таких как Латинская Америка, страны Восточной Европы, Северная Америка, Австралия, Турция и т.д. Анализ и сопоставление колокольного звона приходов староверов-эмигрантов позволят сформировать представление об исторической модификации звонарской традиции староверов.

Сейчас староверы расселены по всему миру. В некоторых странах, таких как Румыния, страны Прибалтики, Южной Америки, культура и история старообрядчества тесно переплелись с культурой и историей этих стран. Колокольный звон, как наиболее ощущаемая со стороны часть культуры староверов, требует детального описания и фиксации. На современном этапе, благодаря открытости большей части староверского общества, появляется возмож-

ность изучить пласт культуры древней Руси, сохранившейся благодаря усилиям староверов. В данной работе проводилось исследование традиции колокольного звона староверов белокриницкого и новозыбковского поповских согласий, ее фиксация и детальное сравнение с традицией академической звонарской школы Русской православной церкви.

2. Исторические предпосылки сохранения колокольного звона у староверов

Со времени Церковного раскола XVII века старообрядцы подвергались репрессиям со стороны власти и синодальной церкви. Зачастую целым семьям и поселениям приходилось в скором порядке покидать обжитые места, переселяясь в более недоступные. При этом колокола оставались при церквях в которых со стороны церковной власти были назначены священники, служащие по-новому. Поселения староверов в конце XVII века были секретными. Колокольный звон в таких поселениях был невозможен, поскольку незамедлительно позволял обнаружить поселения.

Колокольный звон у старообрядцев стал возможен в обособленных крупных общежитиях, монастырях, где имели место каменные храмы, большое количество людей. Примером такого поселения является Выго-Лексинское общежитие, устав которого содержит свой порядок звонов (Ustav, 1913). Известно, что в XVIII веке на нужды монастыря были пожертвованы колокола (Fillipov, 1862). В выговском монастыре существовала наонная (хомовая) традиция знаменного пения, которая, по мнению исследователей (Kozhurin, 2010), сохранилась после падения Соловецкого монастыря. По аналогии можно предположить, что традиция и устав звона также перешли от дореформенного Соловецкого монастыря к выговской традиции.

Помимо этого, на территории России существовали другие крупные старообрядческие поселения, в которых существовал колокольный звон. Так, крупнейший монастырь, приемлющий священство, находив-

шийся на Иргизе, имел колокольный звон, о чем говорит наличие колоколен на рисунках монастыря. Однако на текущий момент российские старообрядческие приходы имеют тенденцию заимствования традиции звона специализированных школ Русской православной церкви. Такое размытие традиций обусловлено наличием межконфессиональных контактов вследствие проживания на одной территории (Starukhin, 2006).

Ключевой, на наш взгляд, исторический способ сохранения колокольного звона у старообрядцев – эмиграция. На протяжении всей истории старообрядчества имели место волны эмиграций в страны как ближнего, так и дальнего зарубежья. В конце XVII – начале XVIII века после церковных реформ Никона староверы переселились в Молдавское княжество, в будущую Буковину (Smilyanskaya, Denisov, 2007). Впоследствии их стали называть липованами. Позже на смежных территориях поселились казаки-некрасовцы, пришедшие с Кубани. Однако в конце XVIII века была крупная волна эмиграции казаков-некрасовцев на территорию современной Турции. Оставшиеся в Буковине некрасовцы ассимилировались с липованами (Vlaskina, 2016). Проживая в культурной изоляции, староверы на протяжении веков хранили свою речь, веру, церковный обряд, иконопись, колокольный звон.

В эмиграции у староверов было больше свобод, чем на их родине. Например, существование монастырей в Белой Кринице, находящейся на территории Австрийской империи (совр. территория Украины), позволило старообрядцам-поповцам в 1846 году восстановить трехчинную иерархию, присоединив митрополита Босно-Сараевского Амвросия, устроив кафедру в Белой Кринице (Subbotin, 1874). Также в эмиграции староверы имели возможность сохранять и развивать традиции колокольного звона. Кроме того, были волны эмиграции в Соединённые Штаты, в страны Южной Америки, Австралию. Таким образом, анализ колокольного звона старообрядцев, находящихся в эмиграции, позволит выделить

старообрядческую традицию колокольного звона и иметь суждение о ее многовековой истории.

3. Фиксация колокольной традиции.

Способы и технические средства

Вся русская православная церковная культура, в том числе и колокольный звон, претерпела упадок в период существования советского государства. Тем не менее существовали попытки советских исследователей обратить внимание на традиции колокольного звона. Так, в 60-х годах XX века была произведена научная работа по возрождению традиции колокольного звона Ростовского кремля благодаря более раннему описанию музыкальных особенностей ростовских звонов (Izrailev, 1884). Также сейчас практикующим звонарям доступны для изучения выделенные традиции колокольного звона крупных монастырей, таких как Троице-Сергиева Лавра, Новодевичий и Даниловский монастыри и другие. При этом в научном сообществе до сих пор не предпринимались попытки исследовать традицию звона у старообрядцев.

В связи с тем, что староверы, имеющие уникальные традиции звона, сейчас расселены по всему миру, фиксация этих традиций крайне затруднительна. Однако развитие современных технических средств коммуникации позволяет исследовать колокольный звон разнесенных приходов старообрядцев. Аудио- и видеозаписи этнографического материала, наряду с фотографиями, являются важным, а иногда и единственным источником сравнительных исследований (Kostrov, Prigarin, 2016). В данном исследовании применялся метод анализа видеозаписей колокольного звона, позволяющий сделать выводы о количестве используемых колоколов, их размерах, методе управления колоколами и о других важных деталях традиции. Было собрано более 30 видеозаписей звонарей старообрядческих храмов, в которых, так или иначе, могла сохраниться традиция колокольного звона, общая для всех староверов.

После выделения традиции колокольного звона необходимо ее зафиксировать.

Один из методов фиксации традиции колокольного звона является запись партитуры на нотном стане, адаптированном для колокольного звона (Radin, 2013). Как правило, подобно записи партитур для игры на барабанах, в адаптированном нотном стане отсутствует привязка к высоте тона колоколов вследствие многообразия его спектра. Кроме того, распределение основных тонов колоколов в отдельно взятом подборе может отличаться от распределения другого подбора, что делает конкретную звонницу уникальным музыкальным инструментом (Guseva, 2019). Когда же речь идет о традиции звона, то имеется в виду именно звонарская школа с присущими ей уникальными исполнительскими и техническими решениями для реализации колокольного звона. Поэтому для записи конкретной традиции звона фиксируется количество используемых колоколов с разделением на группы: зазвонные (малые), подзвонные (средние) и благовестники (большие), иначе, басовые. Пример нотной записи колокольного звона представлен в виде фрагмента партитуры в прил. 1.

4. Выделение традиции колокольного звона старообрядцев-поповцев

В рамках данного исследования производился анализ видеозаписей колокольного звона разных старообрядческих приходов белокриницкого поповского согласия. Были собраны свыше 30 видео- и аудиозаписей колокольного звона. Кроме того, был установлен личный контакт с большинством исполнителей этих звонов. Анализ звона приходов староверов, находившихся в эмиграции, позволил выделить схожие черты как в музыкальном, так и в техническом аспектах. Причем наблюдались явные отличия от современной академической звонарской традиции.

По результатам нашего исследования условно можно выделить два основных направления традиции староверов: румынскую и южнорусскую. Румынская звонарская школа распространяется, конечно, среди липован, в приходах и монастырях

Румынии, Украины, Молдавии и Америки (штат Орегон). Звоны указанных приходов отличаются более строгой структурой, системным подходом к исполнению и оборудованию колокольной.

Другое направление звонарской традиции получило распространение в приходах, проживающих на Ставрополье и Краснодарском крае. Как известно, на Юге России преобладают старообрядческие приходы, возникшие после возвращения казаков некрасовцев с территории современной Турции (Starukhin, 2006). При этом староверы Ставрополья и Краснодарского края долгое время имели не только географическое, но и каноническое разделение. Еще будучи в Турции, они не имели молитвенного единства. Возвращение происходило также отдельными этапами. Некрасовцы, вернувшиеся в Ставрополье, попали под окормление священства Белокриницкой иерархии, а вернувшиеся в Краснодарский край, изначально соединились с другим поповским согласием – Русской древлеправославной церковью Новоыбковской иерархии.

Учитывая такое историческое географическое и идеологическое разделение, начавшееся еще во время пребывания в Турции, колокольный звон практически одинаков для всех некрасовцев. Отличия, конечно, присутствуют, но они сравнимы с отличием звонов двух звонарей одной звонарской школы. Для этих звонов, в отличие от румынской школы, характерен ускоренный, но при этом более подвижный темп, малый вес колоколов, вследствие чего более частые удары благовестником, отсутствие звонарского пульта. Со слов старожилов-некрасовцев, во время пересечения границы СССР были изъяты множество церковных ценностей, утвари, в том числе и колоколов больших размеров, что свидетельствует об активном использовании колокольного звона в старообрядческих приходах Турции.

Вышеописанные отличия румынской и южнорусской звонарских школ тем не менее требуют объединения в одну традицию колокольного звона. Речь идет о выделении староверской традиции на фоне традиций колокольного звона, существующих в Рус-

ской православной церкви, как то: ростовской, лаврской и других. Далее под староверской или липованской традицией мы будем понимать объединенную традицию как липован, так и некрасовцев.

Звонарская традиция старообрядцев выделяется прежде всего количеством используемых колоколов и техникой исполнения. В большинстве приходов компактного проживания липован используется шесть колоколов. Если используется больше колоколов, то структура звона не меняется. Зазвонный колокол (меньший в подборе), как правило, один, либо, если их несколько, то они звучат аккордом. Благовестник также используется только один.

При таком распределении по группам колоколов, характерном для всей традиции, способ управления колоколами различается. Так, в приходах Румынии и близлежащих областей, как было упомянуто выше, используется рычажно-тяговый пульт, похожий на клавиатуру карильона (прил. 2а). В остальных приходах староверов-эмигрантов пульт, как правило, отсутствует. При этом зазвонный колокол управляется правой рукой, тяги от подзвонных колоколов связываются в узел и управляются левой рукой. Большой из подзвонных колоколов может управляться локтем или плечом левой руки (прил. 2б). Управление благовестником также разнится от прихода к приходу. Как правило, тяга от самого большого колокола повязывается на ногу. Встречаются даже системы управления звоном, где тяга от благовестника повязывается на поясицу.

5. Сравнение традиций колокольного звона староверов и современной академической звонарской школы

В приложении 3 представлен типичный для липованской традиции звон, записанный на основе колокольного звона храма Рождества Пресвятыя Богородицы села Сарикей в Румынии. Пульт управления на колокольне этого храма мы поместили на прил. 1а. Данный звон можно разделить на три смысловых части. Первая часть

представляет собой своеобразный перебор от малых колоколов до большого. Перебор повторяется три раза. Вторая часть представляет собой собственно звон во все колокола. Третья часть, как и первая, состоит из трех переборов.

Как правило, звон начинается с медленного темпа с постепенным ускорением, а завершается замедлением темпа и финальным аккордом из колоколов всех трех групп. Надо сказать, что в староверской традиции существуют случаи, когда по уставу положено «три звона» – тогда вышеописанный звон повторяется трижды. При этом темп между «звонами» также замедляется и ускоряется. Формирование «плавающего» темпа может быть связано с отсутствием в обращении крупных колоколов. Такое изменение темпа не характерно для других традиций и современной звонарской школы в целом.

Другим характерным отличием липованского звона является нарушение ритма, который задается большим колоколом-благовестником. Происходит сдвиг сильной доли на слабую, которая становится сильной для дальнейшего формирования ритма. Пример такого сдвига можно наблюдать в 12 такте. Здесь для удобства записи мы использовали размер 5/4. Далее в нашей записи происходит возврат к размеру 4/4. Подобный элемент, нарушающий ритм, может повторяться на протяжении всего звона. Кроме того, активно используется прием, когда зазвонный колокол начинает звучать с затакта (например, такт 5 и 16). При этом, как правило, происходит смена ритма.

Вышеописанные примеры нарушения ритма также не используются в известных звонарских традициях. Такие характерные для звона старообрядцев черты можно сравнить с неритмичной структурой знаменного пения, повсеместно сохранившегося и используемого у староверов всех согласий. Возвращаясь к истории расселения старообрядческой эмиграции, можно судить о датировке возникновения такой традиции. Мы имеем дело, возможно, с самой древней традицией колокольного звона из традиций, дошедших до наших дней. Учитывая, что липоване находились

в изоляции в Молдавском княжестве с конца XVII века с последующим сожительством с некрасовцами, мы можем сказать примерную дату формирования вышеописанной традиции. Речь идет если не о дораскольной традиции колокольного звона, то по меньшей мере о традиции, сохранившейся у староверов-поповцев со времен переселения некрасовцев на территорию современной Турции в конце XVIII века. Такой вывод мы делаем, учитывая то, что указанные характерные черты староверской традиции присущи как для румынской звонарской школы, так и для школы казаков-некрасовцев.

6. Заключение

Ввиду тенденции восстановления колокольного звона в современном православии требуется выделение традиции звона, сохранившейся у старообрядцев-поповцев. Культурная изоляция староверов-эмигрантов позволила сохранить не только веру, язык и обычаи дораскольной Руси, но и традиции колокольного звона.

Анализируя звоны старообрядческих храмов белокриницкого согласия, мы можем выделить новую звонарскую тради-

цию. Данная традиция сохранялась более 200 лет как у старообрядцев-липован, проживающих в Румынии и частично в других странах дальнего зарубежья, так и у казаков-некрасовцев, находящихся в изоляции на территории современной Турции с конца XVIII века.

В рамках работы мы исследовали и зафиксировали звонарскую традицию липован. В звонах этой традиции, как правило, используется шесть колоколов. Характерные черты староверской традиции – один зазвонный колокол, «плавающий» темп, регулярно нарушающийся ритм большого колокола-благовестника. Эти элементы отличают традицию звона староверов от прочих дошедших до наших дней традиций колокольного звона и от современной академической звонарской школы в целом.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Guseva A. N. The Russian bell ringing: bells and bell towers. In: *Manuscript*, 2019, 12 (7), 158–162.
- Fillipov I. *Istoriia Vygovskoi staroobriadcheskoi pustyni [History of the Vygovskaya Old Believer Hermitage]*. St. Petersburg, Tip. D. E. Kozhanchikova, 1862. 480 p.
- Izrailev A. A., *Rostovskie kolokola i zvony [Rostov bells and chimes]*. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha, 1884. 24 p.
- Kostrov A. V., Prigarin A. A. Photography as a Source for Comparative Research of History and Culture of Local Old Believer Groups in the First Third of the 20th Century (through the example of the Old Believers of Bessarabia, Buryatia and Tuva). In: *Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 2016, 9 (12), 2947–2963.
- Kozhurin K. Ya. Pevcheskaia kul'tura staroobriadtsev I nasledie Drevnei Rusi [Singing culture of the Old Believers and the legacy of Ancient Rus]. In: *RUTRA*, 2010, 4, 10–20.
- Pospelovskij D. V. *Russkaia Pravoslavnaia cerkov' v XX veke [Orthodox Church in twentieth century]*. Moscow, Respublika, 1995. 48 p.
- Radin P. *Samouchitel' igri na russkoi zvonitse. Ch. 1. "Dvoika" [Self-instruction manual for playing on the Russian belfry. Ch. 1. "The Two"]*. St. Petersburg, Shkola zvonarei Sankt-Peterburzhskoi mitropolii, 2013. 126 p.
- Redko M. V. Realization of the State Religious Policy of the Krasnoyarsk Kray in 1954–1964 (on the Example of the Russian Orthodox Church). In: *Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences*, 2010, 3 (1), 154–158.

Smilyanskaya E. B., Denisov N. G. *Staroobriadchestvo Bessarabii: knizhnost' i pevcheskaia kul'tura* [*Old Beliefs of Bessarabia: bookishness and singing culture*]. Moscow, Indrik, 2007. 432 p.

Starukhin N. A. Belokrinitskie obshhiny tomskoj gubernii: problemy tserkovnoi organizatsii i upravleniia (vtoraia polovina XIX veka) [Belokrinitsky communities of Tomsk province: church organization and governance challenges (second half of the XIX century)]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Novosibirsk State University*], 2006, 5 (1), 113–118.

Subbotin N. I. *Istoriia Belokrinitskoi ierarkhii* [*History of the Belokrinitskaya hierarchy*]. Moscow, Tip. T. Ris, 1, 1874. 677 p.

Tosin S. G. Unich'tozhenie pravoslavnoi traditsii kplpkpl'nogo zvona v SSSR [The destruction of the Orthodox tradition of bell ringing in the USSR]. In: *Sotsyum*, 2009, 3 (23), 91–102.

Ustav. Krug vseleznago bogosluzheniia pomorskogo Vygoreskago monastyria [*Charter. The circle of year-round worship of the Pomor Vygoresky monastery*]. Saratov, 1913.

Videneeva A. E. Cerkovnye opisi kak istochnik dlia izucheniia kolokolov [Church Inventories as a Source for Studying Bells]. In: *Materialy nauchnoi konferentsii. "Kolokola: istoriia i sovremennost"* [*Pros. "Bells: history and modernity"*]. Rostov, 2015, 19–26.

Vlaskina N. Nekrasov Cossacks' Festive Clothes: Historical Changes and Modern Functions. In: *Folklore (Estonia)*, 2016, 66(66), 133–154.

EDN: RTVEQS
УДК 1(091)

The Unity of Nature and Mind: Hölderlin, Novalis and Schelling on a New Mythology and the Absolute

Polina A. Vasineva and Fedor F. Korochkin*

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
Institute of Human Philosophy
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 08.02.2022, received in revised form 10.02.2022, accepted 01.12.2023

Abstract. The authors of the article examine the philosophical heritage of Hölderlin, Novalis and Schelling in order to discover the continuity of ideas and directions for their further development in the work of F. W. J. Schelling. Romantic thought has largely formed the subject field for contemporary trends in philosophy, and in many respects this merit belongs to Schelling, whose early philosophical legacy correlates with the ideas of the romanticists. In particular, this concerns questions about the essence of myth and the problems of the philosophy of art. These concepts were actively used by F. Schlegel in his theoretical works. However, he did so on the material of poetic interpretation of the philosophical content of non-academic romanticists, who figuratively expressed thoughts about the unity of nature and the mind, about the nature of myth and its relationship with art. Schelling subsequently presented similar ideas in “The System of Transcendental Idealism” and “The Philosophy of Art”, significantly improving and expanding the original romantic ideas. This addition to the romantic project led to the formation of a new way of philosophical reflection and became a theoretical basis for the formation of modern philosophy. We will successively discuss the concepts of the unity of nature and mind, the new mythology, and discover the similarities between the ideas of Schelling, Hölderlin and Novalis, as well as identify the way Schelling goes further.

Keywords: Romanticism, Schelling, Hölderlin, Novalis, myth, art (cultural studies).

Research area: history of philosophy.

Citation: Vasineva P.A. and Korochkin F.F. The unity of nature and mind: Hölderlin, Novalis and Schelling on a new mythology and the Absolute. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 632–641. EDN: RTVEQS

Единство разума и мира: Гельдерлин, Новалис и Шеллинг о новой мифологии и понятии Абсолюта

П.А. Васинева, Ф.Ф. Корочкин

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Институт философии человека

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению философского наследия Гельдерлина, Новалиса и Шеллинга с целью обнаружения преемственности идей и направлений их дальнейшего развития в творчестве Ф. В. Й. Шеллинга. Романтическая мысль в значительной мере сформировала предметное поле для современных направлений философии, и во многом эта заслуга принадлежит именно Шеллингу, раннее философское наследие которого коррелирует с идеями романтиков. В частности, это касается вопросов о сущности мифа и проблематики философии искусства. Так, обозначенные концепты активно используются Ф. Шлегелем в теоретических работах. Однако не менее значимым оказывается материал поэтической интерпретации философского содержания у неакадемических романтиков, которые образно выразили мысли о единстве разума и мира, о природе мифа и его связи с искусством. Впоследствии Шеллинг изложил схожие идеи в «Системе трансцендентального идеализма» и в «Философии искусства», значительно усовершенствовав и расширив первоначальные романтические идеи. Это дополнение романтического проекта привело к становлению нового способа философской рефлексии и стало теоретической базой для становления современной философии. В статье последовательно рассматриваются концепты единства разума и мира, новой мифологии, а также обнаруживаются сходства идей Шеллинга, Гельдерлина и Новалиса, выявляется путь, которым Шеллинг идет дальше.

Ключевые слова: романтизм, Шеллинг, Гельдерлин, Новалис, миф, искусства (культурология).

Научная специальность: 09.00.03 – история философии.

Цитирование: Васинева П. А., Корочкин Ф. Ф. Единство разума и мира: Гельдерлин, Новалис и Шеллинг о новой мифологии и понятии Абсолюта. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 632–641. EDN: RTVEQS

Introduction

Romantic intellectual heritage is a heterogeneous material that includes philosophical poetry and poetic philosophy, artistic and theoretical creativity. Starting with romanticism, philosophy is increasingly characterised by a move away from traditional strictly scientific forms of presentation towards literature and creative writing, which is particularly indicative in the existential philosophy of the 20th century,

for example. The phrase ‘philosophical novel’ and ‘philosophical story’ does not surprise the modern reader, but it should be borne in mind that the process of merging the forms of intellectual expression of ideas and feelings was not a one-way process. Rather, it was the result of a worldview revolution in the ranks of the intellectual elite at the end of the 18th century in Germany: values, a way of thinking about the status quo and social processes, understanding

the structure of thinking and strategies for positioning people in the world were revised under the influence of the ideas of the Great French Revolution. Romanticists, for their part, made a spiritual revolution, broadening the understanding of rational to include intellectual intuition, following Kant and Fichte, and thus creating the basis for the emergence of non-classical types of philosophical thinking.

At the same time, there is a strong research tradition associated with the study of romantic heritage and its meaning. On the literature side, the Russian school has been marked by the works of researchers: A. V. Karelsky, M. I. Bent, N. Ya. Berkovsky, A. L. Volsky, V. I. Greshnikh, N. A. Gulyaev and A. S. Dmitriev, A. I. Zherebin, V. M. Zhirmunsky, I. V. Kartashova, E. N. Kornilova, A. V. Mikhailov, S. V. Turaev, F. P. Fedorov.

Philosophical tradition in Russia has shown a research interest in the field of Romanticism in the works of the following key authors: Yu. L. Arkan, R. M. Gabitova, P. P. Gaidenko, T. I. Lipich, V. V. Lipich, N. N. Misyurov.

Among German-speaking authors it is necessary to mention both the closest contemporaries of Heine G. and Geim R., and researchers of the turn of XX–XXI centuries: Manfred Frank, Gerhart Hoffmeister, Rüdiger Safranski, Gerhard Schulz, Lars-Thade Ulrichs.

As for the philosophical study of Schelling's legacy, it can be recognized not only as more extensive, but also methodologically more organized than research on the philosophy of romanticism. In addition to Russian researchers of the heritage of Schelling (P. S. Popov, M. F. Ovsyannikov, A. V. Gulyga, P. P. Gaidenko, P. V. Rezvykh), it is necessary to indicate foreign historians of philosophy: W. Erhard, H. Fuhrmans, J. Hennigfeld, A. Hutter, W. Kasper, P. Kondylis, T. Leinkauf et al.

However, it should be noted that these personalities do not exhaust the entire body of research on the issues addressed in the article, but it is the material identified that is in the focus of this research.

Theoretical framework

The aim of the study is to identify the relationship and continuity of ideas between the

philosophical views of early German romanticism (Hölderlin, Novalis) and those of Schelling. To achieve this goal, work is being done to establish the type of relationship – is it about synthesis or interpretation? Where do we find similarities and differences in approaches? How do Schelling's ideas correlate with the poetic views of romanticists?

One of the main difficulties in achieving this research aim is the heterogeneity of historiographic material associated with Schelling's heritage. Despite the great popularity of the main works of the thinker, a number of essential handwritten sources have been lost, and most of the extant handwritten sources have not been published. The difficulty is also that many of these texts were probably just Schelling's attempts to get closer to building some kind of holistic system that he never achieved. As P. V. Rezvykh writes, the entire legacy of the philosopher can be seen as an evolution of ideas, trying to reconstruct some intermediate and final results (Rezvykh, 2011). The fragmentariness and incompleteness of the texts resembles Schelling to the romanticists for whom this method of thought design is almost decisive, as it leaves a mystical understatement, on the one hand, and an opportunity to unfold an idea, on the other. Novalis calls the fragments "literary seeds" from which something significant can grow (Novalis, 2014: 111).

However, for the accuracy of the presentation of the material, we will limit ourselves to a range of issues that for the romantics themselves were key in theorizing: 1) on myth and mythology and 2) on the relationship between myth and art and the Absolute.

Statement of the problem

Russian historical and philosophical research shows a methodological trend towards the conceptual separation of Schelling and romanticists. This is rather due to an artificial division into areas of humanitarian research, where Schelling is considered to be a philosopher and romanticists belong to the artistic sphere. Nevertheless, there is reason to believe that the ideas and concepts of the romantic authors were born in a consonant manner, based on the unity of their biographical and intellectual lines. This kind of disciplinary division of material must

therefore be overcome in philosophical research on romantic heritage. This article undertakes a comparative analysis and identification of the intersection points between Schelling's ideas and early German romanticists on the issue of understanding the myth and its meaning in a broad historical and cultural context.

Methods

The research objectives of this article involve the use of a comprehensive system methodology. In order to analyse the texts of Hölderlin, Novalis and Schelling, as well as to work with modern research on the declared topics, it is necessary to use various approaches, primarily historical-philosophical, hermeneutic, comparativist methods, as well as methods of structural-typological analysis. The use of these tools enables conceptual synthesis and modeling of the substantive continuity of the ideas of Hölderlin, Novalis and Schelling in the intellectual field of German philosophy.

Discussion

Thus, it is fair to recognise the artificial division between the fields of humanitarian knowledge as a peculiarity of the study of romanticism. Who are romantics? Are they subtle poets and writers or theorists of a new type of thinking and philosophical reflection on reality? When you look at their work in detail, you can confidently say that such a division into rational and sensual is impossible in their case. This is confirmed by fragments of works that are accepted to be classified as the theoretical legacy of romanticists. In this case we mean Hölderlin's small sketch "Judgment and Being" (1795) and the essay "The Oldest Systematic Programme of German Idealism" (1796) found in Hegel's papers, which obviously spells out part of the "romantic program" of a new type of rationality, a new mythology.

Romanticism in its own way comprehends many of today's intellectual processes and offers an original perspective on science, religion, art and philosophy. Romantic thinking has a significant share of syncretism and tries not to separate thinking from feeling, but to realise what is divided in its unity: nature and man, subject and object.

This approach is assumed to be the opposite to the thinking tradition that existed until then in philosophy, going from Descartes to Hegel, namely, drawing the line between thinking and being, cognising being by identifying the thinking subject and contrasting his or her being. Romanticism, on the other hand, funds the inviolability of the unity of nature and mind, which is expressed in the concept of the Absolute. This idea was formulated by Hölderlin in a small essay in 1795, and a few years later, in 1800, it was greatly expanded and clarified in "System of transcendental idealism" by Schelling. This is precisely the fact that researcher Luke Fisher points out in the book "Hölderlin's Philosophy of Nature" (Fisher, 2020: 144).

Let us dwell on this point in more detail and draw attention to specific ideas that correlate between the two authors.

The biographies of Schelling and Hölderlin indicate that both were brought up in an identical intellectual tradition, studying at the University of Tübingen at the same time. The friendly relationship and the unity of the intellectual context had an undeniable influence on the formation of thinkers in a symphilosophical way. And even though Hölderlin's life was shaped in such a way that practice-oriented activities dominated his life (home education as well as literary activities), his ideas and authority had a significant impact on the formation of romantic theory, including through Schelling's philosophical efforts.

Unity of Nature and Mind

The project "New Letters on Aesthetic Education" conceived by Hölderlin¹ was intended to significantly broaden Schiller's view of what he called a well-known and similar work. The result of the project was to establish the final unity of the Absolute by merging subject and object through a movement from philosophy (from rational) to poetry, then to religion (to aesthetics) and by revealing the connection between poetry and religion, aspects of sensuality that by then had been left out of due philosophical reflection.

¹ Incomplete project, the main ideas of which can be restored only from the letters and texts of Hölderlin.

In his essay “Judgement and Being” (1795), Hölderlin writes that “identity is not a unification of object and subject that takes place absolutely, therefore identity is not equivalent to Absolute Being”² (Hölderlin, 1988: 261). The unity of the subject and object cannot be understood in the form of self-consciousness, because it a priori presupposes that the Self goes beyond the original integrity and is totally contradictory to the idea of unity. Similar thoughts are found in a fragment by Novalis, who states: “We will understand the world if we understand ourselves, for we and the world are the two halves without which the whole does not exist.” (Novalis, 2014: 154) The unity of the parts is important for understanding the romantic philosophical attitude, where “the principle of the whole has a character of analogy, and thus it is closely and directly related to the direct and absolute knowledge of the part”. (Novalis, 2014: 155).

Hölderlin argues with Fichte’s philosophical concept, which involves separating the conscious Self from the material non-Self and further understanding of unity through the necessary contrast. According to Hölderlin, the divided loses the original unity and will never be able to return to it, so the Absolute cannot be divided, it contradicts the essence of its absolute being. At the same time, he realises that such separation is necessary for self-awareness; it manifests itself only in the opposition of the self to myself. So, according to Hölderlin, it turns out that it is impossible to cognise the Absolute using the philosophical method. It should be remembered that until the end of the 18th century, New Age philosophy used a scientifically rational approach in research and used the categories of identity and difference. Therefore, the question of the possibility of cognising the Absolute in another way becomes relevant. Here Hölderlin uses the concept of intellectual intuition³, which is capable of “grasping” the desired unity of subject and

object. Thus, the irrational principle comes to the fore in cognitive activity, which is further actualised in the philosophy of early German romantics. Through the intellectual intuition, Hölderlin finds it possible to comprehend the unity of the Absolute aesthetically. It is in the experience of the beautiful that the unity of the Absolute is manifested, while practical reason is only able to infinitely approximate the unity of being, but never to achieve it. This turns out to be dictated by the property of practical reason, which consists in the separation of the thinking subject and object.

As for Schelling, his early reflections on the role of art and philosophy are tied to a similar concept, which in the “System of Transcendental Idealism” the philosopher, following the Kantian-Fichte tradition, calls intellectual contemplation (*die intellektuelle Anschauung*): “Philosophy, like art, is based on the ability to produce, and the difference between them lies only in the different directions of the producing power. For while in art it is directed outwards to subject the unconscious to reflexion through its products, in philosophy it is directed inwards to subject the unconscious to reflexion through intellectual contemplation. Therefore, the real feeling through which this kind of philosophy should be understood is an aesthetic feeling and that is why art philosophy is the true organ of philosophy” (Schelling, 1987: 242).

A New Mythology

A considerable amount of theoretical research by romantics is devoted to the issue of myth and to understanding its role in history and culture. An understanding of the historical purpose of the German nation and an awareness of historical continuity – a much-needed idea for the realization of national unity during the Napoleonic Wars – are built on the perception of mythology. An indicative and fundamental work in this direction is Jacob Grimm’s work “German Mythology”, which uses multilingual material from the cultural heritage that has influenced the formation of the historical world view of the German people.

In this context, it is necessary to elaborate on the issue of mythology in Schelling and early German romanticism, which is closely related

² The English text of the quote is translated by Jacqueline Mariña.

³ In the introductory article to Schelling’s collection of works, A. Gulyga also uses the term “intuition”, while in the translation of the “System of Transcendental Idealism” into Russian in the 1987 edition, the German word *die Anschauung* is translated as contemplation.

to reflection on the nature of creativity and the role of art. The idea of ancient artistic creation as the highest expression of unity, to which philosophy should return, makes Hölderlin's position close to Schelling. They both considered ancient art to be an example of the most harmonious synthesis of the absolute and the relative, the general and the particular, the objective and the subjective, nature and spirit, necessity and freedom, eternal and transitory. At the same time, the later art of the Christian era was perceived as emphasizing differences rather than establishing unity (Scarfio, 2017: 107).

The idea of art as an organ of philosophy and the need for the latter, in essence, to become a new mythology and poetry is present in the already mentioned "Oldest Systematic Programme of German Idealism": "The philosopher must possess as much aesthetic power as the poet. People without an aesthetic sense are only philosophers of the letter. The philosophy of the spirit is an aesthetic philosophy. One cannot have spirit in anything, one cannot even reason in an inspired way about history, without aesthetic sense <...> In this manner poetry will gain a higher dignity and it will again become at the end what it was at the beginning – the teacher of humanity. For there is no more philosophy, no more history, poetry alone will outlive all other sciences and arts" (Anon., 1996: 4).

In the above excerpt, not only the theme of art as a kind of model for philosophy is interesting, but also a remark about aesthetic sense (*der ästhetische Sinn*). The authors of the Programme argue that a person may not have an aesthetic sense, which is identical to literally misunderstanding ideas. In other words, it is not so much a question of borrowing the philosophy of art's "methodology" as of a fundamentally different way of relating people to the world.

We find a reflection of this thought in The System of Transcendental Idealism, where Schelling seeks to discover the relationship between art and philosophical science. The thinker separately emphasises that it is philosophy that must follow art, and not vice versa: "For although science, in its higher function, sets itself the same task as art, for science this task remains endless because of the way it is done; this gives reason to assert that art is the proto-

type of science, that it has achieved something that science has yet to achieve" (Schelling, 1987: 480–481).

Finally, in Schelling's "Philosophy of Art", this point is repeatedly commented in connection with the special role of Homer: "The ancients themselves characterise mythology and – since the latter coincides with Homer for them – Homeric poems as the common root of poetry, history and philosophy. For poetry, mythology is the primal matter from which everything came, the Ocean (to use the image of the ancients), from which all streams flow, just as they return to it again" (Schelling, 1966: 115).

In "The System of Transcendental Idealism", Schelling argues that there are no geniuses in science, because mechanical solutions are available for science (Schelling, 1987: 481), but the motive of the "sensible philosopher" given in the "Oldest Systematic Programme" also appears here, when Schelling proclaims, on the one hand, the fundamental possibility of genius solutions to scientific problems (Schelling, 1987: 481), and, on the other, saying that certain results are available only to geniuses (Schelling, 1987: 482).

The problem of the special role of a genius who finds himself at the junction of the finite and the infinite is revealed by Schelling through his analysis of mythology. It is a genius, an artist, who is able to express the infinite Absolute in the finite form of a work of art. At the same time, a true work of art is distinguished from a worthless painting by the beauty that the artist puts into it through the myth. Schelling repeatedly points to the exceptional nature of this artistic ability in "The Philosophy of Art".

In the same respect, a fragment from the philosopher's speech "On the Relationship of the Plastic Arts to Nature" delivered at the Munich Academy of Arts in 1807 is interesting: "Everything is preceded by an eternal concept, delineated in an infinite mind; however, how does this concept translate into reality and into embodiment? It is only through creating knowledge, which is as necessary connected to an infinite mind as in an artist the essence that comprehends the idea of insensible beauty is connected to what sensually embodies it" (Schelling, 1989: 60).

In Novalis' fragments we find similar thoughts about the poet's attempts to unite the absolute and separated, eternal and transient through his prophetic nature. For the poet in the romantic worldview is a mediator between the sensual and supersensible worlds. Therefore, the essence of the poet is similar to the essence of the ancient hero, which is a synthesis of demigod and half-human (Vasineva, 2013). At the same time, in the poet's activity there is an intuitive moment of randomness of what is happening: "The poet uses things and words as keys, and all poetry is based on an active association of ideas – on an independent, deliberate, ideal production of chances (random, that is, free formation of clutches)" (Novalis, 2014: 250). Thus, Novalis introduces a playful moment, pointing out the irrational nature of the creation of a work of art.

The romantic and Schellingian projects of reformation of philosophy did not imply any significant revision of the scientific methodology, but rather a transformation of the very essence of philosophy itself. It is the philosopher who must acquire the very creative spirit that Schelling talked about at the Munich Academy of Arts. And if at first Schelling raises the question of understanding the creative spirit in the context of art (especially ancient art), then the evolution of this thought in particular and of mythology in general leads the thinker to the idea of the religious content of mythology, and his understanding of the functions of philosophy shifts from aesthetic to religious. At this point, the common thesis about the significant internal contradiction of the Schelling's philosophical path does not seem to be indisputable, the thinker remains true to the idea of the special status of mythology, philosophy and the unique role of the philosopher – regardless of the methodology within which this dramaturgy unfolds.

Of considerable interest for understanding this internal continuity of Schelling's ideas is the well-known text of I. V. Kireevsky entitled "Schelling's Speech" – an article compiled, according to the author, from excerpts from journal publications and notes of the philosopher's lectures given in Berlin and Munich.

Kireevskiy begins by pointing to the familiar division of religion "into the revealed

(positive) and natural (derived by the mind from its concepts)" (Kireevskiy, 2001: 218). Schelling, on the other hand, sees the need to introduce a third element into this system: "On the one hand, a religion attributing its origin to revelation is the same as history in relation to the mind; on the other hand, religion is natural as philosophy" (Kireevskiy, 2001: 218). For both the revealed and the "science-born" religion, we do not have a special way of knowing, and such a religion is essentially no different from anything else.

In order to discover a specific religious foundation in a person, it is necessary first to understand how such a foundation, on the one hand, can be independent of any a priori and a posteriori knowledge, and on the other hand, how it can reflect not only an ideal relationship to God, but also a real relationship, then there is not only mental, but also active, essential.

Schelling points out that in addition to the revealed (according to Schelling – supernatural) and rational religion (born by philosophy and speculation), it is necessary to keep in mind the third kind, which turns out to be a truly natural religion, namely mythology. "The answer lies in the fact that man's previous religious existence, his previous beliefs, i.e. mythology, can neither be understood nor explained otherwise than through such a God's essential beginning <...> Not only is religion born in science, but it is also a natural religion, which is mythology" (Kireevskiy, 2001: 218–219).

At this point, it is possible to discern the motives of the "Philosophy of Art", where the idea of returning from the united to the united through mythology was considered in the context of creating a work of art. However, now mythology is presented as a religion, namely as a natural religion, which previously was not included in the system of religious cognition in this sense. Without mythology as a natural religion it is impossible to understand and accept the revelation, without mythology it is detached from the essence of the relationship between God and man. In addition, this position of late Schelling can be associated with the romantic period – if then mythology was the only force capable of communicating to science the true content of the absolute, found in

poetry, now in this formula, poetry as if gives way to revelation. Revelation must rely on the real relationship between God and man, and such a relationship is possible only on the basis of self-originating religion, that is, mythology.

But true knowledge does not end with the religion of revelation, which is based on the mythological “religion of numb”. Revelation is only a liberation from the darkness of mythological belief, a liberation from this daze and a path to the development of positive philosophy – the concept of later Schelling, under the influence of which he probably planned to significantly expand, among other things, the scope of understanding the philosophy of art, but, fortunately, did not do so, which follows Hartmann and points out P. S. Popov in his program introductory article to the 1966 edition of “Philosophy of Art” (Popov, 1966: 8).

Relatively strict philosophical concept of Schelling is interesting thoughts of Hölderlin on the nature of the myth, according to which the sphere of religion, combining the unity of opposites (finite and infinite) can be represented in the form of a myth. It combines what can be distinguished in other dimensions (for example, rational and sensual). He calls the myth “intellectual-historical”.

Myth is the basis of all that exists, combining the principles of unity and historicity of being. The new mythology is called to be a connecting link for philosophy, art and religion. Therefore, the system of ideas in philosophy is directly related to mythological ideas about the gods. According to Hölderlin, the mythology of the reason is designed to unite the divided, to reconcile spirit and nature through its essential principle of syncretism, thus the new mythology can surpass philosophy. This point we find similar to Schelling’s reflections in *Art Philosophy*, where the philosopher writes about the unity of God and ideas: “But the absolute is exactly what the opposite of an idea and a concrete one does not exist at all, in relation to something that is concrete or special in things, in turn there is an essence or a common one (not a negation), so that God cannot have any other existence but the existence of his idea” (Schelling, 1966: 75). It is the mythological gods who combine the unity of the divided: on the one hand, they are different

(express a different set, specific personalities), and on the other hand, they express the idea of an archetype, a single, distinct set in itself.

Hölderlin needs the myth as a living historical basis for the affirmation of the modern German spirit and the demonstration of the historical connection between generations. Nevertheless, with this approach, two levels of understanding of the myth arise: “The myth of the ‘inner path’ and the myth of the three-part historical model. The first myth fulfills its function in synchronization, as it implies the antithesis of Germany (spiritual) – France (material), which is relevant for the time of Hölderlin. The second myth contrasts Germany and Europe in general with ancient Greece as imperfect but potentially infinite modernity to the limited perfection of the past. Having originated in the philosophical discourse of German modernism, these myths influenced other aspects of German life up to political” (Volskiy, 2016). Thus, the myth is positioned not only as a material, but also as a tool for interpreting the meaning of historical processes and forming cultural patterns of modernity.

Myth in Hölderlin’s understanding is closely intertwined with poetic art. Rising up to the majesty of Ancient Greece, the romantic sees the historical source of science and philosophy in poetry. And it is in poetry that they can be combined again in the form of a new mythology. Mythology in its turn was a source of philosophy. The new mythology is capable to give people rational beginning from philosophy, and philosophy itself to give sensual aspect as mythology surpasses possibilities of philosophy itself. The new mythology is able to enrich philosophy and unite people and philosophers. Philosophy begins to be thought of as the philosophy of life⁴ first by romanticists: “Philosophy of life is the science of independent life, which I myself created and submitted to his authority, and belongs to the doctrine of the art of living or a system of instructions for the arrangement of such a life” (Novalis, 2014: 169).

Researcher Gerhard Schulz, summarizing a romantic approach to understanding mythol-

⁴ Schlegel’s course of lectures *The Philosophy of Life* anticipated a whole trend in modern philosophy, if not in content, then certainly in the problematization of the topic.

ogy, writes that “mythology is a means of dealing with everything that is outside of concepts. This is the basis of their relationship to the field of religion and art. The idea of romantic culture in Christian Europe was both religious and aesthetic, and the philosophy of the proper rights of people and nations based on the ideas of the Enlightenment opened up new perspectives” (Schulz, 2008: 31). The merit of romantics can be considered that they made myth the basis of aesthetic creativity. This technique was later spread in the activities of the symbolists and modernists.

It is worth noting that at this stage there was no strict separation between the concepts of myth and symbol, they were thought rather in a consonant manner: one naturally was a continuation of the other, “mythology in general and any mythological legend separately should be understood not schematically and not allegorically, but symbolically” (Schelling, 1966: 110). This principle is most clearly seen in the work of Novalis. Behind each symbol in the romantic literature hides a mythological plot. The blue flower in the book “Heinrich von Ofterdingen” by Novalis is a symbol of yearning for the ideal and the desire for knowledge. Subsequently, the blue flower became the symbol of all German romantic poetry. Novalis himself believed that “interpretations of myths are stylistically the highest. They represent the pure, perfect character of an individual artistic creation. They are not a real artistic creation, but the ideal of such a creation. And such an interpretation is still necessary to create, it does not exist, “there needs a mindset in which the poetic and philosophical spirit would be fully penetrated into each other. Greek mythology is partly such an interpretation of national religion” (Novalis, 2014: 99). Thus, it becomes clear that Novalis thought of his novel as an expanded myth.

As for the theoretical views of Novalis on the nature of myth, we will not find a coherent theoretical concept in him, despite his significant contribution to the development of the theory of myth. We have to build a theory piece by piece, taken from sketches, fragments, literary texts. Nevertheless, such fragmentation is able to give a complete picture of the role of myth in the views of Novalis. In many places

he talks about the spirit and the individual self, for example, calling a person “the perfect trope of the spirit” (Novalis, 2014: 158), or elsewhere he writes that “when the spirit dies, it becomes a person. When a person dies, he becomes a spirit” (Novalis, 2014: 192). These reflections are largely due to his philosophical interests and the intellectual tradition of the time when Fichte’s philosophy was gaining popularity among enlightened youth.

The philosophy of the spirit is closely intertwined in the work of Novalis with the doctrine of magical idealism and notions of the free creative function of the self-stopping self. The personality of Novalis is not initially defined, but becomes in the process of acquiring its own self, in other words, through self-education and self-establishment, where the highest goal of education is “mastering its transcendental self – Self of myself” (Novalis, 2014: 91). Sensuality plays an important role in the concept of romanticist and is not thought of as the biological ability of the senses to respond to external stimuli, but rather as the ability of the individual to resonate with changes in the external world, in other words, it can be called sensual thinking or “power thinking ability” (Novalis, 2014: 252). This magical ability of feeling and transforming the world is subject only to the poet, who can see the glimpses of the Absolute in the frozen material world.

Summarizing the above, seeing the world in the unity of the universe and man is the mythological way of being and knowing. The romantic premise is to return the ability of man to look at the world mythologically. The poetic spirit is capable of this. As we see, Novalis’s special view of the relationship between nature and man as a whole is similar to Hölderlin’s ideas about the initial unity of subject and object. The mystical in Novalis’s views is connected with mythological and symbolic levels, the boundary between which is not clearly defined at this stage. Behind each symbol in the works of Novalis is a myth containing the idea of an infinite.

Conclusion

Despite significant differences in the content of philosophical thought between the early Schelling of the romantic period and the late

theosophical period, the problem of finding the true foundations of philosophical science in art, mythology, and religion, as defined in the “Programme of German Idealism”, accompanies the work of a thinker throughout life. The development of Schelling’s views can be considered progressive or regressive, but it is hardly possible to deny that after the romanticists and in many ways together with the romanticists he stands at the origins of a new rationality and of a way of philosophical reflection, which has been developed both in the main trends of modern foreign philosophy and in the views of Russian thinkers, in particular, society of lyubomudriye.

As a result of the analysis of a number of Schelling’s texts and early German romanticists, it is fair to say that Hölderlin’s idea of the unity of nature and mind, expressed in the concept of the Absolute, was formulated, considerably refined and expanded by Schelling in “The System of Transcendental Idealism”. Related to this is the fact that Schelling in “The System of Transcendental Idealism” emphasizes

in a romantic way that it is philosophy that should follow art, not vice versa. Both Hölderlin and Schelling believed that ancient art was the example of the most harmonious synthesis of absolute and relative, universal and particular, objective and subjective, nature and spirit, necessity and freedom, eternal and transient. In this context, Schelling’s idea about the creation of a work of art as an action of creative knowledge, that is, the realization of genuine artistic ability, turn out to be legitimate.

However, despite the fact that the romantic project and Schelling’s ideas regarding the role of philosophy proceeded from a single setting – the need to transform the essence of philosophy, Schelling goes beyond this original idea to understand the philosopher as a carrier of creative spirit, first in the context of the mythology of art, and then in the context of religious understanding of mythology. At the same time, the functions of philosophy shift from aesthetic to religious ones. At this point Schelling goes beyond romanticists, not denying, but rather developing initially romantic attitudes.

References

- Anon. *The Oldest Systematic Programme of German Idealism*. In: *The Early Political Writings of the German Romanticism*, 1996, 1–6. doi:10.1017/CBO9781139170604.006
- Fischer L. Hölderlin’s Mythopoetics: From ‘Aesthetic Letters’ to the New Mythology. In: *Holderlin’s Philosophy of Nature*, 2020, 143–163.
- Hölderlin F. Suzhdenie i bytie [Being Judgement Possibility]. In: *Giperion [Hyperion]*, 1988, 260–261.
- Kireevskiy I. S. Rech’ Shellinga [Schelling’s Speech]. In: *Shelling: Pro et Kontra [Schelling: Pro et Contra]*, 2001, 217–227.
- Novalis *Fragments [Fragments]*. Saint-Petersburg, Vladimir Dahl’, 2014. 319 p.
- Popov P. S. Sostav i genesis “Filosofii iskusstva” Shellinga [Composition and Genesis of Schelling’s “Philosophy of Art”]. In: *Filosofia iskusstva [Philosophy of Art]*, 1966, 5–18.
- Rezvykh P. V. The Textological Problems in Studies on the Philosophy of F.W.J. Schelling. In: *RUDN Journal of Philosophy*, 2011, 4, 21–29.
- Scarfia L. D. Art and Absolute in Schelling and Novalis [Arte y Absoluto En Schelling y Novalis]. In: *Ideas. Revista de filosofía moderna y contemporánea*, 2017, 5, 98–123.
- Schelling F. W.J. *Filosofia iskusstva [Philosophy of Art]*. Moscow, Mysl’, 1966. 496 p.
- Schelling F. W.J. *Sochineniia v 2 t. [Collection of works]*. Moscow, Mysl’, 1, 1987. 637 p.
- Schelling F. W.J. *Sochineniia v 2 t. [Collection of works]*. Moscow, Mysl’, 2, 1989. 636 p.
- Schulz G. *Romanticism: History and Concept [Romantik: Geschichte und Begriff]*. München, C. H. Beck, 2008. 144 p.
- Vasineva P. A. The Concepts of “Hero” and “Universal Personality” in the Antiquity and in the Early German Romanticism. In: *Society. Environment. Development*, 2013, 4(29), 194–197.
- Volskiy A. L. Friedrich Hölderlin and the Creation of the European Myth. In: *Voprosy Filosofii*, 2016, 6, 77–86.

EDN: VAZPHH
УДК 261.8:930.85

Catholic Erudition of Metropolitan Arseny Matseyevich in the Context of Russian Theology Modernization in the 18th Century

Aleksandr N. Andreev^{*a} and Yulia S. Andreeva^b

^aSouth Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

^bSouth Ural State Medical University
Chelyabinsk, Russian Federation

Received 10.11.2023, received in revised form 21.11.2023, accepted 15.12.2023

Abstract. The purpose of this article is to investigate the Catholic acculturation features of Arseny Matseyevich, a famous Hierarchy of the Russian Orthodox Church in the 18th century. The subjects of the study are Arseny Matseyevich's connections with the Catholic theological culture and his views on the Western Church scholarship. In historiography the Matseyevich's conflict with the Russian government is well studied, however his theological views, historical thinking, and peculiar cultural orientation are still remain poorly researched. The authors conclude that, despite the dogmatic differences between the Orthodox and the Catholic Church, Metropolitan Arseny considered Catholic scholarship (structurally and methodologically) as the highest form of Church knowledge. The Metropolitan's views demonstrate an acute conflict of traditions and innovations, which is generally characteristic of Russia in the 18th century. The Metropolitan's Catholic scholarship indirectly points to the early formation of conservative ideas in Catholic theology – long before the “official” nascence of conservatism in the Western Europe social and political thought. The cultural approach is utilized in our work, making it possible to consider the Arseny's reception of the fruits of Western erudition as a litmus paper that reveals not only the nature and intermediate results of Russian modernization, but also indicates the degree of “modernity” of Western European societies.

Keywords: Catholic erudition, Orthodox-Catholic theological relations, the Russian Orthodox Church in the 18-th century, Metropolitan Arseny Matseyevich.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Andreev A. N., Andreeva Yu. S. Catholic erudition of Metropolitan Arseny Matseyevich in the context of Russian theology modernization in the 18th century. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 642–651. EDN: VAZPHH

Католическая ученость митрополита Арсения Мацеевича в контексте модернизации русского богословия XVIII века

А.Н. Андреев^а, Ю.С. Андреева^б

^аЮжно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Российская Федерация, Челябинск

^бЮжно-Уральский государственный медицинский университет
Российская Федерация, Челябинск

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании особенностей католической аккультурации Арсения Мацеевича, известного иерарха Русской православной церкви XVIII столетия. Предметом изучения выступают связи Мацеевича с католической богословской культурой, а также взгляды митрополита на западную церковную ученость. В историографии конфликт Мацеевича с российским правительством и его церковная деятельность хорошо изучены, однако богословские взгляды митрополита, историческое мышление и культурная ориентация остаются мало исследованными. Сделан вывод о том, что несмотря на догматические разногласия православных с Римско-католической церковью, католическая ученость (структурно и методологически) мыслилась митрополитом Арсением в качестве высшей формы церковного знания. Воззрения иерарха демонстрируют острый конфликт традиций и новаций, характерный для России XVIII века. Латинская ученость митрополита опосредованно указывает на раннее формирование идей консерватизма в католическом богословии – задолго до «официального» рождения консерватизма в общественной и политической мысли Западной Европы. В работе задействован культурологический подход, который дает возможность рассматривать рецепцию Арсением Мацеевичем плодов западной учености как лакмус, выявляющий не только характер и промежуточные итоги российской модернизации, но и индицирующий степень «современности» западноевропейских обществ.

Ключевые слова: католическая ученость, православно-католические богословские отношения, Русская православная церковь в XVIII веке, митрополит Арсений Мацеевич.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католическая ученость митрополита Арсения Мацеевича в контексте модернизации русского богословия XVIII века. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 642–651. EDN: VAZPHH

1. Introduction

Arseny (Alexander Ivanovich Matseyevich), Metropolitan of Rostov, is a well-known opponent of Russian Church estates' secularization carried out by Empress Catherine II. As an advocate for the property rights of the Russian Orthodox Church, he became one of the key figures in the Russian history of the 18-th century. Standing

up for the Church property, Arseny entered into an unequal but uncompromising struggle against the Empress and in 1772 he died of exhaustion in a prison black cell. In 2000, for his devotion, the Council of bishops of the Russian Orthodox Church canonized him as a martyr.

The conflict of Arseny Matseyevich with the Russian government is well studied (Mi-

trov, 2016: 8–20; Vdovina, 2019: 535–540; Marasanova, 2020: 52–63). However, the Metropolitan is interesting not only for his Church activities, but also for his theological views, historical thinking, and peculiar cultural orientation, which still remain poorly researched. Mentally, His Eminence was in the middle of the cross between the Christian East and the West, and his ideology reflected the contemporary for him needs of the Orthodox, the Catholics, and the Protestants not only in Russia, but also in Western Europe. It seems that from this point of view Arseny Matseyevich is able to arouse the interest of not only Russian, but also Western scientists who can see unexpected physiognomic features of the European world of the early Modern period in the distorting mirror of Russian history of the 18-th century. The fact is that the most important criterion of the modernization of the Russian Church life in the 18-th century was its conformity to the level of Western theological culture. The study of Arseny Matseyevich views on Western ecclesiastical scholarship undertaken in this article can simultaneously serve both to identify the modernization potential of the Russian Orthodox Church after Peter the Great, and to determine the relevance of Western theology itself to the needs of the early industrial society.

2. Theoretical framework

An effective tool for solving the problems of historical interaction between Russia and the West, including their religious and theological ties, is the cultural approach applied in understanding the concept of “modernization” by the French scientist François Bourricaud. According to his concept, modernity should be studied precisely through the relationship of the “non-Western world to the Western”. This relationship is the central problem of modernization theory – a problem, which exists regardless whether specific modernization efforts are being made by certain societies (Bourricaud, 1987: 12–16). In our case, Arseny’s reception of the fruits of Western scholarship, his theological reaction to the disputes between the Catholics and the Protestants, takes on the character of a litmus paper that reveals not only the nature and in-

termediate results of Russian modernization, but also indicates the degree of “modernity” of Western European societies.

3. Statement of the problem

The specific problem of this study is related to investigation of the features of Arseny Matseyevich’s Catholic acculturation, which he demonstrated in his theological and political writings. This acculturation is considered as a phenomenon characteristic of conservative circles of the Russian Orthodox Church. The problem solution implies an assessment of the Catholic influence on the Arseny Matseyevich’s theological and historical views, and also the formulation of conclusions about his attitude to Western Christian faiths and theological doctrines.

4. Methods

In accordance with the stated cultural-studies paradigm, the research of polemical essays and correspondence of Arseny Matseyevich was carried out by the individualizing method of interpreting historical sources. The method means getting into the individual characteristics of the author’s creativity; it involves immersion in the writings or documents and implies the correlation between the text and the psychology of its author. The paper uses the method of church-historical hermeneutics (the theological method) as interpreted by K.O. Pol’skov (Pol’skov, 2010: 93–99). The method is reduced to the correlation of a cultural and historical phenomenon (the creative inheritance of Metropolitan Arseny) with the norm of religious consciousness formalized within the framework of Orthodoxy, in order to identify its spiritual and soteriological meaning.

5. Discussion

5.1. Views of Arseny Matseyevich on the Western scholarship

Russian theological science of the 18-th century exploited the ideas of Western European authors, reaping the benefits of both Catholic (mainly controversial) and Protestant (pietistic) theological cultures. Arseny Matseyevich gave a clear preference to the Cath-

olic (“romanistic”, in the words of Archpriest Georgy Florovsky (Florovsky, 2006: 106)) type of Church knowledge. In 1723, the future Metropolitan graduated from the Kiev theological Academy (Mogilianskaia Academy), whose educational programs since the time of Peter Mogila were close to those of the Polish Catholic colleges. The strong traditions of Roman theology in Kiev contributed to the loyal and sometimes enthusiastic attitude of the Academy’s graduates to Catholic scholarship (Andreev, 2011: 536–539). Thus, Arseny Matseyevich had always preserved piety for the Catholic education system. The hierarch demonstrated it, for example, in his essay “Opposition to the Lutheran lampoon, which was called The Hammer that hits the Cornerstone of Faith, for this hammer turned out to be only wax, and like wax from a fire, it melted away from the true word of God”. This work was written by Metropolitan Arseny in the early 1740s in response to the criticism of the “Cornerstone of Faith” by Stephan Yavorsky, undertaken by a Protestant or Protestant sympathizer in the anonymous book “Discourse on the Stone of faith”. Among other things, the opponent of Stephan Yavorsky sought to discredit the Jesuit education that many students of the Kiev Academy usually received in Poland (Stephan Yavorsky is known to be trained by Polish Jesuits). Defending Stephan Yavorsky, Arseny Matseyevich makes it clear that Catholic Church education is primary not only in relation to modern Orthodox education, but also to Protestant education: “You should first look around your home, namely school where you yourself studied, and especially where Your Patriarch Martin Luther studied, and then to scold the teachings of others”¹.

It is important how Arseny Matseyevich generally interprets education: in his opinion, true theological education is closely connected

with knowledge of foreign literary tradition. Not by chance in his essay “Opposition to the Lutheran lampoon” Metropolitan Arseny often cited Latin proverbs, and wrote about Gregory Talitsky, the famous Moscow schismatic and heretic, that he was “... a simple mad peasant (“muzhik”), the same as all other dissenters, who knew nothing more except for the Russian literacy and their own mad inventions” (Chistovich, 1868: 393). However, the hierarch sympathized with not every foreign education, as can be seen from a number of episodes in his biography. In 1759 a new rector arrived at the Yaroslavl Seminary, which was under the jurisdiction of Arseny Matseyevich. This person was Father Vladimir the Calligrapher (Vasily Kryzhanovsky) from Moscow, one of the most educated people of that time. Actually the Most Holy Governing Synod sent the Calligrapher to the diocese of Metropolitan Arseny for “his correction”, because Father Vladimir compromised himself in Moscow with almost Protestants arguments about icons and the Holy Mother. The Rostov Metropolitan was outraged at this candidate for the post of Seminary rector, not wanting to tolerate preachers like the Calligrapher in his diocese (Grigor’ev, 2008: 107). He found traces of Calvinism and “Jewish” in the views of father Vladimir, but the hierarch was especially angry that the Calligrapher “... showed stubbornness and refused to admit his sin at all” (Popov, 1905: 56). With his Episcopal authority, Metropolitan Arseny tried to remove Vladimir the Calligrapher from administration of the Spasoyaroslavsky monastery (that be Monastery of The Transfiguration Of The Saviour in Yaroslavl), where Father Vladimir was soon transferred by the Archimandrite. But The Most Holy Synod treated the Calligrapher’s “heresy” quite calmly. Members of the Synod demanded that Arseny Matseyevich should provide stronger evidence of the non-Orthodox ideas of Archimandrite Vladimir, rather than his reasoning that God does not please “superstitiously” performed rites. Clearly Arseny Matseyevich, irritated by the Calvinist book culture of his opponent, would have continued to pursue him further if the case of Vladimir the Calligrapher had not stopped due to his sudden death in August 1760.

¹ Russian National Library. Fund 775 (Collection of A. A. Titov). File 31 (Matseyevich Arseny. Vozrazheniia na paskvil’ liuterański, narechennyi Molotok na knigu Kamen’ very, kotoryi molotok pokazalsia byst’ voskovoi, iako vosk ot litsa ognia, sirech’ ot Slova Bozhiiia i samyia istiny, ischeznuvshii – Opposition to the Lutheran lampoon, which was called The Hammer that hits the Cornerstone of Faith, for this hammer turned out to be only wax, and like wax from a fire, it melted away from the true word of God. 1740-ies). Sheet 4.

Arseny Matseyevich reacted in another way to the appearance of Alexey Ladyzhensky, a man of high Catholic scholarship, in own diocese. Ladyzhensky was a Russian nobleman who, under Peter the Great, left Russia for an educational purpose, but instead of studying navigation and engineering, had been studying for 13 years in Rome at the Jesuit College, and then became a monk of the “Societatis Jesu”. Ladyzhensky served as a priest in Vilnius, but in 1735, during another Russian-Polish war, was arrested by Russian soldiers, taken to Russia and convicted of apostasy. He showed a great courage and perseverance in the Catholic faith, not wanting to return to Orthodoxy, and for it he was severely punished with whips, deprived of the nobility and exiled as a soldier to Siberia. In Tobolsk, the old Siberian capital, in the spring of 1741, Alexey Ladyzhensky met with Arseny Matseyevich, who had just taken the Tobolsk Metropolitan see. There were immediate confidential communications between the Orthodox Metropolitan and the Jesuit prisoner, and this relationship, which lasted for more than a year, was full of mutual respect. As a result of these communications, thanks to the scholarship and tenacity of Arseny, Ladyzhensky made a difficult decision to return to the Orthodox faith (Andreev, 2008: 148–149). Without doubt Metropolitan Arseny was positively impressed by the higher theological (even Jesuit) education that an ordinary garrison soldier had. In March 1742 the His Eminence Arseny wrote to the Most Holy Synod about his constant readiness to instruct Ladyzhensky in the faith and to keep him in his own home, noting: “... Because I have a need for him, Ladyzhensky, and besides, he is a very talented person”². Thus, the hierarch showed more love and attention to the adamant Jesuit Ladyzhensky than to the Orthodox Archimandrite Vladimir the Calligrapher.

Despite the dogmatic differences between the Orthodox and the Catholic Church, Metropolitan Arseny considered Catholic scholarship (structurally and methodologically) as the highest form of Church knowledge. This

knowledge meant familiarization not only with Catholic writers, but also with their ideological opponents, Protestant authors, whose reading, in turn, could damage the faith of all theologically inexperienced. We think, exactly for this reason Latin scholarship, according to Arseny Matseyevich, should remain the destiny of the chosen ones – those who are destined to be elevated to the highest degree of the priesthood (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchemu Sinodu, 1862: 33). The Metropolitan demonstrates an oligarchic attitude to Church scholarship, believing that only bishops, and not ordinary monks and priests, should be allowed to teach and preach. Ordinary clergy should not even be pushed to get higher (college and university) education. Otherwise, in the Hierarch’s opinion, various heresies will inevitably take root in Russia. As an example, His Eminence by the way cited the “Lutheran and Calvinist chaffs” of Vladimir the Calligrapher, who was a brilliant polymath, but was not able, according to Arseny, to properly manage his knowledge (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchemu Sinodu, 1862: 33). Being an excellent Latin scholar himself, Metropolitan believed that there was no need to spread knowledge of the Latin language, and therefore advocated the replacing of diocesan Latin schools to only Russian-speaking ones. He wrote: “Dioceses need schools for priest children, who are intended for ordination, so that they can read correctly and understand what they are reading. And such schools under bishops should be exclusively Russian-speaking, and not otherwise. Because in our churches during the divine worship any priest reads and sings not in Latin or in other languages, but only in Russian” (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchemu Sinodu, 1862: 32).

According to the logic of Arseny Matseyevich, only reputable educational institutions (“illustrious schools”) had a reason for its existence, and mainly he meant by that Western theological colleges and academies. He did not encourage the creation of new academies: “Really, we need schools and academies, but in the proper order, as it used to be in Greece since ancient times, and now there are in the West,

² Russian State Historical Archive. Fund 796 (Chancery of the Most Holy Governing Synod). Inventory 23 (1742 year). File 140. Sheets 1–2.

namely in famous places (...) Academies of theology and philosophy, as well as schools of other sciences, should not be in small towns, in the filth and swamps, but only in the remarkable cities” (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchemu Sinodu, 1862: 32). The oligarchic approach to education corresponds to Metropolitan’s opinion on the Russian Bible, expressed during Synodal discussions during the preparation of the Bible text in 1751: “If we think carefully, we don’t really need the Church Slavonic Bible. Any scholar, if he knows Greek, will read the Greek Bible; and if he knows Latin, he will read the Latin Bible, with which he will correct any Russian text for himself and for the instruction of the religious people. For the common people, the snippets of the Bible that are available in other Church books are enough” (Tsurkan, 2001: 219; Chistovich, 1868: 403).

5.2. Western influence on the theological and historical views of Arseny Matseyevich

At the same time, Arseny Matseyevich never did stop being an Orthodox thinker. His respect for Western scholarship was determined not by its value in itself, but by the benefits it could bring to the Orthodox (for this reason the Metropolitan was defending the temporary conversion of the Orthodox to Uniatism, made for the sake of science and education) (Chistovich, 1868: 388). Arseny Matseyevich’s favorite authors, to whom he usually appealed when presenting his ideas, – were such pillars of the Eastern Church as St. John Chrysostom, St. Gregory the Theologian (Nazianzus), and St. John Damascene. However, he was well aware of the works of Catholic and Protestant authors, and skillfully used them to defend the Orthodox faith. In his criticism of Protestantism, with which he associated not only Western Europeans but also Russian sectarians, Metropolitan Arseny followed St. Cardinal Robert Bellarminus. The Russian Hierarchy quoted extensively from the cardinal’s writings against the Lutherans, naming the source and making it clear that the Jesuit’s works were worthy of respect. Thus, Arseny used Bellarminus’ theses in defense of fasting and the veneration of sacred images, as well as in support of the

doctrine of the Church’s prayer for sinners³. He kept went on supporting Bellarminus’ attacks on Erasmus of Rotterdam and other writers who had gained authority among the Protestants.

Historical views of Arseny Matseyevich were largely due to the writings of Caesar Baronius and Ambrosius Marlianus. Condemning the secularization of Church estates (Dissolution of the Monasteries), Metropolitan Arseny, with references to Baronius, drew a parallel between the depredation of the Russian Orthodox Church and the Roman Church’s depression in the Carolingian Empire of the late 9–10 centuries, when the popes were dependent on the aristocratic clans of Italy and France: “As Baronius wrote, after that evil time, namely, after the ruination of France by the noble families, the bishops gathered at the Council of Meld and eagerly asked each other and wanted to know for what sins they had angered God, that he had punished France, and especially the Parisian Land? And they found that the first sin was that the patricians had plundered Lord God’s estates and had given out those lands to their servants” (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchemu Sinodu, 1862: 36; Barsov, 1876: 754).

Metropolitan Arseny was close to Marlianus arguments in “Teatrum politicum” about the prosperity of France under Pepin the Short, about the rise of Germany under Charles the Great, and, conversely, about the spiritual degradation of England as a result of King Henry VIII’s Supremacy, when “England ceased to be an angelic country, but became a diabolical one” (in the original by Marliano: “Unde non amplius Anglia, seu Angelica terra, sed diabolica, ab omnibus ore pleno decantatur” (Marlianus, 1692: 390; compare: 438)). Henry VIII carried out a large-scale secularization of monastic lands, as a result of which market solutions penetrated into English Church life. However, on this occasion, Metropolitan Arseny warned: “We do not have England here and we cannot live and fight our way through with money alone. And all the more so monasteries and Archbishops Houses will not be able to exist in this way, because the peasant will

³ Russian National Library. Fund 775 (Collection of A. A. Titov). File 31. Sheets 141–142.

be more willing to work for them than to pay money” (Barsov, 1876: 745; Kartashov, 2006: 654). Nevertheless, Arseny Matseyevich found it appropriate to refer to Protestant historians, if they corresponded to his mindset. For example, His Eminence referred to the “Origines Ecclesiasticae, or Antiquities of the Christian Church” by the Anglican Professor Joseph Bingham (more precisely, to the Latin reissue of his book), arguing that “...from the most Apostolic times, only ascetics were elected to the episcopate” (Chistovich, 1868: 398).

In the field of political beliefs Arseny Matseyevich fully shared the idea of high authority and the predominance of Church power; he was enthusiastic about the model of its organization in Catholic countries. At the same time, like Stephan Yavorsky, the Rostov Metropolitan still defended the Russian Orthodox Patriarchate; he was inclined towards the idea of the canonical dependency of the Russian Church on the Eastern patriarchs and did not act as an apologist for the Roman Curia (Popov, 1905: 46; Chistovich, 1868: 392–395). Protesting against the “papal lust for power”, he wrote that “the Russian Church rejects the Pope for no other reason, but more because, in contrast to Jesus Christ, he made himself the head of the whole Church, namely, the Ultimate Judge” (Delo ob Arsenii Matseeviche, byvshem mitropolitom Rostovskom, 1862: 151). So the Metropolitan turned down the opinion about the Pope is a “spiritual monarch”, shared by Catholics – for example, the same Marlianus (Marlianus, 1692: 440). However, following Marlianus, the Metropolitan agreed with the doctrine of ecclesiastical independence in the face of secular authorities. Advocating the book “Cornerstone of Faith” by Stephan Yavorsky, Metropolitan Arseny denounced the fact that Protestants do not have the head of their Church. In “Opposition to the Lutheran lampoon” he wrote to the Protestants: “You even don’t have priests (you have bespopovshchina), but we, Orthodox, ordain pops”⁴. Moreover, from the context of this passage it is clear that the definition of “pop” (priest) in meaning was close to the concept of “Pope” (in accordance with the Greek Πάπας).

⁴ Russian National Library. Fund 775 (Collection of A.A. Titov). File 31. Sheet 28.

Arseny Matseyevich argued for the need for Patriarchy in the Russian Orthodox Church, which before Peter the First was headed by an authoritative leader like Pontific, in contrast to Protestant communities that did not even have ordained priests. His logic is as follows: the Orthodox believers have “pops” (priests), and above this clergy there is a hierarchy with apostolic succession. Metropolitan Arseny reasoned about the same thing in the “Supplemented denunciation of wrong and false responses of the schismatics...” (1744). In this tractate the Hierarchy emphasized that the Russian sectarians and some Old Believers (so called Bespopovtsy) “...have the most extreme and useless custom to do without priests (Bespopovshchina), like the present Lutherans, Calvinists, as well as the ancient headless dissenters – Severus of Antioch’s followers” (Dopolnennoe oblichenie nepravykh i lzheslovesnykh otvetov raskol’nicheskikh, 1868: CDXXI).

5.3. *Different attitudes to Western Christian doctrines*

Formally, at the theoretical level of consciousness, Metropolitan Arseny considered both Catholicism and Protestantism heretical, although not to the same extent. In the work “Exhortation of the schismatic” (1734), while still only a priestmonk of the Solovetsky monastery, Arseny Matseyevich taught that where heresy arises, the Christian Church is not immediately damaged by it, but only when that heresy takes deep root (“...when the heresy will be established forever in childbirth, like in Rome” (Matseyevich, 1861: 413)). He put all the non-Orthodox believers in one row – all “opponents, heretics, evil-believers, Papists, Lutherans, and others”. In a later essay he wrote: “both the papacy and Lutheranism can be called one Struggling with Christ Assemblage”⁵. However, in the sphere of practical theology, the Russian Hierarchy still considered Catholicism much less “heretical” than the Protestant denominations. And in the essay “Opposition to the Lutheran lampoon” he was even ready to defend the Pope from the attacks of Protestants who identified the Pope with the “spiritual an-

⁵ Russian National Library. Fund 775 (Collection of A.A. Titov). File 31. Sheet 5.

tichrist”, believing that this identification has no grounds: “In the sophistical reasoning about the spiritual antichrist you, Lutherans, are in agreement in everything with the Old Believers schismatics, and like the Old Believers you have the same interpretation about the antichrist; you are different only in that the Old Believers profess the antichrist who reigns in Moscow, but you, Lutherans, believe that the Pope is the antichrist in Rome” (Chistovich, 1868: 390–391).

Metropolitan Arseny very emotionally criticized the rapprochement of Russian clergy with Protestantism. During the second judicial investigation, already defrocked Matseyevich persisted in the opinion that the Most Holy Governing Synod irresponsibly condones Protestantism: “The Bible was printed faulty, it agrees with the Jews in some places, and the book of Confession is unequivocally copied from the Calvinists” (Delo ob Arsenii Matseeviche, byvshem mitropolite Rostovskom, 1862: 170). His Eminence often allowed himself to offend Protestants: Martin Luther and Jean Calvin are “idlers” to him (Matseyevich, 1861: 333); Catharina von Bora by him pejoratively was named “Katerinka” (Chistovich, 1868: 388); he calls the Vice-Chancellor Heinrich Johann Ostermann, the Russian Lutherans patron, a rascal⁶. In the Metropolitan’s writings we do not find such insults to the figures of the Catholic West.

Metropolitan Arseny’s preference for Catholic scholarship was reinforced by his conviction that the Reformation, which brought a secular spirit to European life, contributed to the secularization of monastic possessions and dissolutions of monasteries. For this reason Arseny Matseyevich represented Protestantism as a great evil. He came to a syllogism, the essence of which is to identify Protestantism and godlessness through their common feature – both justify the Church property’s deprivation. This is evident from the Matseyevich addition to the anathema of heretics, which was commonly spoken on the first Sunday of Great Lent, – the Metropolitan anathematized all those “who

despise the Church’s splendor and prosperity and attempt to ruin or appropriate its richness” (Vypiska iz posledovavshikh v nyneshnem godu sluchivshikhsia novostei, 1862: 17). That is, he cursed everyone who takes away the Church’s estates. He understood the Church estates’ secularization as a violation of Orthodoxy (“...it’s conversion of true faith to non-Orthodox faith”), as a betrayal of Russian national interests, and as an attack on the Russian bishops, launched by the Empress (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchhemu Sinodu, 1862: 26–28). As a result, Metropolitan Arseny predicted “the advent of a schismatic, or Lutheran, or Calvinist, or even atheist state in Russia” (Donoshenie Sviateishemu Pravitel’stvuiushchhemu Sinodu, 1862: 37–38).

6. Conclusion

Because of his ideas about Church science and theological scholarship, Metropolitan Arseny Matseyevich was neither an agent of the “Old Russian Patriotic party”, as some historians called him (Barsov, 1876: 726), nor a reformer of the Russian Church life. He was a Hierarchy of a new type for Russia – a Church figure with a rationalistic Western thinking, with a pronounced reverence for Catholic education. However, Metropolitan Arseny did not consider it necessary to modernize the Russian Orthodox Church according to Western (even Catholic) models. The Metropolitan’s views demonstrate an acute conflict of traditions and innovations, which is generally characteristic of Russia in the 18th century. Benefiting from the Catholic theological school, which rejected secularism as the principle of an industrial society, Arseny Matseyevich adapted its ideas to the tasks of reviving the Patriarchate in Russia and maintenance of the Russian Church economic power. The West theological influence on Arseny Matseyevich was one of the origins of his religious conservatism. This conservatism should be understood not as a commitment to the Ancient Moscow way of life and its ecclesiastical concepts, but as a socio-political doctrine of a bourgeois society. Recently, historians have suggested that the religious conservatism of Arseny Matseyevich became

⁶ Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 18 (Department of Spiritual Affairs, 1741–1763 years). F. 18. Inventory 1. File 92. Sheet 6.

the basis for the emergence of Russian conservatism as a political doctrine (Polovinkina, 2019: 201–202). Thus, the Latin scholarship of Metropolitan Arseny makes clear the question of Russian conservatism genesis. On

the other hand, this same scholarship points to the early formation of conservative ideas in Catholic theology – long before the “official” nascence of conservatism in the Western Europe social and political thought.

References

- Andreev A. N. Russkii iezuit A. Iu. Ladyzhenskii: neissledovannaia stranitsa v istorii russkogo katolitizma XVIII stoletiiia [Russian Jesuit A. Ju. Ladyzhensky: the unexplored episode in the history of Russian Catholicism in the 18-th century]. In: *Otechestvennaia istoriia [National History]*, 2008, 3, 143–154.
- Andreev A. N. *Zapadnokhristianskie veroispovedaniia i obshchhestvo v Rossii XVIII veka: Dissertatsiia doktora istoricheskikh nauk [Western Christian faiths and society in Russia of the 18-th century: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]*. Chelyabinsk, South Ural State University, 2011. 712 p.
- Barsov N. I. Arsenii Matseevich, mitropolit Rostovskii [Arseny Matseyevich, Metropolitan of Rostov]. In: *Russkaia starina [Russian Olden Time]*, 1876, 4, 721–756.
- Bourricaud F. Modernity, “Universal Reference” and the Process of Modernization. In: *Patterns of Modernity*, London, Pinter, 1987, 1, 6–38.
- Chistovich I. A. *Feofan Prokopovich i ego vremia [Feofan Prokopovich and His Time]*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1868. 752 p.
- Delo ob Arsenii Matseeviche, byvshem mitropolite Rostovskom [Judicial Case of Arseny Matseyevich, Former Metropolitan of Rostov]. In: *Cheniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University]*, 1862, 3, 134–194.
- Donoshenie Sviateishemu Pravitel'stvuiushchemu Sinodu Rostovskogo mitropolita Arseniia [Report to the Most Holy Governing Synod of Rostov Metropolitan Arseny]. In: *Cheniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University]*, 1862, 2, 25–39.
- Dopolnennoe oblichenie nepravykh i lzheslovesnykh otvetov raskol'nicheskikh [Supplemented Denunciation of Wrong and False Responses of the Schismatics]. In: *Opisanie dokumentov i del, khраниashchikhsia v arkhive Sviateishego Pravitel'stvuiushchego Sinoda [Description of Documents and Files, Which Kept in the Archives of the Most Holy Governing Synod]*, 1868, 1, CDXVIII–CDXXXVI.
- Florovsky G. V. *Puti russkogo bogosloviia [Ways of Russian Theology]*. Minsk, Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2006. 607 p.
- Grigor'ev A. B. Sviashchennomuchenik Arsenii Matseevich v grazhdanskom, ugovnom i tserkovnom sudebnom protsesse [Hieromartyr Arseny Matseyevich in the Civil Litigation, Criminal Trial and Ecclesiastical Judicial Process]. In: *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox Saint Tikhon's University for the Humanities]*, 2008, 18, 98–107.
- Kartashov A. V. *Istoriia Russkoi Tserkvi [History of the Russian Church]*. Moscow, Eksmo, 2006. 816 p.
- Marasanova V. M. Vzaimodeistvie svetskikh i dukhovnykh vlastei v Iaroslavskoi gubernii v poslednei chetverti XVIII stoletiiia: konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo [Interaction of Secular and Spiritual Authorities in the Yaroslavl Province in the Last Quarter of the 18-th Century]. In: *Vestnik Iaroslavskoi dukhovnoi seminarii [Bulletin of the Yaroslavl Theological Seminary]*, 2020, 2, 52–63.
- Marlianus A. *Political Theater [Theatrum politicum]*. Coloniae, Prostad apud Martinum Endterum, 1692. 547 p.
- Matseyevich A. Uveshchanie byvshemu Moshenskogo monastyria igumenu Ioasafu, za raskol v solovetskom zakliuchenii derzhashchemusia [Exhortation of the Former Moshensky Monastery Abbot Joasaph, who was put in Solovetsky Prison for His Schism]. In: *Pravoslavnyi sobesednik [Orthodox Interlocutor]*, 1861, 3, 182–205, 295–334, 413–450.

Mitrov O., archpriest. Sviashchennomuchenik Arsenii (Matseevich), mitropolit Rostovskii: korpus pis'mennykh istochnikov [Hieromartyr Arseny Matseyevich, Metropolitan of Rostov: A Corpus of Written Sources]. In: *Vestnik arhivista [Bulletin of the Archivist]*, 2016, 1, 8–29.

Polovinkina M. L. Vozzreniia Arseniia Matseevicha kak istoki zarozhdeniia russkogo konservatizma [Views of Arseny Matseyevich as the Origins of Russian Conservatism]. In: *Sviatitel' Tikhon Zadonskik na perekriostke traditsii (Afon – Valaam – Zadonsk – Optina Pustyn' – Solovki): materialy XIV Mezhdunarodnogo foruma [Saint Tikhon of Zadonsk at the Crossroads of Traditions (Athos – Valaam – Zadonsk – Optina Pustyn – Solovki)]*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University, 2019, 201–202.

Pol'skov K. O. K voprosu o nauchnom bogoslovskom metode [On the Question of the Scientific Theological Method]. In: *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 2010, 7, 93–101.

Popov M. S., priest. *Arsenii Matseevich, mitropolit Rostovskii i Iaroslavskii [Arseny Matseyevich, Metropolitan of Rostov and Yaroslavl]*. St Petersburg, I. L. Tuzov Publishing, 1905. 300 p.

Tsurkan R. K. *Slavianskii perevod Biblii: proiskhozhdenie, istoriia teksta i vazhneishie izdaniia [Slavic Translation of the Bible: The Origin, History of the Text and the Most Important Publications]*. St Petersburg, Kolo, Letny Sad, 2001. 320 p.

Vdovina L. N. Reaktsiia russkogo pravoslavnogo dukhovenstva na konfessional'nuiu politiku vlasti vo vtoroi polovine XVIII veka [The Russian Orthodox Clergy Response to the Religious Policy of the Authorities in the Second Half of the 18-th Century]. In: *Rus', Rossiia. Srednevekov'e i Novoe vremia [Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times]*, 2019, 6, 535–540.

Vypiska iz posledovavshikh v nyneshnem godu sluchivshikhsia novostei (1762 god) [Extract from the Events that took place in the current (1762) year]. In: *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University]*, 1862, 2, 15–20.

EDN: BSTWWL
УДК 81–114

Linguoaxiological Model of an Ideal Teacher as Perceived by Teachers and Students of a Pedagogical College

Svetlana P. Vasilieva* and Alexandr D. Vasiliev

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.04.2023, received in revised form 12.02.2024, accepted 05.03.2024

Abstract. The article is devoted to the description of the results of a sociolinguistic experiment conducted among a pedagogical college teachers and graduates. In the context of education reform in Russia, it is important to analyze the current situation and the degree of involvement of teaching profession representatives in the renewal processes. In these conditions, the transfer of professional values to a new generation of teachers becomes relevant. The study purpose is to build a model of an ideal teacher in the representation of teachers and students of the pedagogical college of Kansk, Krasnoyarsk Territory. This goal can be realized as a result of a sociolinguistic experiment in the form of a questionnaire. The questionnaire assumes to name 10 qualities of an ideal teacher and arrange them in a hierarchical order according to the importance degree. The basis for the choice of language units for the construction of the model was the property of the word to translate the linguistic mentality that determines the linguo-axiological aspect. As a result of comparing the values-qualities of an ideal teacher in the representation, on the one hand, of teachers, on the other hand, of students, the degree of internalization, assignment of professional experience by students is determined.

As a result of the experiment, it was found that the basis of the ideal teacher model are semantic fields: *Professional qualities*, *Personal qualities* and their semantic content. When describing the model of the ideal teacher in the representation of teachers and students of the pedagogical college, there were revealed coincidences of values-qualities of teachers and graduates, amounting to 89 %, which corresponds to a high degree of internalization of professional values by students within the pedagogical discourse of the pedagogical college.

Keywords: teacher, professional qualities, model, value, semantic field, semantic gestalt.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the Government of the Krasnoyarsk Territory, the Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-technical activities within the framework of the scientific project No. 20–412–242001\20 “Studying the value picture of the world of the professional group “Teacher” of the Krasnoyarsk Territory”

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: vasilieva@kspu.ru

ORCID: 0000-0003-1091-4829 (Vasilieva); SPIN 6688-8259 (Vasilieva)

Research area: methodology and technology of vocational education.

Citation: Vasilieva S. P., Vasiliev A. D. Linguoaxiological Model of an Ideal Teacher as Perceived by Teachers and Students of a Pedagogical College. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 652–665. EDN: BSTWWL

Лингвоаксиологическая модель идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа

С.П. Васильева, А.Д. Васильев

Красноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена описанию результатов социолингвистического эксперимента среди педагогов и выпускников педагогического колледжа. В условиях реформирования образования в России важно проанализировать сложившуюся ситуацию и степень включенности представителей педагогической профессии в процессы обновления. В этих условиях актуальной становится передача профессиональных ценностей новому поколению педагогов. Целью данного исследования является построение модели идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа г. Канска Красноярского края. Данная цель может быть реализована в результате социолингвистического эксперимента в форме анкетирования. Анкета предполагает назвать 10 качеств идеального учителя и расположить их в иерархическом порядке по степени значимости. Основанием выбора языковых единиц для построения модели послужило свойство слова транслировать языковую ментальность, обуславливающую лингвоаксиологический аспект. В результате сопоставления ценностей-качеств идеального учителя в представлении, с одной стороны, преподавателей, с другой стороны – студентов, определяется степень интериоризации, присвоения обучающимися профессионального опыта.

В результате проведенного эксперимента установлено, что основой модели идеального учителя являются семантические поля: *Профессиональные качества*, *Личностные качества* и их семантическое наполнение. При описании модели идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа выявлены совпадения ценностей-качеств педагогов и выпускников, составляющие 89 %, что соответствует высокой степени интериоризации профессиональных ценностей обучаемыми в рамках педагогического дискурса педагогического колледжа.

Ключевые слова: учитель, профессиональные качества, модель, ценность, семантическое поле, семантический гештальт.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках

научного проекта № 20–412–242001\20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края».

Научная специальность: 5.8.7 – методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Васильева С. П., Васильев А. Д. Лингвоаксиологическая модель идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 652–665. EDN: BSTWWL

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена внедрением инноваций в образование, изменением стиля жизни в связи с применением гаджетов и цифровых технологий, обусловивших поиск новых методов подготовки педагогов.

Проблемы подготовки педагога и обновления системы образования волнуют исследователей в разных странах. Так, с целью их изучения, используя количественную и качественную методологию, авторы статьи «Проблемы подготовки учителей: со словом учителя» провели опрос педагогов небольшого муниципалитета на юге Центральной Бразилии с целью выявления возможной помощи в обучении учителей (Рибейро, Нуньес, 2022). Интерес к формированию уровней и качества профессионального образа мира личности при цифровой трансформации образования проявляют авторы статьи «Формирование картины мира в условиях цифровой трансформации образования», проводившие эксперимент в Елецком государственном университете имени Бунина, который поможет в разработке контента и технологий профессиональной подготовки будущего учителя (Алмазова, Кондакова, Числова, 2022). С целью оптимизации подготовки педагогов изучаются цифровые навыки преподавателей, позволяющие вести обучение в дистанционном режиме. Для этого авторами статьи «Цифровые педагогические компетенции для мобильного обучения в базовом образовании» опрошены 40 профессоров двух университетов Бразилии. В итоге выявлены восемь необходимых навыков для применения в мобильном обучении (Сонего, АХС и Бехар, 2022).

Актуальным в этих условиях становится аспект сочетания традиционных

ценностей в образовании с инновациями. Считаем необходимым изучать профессиональные ценности педагогического сообщества, его готовность к развитию и внедрению новых технологий.

В 2017 году авторами статьи совместно с коллегами было проведено социологическое анкетирование «Жизненные ценности», в котором приняли участие преподаватели и студенты филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Васильева и др., 2017: 138). В результате исследования были выявлены жизненные ценности разных возрастных групп коллектива: общее количество наиболее значимых ценностей студентов и преподавателей 50 % (среди них: *семья, здоровье, любовь*), определяющих основу ментального (концептуального) ядра ценностей здорового коллектива, не зависящих от возраста. Отмечаемые несовпадения ценностей студентов и преподавателей охарактеризованы как возрастные предпочтения молодых людей, стремящихся к таким ценностям, как: *образование, дружба, самосовершенствование, благополучие, деньги*. Для поколения опытных преподавателей – это нравственные ценности: *честность и доброта* (Васильева, 2017: 146).

Целью данного исследования является структурирование лингвоаксиологической модели идеального учителя (ИУ) в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа г. Канска Красноярского края.

Система ценностей современного человека включена в круг научных проблем различных сфер знания: философии,

психологии, культурологии, педагогики, литературоведения, лингвистики, психолингвистики и т.д. Важный момент связан с подходами к изучению ценностей. Понятие ценности в разных сферах знания трактуется по-разному.

В психологии: «Ценность – то, чему человек осознанно назначает высокую цену, чем дорожит и ради чего готов жертвовать чем-то другим, платить усилиями, временем или деньгами. Это то, в безусловную важность чего человек верит, ради чего он живет, к чему стремится и чем руководствуется в своем выборе» (Козлов, 2017).

В лингвистических исследованиях существуют различные определения понятия «ценность». Так, Н.Ф. Алефиренко под ценностями понимает не материальные или духовные объекты, а модусные (культурно значимые) отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами (Алефиренко, 2002: 160). В работе другого исследователя ценности – это цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения (Бабаева, 2004: 60). Исследователь считает, что особая роль отводится обществом образу педагога и педагогическому дискурсу в целом: «Педагогический дискурс играет ведущую роль в процессе социализации, фиксируя наиболее важные ценности и нормы, которые усвоены большинством представителей социума и передаются последующим поколениям» (Бабаева, 2004: 17).

Важно отметить, что основанием для лингвоаксиологического подхода к исследованию служит универсальность языковых единиц по способам хранения ментальной информации и максимальная объективированность их от внешних факторов и идеологий. В.П. Синячкин в работе «Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ» подразделяет сознание на общественное и обыденное – это два уровня (формы) языкового сознания этноса. Знаковые формы объективации ценностей адекватно интерпретируются двумя уровнями сознания, что свидетельствует об отсутствии непреодолимых границ между двумя формами

ценностного этнического сознания. С точки зрения доступности для исследования ценностей ученый называет вербальные/невербальные знаковые объективации, именно язык выступает в качестве исторического ретранслятора ценностей культуры (Синячкин, 2011: 10).

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужили результаты социолингвистического эксперимента в форме анкетирования, репрезентирующего процесс профессиональной интериоризации в педагогическом дискурсе колледжа г. Канска Красноярского края и представляющего факты восприятия профессиональных ценностей будущими учителями. В данном случае социолингвистическое анкетирование служит актом вербальной объективации общественного сознания испытуемых.

Целевой аудиторией исследования являются преподаватели и студенты одного учебного заведения, так как у студентов представления о профессиональном мире формируются преимущественно в профессиональном дискурсе, при восприятии профессионально-знаковой действительности под руководством педагогов. Предполагаем, что сопоставляя модели идеального учителя (ИУ) преподавателей и студентов выпускного курса, возможно представить результат интериоризации профессионального статуса педагога в процессе обучения.

Социолингвистическое анкетирование нацелено получить лингвистический материал для построения модели идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа г. Канска.

Технология проведения эксперимента. Информантам было дано задание: назвать 10 качеств идеального учителя (ИУ) и расположить их в иерархической последовательности по степени значимости. Экспериментаторы основывались на теории интериоризации (от лат. Interior – внутренний), смысл которой заключается в формировании «внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социаль-

ной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом» (Леванова и др., 2015: 36), в процессе превращения внешних норм во внутренние императивы.

Второй фактор, обеспечивающий успешность эксперимента, связан с выбором лексических языковых единиц в качестве транслятора языкового сознания, обуславливающего лингвоаксиологический аспект. «Профессиональная деятельность специалиста организуется его профессиональным (языковым и неязыковым) сознанием, содержанием которого является профессиональный образ мира индивида, сформированный при осуществлении профессионально-знаковой и профессионально-предметной деятельности. Профессиональное самоопределение целесообразно рассматривать применительно к людям, еще не имеющим каких-либо профессиональных знаний, умений и навыков» (Мыскин, 2015: 204).

В социолингвистическом анкетировании приняли участие 102 человека: 32 преподавателя педагогического колледжа г. Канска и 70 студентов выпускного курса этого учебного заведения. В результате социолингвистического эксперимента было получено 102 анкеты с общим количеством 1020 слов-качеств ИУ (без учета повторяемости). Количество слов с учетом повторяемости составило 290 единиц.

Материалы социолингвистического анкетирования «10 качеств идеального учителя» были классифицированы в соответствии с двумя группами участников: группа преподавателей и группа студентов, для удобства описания обозначенных как группа № 1 (преподаватели), группа № 2 (студенты).

Третий важный фактор успешности исследования – интерпретация результатов анкетирования. Для исследователей важно интерпретировать количественные результаты, переведя их в качественные, следуя триангуляционному подходу, суть которого «заключается в комбинировании качественных и количественных методов при проведении исследования. Совместное применение различных «традиций, подходов, логик и инструментов» при исследовании явления

даёт возможность раскрыть многообразие форм его проявления» (Мыскин, 2015: 23).

В процедуре анализа результатов эксперимента, представленного набором лексем-ценностей идеального учителя, возникает необходимость семантического анализа. Для семантического анализа в данном случае считаем оптимальными полевой метод и метод семантического гештальта, разработанный Ю. Н. Карауловым для анализа ассоциативного поля, который сводится к семантико-смысловой группировке членов и подходит для анализа семантического поля. Об этом методе Ю. Н. Караулов писал: «...большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире» (Караулов, 2000: 192).

Авторы считают, что, используя названные методы, можно сконструировать модель идеального учителя в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа г. Канска, наглядно демонстрирующую процесс интериоризации представлений о профессии, то есть «образ процесса профессионального самоопределения личности» (Мыскин, 2015: 204).

3. Результаты

В нашем исследовании ценностями-качествами мы считаем лексемы с наибольшим индексом повторяемости у относительно большого количества участников эксперимента (количественные показатели варьируются в каждой группе испытуемых и в каждом семантическом поле).

Для анализа все лексемы, обозначающие ценности-качества, названные в анкетах каждой группы испытуемых, объединены в 2 семантических поля, являющихся основой будущей модели идеального учителя (ИУ) в представлении преподавателей и студентов педагогического колледжа:

1. *Профессиональные качества;*

2. *Личностные качества.*

Лексемы со значением ценности-качества внутри каждого семантического

поля расположены в иерархической последовательности с учетом частоты повторяемости, цифра рядом со словом обозначает индекс частоты.

3.1. Семантическое поле

Профессиональные качества идеального учителя

В табл. 1 представлены ядерная и околоядерная зоны семантического поля.

В ядерной зоне отмечается 75 % совпадений ценностей-качеств. Сравнивая ценности двух групп испытуемых ядерной зоны, отмечаем, что лидирующие позиции в них занимают ценности: *коммуникабельность*, *ответственность*, различаясь лишь рангом.

В околоядерной зоне (с учетом синонимии и пересечения с ядерной зоной) – 100 % совпадений названных качеств. Испытуемые обеих групп демонстрируют совпадение

профессиональных ценностей: *компетентность*, *любовь к детям*, но различие в их иерархическом положении: ранг 8 и 9 в группе № 1, ранг 6 и 7 в группе № 2. Несовпадающие лексемы околоядерной зоны могут быть охарактеризованы как синонимичные.

Для детализации семантического анализа периферийной зоны применяется метод семантического гештальта. Для этого названные испытуемыми ценности-качества распределяются по семантико-смысловым субзонам: *Коммуникабельность* (табл. 2), *Ответственность* (табл. 3), *Компетентность* (табл. 4), *Профессионализм* (табл. 5).

В табл. 2 группы испытуемых № 1 отражены профессиональные ценности, приобретенные опытным путем, они обозначают основные условия успешной профессиональной речевой коммуникации: *индивидуальный подход* – обозначает настрой на собеседника, *общительность* – желание

Таблица 1. Ядерная и околоядерная зоны семантического поля
Профессиональные качества идеального учителя

Table 1. Nuclear and near-nuclear zones of the semantic field *Professional qualities of an ideal teacher*

Группа № 1 (преподаватели)	Группа № 2 (студенты)
<p>Ядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Коммуникабельность</i> 14 2. <i>Ответственность</i> 13 3. <i>Знание предмета</i> 7 4. <i>Дисциплинированность</i> 7 <p>Околоядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 5. <i>Грамотный</i> 5 6. <i>Профессионализм</i> 5 7. <i>Требовательность</i> 5 8. <i>Компетентность</i> 4 9. <i>Любовь к детям</i> 3 10. <i>Работоспособность</i> 3 	<p>Ядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Ответственный (-ость)</i> 56 2. <i>Коммуникабельность</i> 33 3. <i>Грамотный</i> 30 4. <i>Требовательный</i> 29 <p>Околоядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 5. <i>Трудолюбие</i> 27 6. <i>Компетентность</i> 12 7. <i>Любовь к детям</i> 12 8. <i>Образованность</i> 11 9. <i>Перспективный</i> 9 10. <i>Знание предмета</i> 8

Таблица 2. Семантико-смысловая субзона *Коммуникабельность*

Table 2. Semantic and semantic subzone *Communication skills*

Группа № 1 (преподаватели)	Группа № 2 (студенты)
<p><i>индивидуальный подход</i> <i>общительность</i> <i>речь</i> <i>слушать учеников</i> <i>понимание</i></p>	<p><i>способность увлекать</i> <i>объясняющий</i> <i>понимающий</i></p>

контактировать, *речь* – способ передать информацию, *слушать учеников, понимание* – реализацию субъект-субъектного подхода в обучении. В группе испытуемых № 2 названы ценности, которыми студенты овладели или хотели бы овладеть: *способность увлекать*, то есть видение своей роли на уроке как человека *объясняющего и понимающего*. В таком представлении акта коммуникации студенты пока не видят обучаемого и его роли, волнуясь о своей состоятельности как учителя, реализуя, таким образом, субъект-объектный подход.

В табл. 3 у испытуемых обеих групп отмечаются синонимичные ценности *преданность делу/верность профессии*, имеющие в составе общую сему «верность». Отмечаемая испытуемыми группы № 1 профессиональная ценность *добросовест-*

ность (в значении «Честно выполняющий свои обязанности» (Ожегов, Шведова)) гораздо ближе по значению к понятию *ответственность* («Необходимость, обязанность отдавать кому-н. отчет в своих действиях, поступках» (Ожегов, Шведова)), нежели названная студентами ценность *организованность* (организованный – то же, что дисциплинированный (Ожегов, Шведова)). Отмечаем, что студентами не названа ценность *долг* – «То же, что обязанность. Человек долга (честно выполняющий свои обязательства)» (Ожегов, Шведова).

В группе испытуемых № 1 актуальными ценностями оказались *современные тенденции* как осознание проблемы перехода от знаниевой образовательной парадигмы к компетентностной, включающей знания, умения и навыки (действия). В группе № 2

Таблица 3. Семантико-смысловая субзона *Ответственность*
Table 3. Semantic and semantic subzone *Responsibility*

№ 1 (преподаватели)	№ 2 (студенты)
<i>преданность делу добросовестность долг</i>	<i>организованность верность профессии</i>

Таблица 4. Семантико-смысловая субзона *Компетентность*
Table 4. Semantic and semantic subzone *Competence*

№ 1 (преподаватели)	№ 2 (студенты)
<i>знание современных методик не отставать от современных тенденций умение заинтересовать</i>	<i>умение заинтересовать умение предотвращать конфликты умеющий преподносить информацию умеющий работать с детьми успешно руководит детским коллективом</i>

Таблица 5. Семантико-смысловая субзона *Профессионализм*
Table 5. Semantic and semantic subzone of *Professionalism*

№ 1 (преподаватели)	№ 2 (студенты)
<i>любовь к делу опыт успешность</i>	<i>знает психологию школьника объективность уважение к коллегам любящий профессию повышение квалификации систематический</i>

испытуемые озадачены формированием умений, приводящих к необходимым для учителя видам деятельности: *работать с детьми, руководить детским коллективом.*

В обеих группах испытуемых названы ценности, без которых не может быть учителя: *любовь к делу / любовь к профессии.* Испытуемые группы № 1 в силу своего *опыта* считают перечисленные качества ценностью, необходимым условием *успешности.* Испытуемые группы № 2 перечислили необходимые для профессионала знания и умения: *знать психологию школьника, проявлять объективность, уважение к коллегам, проходить повышение квалификации, работать систематически.*

3.2. Семантическое поле

Личностные качества идеального учителя

Для анализа семантического поля выделяются ядерная и околоядерная зоны (табл. 6).

Ядерная зона семантического поля **Личностные качества** обеих групп испытуемых демонстрирует совпадение 100 % ценностей-качеств.

Ценности-качества околоядерной зоны совпадают на 80 %: *открытость, чувство юмора, активность, внимательность.*

Периферийная зона семантического поля **Личностные качества**, как и в предыдущем случае, представлена по методу

семантического гештальта, с выделением семантических субзон: 1) *Психические особенности личности*, 2) *Моральные качества*, 3) *Волевые качества*, 4) *Интеллектуальные качества*, 5) *Физические качества*, б) *Внешний вид.*

Названные испытуемыми качества-ценности располагаются в пределах каждой субзоны в иерархической последовательности в зависимости от индекса частотности (при анализе не учитываются единичные лексемы, в случае синонимии рассматривается наиболее частотный синоним).

1) *Психические особенности личности.* В группе испытуемых № 1 названы *вежливость, стрессоустойчивость, отзывчивость, самообладание, позитивный, скромность, эмпатия*; в группе испытуемых № 2 – *скромный, обаятельный, искренний, эмпатия, гордый, располагающий, самостоятельный, жесткий, оптимизм.*

2) *Моральные качества личности* репрезентированы совпадающей у обеих групп испытуемых чертой: *человечность* – качество, включающее в себя многие другие гуманитарные характеристики, входящие в ядерную и околоядерную зоны семантического поля **Личностные качества.**

3) *Волевые качества личности.* Испытуемые обеих групп отмечают такие ценности (с учетом синонимии), как *настойчивость, решительность, уверенность в себе*, – важные для успешной реализации

Таблица 6. Ядерная и околоядерная зоны семантического поля Личностные качества идеального учителя

Table 6. Nuclear and near-nuclear zones of the semantic field Personal qualities of an ideal teacher

№ 1 (преподаватели)	№ 2 (студенты)
<p>Ядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Доброта 11 2. Справедливость 8 3. Терпение 7 4. Творчество 6 <p>Околоядерная зона:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Открытость 7 2. Честность 6 3. Чувство юмора 6 4. Активность 5 5. Внимательность 4 	<p>Ядерная зона</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Доброта 52 2. Справедливость 28 3. Терпение 20 4. Творчество 16 <p>Околоядерная зона:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Активность 15 2. Внимательность 13 3. Чувство юмора 9 4. Открытость 4 (9) 5. Сдержанность 7

в любой профессии, в том числе профессии учителя.

4) *Интеллектуальные качества личности*. В группе испытуемых № 1: *эрудированность, умный, широкий кругозор*; в группе испытуемых № 2: *мудрый, яркий, интересный*.

5) *Физические качества личности*. В группе испытуемых № 1 идеальный учитель мыслится как *спортивный, обладающий мобильностью*; в группе испытуемых № 2 – *спортивный, энергичный*. Характеристики физических качеств личности ИУ в обеих группах совпадают (*спортивный*) или находятся в отношениях гиперо-гипонимических (*мобильный / энергичный*), что следует из совпадения семы «действующий как»: решительно, быстро (энергия – решительность и настойчивость в действиях (Ожегов, Шведова, 1990: 1310); мобильный – способный быстро действовать, принимать решения (Ожегов, Шведова, 1990: 3391)).

6) *Внешний вид*. Испытуемые обеих групп считают присущими идеальному учителю *аккуратность, опрятность*; в группе испытуемых № 2, кроме названных, появляется лексема-ценность *красивый*.

4. Обсуждение

Результаты анализа полученных данных социолингвистического анкетирования «10 качеств идеального учителя», транслирующие совпадения в обеих группах испытуемых (преподавателей и студентов), репрезентируют степень интериоризации студентов в профессии, степень профессионального самоопределения.

4.1. Семантическое поле

Профессиональные качества идеального учителя

Анализируя ценности, названные испытуемыми обеих групп в ядерной зоне поля, видим, что лидирующие позиции в них занимают совпадающие ценности-качества: в группе № 1 первое место, с наибольшим количеством упоминаний, занимает такое качество, как *коммуникабельность*, второе место – *ответственность*, рангом 3

с одинаковым количественным индексом отмечены качества-ценности: *знание предмета, дисциплинированность*; в группе № 2 на первом месте – *ответственность (-ый)*, на втором – *коммуникабельность*, на третьем – *грамотность (-ый)*. Если учесть, что понятие «грамотность» многозначно и включает значения не только «умение читать и писать» (Ожегов, Шведова: 489), но и значение «обладающий знаниями в какой-либо области», то в обеих группах наблюдается совпадение качественного состава ядерной зоны, что вполне объяснимо с точки зрения передачи профессиональной информации от преподавателей к студентам, ведь коммуникация не что иное, как «(лат. communicatio, от communico – делаю общим, связываю, общаюсь) общение, обмен мыслями, сведениями, идеями, то есть специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» (ЛЭС). Отвлеченное существительное *коммуникабельность* обозначает «способность общаться, легко устанавливать контакты» (Ожегов, Шведова: 1034), что является необходимым качеством учителя, преподавателя в его профессиональной деятельности. Адъектив *ответственный* и образованный от него отвлеченный субстантив *ответственность* обозначают «облеченный правами и обязанностями в осуществлении какой-нибудь деятельности», «имеющий высоко развитое чувство долга» (Ожегов, Шведова: 1716). Надо понимать, что как преподаватели, так и студенты, избравшие профессию учителя, осознают высокий уровень ответственности перед социумом в своей деятельности.

Околоядерная зона семантического поля *Профессиональные качества идеального учителя* содержит ряд качеств, которые находятся в гиперо-гипонимических отношениях с ядерными лексемами. Гипонимия как «родо-видовое отношение представляет собой включение семантически однородных единиц в соответствующий класс наименований» (ЛЭС). Такое качество, как *знание предмета*, для испытуемых группы № 1 находится в отношениях включенности с лексемами *грамотный*,

компетентность, при этом гиперонимом является лексема *компетентность*, которая не имеет в иерархии ценностных качеств преподавателей самого высокого статуса, занимая 8-е место в иерархии, вероятно, по причине относительно недавнего введения в образовательную систему компетентностного подхода.

В группе испытуемых № 2 ядерная лексема *грамотный* находится в гиперогипонимических отношениях с лексемами более низкого индекса упоминания: *компетентность*, *образованность*, *знание предмета*. При этом отметим, что лексема *компетентность*, являясь гиперонимом, занимает 6-е место в иерархии ценностей группы № 2, что на два порядка выше, нежели в группе № 1. Для студентов *знание предмета* отодвинуто на 10-е место в иерархии профессиональных ценностей, так как в их сознании гипероним *компетентность*, включающий знания, умения и навыки (действия), является более актуальным, нежели для преподавателей, которые пока совмещают в своем сознании старую систему представлений с новой, и эта борьба не всегда оказывается в пользу новой.

Так, например, И. А. Тарасова, исследовательница концепта «учитель», отмечала: «переход от знаниевой парадигмы к компетентностному подходу» не вполне осознан: «учитель <...> по-прежнему «тот, кто обладает знаниями», а нет тот, «кто может научить» (Тарасова, 2018: 196).

В иерархии профессиональных ценностей группы № 1 3-е место по количеству упоминаний занимает лексема *дисциплинированность* (имеется в виду самодисциплина) – ценность, которая не отмечается испытуемыми группы № 2, но на той же ступени иерархии студентами названо такое качество, как *требовательность*, отмечаемое преподавателями на 7-й строчке. Заметим, что *дисциплинированность* – качество, направленное на самоорганизацию, а *требовательность* – качество, проявляющееся по отношению к обучаемым, следовательно, студенческая группа испытуемых в большей степени проявляет субъект-объектный подход, в отличие от преподавателей.

На 6-м месте околоядерной зоны в иерархии ценностей идеального учителя в группе № 1 стоит лексема *профессионализм*, которая может быть гиперонимом к списку качеств любой профессии, так как обозначает «хорошее владение своей профессией» (Ожегов, Шведова: 2315), она коррелирует на этой строчке в группе испытуемых № 2 с лексемой *компетентность*. По большому счету *профессионализм* и *компетентность* содержательно включает все качества, перечисленные в ядерной и околоядерной зонах этого семантического поля.

Профессиональные качества в околоядерной зоне испытуемых обеих групп, отличаются лишь рангом, названы такие важные для учителя качества, как *любовь к детям*, *работоспособность / трудолюбие*, занимающие 9-ю и 10-ю позиции в группе испытуемых № 1 и, соответственно – 7-ю и 5-ю позиции в группе № 2.

В группе студентов обращает на себя внимание такая ценность, как *перспективный*, отражающая планы карьерного роста будущих педагогов.

Периферийная зона семантического поля *Профессиональные качества идеального учителя* включает 4 семантико-смысловые субзоны, в которых названы ценности-качества, конкретизирующие представление о профессиональных ценностях в группах испытуемых преподавателей и студентов.

В субзоне *Коммуникабельность* названные качества детализируются преподавателями в рамках реализации субъект-субъектного подхода в обучении, студентами – в рамках субъект-объектного подхода, что может объясняться отсутствием необходимого опыта педагогической деятельности студентов.

В обеих группах испытуемых семантико-смысловая субзона *Ответственность* представлена перечнем необходимых личностных качеств, реализуемых как гипонимы по отношению к лексеме *ответственность*: *добросовестность*, *долг*, *организованность*. Близкими по смыслу ценностями в обеих группах испытуемых являются такая профессиональная цен-

ность, как *преданность делу / верность профессии*, имеющие в составе синонимы с общей семой «верность». Основное значение слова *преданный* – «исполненный любви и верности к кому-чему-н., сущ. – преданность» (Ожегов, Шведова: 2139). Не названная студентами лексема-ценность *долг* находится в гиперо-гипонимических отношениях с фраземами *преданность делу / верность профессии*.

Субзона *Компетентность* конкретизирована преподавателями как лозунг *не отставать от современных тенденций*, студентами – перечнем важных умений: *умение заинтересовать, умение предотвращать конфликты, умеющий преподносить информацию, умеющий работать с детьми, успешно руководит детским коллективом*.

Субзона *Профессионализм* у испытуемых обеих групп мыслится, прежде всего, как *любовь к делу / любовь к профессии*. Однако если преподаватели считают профессионализмом – *успешность, опыт*, то студенты – *знание психологии школьника, уважение к коллегам, повышение квалификации, системность*. Отметим, что преподаватели, характеризуя *профессионализм*, прибегают к отвлеченным именам существительным, студенты конкретизируют отдельные виды профессиональной деятельности, которые им предстоит реализовать на практике.

4.2. Семантическое поле

Личностные качества идеального учителя

Ядерная зона семантического поля обеих групп испытуемых, демонстрируя качественное совпадение представлений о главных личностных качествах образа идеального учителя (*доброта, справедливость, терпение, творчество*), свидетельствует о наличии общей профессиональной культуры и результативности процесса профессиональной интериоризации в педагогическом колледже.

В околоядерной зоне поля в обеих группах испытуемых обнаружено 80 % совпадений личностных ценностей. *открытость, чувство юмора, активность, внимательность*, – с расхождением в иерархическом

индексе: такое качество, как *открытость* стоит на первом месте в околоядерной зоне испытуемых группы № 1, а в околоядерной зоне испытуемых группы № 2 эта ценность занимает 4-ю строчку, зато такие качества, как *активность* и *внимательность*, стоят на 1-м и 2-м местах в списке ценностей идеального учителя околоядерной зоны в группе испытуемых № 2. Это объясняется, вероятно, наличием опыта подготовленности преподавателей, которые в силу этого свойства личности, воспринимая особенности педагогической ситуации, могут анализировать происходящее и принимать нужные решения. Для студентов пока на первом месте собственная *активность* – деятельность, в процессе которой, как они считают, не исключается *внимательное* наблюдение за обучаемыми, что составляет успешное обучение.

В определении иерархического статуса ценности *чувство юмора* испытуемые обеих групп проявляют поразительное единодушие, отводя 3-е место такому, казалось бы, «несерьезному» качеству. На самом деле, «Учитель, использующий юмор, не только передает некую информацию о предмете речи, но и проявляет себя как личность. Чувство юмора в процессе общения, выраженное в утонченном остроумии (каламбуре, анекдоте, юмореске, карикатуре) характеризует культуру, такт и ум человека, создающего комическую ситуацию» (Сергеева).

В околоядерной зоне семантического поля *Личностные качества идеального учителя* (табл. 6) наблюдаются отличия набора ценностей в группах испытуемых: в группе № 1 на 2-м месте по значимости стоит лексема *честность* – ценность, не названная испытуемыми группы № 2, возможно, потому, что эта ценность присуща русской ментальности в целом и относится к числу концептуальных понятий русской языковой картины мира (Дмитриева, 2017: 290) и актуальна не только для учителя. В группе испытуемых № 2 на 5-й строчке – лексема *сдержанность*, для будущего учителя, несомненно, важно умение контролировать себя, значимое, потому что пока не всегда успешно реализуемое.

Периферийная зона семантического поля *Личностные качества идеального учителя* представлена шестью семантическими субзонами, в рамках которых происходит детализация представлений о личностных качествах идеального учителя: *Психические особенности личности, Моральные качества, Волевые качества, Интеллектуальные качества, Физические качества, Внешний вид.*

Прокомментируем наиболее важные моменты.

В субзоне *Психические особенности* испытуемые обеих групп содержательно продемонстрировали совпадение в номинации следующих ценностей: *скромность, эмпатия*; в отдельных случаях наблюдается совпадение с учетом синонимии: *вежливость, отзывчивость, позитивный* (группа № 1); *обаятельный, искренний, располагающий, оптимизм* (группа № 2). Отличия отмечаются в наделении образа идеального учителя такими качествами, как: *стрессоустойчивость, самообладание* (группа № 1) – *гордый, самостоятельный, жесткий* (группа № 2).

Несомненно, учителю важно обладать такими качествами, как *стрессоустойчивость, самообладание*; «стрессоустойчивость – это комплекс внутренних ресурсов человека, который позволяет выдерживать физические и психические нагрузки» (Эркенова); самообладание – способность владеть собой, выдержка и хладнокровие. Отмеченное испытуемыми группы № 2 такое качество, как *самостоятельность* (самостоятельный – «решительный, обладающий собственной инициативой» (Ожегов, Шведова: 2578)) – безусловно, профессиональная ценность. Однако такие свойства личности, как *гордый, жесткий*, имеющие несколько значений: 1. «Исполненный чувства собственного достоинства, сознающий свое превосходство»; 2. «Закрывающий в себе нечто возвышенное, высокое (высок)»; 3. «Испытывающий чувство гордости» (во 2 знач.); 4. «Чересчур самоуверенный, надменный, самолюбивый (разг.)» (Ожегов, Шведова: 472); *жесткий* человек – это человек, который предъявляет четкие, бес-

компромиссные требования, не подлежащие обсуждению и добивается их точного выполнения, не прощает промахов, так или иначе заставляет исправлять любую ошибку, легко может наказать (*Жесткий*), – возможно, отражает представления студентов об авторитарном типе учителя, с которым им приходилось сталкиваться во время своего обучения. В таком случае эти характеристики вступают в противоречие с ранее названными. Вероятно, тем выпускникам педагогического колледжа, которые транслировали данные качества, необходимо корректировать свои представления об образе идеального учителя в процессе будущей деятельности, либо реализовать профессиональную деятельность по другому типу. О возможных типах учителей писала Л.С. Смылова: «виртуоз-преподаватель», «горе-педагоги»; «педагоги-гуманисты», «учитель-педант», «учитель-резонер», «учитель-самодержец», «учитель-скупец», «педагог-чиновник», «учитель-флегма» (Смылова, 2018: 93). Вне всякого сомнения, профессиональное самоопределение студентов педагогического колледжа на последнем этапе обучения не заканчивается, оно корректируется на практике, в процессе приобретения опыта.

Субзона *Интеллектуальные свойства личности*. Отметим, что в группе испытуемых № 2 участники находят для характеристики интеллектуальных свойств личности ИУ образные, наиболее интенсивно проявляющиеся качества: если в группе испытуемых № 1 отмечается интеллектуальное свойство *умный*, то в группе испытуемых № 2 – *мудрый*; если в группе № 1 – *эрудированность*, то в группе № 2 – *яркий*; если в группе № 1 – *широкий кругозор*, то в группе испытуемых № 2 – *интересный*.

Субзона *Внешний вид*. В видении студентов идеальный учитель рисуется не только *аккуратным* и *опрятным*, но и *красивым*, соответствующим высоким эстетическим идеалам.

5. Заключение

По всем обозначенным параметрам модели идеального учителя в группах

испытуемых преподавателей и студентов педагогического колледжа совпадения ценностей-качеств составляет 89 %, этот факт репрезентирует высокую степень интериоризации студентов в профессии, степень профессионального самоопределения в профессиональном дискурсе.

Ключевые ценности **модели идеального учителя**, наиболее важные в профессиональном и личностном аспектах:

ценности первого уровня:

профессиональные: *коммуникабельность, ответственность, знание предмета;*

личностные: *доброта, справедливость, терпение, творчество;*

ценности второго уровня:

профессиональные: *трудолюбие, любовь к детям;*

личностные: *открытость, чувство юмора, активность, внимательность;*

ценности третьего уровня:

профессиональные: *долг, верность профессии*

личностные: *скромность, эмпатия, человечность.*

В результате анализа материалов социолингвистического эксперимента среди преподавателей и студентов выпускного курса отмечаем, что преподаватели ориентируются в своей деятельности на *опыт*,

а студенты репрезентируют ценности, освоенные на уровне знания, и планируют сформировать умения и навыки в своей будущей профессиональной деятельности, чтобы стать *перспективными* специалистами.

Таким образом, можно считать, что в педагогическом колледже г. Канска создана образовательная педагогическая среда, в которой студенты выпускного курса под руководством педагогов в процессе обучения сформировали представления о будущей профессиональной действительности и личности идеального учителя.

Бытует мнение, что идеал недостижим, но к нему нужно стремиться.

Педагогам Канского педагогического колледжа и других педагогических учебных заведений, используя полученный опыт, можно рекомендовать, выстраивая профорIENTATIONную деятельность образовательного учреждения, взять за основу выявленную экспериментальным путем модель идеального учителя.

Авторы выражают благодарность за финансовую поддержку Российскому фонду фундаментальных исследований, Правительству Красноярского края, Красноярскому краевому фонду поддержки научной и научно-технической деятельности, коллегам по проекту за участие в совместной работе.

Список литературы / References

Almazova I. G., Kondakova I. V., Chislova S. N. Formirovaniye obraza mira v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [Shaping the image of the world in the context of digital transformation of education]. In: *Internet-zhurnal obrazovatelnoy politiki i upravleniya [Online Journal of Educational Policy and Management]*, Araraquara, 2022, 26 e022018. DOI: 10.22633/rpge.v26i00.16469. <https://periodicos.fclar.unesp.br/rpge/article/view/16469>

Babaeva E. V. Lingvokulturologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskiy kartin mira [Linguoculturological characteristics of the Russian and German axiological pictures of the world]: dis. ... Doctor of Philology. 10.02.20 Volgograd, 2004, 438

Dmitrieva N. M. Eticheskaya kontseptosfera russkoy yazykovoy kartiny mira: diakhronicheskiy aspekt [The ethical conceptual sphere of the Russian language picture of the world: a diachronic aspect]. dis. ... doc. philol. nauk. Moscow, 2017, 455.

Erkenova M. M. Psikhologicheskiye osnovy stressoustoychivogo povedeniya lichnosti [Psychological foundations of stress-resistant personality management]. 2021. Available at: https://pgu.ru/upload/iblock/07f/d75f30375fd1e8ec5f325fd1e5eaf6e8e85f312d322e696e6464_-m.m.-erkenova34.pdf (accessed: 15.07.2021)

Zhestkiy. [Hard]. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zhestkiy-chelovek> (accessed: 15.07.2021)

Karaulov Yu. N. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno verbalnoy seti [Indicators of national mentality in the associative verbal network]. In: *Yazykovoye soznaniye i obraz mira. Sb. nauch. st. [Linguistic consciousness and the image of the world. Collection of scientific articles]*, edited by N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000, 191–206.

Kozlov N. I. Psikhologos. Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii [Psikhologos. Encyclopedia of Practical Psychology]. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/cennost>

LES – Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [LES – Linguistic encyclopedic dictionary]. Ch. ed. V. N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/233a.html> (accessed: 15.07.2021)

Levanova E. A., Pushkareva T. V. Metodologicheskiye podkhody k interiorizatsii professionalnooriyentirovannykh znaniy v protsesse podgotovki sotsialnykh pedagogov [Methodological approaches to the interiorization of professionally oriented knowledge in the process of training social teachers], In: *Prepodavatel XXI vek [Teacher of the XXI century]*. 2015, 4. 35–45.

Myskin S. V. Professionalnoye yazykovoye soznaniye i osobennosti yego funktsionirovaniya [Professional language consciousness and features of its functioning]: dis ... doc. philol. nauk. Moscow, 2015, 670.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <http://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkoviy-slovarj-russkogo-yazyka.pdf> (accessed: 15.07.2021)

Ribeiro J. C. de O. A. & Nunes C. P. Challenges for teacher training: with the word teachers. *Revista Tempos E Espaços Em Educação*, 2022, 15(34), e17250. <https://doi.org/10.20952/revtee.v15i34.17250>

Sergeeva O. A. Funktsii yumora v pedagogicheskoy deyatelnosti [Functions of humor in pedagogical activity]. In: *Pedagogika i psikhologiya [Pedagogy and Psychology]*. 2021. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-yumora-v-pedagogicheskoy-deyatelnosti#:~:text=> (accessed: 15.07.2021)

Sinyachkin V. P. Obshchechelovecheskiye tsennosti v russkoy kulture: lingvokulturologicheskiy analiz [Universal values in Russian culture: linguoculturological analysis]. Abstract of dis. ... D. philol.n., Moscow, 2011, 57.

Smyslova S. L. Verbalizatsiya aksiologicheskogo komponenta obraza uchitelya v didakticheskikh tekstakh kontsa XIX – nachala XX v. [Verbalization of the axiological component of the teacher's image in didactic texts of the late XIX-early XX century]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates]*. 2018, 4(3). 88–102. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-88-102

Sonego A. H. S., & Behar, P. A. Digital teaching competences for m-learning in basic education. In: *Revista Tempos E Espaços Em Educação*, 2022, 15(34), e17258. <https://doi.org/10.20952/revtee.v15i34.17258>

Tarasova I. A. Kontsept «uchitel» v soznanii studentov-pedagogov [The concept of “teacher” in the minds of students-teachers]. In: *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. [Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Acmeology of education. Psychology of development]*. 2018, 7(2,26). 194–197.

Vasilyeva S. P., Vasilyev A. D. Proceedings of the International Conference “Process Management and Scientific Developments” (Birmingham, United Kingdom, May 1, 2021). Part 2. The ideas about the profession of “teacher” in the naive picture of the world of native speakers of the Russian language according to the data of the associative experiment Vasilyeva Svetlana Petrovna, Vasilyev Alexandr Dmitrievich). 2021, 187–196. DOI 10.34660/INF.2021.57.87.022

Vasilyeva S. P., Vasilyev A. D., Mamayeva T. V., Shibayev M. V. Zhiznennyye tsennosti studentov i prepodavateley filologicheskogo fakulteta KGPU im. V. P. Astafyeva: lingvoaksiologicheskoye issledovaniye [Vital values of students and teachers of the Faculty of Philology of KSPU named after V. P. Astafiev: a linguo-axiological study]. In: *Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva [Bulletin of the KSPU named after V. P. Astafiev]*. 2017, 3, 138–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13>

EDN: DGZUIP
УДК 7.067.3

The Policy of the Council of People's Commissars and the Russian Communist Party (Bolsheviks) in Relation to the Fine Arts in Years 1917–1918

Natalia P. Koptseva, Yulia S. Zamaraeva*
and Yulia N. Menzhurenko

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.02.2024, received in revised form 29.02.2024, accepted 06.03.2024

Abstract. The article presents the results of a cultural and theoretical-art analysis of 1917–1918 years text documents related to the first stage of the formation of state policy in the field of culture and art in the Soviet period, during the era of the new Soviet Russian state formation. The purpose of the study is the scientific modeling of the basic conceptual and methodological principles of the Soviet culture and Soviet art formation, set out in the documents of the basic political subjects, which in years 1917–1918 were the Council of People's Commissars (Sovnarkom) and the All-Russian Communist Party (Bolsheviks). As a result, the main theoretical and methodological principles on which the state and ideological documents that formed Soviet cultural policy in years 1917–1918 were identified. The results of the study contribute to the construction of an adequate scientific model of Soviet culture and Soviet art of the earliest period, where the goals of the state cultural policy of the new state are in the process of formation and planning.

Keywords: history of Soviet art, Soviet culture, cultural policy, Soviet period, Bolsheviks, Council of People's Commissars, Russian Communist Party (Bolsheviks).

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Koptseva N. P., Zamaraeva Y. S., Menzhurenko Y. N. The policy of the Council of People's Commissars and the Russian Communist Party (Bolsheviks) in Relation to the Fine Arts in years 1917–1918. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 666–680. EDN: DGZUIP

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: yzamarava@sfu-kras.ru, rybka08@bk.ru; nkoptseva@sfu-kras.ru; yavdeeva@sfu-kras.ru

ORCID: 0000-0003-3910-7991 (Koptseva); 0000-0003-1299-6741 (Zamaraeva); 0000-0002-0279-9958 (Menzhurenko)

Политика Совнаркома и Российской коммунистической партии (большевиков) по отношению к изобразительному искусству в 1917–1918 гг.

Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева, Ю.Н. Менжуренко

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье представлены результаты культурологического и теоретико-искусствоведческого анализа текстовых документов 1917–1918 гг., связанных с первым этапом формирования государственной политики в области культуры и искусства в советский период, в эпоху формирования нового советского российского государства. Целью исследования является научное моделирование основных концептуальных и методологических принципов формирования советской культуры и советского искусства, изложенных в документах базовых политических субъектов, которыми в 1917–1918 гг. были Совет народных комиссаров (Совнарком) и Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП (б)) (до марта 1918 г. – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) (РСДРП (б))).

Принятые после революции законодательные акты в области культуры и искусства и формирующаяся новая система культурной политики не только определили направление работы по сбору и охране памятников истории и культуры, но и утвердили государственную дисциплину в этом вопросе. В культурно-просветительскую деятельность были вовлечены многочисленные кадры специалистов и широкие народные массы.

В результате выявлены основные теоретические и методологические принципы, на которых базировались государственные и идеологические документы, формирующие советскую культурную политику в 1917–1918 гг. Результаты исследования способствуют построению адекватной научной модели советской культуры и советского искусства наиболее раннего периода, где цели государственной культурной политики нового государства находятся в процессе становления и планирования.

Ключевые слова: история советского искусства, советская культура, культурная политика, советский период, большевики, Совнарком, РКП (б).

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Копцева Н. П., Замараева Ю. С., Менжуренко Ю. Н. Политика Совнаркома и Российской коммунистической партии (большевиков) по отношению к изобразительному искусству в 1917–1918 гг. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 666–680. EDN: DGZUIP

Введение

В эпоху серьезных экономических, политических и социально-культурных трансформаций, которые происходят сегодня в Российской Федерации, внимание исследователей и экспертов привлекают подобные процессы,

которые наша страна и общество переживали в относительно недалеком прошлом. Речь идет о событиях столетней давности, о революционных изменениях российского общества, которые начались в 1917–1918 гг. и привели к созданию нового государственного

устройства, формированию новых институций, социальных групп, мировоззренческих установок, нового содержания общественного создания, включая общественную идеологию и общественную психологию. В результате этих преобразований была создана действительно новая – советская – культура, которая базировалась на обновленных художественных практиках, возникших и активно развивающихся значительно ранее 1917–1918 гг., примерно с первых лет XX века и особенно с 1905 г. в России.

Одними из самых заметных политических субъектов этих революционных трансформаций были новое правительство – Совет народных комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным), профессиональным революционером, а также новый идеологический орган, который взял на себя функцию мировоззренческого контроля, – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) (до марта 1918), затем – Российская коммунистическая партия (большевики) – с марта 1918 г. по 1925 г., которая одновременно выступала и как элемент в структуре международной организации «Коммунистический Интернационал» («Третий Интернационал»), где были объединены коммунистические партии, действующие в различных странах тогдашнего мира.

К способам осуществления этих трансформаций и к их результатам исследователи относятся сегодня радикально различным образом. Идет активная дискуссия, которая не утихает много лет, о цене преобразований, о гражданской войне, об итогах, об их значимости для людей, для общества, для государства. Однако никто не сомневается в том, что трансформации были существенными и что в их результате действительно была создана принципиально новая советская культура, базисом которой выступило советское искусство.

В настоящей статье будут представлены результаты ряда исследований базовых документов главных политических субъектов 1917–1918 гг., в действиях которых были созданы необходимые предпосылки для формирования в будущем советской куль-

туры и создания советских художественных практик. Для этого будут выявлены базовые установки, которые характерны для деятельности этих субъектов именно в 1917–1918 гг., а также проведен текстологический анализ документов, определяющих культурную политику нового советского государства по отношению к культуре, прежде всего к изобразительному искусству, архитектуре, декоративно-прикладному искусству и другим видам искусства. Это позволит достаточно точно реконструировать концепции, модели, которым руководствовались субъекты политики, создававшие базу для революционного изменения культуры, для реформы художественных институций. Необходимо, чтобы опыт прошлых изменений был учтен, переосмыслен и, возможно, некоторые концептуальные и методологические установки, выявленные в данном исследовании, могут быть поняты и применены для анализа актуальной ситуации.

Для анализа фундаментальных положений, которые были использованы для создания новой советской культуры и нового советского искусства, далее будут проанализированы документы 1917–1918 гг., имеющие отношение к государственной политике молодого советского государства в сфере культуры и искусства, включая базовые идеологические установки, постановления Совета народных комиссаров (Совнаркома) и Российской коммунистической партии (большевики) (РКП (б)) (до марта 1918 г. – РСДРП (б)).

В качестве концептуальной основы исследования используются концепция Д. В. Пивоварова культуры как идеалообразования (Жуковский и др., 2006; Копцева и Лозинская, 2009; Семенова, 2012; Новая арт-критика..., 2015; Ситникова, 2015; Новое сибирское китаеведение..., 2018; Ситникова, 2021; Копцева, 2020; Середкина, 2022; и др.), которая неоднократно применялась для анализа художественных процессов как в историческом (Пивоваров, 2021; Лещинская, 2021; Ситникова и Ли, 2022; Бородина, 2023; Смолина, 2023; Михайлова, 2023; Иванова 2023, и др.), так и в актуальном

контекстах (Замараева и др., 2023; Ермаков и др., 2023; Омелик, 2023; Хворостов, 2023 и др.), а также теория искусства В.И. Жуковского, Н.П. Копцевой (Жуковский, 2004), где произведение искусства понимается в аспекте художественного образа (Koptseva and Zhukovskiy, 2008) как результат игрового взаимодействия между зрителем (реципиентом) и произведением искусства как вещью. Теория художественного образа также неоднократно была апробирована в культурологических и искусствоведческих исследованиях в историческом и современном контекстах (см. Сертакова и др., 2022; Колесник и др., 2019; Образ..., 2023; Шапошникова, 2023; Лесничих и Сергеева, 2023; Турганбаева, 2023; Сиренко и Замараева, 2023, и др.).

Базовые идеологические установки руководителей советского государства по отношению к культуре и искусству в 1917–1918 гг.

Для анализа базовых идеологических установок руководителей советского государства по отношению к культуре и искусству в 1917–1918 гг. будут взяты соответствующие тексты периодических изданий, где в краткой и емкой форме эти установки были изложены в статьях, публикациях выступлений, публикациях протоколов и других подобных документах, которые были изданы в периодической печати, рассчитанной на самые широкие социальные круги, представители которых были образованны настолько, чтобы суметь прочесть печатный текст на русском языке.

Рассмотрим динамику частотности употребления слов «искусство» и «культура» по данным Национального корпуса русского языка, чтобы понять, увеличилась ли эта частотность в 1917 и 1918 гг., когда появляются первые правительственные и партийные документы раннего советского периода (прил. 1, 2).

На графике прил. 1 можно увидеть, что частотность использования слова «культура» в русскоязычных текстах действительно стремительно возрастает на отрез-

ке 1917–1921 гг. При этом его частотность остается одинаковой в 1917 и 1918 гг.

На графике прил. 2 можно видеть, что ситуация с частотностью употребления слова «искусство» в русскоязычных текстах также стремительно возрастает к 1921 г., однако начало этого роста приходится не на 1917 г., а на 1880 г. Нарастание частотности слова «искусство» более «плавное», поступательное, постепенное, в отличие от слова «культура», которое является как бы соответствующим духу новой эпохи, начиная с момента стремительных революционных преобразований российского общества и государства в 1917 г.

Прил. 1 и прил. 2 с их временной динамикой косвенным образом подтверждают правомерность выделения 1917 и 1918 гг. в один исторический период, так как эти два года и в первом, и во втором случае имеют одинаковую стабильность и единство по частотности употребления слов «культура» и «искусство» в это время.

Для содержательного анализа базовых идеологических установок руководителей советского государства по отношению к культуре и искусству в 1917–1918 гг. проведем контент-анализ текстов периодического издания газеты «Правда», которая с 5 мая 1912 г. являлась главным партийным печатным органом для Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) (РСДРП (б)), с марта 1918 г. – Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП (б)), для слова «искусство» и его производных. Контент-анализ слова «культура» и его производных ввиду обширности эмпирического материала потребует отдельного исследования и отдельной публикации его результатов.

В 1927 г. издательство «Прибой» переиздало все выпуски газеты «Правда», включая 1917 и 1918 гг. Выпуски газеты «Правда» за 1917 г. были сделаны в двух томах. В первый том входят все выпуски с 1 по 22 (прил. 3), во второй том – с 23 по 45 (прил. 4). Оба тома с изданием газеты «Правда» 1917 г. размещены в открытом доступе на сайте: <https://istmat.org/node/28027>

Данное обстоятельство значительно облегчает контент-анализ.

Слово «искусство» и его инварианты: «искусственный» в различных склонениях в выпусках с 1 по 22 встречается всего 17 раз. При этом 5 раз значение не имеет отношения к проблематике нашего исследования, поскольку употребляется в контекстах: «искусство победы» (о войне), «искусственно питаемая вражда» (о войне), «искусственно выделен из массы граждан» (о солдатах), «искусственно закрывая для этого казарму» (о невозможности читать газету «Правда» на фронте), «искусственная аналогия» (о сравнении России и США в 1917 г.).

12 раз слово «искусство» встречается в оглавлении, заголовке и тексте документа «Деятели искусств. Воззвание», которое было опубликовано на 10–11 страницах 6 выпуска за 1917 г. от 11 (24) марта 1917 г. (прил. 5). Данное «Воззвание» подписано общественной организацией «Союз художественных, артистических, музыкальных обществ, выставок, издательств, журналов и газет «Свобода Искусству»» (прил. 6). Таким образом, единственным текстом, который связан с искусством в выпусках от 1 до 22 газеты «Правда» за 1917 г., является текст «Деятели искусства. Воззвание».

Ввиду его небольшого объема можно привести содержание этого документа полностью: «Деятели искусств: художникам, поэтам, писателям, музыкантам, артистам, архитекторам, скульпторам, критикам, археологам и историкам искусств. ВОЗЗВАНИЕ.

Товарищи-граждане! Великая русская революция зовет и нас к делу. Объединяйтесь. Ратуйте за свободу искусству. Боритесь за право на самоопределение и самоуправление. Революция творит свободу. Вне свободы нет искусства. Лишь в свободной демократической республике возможно демократическое искусство.

Боритесь за немедленный созыв Учредительного Собрания, которое установит демократическую республику. Отвергайте замыслы наложить оковы на свободу. Требуйте созыва Всероссийского Учредительного Собрания Деятелей Искусств на ос-

нове всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования, без различия пола. Учредительное собрание деятелей искусств решит вопрос об устройстве художественной жизни России. Созыв Учредительного Собрания Деятелей Искусств возможен лишь после мира: большинство товарищей в окопах. Протестуйте против учреждения министерства искусств или иного ведомства, против захвата власти отдельными группами до воли Учредительного Собрания Деятелей Искусств. Идите на организационное собрание 11 марта в 5 час. дня (Казанская, 33, мастерская), а в воскресенье, 12 марта, в 2 часа дня, в Михайловский театр на митинг деятелей искусств.

Союз художественных, артистических, музыкальных обществ, выставок, издательств, журналов и газет «Свобода Искусству». Справки у секретаря: В. М. Ермолаева, Басков пер., тел. 54–78» (https://istmat.org/files/uploads/28027/pravda_1.pdf).

Действительно, в результате этого собрания был создан Союз деятелей искусств, куда входили порядка 200 художественных объединений и союзов (СДИ). СДИ существовал с марта 1917 г. по сентябрь 1918 г. Некоторые художественные объединения сохранили свою автономность, другие же полностью ассимилировались в новом объединении. Свою задачу представители СДИ видели в активном влиянии на создававшееся министерство искусства во Временном правительстве. Проводились активные дискуссии о возможности влияния деятелей искусства на государственную политику, связанную с культурой и искусством. В число руководителей СДИ входили такие известные люди, как В. Э. Мейерхольд, Ф. К. Сологуб (Тетерников), А. Д. Скалдин и другие. Позиция Ф. К. Сологуба была крайне отрицательной по отношению к министерству искусств. К слову сказать, оно так и не было создано.

В выпусках с 23 по 45 газеты «Правда» за 1917 год слово «искусство» и его производные встречаются три раза, при этом в одном случае контекст нехудожественный: «искусственно создают концентрацию хлеба» (о распределении муки и хлеба). Во вто-

ром случае речь идет о профсоюзах. В 26 выпуске от 7 (20) апреля 1917 года в материале под рубрикой «Профессиональное движение» под заголовком «Задачи профессиональной деятельности». Перечисляя задачи профессиональных союзов, автор А. Тенс пишет на странице 8 выпуска:

«Улучшение условий труда, повышение заработка, здравоохранение и страхование рабочих, *культурно-просветительная деятельность и деятельность в области искусства*, профессиональное образование, взаимопомощь, кооперация, городское самоуправление (муниципалитет), тесная связь с пролетарской партией – вот неполный перечень сфер деятельности профессиональных организаций» (https://istmat.org/files/uploads/28027/pravda_1917_god_vypusk_2_nono_23-45.pdf).

В выпуске 34 от 16 апреля 1917 года на страницах 1–3 в статье «Съезд крестьянских депутатов», подписанной «Н. Ленин», контекст также не имеет отношения к художественным практикам, а слово «искусство» употребляется в контексте «искусство государственного управления».

Начиная с 1918 г. политикой советской власти по отношению к искусству длительное время занимался Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), руководителем которого (наркомом просвещения) был Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) (прил. 7). А. В. Луначарский в 1918 г. издавал «еженедельный общедоступный, научно-литературный и художественно-иллюстрированный журнал» «Пламя» (прил. 8), на страницах которого он публиковал свои теоретико-искусствоведческие идеи, концепции, принципы.

В 11 номере журнала «Пламя» за 1918 г. была опубликована статья А. В. Луначарского «Монументальная агитация», где он излагает основные действия, связанные с монументальной агитацией: от размещения цитат революционеров прошлых и настоящих времен до сопровождения открытия памятников концертами, экскурсиями, празднествами и т.д. Этот план монументальной агитации существовал на протяжении всего советского периода

русской культуры и в определенном смысле сохранился до настоящего времени. Статья «Монументальная агитация» имеет ярко выраженный прикладной характер, тогда как базовые идеологические установки были изложены А. В. Луначарским в другой его работе 1918 г. «Искусство», которая представляет собой академически обработанный текст речи А. В. Луначарского, произнесенной на открытии Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских 10 октября 1918 г. (<http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/iskusstvo/>).

Статья А. В. Луначарского «Искусство» заслуживает отдельного и подробного анализа. В данном исследовании выделим несколько важных тезисов, показывающих достаточно сложное и реалистичное отношение наркома просвещения А. В. Луначарского как одного из руководителей раннего советского государства к художникам.

1. «В эпоху резкого перелома, когда целый класс, обладавший широкими средствами, командовавший в обществе, определявший в значительной степени его духовную жизнь, отходит и умирает и когда новый класс выступает на первый план – при таких условиях художественный мир не может не оказаться в замешательстве, не может не пережить очень острую бурю, сопровождаемую, быть может, для отдельных индивидов прямою гибелью» (там же).

2. «Существуют духовные спрос и предложение, но это не значит еще, что художник должен им слепо подчиняться; может быть, он должен будет считаться с тем, что ему дан заказ расписать именно такой–то народный дворец или поставить памятник именно такому–то великому человеку, но это в значительной мере только внешняя сторона дела; а что будет вложено в произведение, какая часть «души» художника тут материализуется – это зависит целиком от художника, и тут он должен быть максимально свободен» (там же).

3. «Изобразительное искусство по своему своему типу есть искусство статическое; живописи и особенно скульптуре не дано изображать движение. В XX веке са-

мая форма живописи и скульптуры пришла в болезненное столкновение с человеческой душой. Новейший художник устремляется к тому, чтобы его картина как бы шевелилась или бежала; он старается заставить ее жить динамически, а между тем все нанесенное на полотно сейчас же замирает. Стало быть, надо создать иллюзию движения. Вот в этом внутреннем противоречии сейчас и бьются новейшие художественные направления» (там же).

Таким образом, базовые идеологические установки А.В. Луначарского нельзя назвать ни примитивными, ни узко ангажированными той или иной конкретной вульгарной доктриной. Его теоретико-искусствоведческие работы заслуживают внимания как в отношении философии искусства, так и в отношении практических мер, которые он ежедневно предпринимал для создания новых художественных практик, которые привели к формированию советской культуры и советского искусства.

А.В. Луначарский, с одной стороны, оказывал важнейшее влияние на партийные и государственные документы, а также на конкретные государствообразующие шаги ранней Советской власти, а с другой стороны, создавал регламенты и контролировал конкретные действия по осуществлению партийных и государственных решений в повседневную культуру (Луначарский, 1924).

Далее будут рассмотрены важнейшие положения этих документов в контексте формирования базиса для создания новой государственной культурной политики советского типа.

Декреты Совнаркома об искусстве и культуре 1917–1918 гг.: текстологический анализ

Первые законодательные акты советского государства определяли дальнейшую судьбу его культурного наследия и последовательно формировали строгую, юридически оформленную систему государственной охраны памятников культуры. После Октябрьской революции 1917 г. культурная сфера была одним из приоритетных направ-

лений развития нового государства. Центральными интересами Советской России стали культурное строительство, развитие науки и просвещение народных масс. Процесс формирования законодательства о государственной охране культурного наследия осуществлялся впервые в истории цивилизации, без каких-либо исторических образцов.

Уже в ноябре 1917 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении государственной комиссии по просвещению» (Декреты Советской власти, 1957). Комиссия была призвана оказывать материальную и идейную поддержку муниципальным и частным просветительским учреждениям, председателем был назначен А.В. Луначарский. В документе также подчеркивалась полная автономия деятельности учебных и образовательных учреждений по отношению к государственному и муниципальным центрам.

Кроме того, в этот период в стране остро стояла проблема разрушения и грабежа памятников культурного наследия. Это было обусловлено тем, что многие люди не понимали исторического и художественного значения предметов культуры и видели в них не культурное достояние, а атрибуты прежней власти и старого образа жизни, а также предметы богатства и статусного потребления. Советское правительство, осознавая стремительную утрату ценных произведений искусства, издает ряд важных документов, связанных с сохранением материально-культурного достояния страны. Вместе с тем действия правительства были обращены в сторону решения другой важной задачи – выработке у представителей пролетариата и крестьянства культурного интереса к историко-художественному наследию и чувства ответственности за его сохранение.

28 января 1918 г. утвержден Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (Декреты Советской власти, 1957), в 13 статье которого было установлено, что «все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

12 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров издал Декрет «О памятниках Республики» (Декреты Советской власти, 1959). Этим государственным актом провозглашается курс на проектирование новых памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции», а также регламентируется практика демонтажа с улиц и площадей памятников, воздвигнутых в честь царей и их подданных.

19 сентября 1918 г. был принят Декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг., 1942), разработка которого началась еще в мае этого же года в связи с вопросом вывоза из России произведения Сандро Боттичелли «Мадонна», принадлежавшего княгине Е. П. Мещерской. В данном законодательном акте отражена мотивация запрета на вывоз за границу предметов искусства, характеризующая советскую политику: «В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратой культурных сокровищ народа». Данный декрет запрещал вывоз таких предметов с любой территории республики без предварительного разрешения музейных органов Народного комиссариата просвещения. Все отдельные лица, комиссионные конторы и магазины, занимающиеся продажей предметов искусства и старины, обязывались регистрироваться в музейных органах Народного комиссариата просвещения в течение трех дней со дня опубликования декрета. Неисполнение данного декрета влекло за собой ответственность по всей строгости законов, не исключая конфискацию всего имущества и тюремное заключение. Этот государственный акт остановил попытки помещиков и буржуазии нанести урон молодой Советской республике.

5 октября 1918 г. был принят Декрет «О регистрации, приеме на учет и хранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (Декреты Советской вла-

сти, 1964). Этот декрет ознаменовал появление в мировой истории нового вектора культурной политики – под государственную охрану брались все памятники культуры, независимо от их принадлежности. На музейные органы комиссариата просвещения возлагалась ответственность за первую государственную регистрацию «всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины, как в виде целых собраний, так и в виде отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились». В течение месяца со дня опубликования декрета все владельцы предметов искусства и старины были обязаны представить полные списки всех предметов в музейные органы. Без разрешения Коллегии по делам музеев запрещалось осуществлять продажу, перемещение и ремонт памятников культуры, принятых на государственный учет. Владельцы предметов или коллекций, взятых на учет, получали особые охранные грамоты. В случае передачи предметов новым владельцам без соответствующего разрешения государства предусматривалась их конфискация. Кроме того, музейным органам разрешалось осуществлять изъятие предметов искусства и старины в тех случаях, когда владельцы не обеспечивали должных условий для их хранения. Такие мероприятия обеспечивали достижение основных целей данного Декрета – «охранения, изучения, и возможно, более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России».

Еще одним шагом на пути преобразования культурных ценностей в общенародное достояние стал Декрет «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» (Собрание узаконений РСФСР 1917–1918, 1942) от 25 ноября 1918 г. Народный комиссариат просвещения получил право признавать государственным достоянием как опубликованные, так и неопубликованные произведения авторов.

5 декабря 1918 г. был принят Декрет «Об охране научных ценностей» (Собрание узаконений и распоряжений правительства

за 1917–1918 гг., 1942), целью которого было принятие мер по охране и предотвращению возможного уничтожения научных ценностей (научных музеев, коллекций, кабинетов, лабораторий и сооружений, научных установок, приборов, пособий и пр.), правильному их использованию и распределению. Предпринять такие меры было поручено Научному отделу Народного комиссариата просвещения.

Такие государственные акты и утвержденные в них мероприятия существенно сдержали начавшуюся в 1918 г. стихийную распродажу ценностей. Спасенные от распродажи коллекции стали основой создания в СССР множества музеев.

Карл Аймермахер (Аймермахер, 1998), занимаясь анализом декретов и указов, принятых после революции, заключает, что все они имели две основные цели: установить контроль над основными институтами, участвующими в формировании образа мыслей народа; быстро и эффективно поднять образовательный уровень населения, особенно рабочих и крестьян. Кроме того, автор подчеркивает, что правительство видело в сфере культуры большую агитационно-пропагандистскую силу.

В апреле 1918 г. был образован Отдел изобразительных искусств Наркомата просвещения, а на должность заведующего назначен Д. П. Штеренберг. Реформа системы художественного образования осуществлялась под руководством Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. В новой концепции было предложено отказаться от академической программы образования в пользу системы индивидуальных художественных мастерских, где образовательная деятельность реализуется в процессе совместной работы мастера и его учеников. Такие мастерские имели полную автономию друг от друга и не следовали общей программе.

Высшая художественная школа претерпела преобразования: центр художественного образования перемещается, что было обусловлено упразднением Академии художеств (Декрет СНК об упразднении Академии художеств от 12 апреля

1918 г.). Вместо этого образуются Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские (ПГСХУМ) в Петрограде и Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) в Москве.

Кроме того, в этот период формируется государственный фонд художественных произведений, где экспертный совет отбирает произведения для закупки у мастеров-художников на средства государства. Реформируется также и музейная система – начинает формироваться сеть музеев художественной культуры.

Социально-политический контекст этого времени требовал от художественной деятельности поиска нового языка искусства, который отражал бы суть революции и нового общества. Однако в новых учебных заведениях возникали кадровые трудности, поскольку многие художники классического направления отказывались осуществлять в них свою деятельность.

Особое место в системе Наркомата просвещения занимала государственно-общественная, культурно-просветительская организация пролетарской самодеятельности Пролеткульт, основная работа которой сводилась к формированию разнообразных кружков и студий, в том числе по всем направлениям искусства.

С ноября 1918 г. за состояние искусства в стране отвечала Художественная секция Наркомпроса, руководящими органами которой была коллегия секции и Высший художественный совет. В состав секции входило несколько отделов, включая отдел изобразительных искусств. Задачей этой системы было решение организационных вопросов государственно-художественного строительства и координация работ всех отделов.

Не вся творческая интеллигенция поддерживала идею государственного управления искусством, это приводило к столкновениям интересов в области организации художественной жизни в стране. После революции даже те, кто ранее выступал за создание Министерства, теперь стали опасаться этого при новом правительстве. Крупнейшая организация в Петрограде

«Союз деятелей искусств» отказалась принимать участие в деятельности Наркомпроса и выступала за отделение искусства от государства.

Советская власть, в свою очередь, в это время делает первые шаги по формированию нового сложного аппарата управления художественной жизнью, стараясь использовать возможности художественной культуры для коммунистической агитации и массового просвещения в контексте новой государственной идеологии, которая была связана с постепенным формированием нового взгляда на историю, которая должна быть показана как история борьбы классов. Искусство, с одной стороны, связывалось с пропагандой, а с другой стороны, его история и современное состояние также постепенно наполнялись идеями внутренней классовой борьбы. В 1918 г. В.И. Лениным была выдвинута программа развития монументального искусства и его мобилизации в качестве важнейшего агитационного средства революции и коммунистической идеологии.

Принятые после революции законодательные акты в области культуры и искусства и формирующаяся новая система культурной политики, не только определили направление работы по сбору и охране памятников истории и культуры, но и утвердили государственную дисциплину в этом вопросе. В культурно-просветительскую деятельность были вовлечены многочисленные кадры специалистов и широкие народные массы.

Постановления Российской социал-демократической рабочей партии (большевики) и Российской коммунистической партии (большевики) о культуре и искусстве 1917–1918 гг.: текстологический анализ

Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) в течение 1917 г. ставила задачу организации агитационной и пропагандистской работы социал-демократии среди широких масс крестьянской демократии (прежде все-

го крестьян и солдат). В работе VI съезда делегаты РСДРП (большевики) решали вопрос слабой литературной деятельности в журналах, малых объемах издания тиражей газет и брошюр, что значительно снижало скорость и объем распространения идей большевиков, ослабляло большевистские позиции в войсках (газеты «Пролетарий», «Донецкий Пролетарий», «Фронт», «Звезда», «Сибирская правда», журналы «Социалдемократ» и «Спартак»). Отмечалось, что недавнее увеличение тиражей газет «Солдатская Правда», «Окопная Правда» уже «позволило большевикам пожинать свои лавры» через широкое распространение идеи интернационального объединения. Примером приводилась состоявшаяся в июне 1917 г. конференция как результат газетной агитации: «На конференции было окончательно закреплено, что основной задачей военной операции является агитация за наши революционные лозунги, укрепление идей революционного социализма, уяснение тех особых условий, в которых протекает русская революция, именно условий мировой войны, укрепляя идеи интернационализма в армии, создание из армии материального оплота революции» (Шестой съезд РСДРП, 1958: 60–61). Культурно-просветительская работа также велась через переводы текстов листовок, газет, брошюр, программы партии на национальные языки (татарский, армянский, грузинский, литовский, польский, эстонский, латышский и др.) для усиления влияния большевиков в профессиональных союзах и советах в малых и крупных городах (депутатов, рабочих). В тексте одиннадцатого заседания приводится сводная таблица периодической партийной печати до июля 1917 г. в количестве 41 издания.

Организация и проведение культурной работы среди молодежных организаций была крайне важной задачей, решаемой депутатами в процессе VI съезда. В качестве культурных задач содействия развитию юношеских союзов как авангарда рабочего класса обозначены следующие: научное образование рабочего класса (рабочая молодежь), создание ряда народных театров,

кинематографов, музеев, изящной литературы (VI съезд РСДРП, 1958: 180). Юноши и девушки, «духовно связанные с партией», должны были впитать в свои умы и сердца идеи Интернационала (цит. тов. Молотова, VI съезд РСДРП, 1958: 182).

В марте 1918 г. состоялся VII съезд переименованной РСДРП (большевиков) в Российскую коммунистическую партию (большевиков). В своей речи Владимир Ильич Ленин ставит задачу доработки теоретической части программы, о пересмотре которой уже было заявлено в двух статьях главных теоретических органов (Петербургском «Просвещении» и Московском «Спартаке»). Как автор одного из проектов программы, опубликованном в Петербургском сборнике, В. И. Ленин говорит депутатам съезда о недопустимости отказа от истории и культуры прошлого при создании нового типа государства: «В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лже-умствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создает только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т.е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо каковы бы ни были разрушения культуры – их вычеркнуть из исторической жизни нельзя, их будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции»

(VII Съезд Российской коммунистической партии, 1923: 161–161). Социалистическое государство, по словам Ленина, конструируется как новый тип демократии, формирующей условия для подавляющей массы из трудящихся (русских крестьян) научению из собственного опыта управления государством и организации производства в общенациональном масштабе. В связи с чем одной из задач ставится передача всех лучших типографий в руки рабочих и свободы печати (VII Съезд Российской коммунистической партии, 1923: 205).

Текстологический анализ постановлений Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) и Российской коммунистической партии (большевиков) о культуре и искусстве 1917–1918 гг. позволил зафиксировать большую востребованность в широком освещении партийных идей большевиков посредством печатания газет, брошюр, журналов. В работе съездов 1917 и 1918 гг. концептуально обсуждался процесс формирования условий для возникновения нового типа государства, где авангардная молодежь получает полное содействие для научного и творческого развития.

Заключение

Советская культура и советское искусство, которые представляют собой уникальные феномены мирового и отечественного культурного процесса, имеют длительную историю становления и развития. Ранний советский период 1917–1918 гг. представляется особо важным в этой истории, поскольку именно здесь закладывались основные культурные и художественные практики, оформлялись концептуальные и практические решения для реализации государственной культурной политики.

Анализ базовых идеологических установок руководителей раннего советского государства (прежде всего через исследование публикаций в газете «Правда» 1917 г. и речей А. В. Луначарского 1918 г.) показал, что эти установки вовсе не были узко ангажированными вульгарными философско-

эстетическими концепциями, в том числе лежащими в основании идеологии правящей партии. Отношение к художникам как главным художественным субъектам было реалистичное, их творчество оценивалось крайне высоко. Противоречивая сущность искусства и противоречивые художественные процессы были хорошо понятны А. В. Луначарскому как создателю базы государственной культурной политики советского периода.

Новое советское государство осуществляло различные трансформации в культурной сфере для того, чтобы нивелировать назревшие социальные противоречия. Так, учреждение Государственной комиссии по просвещению было нацелено на решение проблемы безграмотности значительной части населения, а дальнейшее последовательное утверждение законодательных актов позволило разрешить вопросы, связанные как с сохранением

материального и культурного наследия страны, так и с преобразованием всей художественной жизни страны. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) и Российская коммунистическая партия (большевиков) в 1917–1918 гг. постановляют новые программные задачи для культуры и искусства, видимые прежде всего в образовании народных масс и воспитании рабочей молодежи в концепции формирования нового типа государства (социалистической демократии).

Приложения / Applications

Список литературы / References

Aimermakhe K. *Politika i kultura pri Lenine i Staline. 1917–1932* [Politics and culture under Lenin and Stalin. 1917–1932]. Moscow, AIRO-XX. 1998, 204.

Borodina M. A. Religioznaya problematika istoriko-revolutsionnykh proizvedenii “surovogo stilya” [Religious issues in historical-revolutionary works of the “severe style”]. In: *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(2), 15–26. EDN: EVTONZ.

Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Shpak A. A., Pimenova N. N. Obraz iskusstvennogo intellekta v kinematografe: transformatsii v period 1980–2010-kh godov [The image of artificial intelligence in cinema: transformations in the period of the 1980s-2010s]. In: *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities], 2023, 16(8), 1454–1470. EDN: XVMNJF.

Dekrety Sovetskoi vlasti. *Dekret ob uchrezhdenii gosudarstvennoi komissii po prosveshcheniiu* [Decree on the establishment of the state commission for enlightenment]. I. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit-ry. 1957

Dekrety sovetsoi vlasti. *Dekret o pamiatnikakh Respubliki* [Decree on the monuments of the Republic]. Moscow, 1959, 2, 95–96.

Dekrety Sovetskoi vlasti. *Dekret o registratsii, prieme na uchet i khraneniі pamiatnikov iskusstva i stariny, nakhodiashchikhsia v vladieniі chastnykh lits, obshchestv i uchrezhdenii* [Decree on the registration, acceptance for record and storage of art and antiquities in the possession of private individuals, societies, and institutions]. Moscow, 1964, 3, 664.

Ermakov T. K., Kistova A. V., Sergeeva N. A., Omelik A. A. “Vestnik izyashchnykh iskusstv” 1880-kh gg. kak istochnik po istorii iskusstva (model' iskusstvoveda) [“The Herald of Fine Arts” of the 1880s as a source on the history of art (art critic model)]. In: *Bylye Gody* [Past Years], 2023, 18(4), 1909–1924. DOI: 10.13187/bg.2023.4.1909. EDN: UEPQNM.

Rech', proiznesennaya na otkrytii Petrogradskikh gosudarstvennykh svobodnykh khudozhestvenno-uchebnykh masterskikh 10 oktyabrya 1918 g [Speech delivered at the opening of the Petrograd State Free

Art and Educational Workshops on October 10, 1918. Pg., Izd–vo Komissariata nar. prosveshcheniya. 32. <http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/iskusstvo/>

Gazeta “Pravda” [*Newspaper “Pravda”*], 1917, 1–45, <https://istmat.org/node/28027>

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka, 2003–2024 [*National Corpus of the Russian Language, 2003–2024*] <https://ruscorpora.ru>

Ivanova A. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskiy analiz kartiny “Zhenshchina s rebyonkom na beregu morya” Pablo Pikasso [Philosophical and art criticism analysis of the painting “Woman with a Child by the Sea” by Pablo Picasso]. In: *Sibirskiy Iskusstvovedcheskiy Zhurnal* [*Siberian Art Criticism Journal*], 2023, 2(4), 7–22. DOI: 10.31804/2782–4926–2023–2–4–7–22. EDN: OASPQW.

Khvorostov V. V. Osnovnye problemy vnedreniya II v sferu iskusstva: po materialam publitsistiki 2018–2023 godov [The main problems of AI implementation in the art field: based on journalistic materials of 2018–2023]. In: *Sotsiologiya Iskusstvennogo Intellekta* [*Sociology of Artificial Intelligence*], 2023, 4(4), 31–38. EDN: CIZFEA.

Kolesnik M. A., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Obraz poeta-tvortsya v simbolizme Gyustava Moro [The image of the poet-creator in the symbolism of Gustave Moreau]. In: *Sibirskiy Antropologicheskii Zhurnal* [*Siberian Anthropological Journal*], 2019, 3(4), 25–37. DOI: 10.31804/2542–1816–2019–3–4–25–37. EDN: BTGMGM.

Koptseva N. P., Zhukovskiy V. I. The Artistic Image as a Process and Result of Game Relations between a Work of Visual Art as an Object and its Spectator. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2008, 1(2), 226–244. EDN: IU DTOF.

Koptseva N. P., Bralkova A. V., Gerasimova A. A., et al. *Novaya art-kritika na beregakh Eniseya* [*New art criticism on the banks of the Yenisei*]. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet. 2015, 340. ISBN 978–5–7638–2537–4. EDN: VIQKIB.

Koptseva N. P., Karlova O. A., Ma L., et al. *Novoe Sibirskoe kitaevedenie. Bazovye kontsepty kitayskoy kultury* [*New Siberian Sinology. Basic concepts of Chinese culture*]. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet. 2018, 263. ISBN 978–5–7638–3475–8. EDN: XSSITJ.

Koptseva N. P., Lozinskaya V. P. *Muzykal'noe iskusstvo v sisteme tsennostey kultury* [*Musical art in the system of cultural values*]. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet. 2009, 114. ISBN 978–5–7638–1918–2. EDN: PZWZXX.

Koptseva N. P., Pimenova N. N. Kul'turnye transformatsii: vozmozhnosti izucheniya [Cultural transformations: research opportunities]. In: *Sibirskiy Antropologicheskii Zhurnal* [*Siberian Anthropological Journal*], 2020, 4(3), 36–44. DOI: 10.31804/2542–1816–2020–4–3–36–44. EDN: ENUIWR.

Koptseva N. P., Pimenova N. N. Kul'turnye transformatsii: vozmozhnosti izucheniya [Cultural transformations: study opportunities]. In: *Sibirskiy Antropologicheskii Zhurnal* [*Siberian Anthropological Journal*], 2020, 4(3), 36–44. DOI: 10.31804/2542–1816–2020–4–3–36–44. EDN: ENUIWR.

Leshchinskaya N. M. Kul'turologicheskie podkhody k analizu proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [*Northern Archives and Expeditions*], 2021, 5(2), 9–15. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15. EDN: IAPWIN.

Leshchinskaya N. M. Kul'turologicheskie podkhody k analizu proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [*Northern Archives and Expeditions*], 2021, 5(2), 9–15. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15. EDN: IAPWIN.

Lesnichikh A. A., Sergeeva N. A. Tsifrovizatsiya v teatral'nom iskusstve [Digitalization in theatrical art]. In: *Tsifrovizatsiya* [*Digitalization*], 2023, 4(3), 33–40. EDN: LMQLTC.

Lesnichikh, A. A., Sergeeva, N. A. Tsifrovizatsiya v teatral'nom iskusstve [Digitization in theatrical art]. In: *Tsifrovizatsiya* [*Digitization*], 2023, 4(3), 33–40. EDN: LMQLTC.

Lunacharskiy A. V. *Iskusstvo i revolyutsiya* [*Art and revolution*]. Moscow, 1924, 13–32.

Mikhaylova S. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskiy analiz kartiny “Paolo i Francesca da Rimini” Dante Gabrielya Rossetti [Philosophical and art criticism analysis of the painting “Paolo and Francesca da Rimini”].

ni” by Dante Gabriel Rossetti]. In: *Sibirskiy Iskusstvovedcheskiy Zhurnal [Siberian Art Criticism Journal]*, 2023, 2(4), 23–35. DOI: 10.31804/2782–4926–2023–2–4–23–35. EDN: PXXASG.

Mikhaylova S. A. Filosofsko-iskusstvovedcheskiy analiz kartiny “Paolo i Francheska da Rimini” Dante Gabrielya Rossetti [Philosophical and art criticism analysis of the painting “Paolo and Francesca da Rimini” by Dante Gabriel Rossetti]. In: *Sibirskiy Iskusstvovedcheskiy Zhurnal [Siberian Art Criticism Journal]*, 2023, 2(4), 23–35. DOI: 10.31804/2782–4926–2023–2–4–23–35. EDN: PXXASG.

Nauchno-tekhnicheskiy progress nachala XX veka v periodicheskoy pechati Rossiyskoy imperii (zhurnal “Zodchiy”, 1902 g.) [Scientific and technological progress at the beginning of the 20th century in the periodical press of the Russian Empire (journal “Zodchiy”, 1902)]. Zamaraeva, Y.S., Seredkina, N.N., Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N. In: *Bylye Gody [Past Years]*, 2023, 18(1), 390–401. DOI: 10.13187/bg.2023.1.390. EDN: SYMSSL.

Novaya art-kritika na beregakh Eniseya [New art criticism on the banks of the Yenisei]. Koptseva, N.P., Bralkova, A.V., Gerasimova, A.A., et al. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet. 2015, 340. ISBN 978–5–7638–2537–4. EDN: VIQKIB.

Novoe Sibirskoe kitaevedenie. Bazovye kontsepty kitayskoy kultury [New Siberian Sinology. Basic concepts of Chinese culture]. Koptseva, N.P., Karlova, O.A., Ma, L., et al. (). Krasnoyarsk: Sibirskiy Federal'nyy Universitet. 2018, 263. ISBN 978–5–7638–3475–8. EDN: XSSITJ.

Omelik A. A. Analiz pozitsii tvorcheskikh deyateley i institutsiy v otnoshenii avtorskogo prava na proizvedeniya, sozdannye s pomoshch'yu AI [Analysis of the position of creative individuals and institutions regarding copyright for works created with the help of AI]. In: *Sotsiologiya Iskusstvennogo Intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*, 2023, 4(4), 39–44. EDN: GQAZJH.

Pivovarov G. O. Tekhnika, kak faktor transformatsii idealov kultury [Technology as a factor in the transformation of cultural ideals]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2021, 5(4), 183–191. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–4–183–191. EDN: ZSPPFH.

Rech'. 1917. 66.

Sed'moy S'yezd Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii: Stenograficheskiy otchet 6–8-go marta 1918 goda [Seventh Congress of the Russian Communist Party: Verbatim report March 6–8, 1918]. Tsentral'nyy komitet R.K.P.(b); Komissiya po istorii Oktyabr'skoy revolyutsii R.K.P. (bol'shevikov) (ISTPART) [Central Committee of the RCP (b); Commission on the History of the October Revolution R.K.P. (Bolsheviks) (ISTPART)]. M.; Petrograd: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1923, 212.

Semenova A. A. Vizual'naya kultura modernizirovannogo sotsiuma [Visual culture of the modernized society]. In: *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i Sotsial'nye Tekhnologii [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies]*, 2012, (3)18, 145–149. EDN: PYJUXD.

Seredkina N.N. Antropologicheskie i etnologicheskie podkhody k izucheniyu obshcherossiyskoy grazhdanskoy identichnosti [Anthropological and ethnological approaches to the study of the all-Russian civil identity]. In: *Sibirskiy Antropologicheskiy Zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, 6(1), 111–121. DOI: 10.31804/2542–1816–2022–6–1–111–121. EDN: AHNUED.

Sertakova E. A., Sitnikova A. A., Kolesnik M. A. Kompyuternoe iskusstvo 1960–1980-kh godov [Computer art of the 1960–1980s]. In: *Sotsiologiya Iskusstvennogo Intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*, 2022, 3(3), 69–90. DOI: 10.31804/2712–939X-2022–3–3–69–90. EDN: JUGALR.

Shaposhnikova G. A. Dionis v orficheskikh gimnakh [Dionysus in Orphic hymns]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitization]*, 2023: 4(4), 52–58. EDN: CJVZWC.

Sirenko S. O., Zamaraeva Y. S. Partitsipatornye praktiki sovremennogo iskusstva (na materiale analiza khudozhestvennykh proizvedeniy Tikhara Sioty) [Participatory practices of contemporary art (based on the analysis of the artworks by Tihar Siota)]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America, and Africa: History and Modernity]*, 2023, 2(2), 56–90. DOI: 10.31804/2782–540X-2023–2–2–56–90. EDN: VDCWZI.

Sitnikova A. A. K voprosu o metodologii issledovaniy kultury kak sotsial'no-antropologicheskoy sistemy [On the methodology of cultural studies as a socio-anthropological system]. In: *Sotsiodinamika [Sociodynamics]*, 2015, (1), 75–100. DOI: 10.7256/2409–7144.2015.1.14237. EDN: TFCDPF.

Sitnikova A. A. Teoreticheskie, prikladnye i sinteticheskie metody issledovaniya kultury kak sotsial'no-antropologicheskoy sistemy [Theoretical, applied, and synthetic methods of studying culture as a socio-anthropological system]. In: *Sotsial'naya Antropologiya Sibiri* [Social Anthropology of Siberia], 2021, 2(2), 6–17. EDN: ICEFEC.

Sitnikova A. A., Li S. Obraz Kitaya v tvorchestve Krasnoyarskogo khudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the works of the Krasnoyarsk artist Sergey Forostovsky]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2022, 6(4), 87–98. DOI: 10.31806/2542–1158–2022–6–4–87–98. EDN: OOXZNN.

Smolina M. G. Reprezentatsiya tsennostey i etnicheskoy kultury v dekorativno-prikladnom iskusstve korennykh narodov Sibiri (na primere nagrudnykh ukrasheniy) [Representation of values and ethnic culture in the decorative and applied art of the indigenous peoples of Siberia (on the example of breast ornaments)]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(3), 103–108. EDN: SGUVYD.

Sobranie zakononeni i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg. *O zapreshchenii vyvoza za granitsu predmetov iskusstva i stariny* [On the prohibition of the export of art and antiquities abroad]. Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. 1942, 960–961.

Sobranie zakononeni i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg. *Dekret ob okhrane nauchnykh tsennostey* [Decree on the protection of scientific values]. Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. 1942, 1271.

Sobranie zakononeni RSFSR 1917–1918. *Dekret o priznanii nauchnykh, literaturnykh, muzykal'nykh i khudozhestvennykh proizvedenii gosudarstvennym dostoiniem* [Decree on the recognition of scientific, literary, musical, and artistic works as national heritage]. Moscow, 1942, 86. 900.

Turganbaeva A. K. Osobennosti religioznoy manifestatsii v sovremennom internet-prostranstve (na materiale analiza sotsial'nykh media: Telegram) [Features of religious manifestation in the modern Internet space (based on the analysis of social media: Telegram)]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'* [Asia, America, and Africa: History and Modernity], 2023, 2(4), 83–99. DOI: 10.31804/2782–540X-2023–2–4–83–99. EDN: IQLVPK.

Zamaraeva Y. S., Seredkina N. N., Pchelkina D. S., Pimenova N. N. Nauchno-tekhnicheskii progress nachala XX veka v periodicheskoy pechati Rossiyskoy imperii (zhurnal “Zodchiy”, 1902 g.) [Scientific and technical progress at the beginning of the 20th century in the periodical press of the Russian Empire (journal “Zodchiy”, 1902)]. In: *Bylye Gody* [Past Years], 2023, 18(1), 390–401. DOI: 10.13187/bg.2023.1.390. EDN: SYMSSL.

Zhukovsky V. I., Koptseva N. P. *Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva: uchebnoe posobie* [Propositions of the theory of fine arts: a textbook]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsky Gosudarstvennyy Universitet. 2004, 265. ISBN 5–7638–0494–5. – EDN: QXPZAZ.

Zhukovsky V. I., Pivovarov D. V., Koptseva N. P. *Vizual'naya sushchnost' religii: monografiya* [The visual essence of religion: a monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsky Gosudarstvennyy Universitet. 2006, 460. ISBN 5–7638–0628–X. EDN: QUAYFJ.

Shestoy s"yezd RSDRP (bol'shevikov). Avgust 1917 goda: Protokoly [Sixth Congress of the RSDLP (Bolsheviks). August 1917: Protocols]. Moscow. Gospolitizdat, 1958. 488.

EDN: LQPLYW
УДК 7.06

The Artistic Meta-Narratives Construction in Modern Culture: Formal and Semantic Aspects

Tikhon K. Ermakov, Ksenia A. Degtyarenko*
and Anna A. Shpak

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.02.2024, received in revised form 29.02.2024, accepted 08.03.2024

Abstract. The article offers to get acquainted with the meta-narratives meaning and the local narratives interaction in postmodern and post-postmodern culture. The transition from unified modernist narratives to a fragmented postmodern culture is described, emphasizing the importance of “artistic meta-narratives” in this change. Unlike classical metanarratives, artistic metanarratives are associated with cultural and social practices of creating art works. The features of several artistic meta-narratives are identified, their integration into various cultural practices and contexts is traced, thereby contributing to the understanding of their role in modern cultural discourse.

The article analyzes the artistic meta-narratives formation in modern culture, with an emphasis on “The Watches” by Sergei Lukyanenko, “The Witcher” by Andrzej Sapkowski and “The Lovecraftian Myth” by Howard Phillips Lovecraft. The basic artistic meta-narratives are discussed in detail, intertextuality is emphasized. The influence of writers’ creativity on the meta-narrative’s formation in literature and other art forms represented by various media is considered.

Keywords: meta-narrative, postmodernism, artistic construction, intertextuality, Lovecraftian myth, the Witcher universe, the watch universe.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Ermakov T. K., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. The artistic meta-narratives construction in modern culture: formal and semantic aspects. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 681–693. EDN: LQPLYW

Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты

Т.К. Ермаков, К.А. Дегтяренко, А.А. Шпак

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья предлагает познакомиться со значением метанарративов и взаимодействием локальных нарративов в постмодернистской и постпостмодернистской культуре. Описывается переход от единых модернистских нарративов к фрагментированной постмодернистской культуре, подчеркивая важность «художественных метанарративов» в этом изменении. В отличие от классических метанарративов художественные метанарративы связаны с культурно-социальными практиками создания произведений искусства. Идентифицируются особенности нескольких художественных метанарративов, прослеживается их интеграция в различные культурные практики и контексты, тем самым способствуя пониманию их роли в современном культурном дискурсе.

Статья анализирует формирование художественных метанарративов в современной культуре с акцентом на «Дозоры» Сергея Лукьяненко, «Ведьмака» Анджея Сапковского и «Лавкрафтианский миф» Говарда Филлипса Лавкрафта. Подробно обсуждаются базовые художественные метанарративы, подчеркивается интертекстуальность. Рассматривается влияние творчества писателей на формирование метанарративов в литературе и других формах искусства, представленных различными медиа.

Ключевые слова: метанарратив, постмодернизм, художественное конструирование, интертекстуальность, лавкрафтианский миф, вселенная «Ведьмака», вселенная «Дозоров».

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология)

Цитирование: Ермаков Т.К., Дегтяренко К.А., Шпак А.А. Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 681–693. EDN: LQPLYW

Введение

Предполагаемый переход во второй половине XX века от единообразной культуры модерна к лоскутной культуре постмодерна породил проблему взаимодействия между множеством локальных нарративов и дискурсов. Если классический постмодерн предполагал, что прежняя консолидация нарративов вокруг единого ядра метанарратива сходит на нет, то современная постпостмодерная культура демонстрирует различные механизмы взаимодействия между обозначенными

системами, которые существуют на стыке сугубо серьезных метанарративов предшествующего этапа и ироничных нарративов постмодерна. При этом важность трансформаций связана с их влиянием не только на глобальные, но и локальные контексты (Koptseva, 2020).

Ключевым фактором трансформации, на наш взгляд, является рост значимости специфического варианта метанарратива – «художественного метанарратива», под которым мы понимаем набор базовых си-

моволических и нарративных конструкций (а также способ говорения о них), который используется при конструировании художественных произведений и нарративов. В отличие от классического метанарратива художественный связан с культурно-социальными практиками не непосредственно, а через систему культурных практик чтения и интерпретации текста, в силу чего по самой своей структуре предполагает отношение на грани серьёзного/несерьёзного. Отчасти это можно объяснить сложностью художественного образа, связанного с его философски-фундированной картиной мира (Seredkina, 2019; Reznikova, 2019; Kolesnik, 2019), а также способностью видоизменять образный ряд, согласуясь с потребностями общества (Degtyarenko, 2023; Pashova, 2020). Целью данной статьи становится выявление особенностей ряда художественных метанарративов, что позволит проследить механизмы их включения в различные культурные практики и контексты.

В последние годы тема исследования метанарративов не утрачивает своей актуальности. В период с 2018 по 2024 год в данной тематической области можно выделить несколько основных направлений: философское, политическое, искусствоведческое.

К философскому блоку работ принадлежит статья «Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис просвещения и альтернатива постмодерна» (Podroga, 2018), в которой автор реконструирует понятие метанарратива на материале философско-исторических и социально-политических идей Ж.-Ф. Лиотара. Выявляется генезис метанарратива в рамках критического дискурса постмодерновой эпохи, из-за чего понятие метанарратива перестает работать как один из принципов, выражающих объективное развитие цивилизации. А.С. Вереин в статье «Критика метанарратива в постмодернизме» (Verein, 2022) также продолжает тему, касающуюся трансформации понятия метанарратива в эпоху постмодерна. В качестве религиозно-философского аспекта в данном блоке исследований выступает

статья Т.В. Литвина «За пределами метанарратива: субъект как проблема современной естественной теологии» (Litvin, 2019), где представлена современная естественная теология, которая в рамках постмодерна отказывается от классического понимания описания субъекта посредством метанарративов.

Следующий блок посвящен исследованиям в политической сфере. В работе В.А. Кузнецова «Арабский мир в 2010-е: игры метанарративов» (Kuznetsov, 2020) проводится анализ социально-политических изменений в арабском мире в первое десятилетие XXI века. Ключевая идея автора заключается в выдвигании тезиса о метанарративах как «больших рассказах» после их постмодерновой критики. Статья «Вигский метанарратив как модус утверждения либеральной доктрины» (Shirinyants, 2020) посвящена разбору сюжета, связанного с утверждением либеральных идей в Англии, известного под названием «вигский метанарратив». Модель современного метанарратива в фокусе геополитики конструируется в исследовании «Тень кибервойны в фокусе геополитического метанарратива» (Galuhin, 2021). Автор подчеркивает трансформацию характера геополитических конфликтов и возведение их до уровня информационного противостояния.

Наконец, третий блок исследований метанарративов затрагивает сферу искусства. Так, в статье «Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX века» (Rumar, 2023) понятие «художественный метанарратив» применяется для моделирования структуры классического романа, который рассматривается как центральное художественное явление эпохи модерна. Описание метанарратива в рамках современных форм искусства рассматривается в статье «Видеоигры как форма искусства: деконструкция и метанарратив в работах Йоко Таро» (Dokuchaev, 2021), где метанарратив становится одним из инструментов для достижения эмоционального отклика у игрока. О.А. Шилов в статье «Постмодернистский метанарратив в кино»

(Shilov, 2021) анализирует метанарратив в кинематографе, а именно разбирает приемы метанарратива, затрагивающие проблемы трансформации нового типа общества, с позиции философско-киноведческого подхода.

Таким образом, во всех трех блоках исследований, посвященных разбору понятия метанарратива, можно выявить общую тенденцию, а именно наблюдение за трансформациями данного понятия в нескольких точках его становления – модерн, постмодерн и постпостмодерн.

Теория метанарратива и концепция

«художественного метанарратива»

Представления о метанарративе получили своё распространение в связи с культурными исследованиями второй половины – конца XX века. В частности, наиболее известной становится концепция метанарратива Ж.-Ф. Лиотара, который в работе «Состояние постмодерна» (Lyotag, 1979) обращается к метанарративу как к одному из культурных маркеров перехода от культуры модерна к культуре постмодерна. Постмодерновая культура как культура «конца метанарративов» предлагает человеку множество разрозненных повествовательных схем и словарей символов, взаимодействие между которыми порождает сложный культурный ландшафт. Эта несколько схематическая концепция впоследствии подвергалась определённой критике с тех позиций, что само доминирование метанарратива в современной культуре представлялось или вовсе ошибочным (Latour, 1993), или же связывалось с европоцентрической редукцией истории культуры к локальным процессам в Западной Европе (Plostanova, 2013).

Ещё больше дискуссионность предложенного Ж.-Ф. Лиотаром разрыва становится понятна при обращении к социологическим моделям метанарратива, авторы которых стремятся к описанию не только самого явления, но и его функций в социальной системе. Так, рассматривая метанарратив как элемент индивидуальной

мифологии (Fenstein, 1990), невозможно представить себе эпоху, которая бы смогла отказаться от столь важного социального конструкта. Построение рассказа о себе неминуемо связано с внедрением в реальную биографию элементов метанарратива (Roberts, 1999), иначе человек теряет связь с социумом, перестаёт ощущать свою привязанность к текущей исторической ситуации и культуре.

Важным становится метанарратив и в психологических исследованиях, где данная концепция обретает связи не только с конструированием истории о себе как элементе включения своей идентичности в общий социальный контекст, но и с непосредственным поведением человека. Комплекс символов и нарративных схем, предлагаемых метанарративом, превращается в маркер оценки поведения как личности, так и людей в её окружении в целом (Ulybina, 2001). Метанарратив превращается из установки на средства конструирования в систему поддержания целостности общества и личности, причём как в диахронном, так и в синхронном ключе.

В этом смысле, вероятно, корректнее говорить не об исчезновении метанарративов в эпоху постмодерна, а об изменении в их качестве. Метанарративные схемы трансформируются во множество нарративов, которые обладают большей локальностью и в определённом смысле серьёзностью. В то же время метанарративы модерна подлежат ироническому высмеиванию и своей редукции к локальным нарративным моделям, которые в силу масштабного несоответствия вынуждены видоизменять изначальный набор ценностных установок. В противовес этому процесс глобализации запускает конструирование новых метанарративов, которые теряют свой локальный статус, осуществляя привязку к системе постколониального мира (Ovodova, 2022).

В связи с этим наиболее остро для истории и теории культуры встаёт вопрос о принципах функционирования метанарратива в современной культуре, особенно в связи с современными трансформациями глобального культурного контекста

в сторону постпостмодерных установок (Pavlov, 2023), поскольку общее изменение культурного ландшафта предполагает и последующее изменение системы восприятия метанарратива, обретающего новое качество, отличное от того, что обнаруживал в постмодерне Ж.-Ф. Лиотар. В этом смысле важным становится обращение к «художественному метанарративу».

Учитывая общее тяготение современного осмысления мира через призму искусства (например, поворот к эстетике в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана (Harman, 2019)), обращение к художественным метанарративам кажется необходимым для понимания общего культурного ландшафта и закономерностей его изменения. Под художественным метанарративом мы понимаем словарь символов и множество нарративных схем, использование которых позволяет отнести созданное произведение искусства к некоторой единой группе. В отличие от методов типологии произведений искусства через концепции жанра или стиля метанарратив предполагает отсутствие явной связи с формой произведения (жанр) или же с техническими приёмами его создания и лежащей за ними картиной мира (стиль). Ближайшим аналогом можно считать иконографический анализ в духе Э. Панофски, но если искусствоведение такого толка больше интересуется трансформацией уже созданных образов, источник которых принимается как данность, то метанарратив учитывает усилие, которое необходимо приложить для поддержания системы.

Художественный метанарратив подразумевает существование некоторого изначального ядра, которое создаёт базовый словарь символов и предлагает несколько типических нарративных схем. Подобное ядро усилием художественной системы абстрагируется до «идеального типа», теряя свою значимость для последующих произведений, превращаясь в несводимый к изначальному произведению метанарратив. Создание метанарратива неизменно требует энергетических затрат, порождая вокруг себя множество вспомогательных наррати-

вов, нацеленных на кристаллизацию и канонизацию отличительных черт формирующегося ядра. В дальнейшем эти практики превращаются в процесс критического отбора новых произведений и описания их как принадлежащих к метанарративу.

Ещё одной ключевой особенностью описания метанарратива выступает его относительно слабая чувствительность по отношению к форме и содержанию конкретных произведений. Поскольку нарративные схемы сейчас пронизывают практически всю человеческую культуру, метанарратив может быть использован в любом виде искусства, подстраиваясь под его требования. Большинство метанарративов формируются из литературных ядер, но для XX века мы можем констатировать появление ядер, связанных с новыми видами искусства: от кинематографа до настольных и компьютерных игр.

Соответственно, предлагаемые дальше варианты анализа художественных метанарративов сосредоточены на решении следующих основных вопросов: 1. Какие усилия были приложены для абстрагирования изначального ядра в метанарратив? 2. Каковы формы проявления художественного метанарратива в актуальных художественных практиках? 3. Какие функции выполняет конкретный художественный метанарратив?

Метанарратив «Дозоров» Сергея Лукьяненко

Серия отечественного писателя-фантаста насчитывает шесть изданных книг: «Ночной Дозор» (1998), «Дневной Дозор», написанный в соавторстве с Владимиром Васильевым (2000), «Сумеречный Дозор» (2004), «Последний Дозор» (2005), «Новый Дозор» (2012), «Шестой Дозор» (2014). Цикл романов представляет собой сосуществование реального и ирреального во времени и пространстве. Само повествование разворачивается в настоящем (относительно времени написания и издания книг из серии), в реально существующих городах с узнаваемыми улицами, объектами инфраструктуры, архитектурными

строениями и т.д., где помимо людей живут «иные», обладающие сверхчеловеческими способностями и имеющие доступ в другой мир – пространство Сумрака. Основные определяющие события общемирового, всероссийского значения истолковываются с позиции действий «иных», представителей Ночного и Дневного Дозоров. Главным персонажем является Светлый иной Антон Городецкий.

Авторскую специфику серии «Дозоров» с отражением вейния современной эпохи, приемов постмодернизма фиксирует, например, интертекстуальность как некий диалог, взаимодействие разных культур, выстраивание коммуникативного взаимодействия между автором и читателем. Репрезентируют это отсылки к произведениям А.Н. и Б.Н. Стругацких («Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом» – больше в идейном отношении), Б. Стокера, Э. По, Л. Кэрролла, Ильфа и Петрова, мифологическим параллелям в именах глав Ночного и Дневного Дозоров (Завулон, Гесер), музыкальным произведениям через тексты песен, вписанных в произведения. Песни определяются случайным образом в процессе воспроизведения, главный персонаж самостоятельно не делает выбор, при этом текст песен всегда гармонично совпадает с эмоциональным настроением героя и вписывается в контекст событий.

Выбор песен созвучен с неким предназначением, судьбой, тексты песен отражают внутренние переживания, характер, индивидуальные особенности главного героя. В целом можно заметить экзистенциальную направленность произведения, выраженную через ситуации выбора пути, судьбоносных решений.

Ярко фиксируется дихотомия Добра и Зла, но непосредственное разделение на Светлых и Темных является условным (Светлые известны не только добром, Темные не творят постоянно зло), автор во главу угла ставит цели и мотивы, определяющие дальнейшие поступки и характер совершаемых действий, персонажи и события имеют неоднозначную трактовку. При этом автор подчеркивает идею баланса сил.

Также в качестве характерных особенностей серии можно выделить нелинейность повествования, непредсказуемость будущего, признаки реализма с идеей возможности человека повлиять на происходящее в мире. Начиная с первой книги происходит игровое вовлечение читателя в повествующие события (через реальный топос, современные времени музыкальные композиции и т.д.), перед читателем приоткрывается завеса таинственности и недоступности ирреального мира – ты обычный человек или иной?

Метанарратив «Дозоров» расширяется за счет литературных дополнений, экранизаций, производства игровых проектов. В период с 2014 по 2020 годы выходят произведения Сергея Лукьяненко в соавторстве с Аркадием Шушпановым («Школьный Дозор», 2014), с Иваном Кузнецовым («Печать Сумрака», 2014) и с Алексом де Клемеше («Участковый», 2014), художественное повествование которых разворачивается также в литературной вселенной «Дозоров», в 2009 году издан комикс «Ночной Дозор». Стоит отметить особое внимание к первым книгам автора из серии, на основе которых были сняты кинематографические произведения («Ночной Дозор» и «Дневной Дозор», режиссер Тимур Бекмамбетов). Также по мотивам первых книг серии созданы настольные игры («Ночной Дозор. Своя судьба», «Дневной Дозор: Битвы Иных») с использованием визуализации по кинофильмам, онлайн-игра «Дозоры. Запрещённая игра» и компьютерные игры («Ночной Дозор» (2005), «Дневной Дозор» (2006)). Производные от литературного оригинала метанарративы, представленные в вышечисленных медиаформатах, имеют свою повествовательную особенность, специфику сюжета, в большинстве своем отличную от исходных авторских нарративных схем.

Метанарратив мира «Ведьмака»

Анджея Сапковского

Продолжая разговор о конструировании художественных метанарративов, нельзя не упомянуть серию Анджея Сапковского «Сага о ведьмаке» 1986–2013 го-

дов, в жанре фэнтези, содержащую следующие книги: «Последнее желание», «Меч предназначения», «Кровь эльфов», «Час Презрения», «Крещение огнем», «Башня ласточки», «Владычица Озера», «Сезон гроз». Изначально произведение было задумано как серия коротких рассказов, опубликованных в польских журналах конца 1980-х, которые уже позднее были собраны в две книги. Эти истории ввели читателей в сложный и многогранный мир, построенный на базе славянской и европейской мифологий, классических мотивов сказки и фольклора. После этого последовала серия из пяти книг, рассказывающая о приключениях Геральта из Ривии, центрального персонажа серии. В этих книгах автор развивает темы чести, любви, предательства и поиска собственной идентичности на фоне межрасовых конфликтов, последствий войн, социальной изоляции, политических интриг и т.д.

Отличиями от традиционных работ этого жанра являются этический релятивизм, гиперреализм и сложная нарративная структура. Автор использует нелинейное повествование, обширные диалоги и глубокую характеристику персонажей, чтобы затрагивать сложные темы. Его стиль отмечен иронией и цинизмом, и именно это придает текстам уникальное звучание. Присутствует элемент игры с ожиданиями зрителя, критическая оценка жанровых стандартов, и в целом представляется сложная картина мира. Но, несмотря на классификацию в качестве фэнтези, серии присущи черты, близкие к научной фантастике и постмодернизму, что делает ее уникальной в жанровом контексте. Исследование социальных, этических вопросов и присутствие в элементах мира магии, мифических существ в сочетании с мутациями и биотехнологиями указывает на некоторые аспекты научной фантастики. Черты же постмодернизма можно отметить следующие: наличие метанарратива и интертекстуальности, соответственно, отсутствие четкой жанровой границы, прием иронии, открытость к интерпретации, фрагментарность и нелинейность повествования.

Серия включает в себя множество аспектов современной культуры помимо литературы – это кинематограф, комиксы и видеоигры. Литературные произведения Анджея Сапковского положили начало вселенной «Ведьмака», которая уже позднее была адаптирована. Каждая из этих адаптаций в той или иной степени опиралась на исходные тексты, интерпретируя и расширяя их для своих медиа. Литературный источник остается фундаментом, на котором строятся все последующие творческие исследования мира «Ведьмака», его персонажей и тем.

Экранизации, начиная с польской 2001 года режиссера Марека Бродски, показавшей потенциал вселенной «Ведьмака», прошли долгий путь до выхода знакового сериала в 2019 году от Netflix (McLean, 2021). Киноадаптации играют важную роль в расширении вселенной «Ведьмака», позволяя зрителям исследовать мир произведения через новые визуальные и нарративные средства. Они также способствуют дальнейшей популяризации исходных литературных произведений, привлекая внимание к оригинальной серии книг.

В сфере видеоигр «Ведьмак» обрел заметное влияние благодаря серии игр от студии CD Projekt Red. Начиная с первой компьютерной ролевой игры в 2007 году и заканчивая «Ведьмак 3: Дикая Охота» 2015 года (<https://www.thewitcher.com/us/ru/witcher3>), эта серия установила новые стандарты для ролевых игр, благодаря глубокому сюжету, разветвленному игровому процессу и сложному миру. Интересно, что интертекстуальность книги отражена в некоторых позициях «прохождения сюжета», где игрок имеет возможность играть от третьего лица не только за главного персонажа, но и за персонажа – «Цири».

Обращаясь непосредственно к формированию метанарратива, изначально он складывается через активную трансформацию славянской мифологии, легенд средневековья и фольклора с позиций современных социальных норм, что позволяет выявлять новые концепты (Panait, 2022). Выстраивается своеобразный диалог

с культурным наследием, что позволяет изменить взгляд на привычные знаки и символы.

Следующим аспектом формирования метанарратива является неоднозначный моральный облик главного героя – «Геральта из Ривии». Происходит деконструкция героического образа, где он перестает быть однозначным и которому присущ моральный релятивизм. Исчезают привычные понятия протагониста и антагониста (Seretsi, 2021). Вне привычной дихотомии добра и зла подчеркивается сложность выбора и его моральная неоднозначность, а также принципиальная нейтральная позиция главного героя.

В связи с этим отмечается и неоднозначность социальных, политических устоев. Критикуются политические системы, включая вопросы социального неравенства, расизма, политической борьбы, идеологической позиции главного героя. Так, чаще всего власть и ее представители символизируют интриги и коррупцию, Анджей Сапковский демонстрирует, как политическая манипуляция и стремление к власти могут привести к разрушительным последствиям для общества и индивидуума. Через сюжеты о злоупотреблении властью автор поднимает вопросы о важности честности, ответственности и демократических принципов в управлении государством. Сильно прослеживается классовое и расовое деление, где человеческая раса выступает агрессором по отношению к другим. Сочетаются уникальные политические и правовые механизмы с мировыми правительственными системами, например натурализм с «коалицией северных королевств» и позитивизм с «южной империей» (Bertram, 2021).

Важной метанарративной схемой является подчеркнутое значение семейных отношений. В данном случае через отношения персонажей – Геральта, Цири и Йеннифэр, а также через их личные истории автор исследует темы семейных уз, родства и поиска собственной идентичности. Эта метанарративная схема подчеркивает значение личных связей и самоопределения в мире, где традиционные структуры часто

оказываются разрушенными и невозможными. Каждый из данных персонажей примеряет на себя ту или иную роль в семье.

Ключевыми аспектами метанарратива являются отношения между главным героем и категориями: судьба и неопределенность. Где одновременно рассматриваются проблемы свободы выбора и предопределенности, что хорошо прослеживается через отношения героя «Геральта из Ривии» и его подопечной «Цири», что является «ребенком неожиданностью», по праву, а не по рождению принадлежащей ему. Эта схема заставляет персонажей и читателей задуматься о том, насколько события их жизни обусловлены внешними силами и насколько они могут формировать собственный путь.

Изучение вселенной «Ведьмака» Анджея Сапковского подчеркивает значимость метанарративов в современной литературе. Сапковский мастерски вплетает сложные политико-правовые и социальные темы в мир фэнтези, опираясь на славянскую мифологию и классический фольклор. Это создает многоуровневый нарратив, который одновременно развлекает и заставляет задуматься о глубинных вопросах человеческой морали. Метанарративы «Ведьмака», проявляющиеся в деконструкции героического образа, критике социальных устоев и исследовании межрасовых конфликтов, делают серию не просто фэнтезийным эпосом, но и зеркалом для рефлексии современного общества. Таким образом, произведение выступает как важный пример того, как литература может формировать и отражать метанарративы, играя ключевую роль в культурном диалоге.

«Лавкрафтианский миф» как художественный метанарратив

Творчество Г.Ф. Лавкрафта является одним из самых показательных примеров становления современного художественного метанарратива. Помимо множества произведений, которые опирались на созданную Г.Ф. Лавкрафтом вселенную ещё при его жизни, на современном этапе используются элементы лавкрафтианского ужаса

в произведениях самых разных видов искусств (причём даже в визуальных, которые, судя по всему, противостоят самому художественному принципу «невыразимости», активно используемому писателем). В последнее время интерес к Г.Ф. Лавкрафту со стороны гуманитарной науки поддерживается творчеством Г. Хармана, для которого творческий метод писателя связан с ключевыми проблемами разрывов в онтологии, которыми занята объектно-ориентированная онтология (Harman, 2008). Обратимся к основным проблемам формирования лавкрафтианского метанарратива.

Во-первых, важно отметить, что метанарратив лавкрафтианского мифа складывается через усилие системы, нацеленное на формирование представлений о художественном вообще и искусстве вообще. Произведения Г.Ф. Лавкрафта издавались преимущественно в бульварных журналах и не были приняты современной автору критикой. В этом смысле очень показателен тот факт, что в то время как Э. Уилсон относился к творчеству Г.Ф. Лавкрафта как к низкопробной литературе «ужасов» (Wilson, 2007), в 2000-х годах произведения Г.Ф. Лавкрафта были изданы в серии «Library of America», идея которой была предложена самим Э. Уилсоном и заключалась в издании наиболее выдающихся произведений американской литературы.

При этом важно понимать, что включение лавкрафтовского наследия в перечень классических произведений американской литературы является не столько обязательным компонентом формирующегося метанарратива, сколько его важным дополнением. В сущности, можно говорить о том, что формирование лавкрафтианских мифов как метанарративов и вело к восприятию изначальных текстов как более «литературных».

Во-вторых, усилие по формированию лавкрафтианского метанарратива неизбежно было связано с отбором и «канонизацией» отдельных произведений автора. Интересно, что этот отбор связан не только с тематическим единством, но и с относи-

тельной литературно-художественной ценностью, которая обеспечивает целостность «Мифов Ктулху», как единого комплекса, в рамках которого формируется набор символов и нарративных схем, которые впоследствии будут востребованы новыми нарративами. В контексте спора о художественном достоинстве произведений Г.Ф. Лавкрафта интересно подчеркнуть, что отбор символов происходит не столько «благодаря» литературной основе, сколько вопреки ей. Так, литературный стиль Г.Ф. Лавкрафта характеризуется недосказанностью, акцентом на «неописуемости» и «сверхъестественности» происходящего. При этом развитие метанарратива потребовало создание в ядре лавкрафтианского мифа устойчивых визуальных образов (самым известным из которых, вероятно, является Ктулху), что полностью противоречит литературной форме произведения.

Соответственно, изначальный литературный нарратив превращается в метанарратив путём усилия, нацеленного в две прямо противоположные стороны: одновременно происходит борьба за признание ядра метанарратива значимым произведением литературного искусства и борьба с самой «литературностью» первоисточника. Чем более признанным становится первоисточник, тем меньше связи с литературным ядром сохраняет ядро метанарратива. Вероятнее всего, этот процесс можно связать со специфическим требованием художественного метанарратива в его существовании как одновременно серьёзного и несерьёзного. Признание литературного ядра произведением искусства добавляет серьёзности художественному метанарративу, в то время как его разрыв с собственной литературной традицией ведёт к обретению «иронической» свободы во взаимодействии с материалом.

Говоря о проявлении лавкрафтианского метанарратива в современных художественных практиках, мы бы хотели особое внимание уделить играм, поскольку в этой области лавкрафтианский миф проявляет себя в особенно интересной форме. Связано это с проблемой гиперреальности компью-

терной игры, вводимой некоторыми теоретиками медиа (Freuermuth, 2015), которая понимается как специфическая характеристика видеоигры, связанная с конструированием нового мира, который не просто «схож» с актуальной реальностью, но создаёт своеобразную альтернативу, в которой действуют иные самосогласованные «реальные» законы.

Концепция гиперреальности становится невероятно важна, если брать во внимание прочтение Г. Харманом Г.Ф. Лавкрафта как писателя *wierd*-реализма (Harman, 2012), который демонстрирует в своём творчестве все четыре основных компонента объекта реальности. *Wierd*-реализм во многом схож с концепцией гиперреальности, но если последняя постулирует внешнее копирование основных принципов реального мира, то *wierd*-реализм концентрирует наше внимание на том, что произведение достигает эффекта реальности, подчёркивая то, что в окружающем нас мире кажется самым «ирреальным».

В этом смысле показателен опыт существования настольной ролевой игры «Зов Ктулху», первая редакция которой была разработана С. Питерсоном в 1981 году. Ключевая особенность игры – это система «ментального урона», из-за которой персонаж, роль которого отыгрывает игрок, может впасть в безумие и начать видеть галлюцинации. В дальнейшем данная механика использовалась во всех играх, которые полностью соответствуют лавкрафтианскому метанарративу, превращаясь всего лишь в характеристику «ментального здоровья», как в более новых настольных играх «Ужас Аркхэма», или предлагая игроку более структурированную модель реакции главного героя на столкновение с «ужасом» в компьютерных играх, наподобие «Call of Cthulhu: Dark Corners of the Earth» (Headfirst Productions, 2005).

С точки зрения агентивной модели видеоигр (Bodi, 2023; Ermakov, 2023) система ментального здоровья является самым серьёзным отличием игрового метанарратива лавкрафтианских мифов. Как именно она связана с проблемами соотношения

wierd-реализма и гиперреализма? Гиперреальность видеоигры требует «нормального» отношения игрока к происходящему. Выстраивание некоторой альтернативной самосогласованной реальности требует исчезновения ряда естественных реакций, связанных с допущением возможности некоторых невозможных событий. Например, долгое время видеоигры не объясняли причин гибели и возрождения персонажа, соблюдая дистанцию между игроком и гиперреальной симуляцией. Метанарратив лавкрафтианского мифа привносит в видеоигру систему *wierd*-реализма, которая требует не только самосогласования симуляции, но и её специфического совпадения с самим игроком.

Во многом эта черта проявлена в самом творческом методе Г.Ф. Лавкрафта, который подчёркивал необходимость воссоздания в произведении реалистичной реакции наблюдателей на столкновение с «ужасом» неизведанного (Lovecraft, 2004). *Wierd*-реальность, таким образом, становится более реальной, потому что она сохраняет свою привязанность к зрителю-игроку, чего и требует лавкрафтианский миф (то, что Г. Харман вслед за М. Фридом называет театральностью и связывает с формированием особого единства между зрителем и произведением (Harman, 2019)). В то же время гиперреальное произведение сохраняет дистанцию, благодаря которой и достигает своего эффекта. В этом смысле достаточно позднее появление игр в ключе лавкрафтианского метанарратива можно объяснить именно сложностью реализации *wierd*-реальной игры в противовес гиперреальному игровому, которое, по всей видимости, существует во всех игровых системах.

Таким образом, лавкрафтианский метанарратив, складываясь через усилие по преодолению художественных свойств собственного ядра, приводит к появлению комплекса современных нарративов, связанных с конструированием момента перехода от гиперреальности к *wierd*-реальности. Как компонента современной культуры он осуществляет взаимодействие между серьёзностью литературного перво-

источника (которая была доказана через усилие) и несерьезностью многих современных проявлений (развлекательная компонента видеоигры).

Заключение

Анализ механизмов формирования и функционирования художественных метанарративов показал, как в контексте современной культуры они трансформируются и интегрируются в различные культурные практики, обогащая их новыми смыслами и интерпретациями.

Исследование художественных метанарративов вселенной «Дозоров» Сергея Лукьяненко, вселенной «Ведьмака» Анджея Сапковского, лавкрафтианского метанарратива выявляет своеобразие метанарративных конструкций в современной литературе, показывая авторские вплетения сложных социальных и политико-правовых тем в произведения, опираясь на мифологию и фольклор, взаимодействие

современной и предшествующей культур в рассуждении о вопросах морального выбора, судьбы и предопределенности. Знаки и символы метанарративов обладают тем самым общечеловеческим потенциалом.

Художественные метанарративы исходных, оригинальных повествований, в свою очередь, порождают новые современные нарративы, переходящие от концепции гиперреальности к wierd-реальности. В современной культуре это способствует диалогу между серьезностью литературного произведения и легкостью его восприятия в разных форматах, таких как видеоигры.

Приведенные примеры из литературы, кинематографа и видеоигр подчеркивают роль метанарративов в создании сложных, многогранных миров. Таким образом, статья не только выявляет основные тенденции в развитии художественных метанарративов, особенности их конструирования, но и демонстрирует их значимость для понимания современного культурного поля.

Список литературы / References

- Bódi B. *Videogames and Agency*. Taylor & Francis, London, 2023, 226.
- Bertram, C.M. Andrzej Sapkowski's Witcher Series: Fantasy's Appropriation of Modern Political Landscapes. In: *Undergraduate Research Scholars Program*, 2021. Available at: <https://hdl.handle.net/1969.1/194339>.
- Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Shpak A. A., Pimenova N. N. Obraz iskusstvennogo intellekta v kinematografe: transformatsii v period 1980–2010-kh godov [The image of artificial intelligence in cinema: transformations during the 1980–2010s]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2023, 16(8), 1454–1470. EDN: XVMNJF.
- Dokuchaev I. I. Videoigry kak forma iskusstva: dekonstruktsiya i metanarrativ v rabotakh Yoko Taro [Video games as an art form: deconstruction and metanarrative in the works of Yoko Taro]. In: *Kino. Rech'. Kul'tura: Materialy XV Vserossiyskoy studencheskoy konferentsii [Cinema. Speech. Culture: Proceedings of the 15th All-Russian Student Conference]*, Saint Petersburg, 2021, 69–78.
- Ermakov T. K. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya topologicheskogo analiza videoigr: opyt sravneniya igr dlya konsoley Atari 2600 i Nintendo Entertainment System [Theoretical and methodological foundations of topological analysis of video games: a comparison of games for Atari 2600 and Nintendo Entertainment System consoles]. In: *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 116–125. EDN: KJSRWD.
- Feinstein D. Personal Mythology. Psychological Perspectives. In: *Journal of the Division of Humanistic Psychology, The American Psychological Association*, 1990, 2, 139–140.
- Freyermuth G. S. *Games. Game Design. Game Studies*. Verlag, Bielefeld, 2015.
- Galukhin A. V. Ten' kibervoiny v fokuse geopoliticheskogo metanarrativa [The shadow of cyberwar in the focus of the geopolitical metanarrative]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*, 2021, 3, 180–193.

Harman G. *Art and Objects*. Polity Press, Cambridge, 2019, 240.

Harman G. *On the Horror of Phenomenology: Lovecraft and Husserl*. Collapse IV, 2008, 333–364.

Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*. Zero Books, Winchester, 2012, 277.

Kolesnik M. A., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Obraz poeha-tvortsya v simbolizme Gyustava Moro [The image of the poet-creator in the symbolism of Gustave Moreau]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2019, 3(4), 25–37. DOI 10.31804/2542–1816–2019–3–4–25–37. EDN: BTGMGM.

Koptseva N. P., Pimenova N. N. Svoeobrazie kul'turnykh soobshchestv segodnya: opyt izucheniya transformatsiy v kul'turnykh prostranstvakh i klassifikatsiya T. Kh. Eriksona [The uniqueness of cultural communities today: a study of transformations in cultural spaces and T. H. Erikson's classification]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2020, 4(3), 57–69. DOI 10.31806/2542–1158–2020–4–3–57–69. EDN: QNOFTB.

Kuznetsov V. A. Arabskiy mir v 2010-e: igry metanarrativov [The Arab world in the 2010s: games of metanarratives]. In: *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*, 2020, 11(3), 95–112.

Latour Bruno. *We have never been modern*. Harvard University Press, 1993, 165.

Litvin T. V. Za predelami metanarrativa: sub'yekt kak problema sovremennoy estestvennoy teologii [Beyond the metanarrative: the subject as a problem of contemporary natural theology]. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanities Academy]*, 2019, 20(4), 343–351.

Lovecraft H. P. *Collected Essays*. Volume 2: Literary Criticism. Hippocampus Press, New York, 2004, 248.

Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Les Editions de Minuit, Paris, 1979, 135.

McLean B. The Witcher. *Science Fiction Film and Television*, 2021, 14(3), 429–433.

Official game site: “The Witcher 3: Wild Hunt” (2015). Available at: <https://www.thewitcher.com/us/ru/witcher3>.

Ovodova S. N. Global'noe v diskurse metamodernizma: problema istokov [The global in the discourse of metamodernism: the problem of origins]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [News of Saratov University. New Series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]*, 2022, 22(1), 29–33.

Panait R. A. Folklore and forethought – narrative duality in The Witcher. In: *Revista de Filosofie Aplicata*, 2022, 4(6), 79–93.

Pashova E. V. “Superbogi”: kak sozdateli komiksov osmyslyayut arhetipy supergeroev [“Super gods”: how comic book creators interpret superhero archetypes]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2020, 4(3), 100–110. DOI 10.31806/2542–1158–2020–4–3–100–110. EDN: LF-NHAG.

Pavlov A. P. *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Post-postmodernism: how social and cultural theories explain our time]. Izdatel'skiy dom “Delo”, Moscow, 2023.

Podoroga B. V. Ponyatie metanarrativa v filosofii Zhana-Fransua Lyotara: krizis Prosveshcheniya i alternativa postmoderna [The concept of metanarrative in Jean-François Lyotard's philosophy: the Enlightenment crisis and the postmodern alternative]. In: *Polilog [Polylogue]*, 2018, 2(3), 6.

Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva YU. S. Filosofiya iskusstva v tvorchestve Ehgona Shile [Philosophy of art in the work of Egon Schiele]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2019, 3(4), 38–48. DOI 10.31804/2542–1816–2019–3–4–38–48. EDN: TYAFFZ.

Roberts B. Time, biography, and ethnic and national identity formation. In: *K. J. Brehony & N. Rassool (eds.) Nationalism, London: Macmillan/BSA*, 1999.

Rymar' N. T. Khudozhestvennyy metanarrativ moderna i struktura romana XIX v [The artistic meta-narrative of the modern era and the structure of the 19th-century novel]. In: *Semioticheskiye issledovaniya [Semiotic Studies]*, 2023, 3(3), 45–58.

Sepetci T. Blurred Borders Between Good and Evil in Today's «Lesser Evil World»: The Witcher as Book, Game, and Netflix Series. *International Perspectives on Rethinking Evil in Film and Television*, 2021, 59–75.

Seredkina N.N., Kistova A.V., Pimenova N.N. Tri kartiny Ehdvarda Munka: filosofsko-iskusstvovedcheskii analiz tsikla "Friz zhizni" [Three paintings by Edvard Munch: a philosophical and art criticism analysis of the cycle "Frieze of Life"]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2019, 3(4), 49–64. DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-4-49-64. EDN: WSEXKK.

Shilov O. A. Postmodernistskiy metanarrativ v kino [The postmodernist metanarrative in cinema]. In: *Kino. Rech'. Kul'tura: Materialy XV Vserossiiskoi studencheskoi konferentsii [Cinema. Speech. Culture: Proceedings of the 15th All-Russian Student Conference]*, Saint Petersburg, 2021, 126–131.

Shirinyants A. A. Vigskiy metanarrativ kak modus utverzheniya liberal'noy doktriny [The Whig metanarrative as a mode of asserting liberal doctrine]. In: *SCHOLA – 2020: Sbornik nauchnykh statey fakulteta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova [SCHOLA – 2020: Collection of scientific articles of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University]*, Moscow: Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 2020, 21, 464–467.

Tlostanova M. V. Postkontinental'naya filosofiya: post- i neometaphizicheskiy povorot [Postcontinental philosophy: post- and neo-metaphysical turn]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya [Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Philosophy]*, 2013, 2, 54–70.

Ulybina E. V. *Psikhologiya obydennoy soznaniya* [Psychology of everyday consciousness]. Moscow: Smysl, 2001.

Verein A. S. Kritika metanarrativa v postmodernizme [Critique of metanarrative in postmodernism]. In: *Vestnik studencheskoy nauchnoy sessii fakulteta filosofii i psikhologii: materialy studencheskoy nauchnoy sessii [Bulletin of the student scientific session of the faculty of philosophy and psychology: materials of the student scientific session]*, Voronezh: Voronezh State University, April 01–30, 2022, 16, 32–35.

Wilson E. *Literature Essays and Reviews of the 1930s-1940s*. New York: Library of America, 2007, 1025.

EDN: HAZNPS
УДК 7.038.54

Features of Krasnoyarsk Artistic Culture Development in 1990s

Aleksandra A. Sitnikova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.02.2024, received in revised form 27.02.2024, accepted 12.03.2024

Abstract. The relevance of the study is associated with insufficient knowledge of the features of the development of the artistic process in Russian regions in the nineties, in general, and in Krasnoyarsk, in particular. The archival materials that have been accumulated till present – the cultural life of the 1990s evidence – require timely reflection. The study purpose is to describe the dynamics of the development of cultural life in Krasnoyarsk in the 1990s (using the example of the situation in fine arts and visual culture). Based on the results of the study, the key events in the cultural life of the city of the decade under study were named – the festival “New Territories of Art”, the Krasnoyarsk Museum Biennale, exhibition projects – “In Search of the Unknown God”, “Architectural Twenty”, “Zaum”, “Mars Attacks”, “Star MG” “ and others. A conclusion is drawn about the peculiarities of the development of fine art at this time: the meeting-clash of academic and conceptual art, turning to the creation of works on religious themes, highlighting new symptomatic features in the “portrait” of post-Soviet society.

Keywords: Siberian contemporary art, cultural dynamics, Krasnoyarsk art, conceptual art, Krasnoyarsk Museum Biennale.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Sitnikova A. A. Features of Krasnoyarsk Artistic Culture Development in 1990s. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 694–707. EDN: HAZNPS

Особенности развития красноярской художественной культуры в 1990-е годы

А.А. Ситникова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью особенностей развития художественного процесса в российских регионах в 1990-е годы в целом и в Красноярске в частности. Накопившиеся к сегодняшнему дню архивные материалы – свидетельства культурной жизни 1990-х годов – требуют своевременного осмысления. Цель исследования – описать динамику развития культурной жизни Красноярска в 1990-е годы (на примере ситуации в изобразительном искусстве и визуальной культуре). По результатам исследования названы ключевые события культурной жизни города изучаемого десятилетия – фестиваль «Новые территории искусства», Красноярская музейная биеннале, выставочные проекты «В поисках неведомого Бога», «Архитектурная двадцатка», «Заумь», «Марс атакует», «Звезда МГ» и другие. Сделан вывод об особенностях развития изобразительного искусства в это время: встреча-столкновение академического и концептуального искусства, обращение к созданию произведений на религиозную тематику, высвечивание новых симптоматичных черт в «портрете» постсоветского социума.

Ключевые слова: сибирское современное искусство, культурная динамика, красноярское искусство, концептуальное искусство, Красноярская музейная биеннале.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Ситникова А. А. Особенности развития красноярской художественной культуры в 1990-е годы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 694–707. EDN: HAZNPS

Введение

Сегодня особенности развития художественного процесса и изобразительного искусства в 1990-е годы в России находятся в фокусе внимания. Вероятно, именно сейчас происходит серьезное исследовательское осмысление российского искусства рубежа XX–XXI веков, так как значительные изменения, произошедшие в российской культуре в начале 2020-х годов, позволяют увидеть предшествующие 30 лет развития как единое целое, как отчасти завершившийся процесс. В настоящей статье мы остановимся на исследовании красноярской художественной культуры 1990-х годов. Одним из проявлений художественной культуры является сфера развития изобразительного искусства.

Представляется, что процесс развития изобразительного искусства в 1990-е является достаточно репрезентативным, поэтому в настоящей статье мы остановимся на описании особенностей развития именно этой сферы художественной культуры в Красноярске в девяностые годы.

В качестве главной особенности развития сферы изобразительного искусства в Красноярске в девяностые годы можно считать первую встречу сильнейшей традиции классического, академического искусства, укрепленную в Красноярске образовательными институциями для художников всех уровней и Союзом художников, и современного или концептуального искусства, развивающего новые художественные традиции,

не имевшие ранее никаких корней в художественной культуре города. В статье будет описана и проанализирована особенность встречи этих традиций в художественной культуре Красноярска и итоги этой встречи. Цель исследования – выявить симптоматичные процессы во взаимодействии локальных художественных практик и импортных художественных практик в 1990-е годы в художественной культуре региона.

Материалы

и методология исследования

В качестве материалов для исследования выступили архивные материалы Музейного центра «Площадь Мира» (ранее – Культурно-исторического музейного комплекса). Методологические подходы – анализ культурной динамики П. Сорокина (Sorokin, 2006), метод философско-искусствоведческого анализа и методология исследования развития системы изобразительного искусства согласно теории изобразительного искусства Н.П. Копцевой и В.И. Жуковского (Koptseva, Zhukovskiy, 2004), а также современным исследованиям региональной художественной культуры на кафедре культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Koptseva, Degtyarenko, Pchelkina, Menzhurenko, 2022; Koptseva, Reznikova, 2015; Koptseva, Sertakova, Krupkina, 2019; Kofitceva, Sitnikova, Ermakov, 2023; Koptseva, Sitnikova, Lisavina, 2023; Pimenova, 2023; Pimenova, Zamaraeva, 2023; Sergeeva, 2023).

Обзор литературы

К 2020-м годам появилось значительное количество статей про особенности развития российского искусства в 1990-е годы. Отдельные исследователи, которые являются не только теоретиками, но и активными участниками художественного процесса в эти годы, описали в своих статьях некоторые особенности развития искусства в девяностые (Misiano, 1999; Degot', 2000; Kovalev, 2013 и др.). В статье Г.Е. Ершова дана довольно емкая характе-

ристика развития искусства в этот период: *«В 1990-е годы в современном искусстве России произошел решительный поворот в сторону Запада, что выразилось в глобальном освоении языка выражения и форм репрезентации у нескольких поколений российских художников. В настоящее время принято говорить о времени 1980–1990-х как о революционном, для которого характерен радикализм, быстрота перемен, образование новых художественных институций (фондов, галерей, издательских центров), стремление к обретению самоидентификации»* (Ershov, 2009: 93). Также Ершов Г.Е. обращает внимание на то, что для большинства российских художников постсоветского времени главным ориентиром в искусстве становится Й. Бойс по причине связанности в его творчестве искусства с шаманскими практиками. Некоторые исследователи особенно выделяют высокую значимость христианских и религиозных поисков в изобразительном искусстве 1990-х годов (Shendarev, 2017).

Если столичное российское искусство девяностых исследовано и описано достаточно хорошо, то особенности развития искусства в российских регионах в те годы на сегодняшний день не являются достаточно изученными. Лучше всего региональный вариант развития искусства в 1990-е описан и проанализирован в отношении уральского искусства, искусства Свердловска-Екатеринбурга (Zhumati, 2022; Avdeeva, 2022; Lapteva, 2023; Priruchaya pustotu, 2018). Появляются отдельные изучения особенностей развития искусства в девяностые и по отношению к Сибирскому федеральному округу (Popova, Churilov, 2023). Стоит обратить внимание, что эти исследовательские работы опубликованы в последние пару лет, то есть сегодня ведется интенсивная научно-исследовательская работа по изучению регионального искусства девяностых годов. Особенности развития красноярской художественной культуры и искусства этих годов в научных источниках на сегодняшний день описаны недостаточно.

Результаты исследования

К 1990-м годам в Красноярске сложилась очень сильная академическая художественная школа: Красноярское художественное училище им. В.И. Сурикова существовало с 1958 года, Красноярский государственный художественный институт, ныне вошедший в состав Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского, был основан в 1978 году. Именно в Красноярске выпускники художественных институтов могли получить послевузовское художественное образование, поступив в мастерские Отделения Урал, Сибирь и Дальний Восток Российской академии художеств. Красноярское отделение Союза художников существует с 1940-х годов. Таким образом, к девяностым годам XX века в Красноярске было подготовлено более сотни художников, готовых работать в эстетике социалистического реализма и выполнять традиционный советский госзаказ на художественные произведения, но в связи с политическими, экономическими и социокультурными переменами, начавшимися в 1990-е годы, они лишились госзаказа, привычных возможностей работы в сфере культуры. Искусствовед Т. М. Ломанова так описывает эту кризисную ситуацию в интервью: *«Это было время кризиса, в том числе и в искусстве. Наступает 1991 год, и начинается история новой страны, начинается новое время. Очень многое ушло. Во-первых, ушёл госзаказ. Раньше художники знали, какие работы будут востребованы. Допустим, будет юбилей милиции, и к нему непременно откроется большая выставка – нужно писать на эту тему. Это условно говоря. Художники десятилетиями так работали, но в один момент всё это рухнуло.*

Огромные полотна стали никому не нужны, они стоят в мастерских. У музеев нет денег для их приобретения, ведь культура всегда жила на остаточные средства. А с развалом Советского Союза всё усугубилось. И это время было достаточно тяжёлым для художников, привыкших работать в советской системе. Его так

приучили – он живет свободно, спокойно, у него семья, которую нужно кормить, музеи, конторы приобретают его работы. Это была налаженная система. А потом всё это благополучие исчезло. Конечно, для многих такие перемены были большим потрясением. Теперь художник вынужден сам заботиться о себе и о своей семье» (Pashal'skiy, 2020).

Параллельно в городе появляется новая крупная художественная институция, вовлеченная в изобретение и развитие новой визуальности постсоветского времени, – Красноярский культурно-исторический музейный комплекс (сейчас – Красноярский Музейный центр «Площадь Мира»). *«С января 1990 года Красноярский филиал Центрального музея В.И. Ленина был реорганизован в музей политической истории, а в августе 1991 года был передан в ведение комитета по делам культуры и искусства администрации края, получив новое название «Культурно-исторический центр» (впоследствии Культурно-исторический и музейный комплекс)»* (Lomanova, Potilicina, 1995: 12–13).

Инновационные формы культурных событий, происходящие в этом комплексе в 1990-е годы, позволяют заняться изобразительным искусством не только художникам, имеющим профессиональное художественное образование, но и представителям смежных дисциплин – например, архитекторам, культурологам, художникам-самоучкам и т.д. Таким образом, в 1990-е годы складывается кадровый кризис в искусстве: сотни художников, обученных работать по системе госзаказа в традициях социалистического реализма, оказываются невостребованными; и в то же самое время заниматься созданием произведений визуальной культуры начинают новые люди – архитекторы, самоучки, молодые художники, легко адаптировавшиеся к переменам. В частности, кадровая причина стала одной из наиболее значимых, приведших к обострению конфликта между академическим художественным сообществом и представителями новых тенденций в искусстве к началу нового тысячелетия.

На 1990-е годы приходится последний период творчества многих наиболее оригинальных и заметных художников послевоенного поколения красноярских мастеров изобразительного искусства. Они уходят из жизни в это десятилетие или чуть позднее: в 1996 году умирает Валерий Песегов, в 1998 году – А. Поздеев и Ю. Деев, в 2000-м – Владимир Капелько, в 2002 году – М. Молибог. Помимо культурного перелома происходит и естественная смена поколений. Стоит обратить внимание на тот факт, что заключительный период творчества многих из этих художников связан с обращением к религиозной тематике. После многолетней оторванности советского изобразительного искусства от буквального обращения к религиозности на сюжетно-тематическом уровне в 1990-е годы наблюдается процесс возвращения живописи к исконной связи с религией, с которой искусство едино в том, что работает с духовным уровнем бытия человека. Некоторые исследователи постсоветского искусства отмечают, что многие художники в этот период либо начинают создавать произведения на религиозные сюжеты, либо начинают чаще выставлять такие свои работы (Shendarev, 2017). Важно отметить, что религиозность произведений искусства, созданных в 1990-е годы, весьма специфична: художники обращаются либо к понятным христианским сюжетам («Библейская серия» А. Поздеева); либо занимаются созданием картин на околорелигиозные эзотерические темы, условно изображая добро и зло, визуальные ответы на вопросы о смысле жизни человека и т.д. (произведения М. Молибога); либо пробуют понять суть бытия через постижение сакрального знания мировых религий – например буддизма (например, арт-объекты В. Жуковского). Факт прямого обращения к религиозным темам свидетельствует о том, что в 1990-е годы возникает высокий спрос на разговор о духовном, на возрождение утраченной коммуникации с духом. Потребность в такой коммуникации традиционно выполняло религиозное искусство. В советское время искусство социалистического реализма

долгое время вполне закрывало недостаток в коммуникации с духом, представляя собой, по сути, советский вариант иконописи с образами будущего горнего мира – мира наступившего коммунизма, с иконами коммунистических вождей. После полного исчезновения социалистического реализма в 1990-е годы потребовалась полноценная замена социалистической формы религиозности на актуальную, и первым вариантом для художников стал путь возвращения к непосредственным религиозным системам и образам, которые могли моментально восполнить потребность в присутствии духовности в жизни человека.

Другой путь поиска новых визуальных религиозных посредников в общении человека и духа был начат в концептуальном искусстве, в искусстве, которое в 1990-е годы получило название «современное искусство». Сегодня согласно директиве Министерства культуры Российской Федерации 2017 года под современным искусством предлагается понимать все искусство, создаваемое ныне живущими художниками. Но в 1990-е годы термин «современное искусство» вошел в русский язык как перевод англоязычного термина «contemporary art», где под ним понимается искусство, продолжающее модернистскую традицию поворота в сторону репрезентации актуальной исторической, культурной, философской повестки, разработки инновационного художественного языка с изобретением новых техник, жанров и видов искусства, оставляя в стороне, академическое искусство, направленное, наоборот, на поддержание традиций классического художественного мастерства, основы которого были заложены еще в эпоху Возрождения. «Современное искусство» продолжало парадигму, сформировавшуюся в эпоху «модерна» рубежа XIX–XX веков, ориентированного на отказ от канонического искусства, искусства, соответствующего правилам, в пользу искусства, изобретающего новые правила, новые принципы создания визуальных образов. В настоящей статье для обозначения линии авангардного развития искусства в 1990-е годы мы будем использовать термин «кон-

цептуальное искусство». Под концептуальным искусством можно понимать, с одной стороны, особенное художественное течение, начатое в американском искусстве художником Джозефом Кошутом, предполагающее, что в XX веке визуальное искусство начало выполнять в обществе роль философии – такую, например, как размышление о смысле бытия, осмысление идеальной сути бытия и т.п. В более широком смысле концептуальным искусством со второй половины XX века начали называть всякое искусство, где искусность творения (уровень мастерства) произведений искусства уступает степени проработанности замысла, философских оснований и идеальной сути художественного образа, то есть мастерство художника заключается теперь не в том, насколько мастерски он пользуется художественными материалами, создавая произведения искусства, а в том, насколько мастерски он продумывает идею своего произведения, которая может быть воплощена в реальность хоть с помощью слова, необязательно с помощью традиционных художественных материалов – масляной краски, камня, акварели и т.п. Итак, 1990-е годы – время, когда в Красноярске начинает развиваться концептуальное искусство. Главной площадкой для развития концептуального искусства в городе становится Красноярский культурно-исторический музейный комплекс.

Как сообщают исследователи художественного процесса в 1990-е годы, данное десятилетие отличается экспериментальным поиском новых путей развития искусства. Социокультурный эксперимент осуществлялся стихийно, спонтанно и приводил к внезапному появлению новых институций и новых культурных событий в это время. Чаще всего созданные в 1990-е годы культурные институции просуществовали недолго, но судьба Красноярского культурно-исторического комплекса сложилась иначе: оказавшись в 1990-е годы в ситуации судорожного поиска новых путей для продолжения своего существования и развития (так как концепция 13-го филиала музея В. И. Ленина оказалась полностью

нежизнеспособной), музей случайно был вовлечен в процессы развития российского концептуального искусства и планомерно продолжил свою деятельность в этом направлении. В 1990-е годы случились наиболее знаковые события, способствующие выбору и укреплению данного пути развития.

Ключевым событием стало проведение на базе музея фестиваля «Новые территории искусства» в 1993 году. Фестиваль включал в себя научную программу – семинар, посвященный обсуждению новых экспериментальных форм развития российского искусства; выставку произведений современного искусства, включающую показ красноярской аудитории новых жанров в искусстве – паблик-арта, видео-арта, инсталляций и других. На выставке было представлено более 50 произведений из коллекции Отдела современного искусства музея «Царицыно», заведовал которым куратор Андрей Ерофеев, из галереи Марата Гельмана и из галереи «Школа». Одним из наиболее впечатляющих произведений выставки стал паблик-арт объект группы «АБ» (аутентичное название арт-группы содержало нецензурное слово, а эпатаживание публики с помощью использования народной лексики из низовой культуры было симптоматичным явлением в искусстве 1990-х – начале 2000-х, эпатаж был призван показать родство художников и народа, призвать самую широкую аудиторию приобщаться к новым формам искусства) «Сфинкс», размещенный на архитектурной площадке-подиуме перед зданием музея (прил. 1).

Идея создать вариацию египетского Сфинкса в Красноярске появилась у художников под вдохновением от здания Красноярского краевого краеведческого музея, построенного в начале XX века архитектором Леонидом Чернышевым в виде египетского храма. Л. Чернышев считал, что две цивилизации – египетская и сибирская – объединены тем, что возникли вдоль великих рек Нила и Енисея, поэтому идея создания музея, предназначенного для хранения произведений искусства и культуры – посланников вечности, в стиле египетского храма

понятна: египетская культура построена вокруг концепта «вечность». Так, первый красноярский паблик-арт продолжил линию воображения культурных связей между Сибирью и миром в образе Сфинкса, созданного из местных материалов – веток, палок и полиэтилена. Красноярский Сфинкс обладал телом зверя, а лицом человека – мужчины с усами. По итогам проведения фестиваля коллекция Красноярского культурно-исторического музейного комплекса впервые пополнилась ценными экспонатами современного искусства, переданными на постоянное хранение Государственным музейно-выставочным центром «РОСИЗО», которые впоследствии будут постоянно демонстрироваться на концептуальных выставках из музейной коллекции – в частности, это такие работы, как «Форум» В. Кошлякова, работы из серии «Школьные доски» С. Волкова, графика А. Бродского и Ю. Авакумова и некоторые другие. По итогам фестиваля Красноярск впервые увидел произведения искусства русских художников позднесоветского и постсоветского времени, познакомился с новыми жанрами современного искусства, а также фестиваль привлек активную творческую молодежь Красноярска, которая оказалась заинтересована возможностью творить в новых жанрах и направлениях – самыми активными участниками стала группа студентов и преподавателей кафедры архитектуры красноярского инженерно-строительного института, уже в этом же году молодые архитекторы предложили свою реакцию на фестивальное искусство в виде выставки «Архитектурная двадцатка», в чем-то поддерживающую новые экспериментальные формы развития искусства, в чем-то критикующую. Среди молодых архитекторов был художник Виктор Сачивко, который впоследствии превратится в куратора многочисленных выставочных проектов музея, станет активным участником красноярских музейных биеннале и представит десятки собственных выставок в стенах музея. На выставке «Архитектурная двадцатка» В. Сачивко представил свой живописно-пластический объект «Население пещер».

В музее и далее продолжили проводить кураторские выставки, предлагавшие художникам создать произведения на определенные темы, положенные в названия выставок. Такие названия зачастую отражали духовно-интеллектуальный поиск, который стал очень важен в 1990-е годы. В 1994–1995 годах прошла выставка «В поисках неведомого Бога», о которой сохранились скромные упоминания в архивах музея, но известно, что для этой выставки художник В. Сачивко создал архитектурный объект малой формы «Ваджра» (прил. 2) из мебельного конструктора тканевых лент и нитей.

Аннотация к объекту поясняет: *«Авторский объект «Ваджра» был создан специально в рамках предлагаемой концепции выставки «В поисках неведомого Бога», посвященной современному видению символов веры пяти основных религий Сибири»*. В аннотации нет уточнения по поводу того, какие религии имеются в виду, можно предположить, что речь идет о буддизме с формой ступы, о шаманизме и народных верованиях с традициями подвязывать тряпочки на деревьях и других объектах, обозначая сакральные места. Само название – ваджра – обозначает мифологическое оружие Индры в индуизме. Таким образом, и само название выставки, и данный объект вновь подтверждают тот факт, что поиск новых религиозных культурных оснований является главным ориентиром эпохи, особенность этого поиска в попытке обращения к самому широкому спектру мировых и архаических религий, эзотерическим учениям, помимо христианских.

Также с 1994 года искусствовед Татьяна Михайловна Ломанова в музее проводит выставки молодых художников, которые получают серийное название – «Заумь», «Заумь II» (1995), «Заумь III» (1996). Одним из постоянных участников выставки был художник В. Слонов. Симптоматичное название отражает претензию на создание сложных визуальных образов для интеллектуального осмысления зрителями, и одновременно немного пренебрежительная коннотация выдает сомнения в том, что та-

кой путь движения в изобразительном искусстве верен.

Продолжением практики презентации новых форм искусства и наиболее значительным событием 1990-х в красноярской культуре становится начало проведения Красноярской музейной биеннале. Первая биеннале проходит в 1995 году, считается старейшей биеннале в России и продолжает существовать до сих пор. Инициаторами проведения первой Красноярской биеннале в регионе являлись директор ККИМК – М.П. Шубский и А. Глинская, а также С. Ковалевский и В. Сачивко. Ана Глинская так говорит о замысле проведения биеннале: *«Идея первой биеннале – разбудить городскую вертикаль. И через это пробуждение соединить Красноярск с другими вертикальными пространствами на этой планете»* (Ситникова, 2017). Очевидно, что создатели биеннале ставили перед собой не узкие культурные цели – например, продолжать знакомить жителей города с новыми формами искусства, а более амбициозные – изменить инертность и пассивность провинциального центра, установить диалог между Красноярском и другими культурными центрами мира. Важно, что красноярская биеннале получила название «музейная» – действительно, она представляла собой конкурс-соревнование между музеями на предмет лучшей экспозиционной презентации экспонатов и коммуникационного сопровождения выставок. Музейные экспозиции оценивало экспертное жюри, которое в первый год проведения биеннале единогласно признало лучшей экспозицией «Летнее стойбище оленевода» эко-музея села Варьеган Ханты-Мансийского округа. Проект представлял собой воспроизведение летнего стойбища ненецкого оленевода с чумом, лабазом, охотничьей и домашней утварью, что в целом не сильно отличалось от традиционного метода экспонирования этнографии в краеведческих музеях. Главное отличие заключалось в коммуникационной составляющей: ненецкий писатель и поэт Юрий Кыльевич Айваседа (Вэлла) постоянно присутствовал в стойбище, занимался традици-

онными ненецкими ремеслами и постоянно общался со зрителями, воспроизводя разговорную культуру коренного северного народа. Такая воодушевленность экспертного жюри и организаторов культурой общения в экспозиции определила концепцию развития красноярского музея на несколько десятилетий вперед – музею была дана рекомендация развиваться именно по этому пути: создавать в своем пространстве культуру общения, помимо культуры презентации художественных ценностей. Можно отметить тот факт, что на первой Красноярской музейной биеннале была значительно представлена местная коренная культура сибирского региона, дальневосточного региона и некоторых других: помимо ненецкого стойбища биеннале включала в себе такие экспозиции, как «Мир женщины Севера», «Ангарская старина», «Духовная культура шорцев», «Традиционные жилища и занятия ительменов», «Ритуальная скульптура нанайцев». Таким образом, коренные культуры Сибири и Дальнего Востока с самого начала стали важным тематическим вектором для культурного развития новых форм искусства в Сибири.

Второй важной особенностью первой биеннале являлось то, что в отличие от фестиваля «Новые территории искусства», на котором были представлены новые направления в развитии искусства от столичных художников, в биеннале принимали участие и красноярские художники: и те, которые в дальнейшем в своем творчестве займутся концептуальными художественными практиками; и те, кто будет развивать эстетику сибирской неоархаики, и представители академической школы красноярского искусства. В. Сачивко специально для первой биеннале создал живописно-пластический объект «Охота на гиппопотама». С. Ануфриев участвовал со своими пространственными керамическими композициями, а Н. Рыбаков выставлял характерную экспрессивную абстрактную графику на основе сибирских визуальных мотивов. Молодые красноярские художники экспериментировали с новыми формами презентации произведений искусства – на-

пример, в проекте А. Александрова картины были упакованы газетами, которые зрителям необходимо было сорвать, чтобы посмотреть на них (прил. 3).

Таким образом, первая биеннале отличалась сплоченностью художественного сообщества в стремлении представить городу самые разнообразные варианты творческих поисков в искусстве. В целом экспериментальная атмосфера 1990-х была предельно открыта и готова принять в сферу художественной жизни очень многие явления, включая выставки филателистов и развлекательные культурные проекты. Такая широкая воронка для входа в художественную культуру создавала, с одной стороны, атмосферу полной творческой свободы, характерную для 1990-х годов, а с другой стороны, размывала границы представлений об искусстве, позволяла рассматривать многие явления и объекты как произведения современного искусства, что в конечном счете понижало значимость и ценность сферы искусства, поэтому в дальнейшем академическое художественное сообщество полностью перестало интересоваться концептуальным искусством и пересекаться с ним, а художественное сообщество концептуалистов, в свою очередь, начало устанавливать все более строгие рамки для входа.

Вторая музейная биеннале, состоявшаяся в 1997 году, носила название «Открытый музей: Urbi et orbi». Одним из наиболее эффектных проектов биеннале также стал паблик-арт произведение группы «АБ» «Глаза музея» (прил. 4). С помощью собранных из легкого каркаса и прозрачного полиэтилена глаз брутальная плоскость стены музейного здания приобрела «возможность видеть».

Главным достижением второй биеннале является введение Красноярского культурно-исторического музейного комплекса в систему значимых культурных организаций европейского и мирового масштаба. Это произошло благодаря приглашению в жюри авторитетных деятелей культуры из-за рубежа: Билл Макалистер – создатель английского Института современного искусства; куратор галереи Хей-

ворд – Эндрю Демпси. Итогом становится то, что в 1998 году музею был вручен переходящий приз Совета Европы «За вклад в развитие европейской идеи», а биеннале становится на долгое время единственным цитируемым и обсуждаемым в зарубежной прессе культурным событием Красноярска. Гран-при второй биеннале получает проект Государственного художественного музея в Сургуте «Огниво Одина?», представлявший собой необычный подход к экспонированию традиционной археологической находки, то есть на уровне содержания биеннале в эти годы остается действительно музейной, решающей прежде всего проблемы экспозиционной музейной деятельности.

Самым насыщенным по событийности в 1990-е годы в сфере концептуального искусства становится 1999 год. В этот год прошла третья красноярская музейная биеннале «Музеи мира – на площади Мира»; выставка «Звезда МГ»; выставка «Марс атакует».

Третья красноярская музейная биеннале предложила концептуальный формат презентации музейных экспозиций: например, на конкурс «Картотека культуры: музейные открытки» кураторы принимали от участников экспонаты, выставленные в едином формате – внутри небольшой квадратной рамкой со стеклом (60 x 60 см), похожей на витрину, где подобранные музейные экспонаты должны были быть объединены авторским замыслом. На конкурс было представлено 29 открыток, активное участие приняли художники из Новосибирска (прил. 5), которые стали значимыми представителями сибирского концептуального искусства – Д. Булныгин, В. Мизин, В. Кламм и другие.

Важнейшим событием в процессе развития современного/концептуального искусства в Красноярске в 1990-е годы является выставка «Звезда МГ», представившая Красноярску творчество инспекции «Медицинская герменевтика». Инспекция «Медицинская герменевтика» начала свое существование в 1987 году, а распалась в 2001 году. Она включала в себя таких

художников, как С. Ануфриев, П. Пеперштейн, Ю. Лейдерман, В. Фёдоров и других. Группа была ориентирована на переосмысление того, что происходит с российским искусством в позднесоветское и постсоветское время в форме текстов, перформансов, инсталляций и других вербально-визуальных форм с целью излечения искусства и общества от болезненных и травматичных симптомов. Позднее группа медгерменевтов была признана самым влиятельным явлением в российском искусстве 1990-х годов. В Красноярске творчество группы было представлено широко: на выставке были показаны и произведения художников, которые не имели прямого отношения к медгерменевтам, – например Олег Кулик. Кураторами выступили А. Ерофеев и Е. Кикодзе. Выставка имела концептуальное экспозиционное решение: в пространстве музея она была спланирована в форме шестиконечной звезды (чем и оправдано название), где каждая грань звезды была отведена для раскрытия определенной темы – «Вечное детство», «Аптека», «Икона», «Норка», «Звериное альтер-эго» и «Детектив». Можно уверенно сказать, что выставка «Звезда МГ» была самым обсуждаемым событием художественной жизни города в прессе, были напечатаны десятки авторских публикаций с неравнодушными журналистскими оценками выставочных экспонатов. Большинство журналистов были единодушны в резко критических оценках выставки (прил. 6).

На выставке в Красноярске были впервые показаны психоделические художественные образы. На страницах газеты описывали человека, бродившего по выставке в образе «глюка», – на нем были маска для подводного ныряния, спецкомбинезон, а на одежде имелась надпись «визуально-аудиальная галлюцинация». Образ напоминает типичных ярких неформалов и индивидуальностей 1990-х годов, старавшихся выделиться своим эпатажирующим внешним видом. Другое произведение, поразившее зрителей, – фотообои с изображением Олега Кулика,

уже известного по своим перформансам в образе собаки, – к его фотографии были приделаны соски от бутылочек для кормления младенцев; зрители могли «присасываться» к соскам и приобщаться таким образом к современному искусству. Выставку критиковали за изображение психоделической, сюрреалистической и шизофренической реальности, зрители были возмущены тем, что на выставке выставлено сумасшествие. Таким образом, выставка «Звезда МГ» является одним из важнейших событий в художественной культуре Красноярска 1990-х годов: выставка впервые представила такой пласт бытия человека и общества, как сумасшествие и коллективное сумасшествие. Зрители жестко раскритиковали выставку за это, но отрицательное отношение зрительской аудитории отнюдь не означает, что такое явление, как коллективное сумасшествие, отсутствовало в травмированном постсоветском обществе. Вторая причина для критики заключалась в том, что местом для проведения этой выставки в таком виде стал Красноярск. Действительно, сам А. Ерофеев озвучил журналистам, что проведет выставку искусства инспекции «Медицинская герменевтика» и в Москве, но покажет ее более академическим образом – без экспозиции в виде звезды, с традиционной систематизацией и искусствоведческой интерпретацией деятельности этой группы. Таким образом, стоит отметить тот факт, что в 1990-е годы площадкой для радикальных экспериментов в сфере современного искусства становятся именно регионы. Выставку предваряла конференция на тему психоделической революции в российском искусстве 1990-х годов. Сама выставка окончательно разделила красноярскую аудиторию на тех, кто поддерживает современное искусство и видит в нем перспективные пути для развития, и тех, кто оказались резкими противниками создания и презентации произведений искусства подобного рода. Соотношение этой аудитории не было равномерным: несмотря на отсутствие точных исследований этого вопроса, можно предположить, что сто-

ронников современного искусства в обществе оказалось не более 2–5 % и в их число входили прежде всего молодые художники, кураторы, искусствоведы, ряд молодых интеллектуалов, остальное же общество встало на позицию резкого неприятия современного искусства; вероятно, также оставалось значительное количество людей, совершенно незнакомых с современным искусством, пропустивших данные выставочные события и новости о них.

Наконец, третьим значимым событием стала совместная выставка двух художников – Игоря Смирнова и Максима Шараева – под названием «Марс атакует». В конце 1990-х годов произошло не только разделение аудитории на сторонников и противников современного искусства, но и разделение культурных институций на тех, кто готов поддерживать и развивать подобного рода новые формы искусства, и тех, кто не готов. Изначально даже выставка «Звезда МГ» должна была стать частью III Красноярской музейной биеннале: во время проведения биеннале ее должны были выставить в залах Красноярского художественного музея им. В.И. Сурикова, но музей отказался принять выставку, поэтому срок ее показа был перенесен на время после окончания биеннале. Выставка «Марс атакует» также изначально была выставлена в Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова, но после нескольких дней показа она сразу была закрыта, а в январе 2000-го открыта уже в Красноярском культурно-историческом музейном комплексе. И. Смирнов и М. Шараев учились в Красноярском государственном художественном институте, в своей выставке «Марс атакует» они, с одной стороны, переосмыслили приближающееся новое тысячелетие, о котором традиционно думали как о возможном конце света, а с другой стороны, увлекались эстетикой поп-арта и создавали свой – сибирский, местный вариант поп-арта. В своих коллажах и ассамбляжах художники представляли наслоение всех типов визуальной культуры в современном мире – высокое художественное искусство, рекламные сообщения,

этикетки на товарах, надписи на городских стенах и т.д. – как некий конец визуальной культуры в целом. Например, коллаж «Coca-Cola» (прил. 7) включает в себя четыре гравюры на металле с изображением коня – иллюстрация к «Руслану и Людмиле» А.С. Пушкина, но в общем контексте данные изображения смотрятся как почтовые марки, а четыре почтовые марки вместе – как всадники апокалипсиса, то есть произведение представляет собой письмо-послание о конце света, свидетельством которого становится наслоение и смешение визуальных образов из разных культур.

Заключение

По итогам изучения динамики развития художественного процесса в Красноярске в 1990-е годы можно сделать следующие выводы:

- В это десятилетие на смену эстетической программе социалистического реализма окончательно приходит как минимум две альтернативы – 1) создание произведений искусства на религиозную тематику как ответ на запрос о поиске духовных оснований бытия в обществе этого времени; 2) создание произведений искусства в новых художественных традициях – концептуальное искусство, сюрреалистическое искусство, авангардное искусство XX века.
- Процесс стихийного возникновения новых культурных институций с не проявленными контурами будущего по всей стране приводит к появлению Красноярского культурно-исторического музейного комплекса именно в Красноярске – институции, которая будет поддерживать развитие современного искусства как на уровне региона, так и на уровне страны;
- Итогом импортного внедрения современного/концептуального искусства в Красноярский регион в 1990-е годы становится появление конфликта между академической художественной традицией и новым концептуальным искусством. Несмотря на существенный численный перевес сторонников классического искусства, в Красноярске складывается профессиональное художественное сообщество, спо-

собное оказать поддержку развитию инновационных художественных практик;

- Одним из центральных качеств развития современного/концептуального искусства в Красноярске, в региональном центре, является экспериментальность, открытость к широкому разнообразию культурных инноваций.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Avdeeva V. V. Marginal'nie hudozhniki Sverdlovskaya-Ekaterinburga: vihod iz andegraundnogo iskusstva 1970–1990h godov [Marginal artists of Sverdlovsk-Ekaterinburg: exit from the underground art of the 1970s-1990s]. In: *Iskusstvo Evrazii [Art of Eurasia]*. 2022, 3(26). 40–51.

Chernova V. E. *Dinamika kul'turnih protsessov v sovremennoi Rossii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenogo zvanija kandidata kul'turologii [Dynamics of cultural processes in modern Russia: dissertation author's abstract for the academic title of candidate of cultural studies]*. Moscow, 2014, 21.

Degot' E. Yu. Dvazhdi devyanostie: katastrofa i gedonizm [Twice nineties: catastrophe and hedonism]. In: *Hudozhestvennyy zhurnal [Art magazine]*. 2000, 28–29. 11–13.

Ershov G. E. Joseph Beuys i russkoe iskusstvo 1990h godov [Joseph Beuys and Russian art of the 1990s]. In: *Trudi Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kulturi i iskusstva [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Art]*. 2009, 186. 93–96.

Inozemtzeva O. A. Gipertekstovaya polifoniya v proizvedeniyah izobrazitel'nogo iskusstva Vitebska 1990h godov [Hypertext polyphony in works of visual art of Vitebsk in the 1990s]. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnie nauki [Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities]*. 2007, 7. 93–96.

Koptseva N. P., Degtyarenko, K. A., Pchelkina, D. S., Menzhurenko, Yu. N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. In: *Bylye godi*. 2022, 17(2). 867–975.

Koptseva N. P., Reznikova, K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye godi*. 2015, 38(4). 1028–1038.

Koptseva N. P., Sertakova E. A., Krupkina K. A. and others. *Transformatsii gorodskoi sredi Krasnoyarska v 1991–2017 godi [Transformation of the urban environment of Krasnoyarsk in 1991–2017]*. Krasnoyarsk, Siberian federal university, 2019, 76.

Koptseva N. P., Sitnikova A. A., Ermakov T. K. and others. Itogi nauchnogo seminar "Teoriya i praktika prikladnih kulturnih issledovaniy" 29 marta 2023 goda (Gosudarstvennaya universal'naya nauchnaya biblioteka Krasnoyarskogo kraia, Krasnoyarsk) [Results of the scientific seminar "Theory and practice of applied cultural research" March 29, 2023 (State universal scientific library of the Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk)]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian art journal]*. 2023, 2(3), 63–81.

Koptseva N. P., Sitnikova A. A., Lisavina E. P. and others. Itogi nauchnogo seminar "Teoriya i praktika prikladnih kulturnih issledovaniy" 08 dekabrya 2022 goda (Museinii tsentr "Ploshad' Mira", Krasnoyarsk) v ramkah pervoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sibirskoe sovremennoe iskusstvo" [Results of the scientific seminar "Theory and practice of applied cultural research" on 8th December 2022 (Museum center "Ploshad' Mira", Krasnoyarsk) as part of the First scientific and practical conference "Siberian contemporary art"]. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian art journal]*. 2023, 2(1), 8–35.

Kovalev A. A. Installirovanie devyanostih [Installation of the nineties]. In: *Rekonstruktsiya 1990–2000 [Reconstruction 1990–2000]*. 2013, 1. 18–39.

Lapteva V. I. Iz istorii neofitsial'nogo iskusstva Sverdlovskaya 1980–1990h godov: mail-art v tvorches-tve hudozhnikov "Uktusskoi shkoli" [From the history of the unofficial art of Sverdlovsk in the 1980s-1990s:

mail art in the works of artists of the “Uktus school”]. In: *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Fine art of the Urals, Siberia and the Far East]. 2023, 1(14). 112–119.

Lomanova T. M., Potilitcina V. N. *Krasnoyarskiy kulturno-istoricheskiy i muzeiniy kompleks: katalog* [Krasnoyarsk cultural-historical and museum complex: catalog]. Krasnoyarsk, Sitall, 1995, 21.

Luzan V. S. Spetsifika koncepta “sotsial'noe vremya” v kontekste realizatsii kul'turnoi politiki Rossiiskoi Federatsii [Specificity of the concept “social time” in the context of implementation of cultural policy of the Russian Federation]. In: *Severniiye arkhivy i ekspeditsii* [Northern archives and expeditions]. 2023, 7(4), 75–84.

Osmolovskiy A., Mavromatti O., Pimenov D., Brener A., Kudryavtsev S. *Devyanostie ot pervogo litca* [Nineties from the first person]. Moscow, Baza, 2014, 335.

Misiano V. Kul'turnie protivorechiya tusovki [Cultural contradictions of the party]. In: *Hudozhestvennyy zhurnal* [Art magazine]. 1999, 25. 39–43.

Pashal'skiy, Yu. Tatiyana Lomanova: «Devyanostie – eto nastoyashiy vzlet iskusstva» [Tatyana Lomanova: The nineties are a real rise of art]. 2020. Available at: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/list-news/eto-nastoyashiy-vzlyot-iskusstva/85591956/>

Pimenova N. N. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v Krasnoyarske: podhodi i subiekti (na materiale issledovaniya praktik novoi hudozhestvennoi shkoli im. A. G. Pozdeeva) [Socio-cultural activities in Krasnoyarsk: approaches and subjects (based on the research of the practices of the new art school named after A. G. Pozdeev)]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian journal of anthropology]. 2023, 7(1), 17–26.

Pimenova N. N., Zamaraeva Yu. S. «Kulturnaya politika»: kontseptsiya Davida Bella i Kate Oakley [“Cultural politics”: the concept of David Bell and Kate Oakley]. In: *Severniiye arkhivy i ekspeditsii* [Northern archives and expeditions]. 2023, 7(1), 37–49.

Popova N. S., Churilov M. G. Abstraktnaya zhivopis' v tvorchestve hudozhnikov sibirskogo neofitsial'nogo iskusstva 1990h godov [Abstract painting in the works of artists of the Siberian unofficial art of the 1990s]. In: *Vestnik KemGUKI* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Art]. 2023, 63. 190–199.

Priruchaya pustotu. 50 let sovremennogo iskusstva Urala: katalog vistavki [Taming the void. 50 years of modern art of the Urals: exhibition catalog]. Ekaterinburg, Ural Branch of the State Museum of Fine Arts named after A. S. Pushkin, 2018, 300.

Seredkina N. N. Obscherossiiskaya grazhdanskaya identichnost' kak faktor integratsii obschestva [All-Russian civil identity as a factor of society integration]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian journal of anthropology]. 2022. 6(2), 125–135.

Sergeeva N. A. Ponyatie “visual'nost'” v sovremennih teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. In: *Severniiye arkhivy i ekspeditsii* [Northern archives and expeditions]. 2023, 7(2), 108–115.

Shendarev N. A. Formirovanie klyuchevih interpretatsiy hristianskogo nasledia v otechestvennom iskusstve 1990h gg. [The formation of key interpretations of the Christian heritage in the national art of the 1990s]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'turi i iskusstva* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts]. 2017, 1(30). 161–164.

Shushlyaeva O. N. Osmysleniye ponyatiya “dinamika kul'turi” v issledovaniyah zarubezhnih i rossiiskih uchenih XX veka [Understanding the concept of “dynamics of culture” in the research of foreign and Russian scientists of the 20th century]. In: *Kul'turologiya. Vestnik KemGUKI* [Culturology. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Art]. 2016, 37. 54–60.

Sitnikova A. A. 22 goda poiskov, ili istoriya krasnoyarskoi biennale [22 years of searching, or the history of the Krasnoyarsk Biennale]. In: *Sibirskiy forum. Intellektual'niy dialog* [Siberian forum. Intelligent dialogue]. 2017. Available at: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/988>

Sitnikova A. A. Tvorchestvo krasnoyarskogo hudozhnika Victora Sachivko [The oeuvre of Krasnoyarsk artist Viktor Sachivko]. In: *Journal of Siberian federal university. Humanities and social sciences*. 2023. 16(8), 1396–1415.

Sitnikova, A.A., Sipev H. Sravnitel'nyy analiz osobennosti sovremennogo professional'nogo hudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii i Kitae (na material analiza sistemi hudozhestvennogo obrazovaniya v Krasnoyarske i gorodskom okruge Hulunbuir) [Comparative analysis of the features of modern professional arts education in Russia and China (based on the analysis of the system of arts education in Krasnoyarsk and the city district of Hulunbuir)]. In *Severnie archive i ekspeditsii* [Northern archives and expeditions]. 2023, 7(3), 79–85.

Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel', 2006, 1176.

Zhukovskiy V.I., Koptseva N.P. *Propositsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva: uchebnoe posobie* [Propositions of the theory of fine arts: a textbook]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk state university, 2004. 265.

Zhumati T.P. Primitivistskie tendentsii v iskusstve Sverdlovska – Ekaterinburga 1960–1990h godov: tvorchestvo chlenov Soiuzov hudozhnikov i neformalov [Primitive tendencies in the art of Sverdlovsk – Yekaterinburg 1960–1990 years: the work of members of the Artist's unions and non-formals.]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologia i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art studies]. 2022, 47. 165–179.

EDN: GYYLZK
УДК 7.072.2

The Role of Krasnoyarsk Art History Education in the Cultural Life and Educational Sphere of the City of Krasnoyarsk at the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries

Natalya N. Pimenova^{*a}, Anastasia V. Kistova^{a, b}
and Maria I. Bukova^b

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.02.2024, received in revised form 29.02.2024, accepted 12.03.2024

Abstract. The material is intended to trace exactly how the principles that have developed in the approach of the Department of Art History of Krasnoyarsk State University, today – the Department of Cultural Studies and Art History of Siberian Federal University, used to form a professional art critic and clearly characterize art history education in Krasnoyarsk, are reflected in the activities of actors in cultural life and educational institutions, in including from the pre-professional level of art education. The article contains the analysis of practices of two museums and one art school in Krasnoyarsk as the clear evidence of the influence of the Krasnoyarsk school of art history. Two museums were chosen as representative institutions of the cultural sphere – a representative of the academic direction in museum affairs, the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov and the Peace Square Museum Center, which is at the forefront of working with the most modern art in the most relevant forms. As a representative of the active application of the principles of the art historical school of Krasnoyarsk in the field of education, the practices of the New Art School named after A. G. Pozdeev, which began its work in 2016. The analysis is based on direct observation of the activities of these institutions by the authors of the article: A. V. Kistova is the director of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov, M. I. Bukova headed the Peace Square Museum Center from 2016 to 2023, and N. N. Pimenova took an active part in forming the concept of the New Art School named after A. G. Pozdeev before its opening, and currently participates in methodological support of the school educational process.

Keywords: art history education, Krasnoyarsk, educational practice, Krasnoyarsk State University, Siberian Federal University, Department of Art History, Krasnoyarsk Art

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: npimenova@sfu-kras.ru

ORCID: 0000-0002-0622-4465 (Pimenova); 0000-0002-5309-4616 (Kistova); 0000-0002-8069-9522 (Bukova)

Museum named after V.I. Surikov, Peace Square Museum Center, New Art School named after A. G. Pozdeev.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Pimenova N. N., Kistova A. V., Bukova M. I. The role of Krasnoyarsk art history education in the cultural life and educational sphere of the city of Krasnoyarsk at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 708–718. EDN: GYYLZK

Роль красноярского искусствоведческого образования в культурной жизни и образовательной сфере города Красноярска в конце XX – начале XXI вв.

Н.Н. Пименова^а, А.В. Кистова^{а,б}, М.И. Букова^б

^аСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский художественный музей им. В.И. Сурикова
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Материал призван проследить, как именно принципы, сложившиеся в подходе кафедры искусствоведения Красноярского государственного университета, сегодня – кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, применяемые для формирования профессионального искусствоведа и ярко характеризующие искусствоведческое образование в Красноярске, отражены в деятельности акторов культурной жизни и образовательных институций, в том числе из предпрофессионального звена художественного образования. Статья представляет собой анализ практик двух музеев и одной художественной школы Красноярска как яркие свидетельства влияния Красноярской школы искусствознания. В качестве репрезентативных институтов культурной сферы выбраны два музея – репрезентант академического направления в музейном деле – Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова и Музейный центр «Площадь Мира», находящийся в авангарде работы с самым современным искусством в наиболее актуальных формах. В качестве примера активного применения принципов искусствоведческой школы Красноярска в сфере образования рассмотрены практики Новой художественной школы имени А. Г. Поздеева, начавшей работу в 2016 году. Анализ основан на непосредственном наблюдении деятельности этих институций авторами статьи: А. В. Кистова является директором Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, М. И. Букова с 2016 по 2023 год руководила Музейным центром «Площадь Мира», а Н. Н. Пименова принимала активное участие в формировании концепции Новой художественной школы им. А. Г. Поздеева до ее открытия и в настоящее время участвует в методическом сопровождении образовательного процесса школы.

Ключевые слова: искусствоведческое образование, Красноярск, образовательная практика, Красноярский государственный университет, Сибирский федеральный

университет, кафедра искусствоведения, Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова, Музейный центр «Площадь Мира», Новая художественная школа им. А. Г. Поздеева.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Пименова Н. Н., Кистова А. В., Букова М. И. Роль красноярского искусствоведческого образования в культурной жизни и образовательной сфере города Красноярска как краевого центра в конце XX – начале XXI вв. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 708–718. EDN: GYYLZK

Введение

Образование в сфере культуры и искусства имеет приоритетное значение в культурной политике современной России. Этот процесс начался с 2000-х годов и продолжается до сих пор. Особенно активный всплеск интереса к этой теме наблюдался в 2010-е годы, когда появилось множество исследований именно региональных практик.

Так, значение образования в сфере культуры и искусства в рамках государственной культурной политики рассматривают Е. Л. Кудрина (Kudrina, 2013), И. Ю. Арутюнян (Arutyunyan, 2016), Е. В. Верхолат (Verholat, 2010).

Изучению отдельных региональных образовательных практик в сфере культуры и искусства посвящены статьи И. И. Ирхена (Irkhen, 2016), О. С. Крюковой (Kryukova, 2018), А. Е. Стефашова и Н. В. Шестаковой (Stefashov, 2015), Р. Р. Юсупова (Yusupov, 2007).

Красноярский край как пространство с оригинальными образовательными практиками в сфере культуры и искусства в искусствоведческом аспекте еще не рассматривался исследователями, хотя к настоящему времени накопился значительный опыт и материал для изучения.

Так, в 2024 году искусствоведческое образование в Красноярске отмечает свое тридцатилетие. Отделение искусствоведения в Красноярском государственном университете открыто в 1994 году, в 1999 году на его базе создан факультет искусствоведения и культурологии КГУ. После слияния ряда крупнейших вузов Красноярска в 2006 году кафедра продолжила свою деятельность в Си-

бирском федеральном университете, сегодня это кафедра культурологии и искусствоведения Гуманитарного института СФУ.

Успешный образовательный опыт кафедры культурологии и искусствоведения в формировании специалистов искусствознания имеет прочную методологическую и теоретическую платформу. Это концепция визуального мышления, концепция культуры как идеалообразования, представление о произведении искусства как о художественном образе, имеющем диалоговую природу, а также методология философско-исствоведческого анализа. Опорными принципами также являются целостность, системность, всеохватность искусствоведческого обучения, опирающиеся на исследовательские пробы в отношении широкого спектра видов искусства и возможность дальнейшей специализации. Еще одной характерной чертой искусствоведческого образования в Красноярске является эффективное совмещение регулярного и событийного образования. Статья, посвященная анализу образовательных практик красноярской школы искусствознания по подготовке искусствоведов-профессионалов, продемонстрировала, что комплексное освоение специфики художественной культуры эпох показывает свою эффективность, как и совмещение регулярных и событийных форм образования (Kistova, 2024).

Сейчас, спустя почти 30 лет с основания искусствоведческого образования в Красноярске, в серии статей, частью которой является и эта публикация, возможна и необходима проба оценки того эффекта,

который произвело созданное в Красноярске научно-образовательное пространство искусствоведения.

Методология

Данное исследование опирается на принципы образовательной практики факультета искусствоведения и культурологии Красноярского государственного университета с 1999 по 2007 год и кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета с 2008 года по настоящее время, а также учитывает теоретические и методологические основы красноярской искусствоведческой школы.

Основными методами исследования в данной статье выступает анализ, примененный к музейным и образовательным практикам и проектам. В качестве материала исследования в статье рассмотрен обширный опыт трех институций в г. Красноярске, в результате чего выделены подходы, практики и проекты, позволяющие проследить влияние красноярской школы искусствознания на деятельность акторов культурной жизни и образования в Красноярске. Исследование обращается к опыту Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова, Музейного центра «Площадь Мира» и Новой художественной школы им. А.Г. Поздеева.

Красноярская школа искусствознания и ее роль в культурной жизни города Красноярска и края

Сегодня можно сказать, что красноярская школа искусствознания выполнила свою главную задачу – обеспечение отрасли культуры и образования в сфере искусства и художественного творчества в регионе квалифицированными научно-педагогическими и административными кадрами. Выпускники кафедры искусствоведения (кафедры культурологии и искусствоведения) Красноярского государственного университета (Сибирского федерального университета) работают в министерстве культуры Красноярского края, в главном управлении культуры го-

рода Красноярска, в краевых государственных музеях художественного и краеведческого профилей, в муниципальных музеях и музейно-выставочных центрах в разных городах и районах края, в Красноярском художественном училище им. В.И. Сурикова, в Сибирском государственном институте искусств им. Д. Хворостовского, в Региональном отделении Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств, в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева, в художественных школах и школах искусств, в частных образовательных организациях и детских садах, в Красноярской краевой филармонии, Красноярском музыкальном театре и многих других организациях и учреждениях культуры и образования.

Теоретические и методологические разработки и концепции, лежащие в основе подхода красноярской школы искусствознания, в течение этого срока активно апробованы представителями школы. Это апробация в различных исследовательских направлениях: в теоретических исследованиях (Sergeyeva, 2023a; Sergeyeva, 2023b), в практике исследований произведений искусства разных видов (Pimenova, 2022; Sitnikova, 2022a; Kupriyanova, 2023; Ivanova, 2023; Kistova, 2022), в изучении различных культур (Sitnikova, 2022b; Koptseva, 2022; Koptseva, 2015), в исследовании специфики культурных институций (Ivanova, 2022; Monaykina, 2023; Lisavina, 2023).

Рассмотрим некоторые примеры использования образовательных принципов и теоретических подходов, лежавших в основе пятилетнего учебного цикла, проанализированного ранее в статье «Искусствоведческое образование в Красноярске в конце XX – начале XXI вв.: образовательная практика» (Kistova, 2024).

Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова

Для выпускников факультета искусствоведения и культурологии Красноярский художественный музей был и является одним из основных мест трудоустройства.

В настоящее время почти весь руководящий состав музея, включая директора, главного хранителя фондов и заместителя директора по научной работе, заместителя директора по образовательной и выставочной деятельности, а также сотрудники научных отделов, музейно-образовательного центра, отдела экспозиционной и выставочной деятельности, отдела хранения и учета фондов – выпускники кафедры культурологии и искусствоведения СФУ.

Теоретические и методологические принципы, разработанные на кафедре искусствоведения Красноярского государственного университета и развитые ее сотрудниками, сегодня – сотрудниками кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, лежат в основе научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и образовательно-просветительской деятельности музея, отражаясь в ключевых задачах Концепции развития КХМ им. В. И. Сурикова до 2030 года.

Наиболее ярко продолжение традиций искусствоведческого образования проявлено в образовательно-просветительской деятельности музея. Примером служит образовательная программа «Факультет искусств», реализующаяся с 2016 года по настоящее время (Krasnoyarskij...). В основе программы лежат принципы университетского образования. Один из них – системное изучение истории искусства от Древнего мира до наших дней в исторической последовательности, которое выделено в предыдущей статье как значимый принцип организации искусствоведческого образования в г. Красноярске на базе Красноярского государственного университета и Сибирского федерального университета. Также фундаментом программы выступает освоение ее участниками методологии философско-искусствоведческого анализа во время практических семинарских занятий. Настоящей основой этого служит опора программы на принципы теории визуального мышления В. И. Жуковского и Д. В. Пивоварова (Zhukovskiy, 1999), а также на основные положения теории изобразительного искусства В. И. Жуков-

ского и Н. П. Копцевой (Zhukovskiy, 2006; Zhukovskiy, 2011). Программа «Факультет искусств» является вариацией общего курса по истории изобразительного искусства «Язык и история изобразительного искусства», в течение длительного времени реализуемого преподавателями факультета искусствоведения и культурологии для студентов всех специальностей в рамках программы общего эстетического воспитания Красноярского государственного университета.

Образовательная программа «Факультет искусств» адаптирует сложные принципы искусствоведческого образования, базирующегося на современной теории изобразительного искусства В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой, для широкой аудитории так, чтобы в результате прохождения одного образовательного цикла, включающего 14 занятий (6 лекций, 6 семинаров, экзаменационное занятие и дополнительное занятие для разбора типичных ошибок), обучающиеся могли осознанно и самостоятельно применять и развивать опыт «зрительства» (навыки визуального мышления) при общении с произведениями изобразительного искусства. Программа включает в себя как классические темы истории искусства, так и темы региональной специфики (например, «Древнее искусство Сибири»). В настоящее время из-за высокой востребованности этой образовательной программы занятия ведутся параллельно в двух форматах – офлайн и онлайн.

Диалоговый принцип работы со зрителем (Koptseva, 2008; Zhukovskiy, 2011) лежит в основе экскурсионной и лекционной работы музея. Крупные музейные мероприятия в рамках «Ночи музеев» и «Ночи искусств» реализуются по принципу событийного образовательного пространства с эффектом погружения в разные языки искусства и атмосферу синтеза видов искусств: мероприятие «Особняк» (2023 год), мероприятие «Авангард и классика» (2022 год) и др. (Krasnoyarskij...).

Примером применения теоретико-методологических принципов теории изобразительного искусства В. И. Жуков-

ского и Н.П. Копцевой в экспозиционной и научно-исследовательской деятельности является грантовый проект музея «Конструирование позитивной региональной идентичности Красноярского края с помощью музейных технологий на материале анализа потенциала Красноярского художественного музея имени В.И. Сурикова», реализованный в 2019–2020 годах (Krasnoyarskiy...). В рамках этого проекта рассматривалось применение принципов майевтического подхода к организации выставок из фондов художественного музея. Результаты исследования легли в основу работы реорганизованного в 2022 году отдела экспозиционной и выставочной деятельности.

Наиболее ярким примером применения принципов майевтического подхода при создании музейных образовательно-просветительных продуктов стал фильм «Инверсия», созданный Красноярским художественным музеем совместно с «Саян-фильм» в 2020–2021 годах (Inversiya...). Это серия из пяти новел, объединенных общей концепцией постепенного погружения зрителя в мир искусства, в котором к каждому произведению нужен свой подход и свой зритель.

Справедливо было бы заметить, что вся образовательно-просветительная деятельность Красноярского художественного музея опирается на базовые принципы теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, а востребованность посетителями музея образовательно-просветительных услуг такого типа свидетельствует о высокой методологической и практической ценности подхода, разработанного красноярской школой искусствознания.

Музейный центр «Площадь Мира» (г. Красноярск)

В Музейном центре «Площадь Мира» также широко применяются теоретические и методологические принципы, разработанные красноярской школой искусствознания. Тем более что выпускники факультета искусствоведения и культурологии работают в музее на должностях научных сотруд-

ников: традиционно это экспозиционно-выставочный отдел, отдел фондов, а также отдел, занимающийся образовательной деятельностью (в штатном расписании его название меняется в зависимости от решаемых приоритетных задач). В 2022 году в составе экспозиционно-выставочного отдела был выделен кураторский сектор, трое из четырех сотрудников которого имеют образование, полученное на факультете в разные годы (искусствоведение, киноведение, культурология). Кроме того, в 2022 году была введена штатная единица «учёный секретарь», которую также занимает выпускник магистратуры факультета.

Если говорить о применении образовательных принципов в практике работы музея, то можно отследить две условные линии: это опора на методологию философско-искусствоведческого анализа и опора на диалоговый концепт художественного образа (Koptseva, 2008; Zhukovskiy, 2011) и майевтическую роль искусствоведа в диалоге зрителя с произведением искусства (на модель искусствоведа-профессионала, представленную в Теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, фиксирующую единство знаточеского, исследовательского и майевтического аспектов деятельности искусствоведа).

Использование методологии философско-искусствоведческого анализа работ в публикациях и изданиях о произведениях визуального и/или современного искусства – важная составляющая в деятельности «Площади Мира» как одного из передовых музеев. В качестве примера стоит рассмотреть издание «Андрей Поздеев: из музейных собраний» (Andrey Pozdeyev, 2018). Это каталог работ А.Г. Поздеева, находящихся в различных музейных коллекциях, в котором комментарии к работам даны редко и лаконично, однако базируются они именно на работе с произведениями посредством философско-искусствоведческого анализа. Сотрудниками коммуникативно-исследовательского отдела А.И. Сокульским и Р.М. Савонченко была инициирована и частично реализована целая программа

по исследованию творчества Андрея Поздеева – выставки, статьи, лекции. В дальнейшем А. И. Сокульский продолжил реализацию проекта вне музея, в данный момент она существует под названием «Программа исследования искусства Андрея Поздеева» (Public...).

В экскурсионных, образовательных, экспозиционных и кураторских практиках в Музейном центре значимую роль играет методология работы искусствоведа, способствующего установлению отношений произведения и зрителя (искусствовед-знаток, искусствовед-исследователь, искусствовед-майевтик (Zhukovskiy, 2021)). В качестве ярких примеров стоит привести образовательные проекты «Опыты искусства» и «Книгоигры». «Опыты искусства» – проект, разработанный искусствоведом А. А. Ситниковой. Он в лекционно-практической форме погружает посетителя в историю искусства XX–XXI веков. Важной составляющей этого проекта является непременно присутствующая «опытная» часть: под руководством художника или в диалоге с искусствоведом проект дает его участнику попробовать художественный материал, прикоснуться к художественному опыту, развить визуальное мышление, а также познакомиться с произведениями из коллекции музея в контексте лекций (От *avanguardia*...). Проект трансформировался со временем – так, существуют его версии для подростков, для взрослых, для возрастной аудитории. Проект «Книгоигры» Е. Н. Любимовой использует принцип развития визуального мышления через знакомство с материалом и исследовательский потенциал художественного материала. Этот проект предлагает семейной аудитории через ознакомление с современной детской литературой знакомиться с произведениями современного искусства из коллекции Музейного центра и из привозных выставочных проектов музея. Это своего рода усложнение и в то же время упрощение наглядности метода экстраполяции, где произведение искусства вступает в диалог с подготовленным зрителем, имеющим опыт (пусть даже детский опыт).

Важно также отметить, что открытость музея проектам молодых художников, творческим коллаборациям с разными институциями города и края, в основе которых лежит современное искусство как язык коммуникации, способствует развитию визуального мышления не только зрителей таких проектов, но и самих их авторов и участников. И этот разворот событийности в проектах музея – события как преобразования всех сторон проекта, также можно назвать результатом влияния образовательных практик красноярской школы искусствознания, активно переносимых в музейную среду последователями школы, ее выпускниками.

Новая художественная школа имени А. Г. Поздеева (г. Красноярск)

Принцип искусствоведческой научно-педагогической школы Красноярска сказался на концепции Новой художественной школы им. А. Г. Поздеева, поскольку в ней признается равенство и актуальность всех художественных методов (направлений в искусстве). И ставка делается не на главенство одной из традиций (как в случае реалистической традиции в академическом художественном образовании), а на возможность выбора или даже изобретения художественного метода на основании широкой практической эрудированности за счет творческих проб в русле разных традиций и освоения разных методов, правил, средств. Также в школе признается ценность эрудированности будущего художника в истории искусства и его явлениях для его творческого пути.

Искусствоведческое поле в обучении художественной практике (классические дисциплины – рисунок, живопись и композиция, а также другие творческие практики) в школе имени Поздеева представлено в нескольких форматах. В школе реализуются разные способы формирования визуальной эрудированности учащихся, существует формат «Практик истории искусства», а также опыт интеграции материала искусства в обучение творческим техникам и принципам.

Формирование визуальной грамотности и эрудированности – одна из образовательных задач школы, и решается она в том числе силами искусствоведа. Помимо посещений группами студентов школы выставок в музеях города в сопровождении педагогов художника и искусствоведа с произведениями искусства они часто встречаются и в школе. Пространство школы обладает хорошим экспозиционным потенциалом, и одна из форм создания условий для роста визуальной эрудированности – это выставки. И школа регулярно делает выставки работ профессиональных художников, помимо того, что в интерьере постоянно находятся произведения таких признанных и современных мастеров искусства, как Андрей Геннадьевич Поздеев, Ирина Верпета, Юлия Иванова, Наталья Шалина, Алена Залуцкая, Елена Краснова, Юлия Юшкова и других. Среди выставок особо выделяются выставки педагогов школы, которые проходят ежегодно осенью в день рождения школы. И это не только средство демонстрации профессионализма педагогов-художников их ученикам, но и расширение визуального кругозора студентов школы, и возможность увидеть совершенно разнообразные авторские манеры, методы, почерки, техники в искусстве, актуальные новые и традиционные пути. Также это выставки мастеров, не преподающих в школе. Не раз в школе имени А.Г. Поздеева проходили выставки и презентации альбомов этого художника. Выступив партнером Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского школа принимала у себя выставку всероссийского симпозиума «Фарфоровая Сибирь». Важно и то, что выставки часто сопровождаются встречами с художниками, или же эти встречи могут быть самостоятельными, как встреча с Натальей Шалиной в 2018 году или Аленой Залуцкой в 2021-м. Одними из ярких экспозиционных событий была также выставка красноярского мастера Александра Краснова в 2017 году и презентация его «раскрасок» в 2022-м, выставка петербургского графика Юрия Штапакова в 2018 году и т.д.

В то же время материал искусства в школе публикуется не только исключительно в визуальном формате, но и в формате искусствоведческого продукта с сопровождением текстом. Периодически (обычно раз в месяц) в школе появляется стенгазета, подготовленная искусствоведам-профессионалом, рассказывающая об истории искусства и показывающая много примеров произведений по теме. Темы таких газет уже становились разные жанры (например, натюрморт, городской пейзаж, ноктюрн) и другие явления – техники (например, живопись мазками), приемы (например, правила изображения фигуры человека в разные эпохи), разные виды искусства и их выразительные средства (например, орнамент в декоративно-прикладном искусстве), нетривиальные темы (например, «котики» в искусстве – представления о кошках и их изображения в период от Древнего мира до Средневековья) и т.д.

Практики истории искусства – формат занятий, разработанный искусствоведами школы для ее студентов, в котором важен союз двух педагогов, искусствоведа и художника. Вводная часть таких занятий связана со знакомством с каким-либо явлением в истории искусства и внимательным обсуждением в диалоге искусствоведа и студентов специфики этого феномена с выделением ключевых свойств, правил, принципов, средств такого творческого метода. Вторая часть такого занятия посвящена пробе студентов – возможности подействовать по выявленным закономерностям, освоив увиденный в произведениях метод. Например, так студенты школы осваивали принцип обратной перспективы в знакомстве с образцами древнерусской иконописи, принцип стилизации – на примере кубистических произведений, способ оптического смешения цветов – в анализе произведений пуантилистов и пробах этой техники. По образцу практик истории искусства также появился формат творческих проб для взрослой аудитории под названием «Арт-дегустация». Он построен также на внимательном рассмотрении и обсужде-

нии особенностей художественного метода определенного мастера или направления в истории искусства и предполагает самостоятельную пробу в русле этого метода при поддержке педагогов-художников. Арт-каникулы – формат занятий в тесной связи с историей мирового искусства. Это тематические погружения длительностью в две недели, которые проходят в летнее время и выстроены как практики истории искусства, объединенные одной эпохой, страной, традицией, маршрутом.

С помощью найденного формата «Практик истории искусства» в настоящее время в школе удерживается интеграция материала истории искусства в практическое обучение студентов творческим техникам и принципам. Ряд занятий проходит именно в таком формате – с приглашением искусствоведа, а учебные программы школы для разных возрастов и направлений («Авторы» и «Профи») также содержат описание занятий с приглашением искусствоведа и привлечением материала мирового искусства для решения практических задач в формате «Практик истории искусства».

Заключение

Анализ опыта искусствоведческого образования в Красноярске на базе факультета искусствования и культурологии Красноярского государственного университета, а затем кафедры культурологии и искус-

ствоведения Сибирского федерального университета позволяет говорить об особой образовательной и научной школе искусствования, действующей в Красноярске и сформировавшей специфические образовательные практики в регионе. За 30 лет существования и развития красноярского искусствоведческого образования школа практически обеспечила культурную сферу Красноярска и Красноярского края высококвалифицированными кадрами. Можно сказать, что искусствоведческое образование на уровне высшей школы в КГУ/ СФУ существенно повлияло на подъем культурной жизни Красноярска и края, на рост количества и качества культурных проектов и успешных образовательных практик в сфере культуры и искусства. Также красноярская школа искусствования существенно повлияла на сложение актуальных практик преподавания теории и истории искусства в образовательных учреждениях разного уровня, как профильных, так и общего характера. Принципы, сложившиеся в подходе кафедры искусствования Красноярского госуниверситета, после – кафедры культурологии и искусствования Сибирского федерального университета, и характерные для искусствоведческого образования в Красноярске, в полной мере отражены в деятельности акторов культурной жизни и предпрофессионального звена образования.

Список литературы / References

Andrey Pozdeyev: *iz muzeynykh sobraniy* [Andrey Pozdeev: *from museum collections*]. Krasnoyarsk, 2018, 432.

Arutyunyan Yu. I. *Iskusstvo i iskusstvovedenie v sisteme sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya* [Art and art criticism in the system of modern humanitarian education]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2016, 3(28), 164–167.

Inversiya. Fil'm Krasnoyarskogo xudozhestvennogo muzeya imeni V.I. Surikova [Inversion. Film from the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov]. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=VkaoQJZAQAc>

Irkhen I. I. Accidents of the regional education in the sphere of culture and arts of the contemporary Russia. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2016, 9(2), 481–490.

Ivanova A. A. *Filosofsko-iskusstvovedcheskij analiz kartiny` «Zhenshhina s rebenkom na beregu morya» Pablo Pikasso* [Philosophical and art analysis of the painting “Woman with a Child on the Seashore” by Pablo Picasso]. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal* [Siberian art history magazine], 2023, 2(4), 7–22.

Ivanova L. S., Kistova, A. V. Sotsiokul'turnyye vozmozhnosti muzeyev Krasnoyarska kak prostranstv mezhkul'turnoy kommunikatsii [Sociocultural opportunities of Krasnoyarsk museums as spaces of intercultural communication]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(2), 46–55.

Kistova A. V. Dashi Namdakov. Transformatsiya. Chto xotel skazat' avtor? [Dashi Namdakov. Transformation. What did the author want to say?]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal [Siberian art history magazine]*, 2022, 1(1), 53–72

Kistova A. V., Pimenova N. N., Bukova M. I. Iskustvedcheskoye obrazovaniye v Krasnoyarske v kontse XX – nachale XXI vv.: obrazovatel'naya praktika [Art history education in Krasnoyarsk at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: educational practice]. In: *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2024, 17(1), 137–153.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko, Yu. N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. In: *Bylye gody*, 2022, 17(2), 867–875.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye gody*, 2015: 38(4), 1028–1038.

Koptseva N. P., Zhukovskiy V. I. The Artistic Image as a Process and Result of Game Relations between a Work of Visual Art as an Object and its Spectator. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2008: 1(2), 226–244.

Krasnoyarskiy xudozhestvenny'j muzej imeni V. I. Surikova: oficial'ny'j sayt [Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov: official website]. – Available at: <https://www.surikov-museum.ru>

Kryukova O. S. Obrazovanie v sfere kul'tury' i iskusstva: regional'ny'j aspekt [Education in the field of culture and art: regional aspect]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy' razvitiya [Russia: trends and development prospects]*, 2018, 13(2), 820–822.

Kudrina E. L. Obrazovanie v sfere kul'tury' i iskusstva kak prioritnoe napravlenie sovremennoj kul'turnoj politiki gosudarstva [Education in the field of culture and art as a priority direction of modern cultural policy of the state]. In: *Kant: Social'no-gumanitarny'e nauki [Kant: Social Sciences and Humanities]*, 2013, 1(1), 17–23.

Kupriyanova A. A. Osobennosti kinoyazyka v fil'makh vizual'noy antropologii [Features of film language in films of visual anthropology]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7 (2), 27–36.

Lisavina E. P., Smolina M. G. Izmenenie xaraktera dialoga zritelya s proizvedeniem izobrazitel'nogo iskusstva v prostranstve virtual'noj kartinnoj galerei [Changing the nature of the viewer's dialogue with a work of fine art in the space of a virtual art gallery]. In: *Cifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 27–32.

Monaykina M. O. Rol' virtual'nogo muzeya v praktike raboty' muzejny'x centrov (na primere Krasnoyarskogo xudozhestvennogo muzeya imeni V. I. Surikova) [The Role of a Virtual Museum in the Practice of Museum Centers (on the Example of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov)]. In: *Cifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 9(4/3), 17–26.

Ot avangarda i banki supa Uorkhola do smartfona v v ogne: krasnoyartsev priglasili na unikal'nyye kursy pro iskusstvo [From the avant-garde and a Warhol can of soup to a smartphone on fire: Krasnoyarsk residents were invited to unique courses about art]. – Available at: <https://newslab.ru/news/883916>

Pablik «Programma issledovaniya iskusstva Andrey Pozdeyeva» v sotsial'noy seti VKontakte [Public “Andrey Pozdeev's Art Research Program” on the social network VKontakte]. – Available at: <https://vk.com/andreypozdeev>

Pimenova N. N. Istoriya formirovaniya arkhitekturnogo oblika Krasnoyarska do 90-kh godov KHKH veka: etapy i klyuchevyye tendentsii [History of the formation of the architectural appearance of Krasnoyarsk until the 90s of the twentieth century: stages and key trends]. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2022, 6(1), 69–80.

Sergeyeva N. A. Metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu vizual'noy kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(3), 37–43.

Sergeyeva N. A. Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 108–115.

Sitnikova A. A., Li Sin'. Obraz Kitaya v tvorchestve krasnoyarskogo khudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the work of the Krasnoyarsk artist Sergei Forostovsky]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(4), 87–98.

Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Zamaraeva Yu. S., Sertakova E. A. Istoriografiya ketskoy kul'tury [Historiography of Ket culture research]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(3), 20–39.

Stefashov A. E., Shestakova N. V. Razvitie sistemy` professional'nogo obrazovaniya v sfere kul'tury` i iskusstva v 1990-e gg. – nachale XXI v. (na primere yuga Tyumenskoj oblasti) [Development of the system of professional education in the field of culture and art in the 1990s. – beginning of the 21st century (using the example of the south of the Tyumen region)]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, 4. – Available at: <https://disk.yandex.ru/i/qBUJWyFclKnuw>

Verxolat E. V. Nepreryvnoe obrazovanie v sfere kul'tury` i iskusstva: aspekt soxraneniya traditsij otechestvennogo special'nogo obrazovaniya [Continuing education in the field of culture and art: the aspect of preserving the traditions of domestic special education]. In: *Sostoyanie i problemy` kadrovogo obespecheniya sfery` kul'tury` i iskusstva Dal'nego Vostoka Rossii. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [The state and problems of staffing the sphere of culture and art in the Russian Far East. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*, 2010, 293–298.

Yusupov P. P. Rossijskoe obrazovanie v sfere kul'tury` i iskusstv v regional'nom kontekste [Russian education in the field of culture and arts in a regional context]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury` i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*, 2007, 3, 23–25.

Zhukovskiy V. I. *Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva [Theory of fine arts]*, SPb, 2011, 495.

Zhukovskiy V. I. Zritel' i proizvedeniye izobrazitel'nogo iskusstva: problema dialoga v obrazovatel'nom prostranstve [The viewer and the work of fine art: the problem of dialogue in the educational space]. In: *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]*, Tambov, 2021, 3(17), 1, 84–86.

Zhukovskiy V. I., Pivovarov D. V. *Intellektual'naya vizualizatsiya sushchnosti [Intelligent Entity Visualization]*, Krasnoyarsk: KGU, 1999, 223.

Zhukovskiy V. I., Pivovarov D. V., Koptseva N. P. *Vizual'naya sushchnost' religii [The visual essence of religion]*, Krasnoyarsk: KGU, 2006, 460.

EDN: PJMXSV
УДК 75.03

National Motifs in the Works of N.S. Goncharova

Maria A. Kolesnik, Natalia M. Leshchinskaia*
and Anna A. Omelik

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.02.2024, received in revised form 27.02.2024, accepted 13.03.2024

Abstract. The beginning of the 20th century is a time of significant changes in the field of art. The understanding of the meaning of art and its purpose is changing, new possibilities of artistic language are being sought. And the work of Natalia Sergeevna Goncharova is one of the examples of such transformations and searches. The artist has gone through a difficult path of professional development and finding her individual style. In the framework of the present study, the manifestation of Russian, Jewish and Spanish motifs in N. S. Goncharova's works (sketches of scenery and costumes for the opera-ballet "The Golden Cockerel" and the ballet "The Wedding", "Jewish Women", "Jewish Family", "Spanish Woman with a Fan", "Two Spanish women with a dog") is considered on the basis of the key works analysis. National themes, folk colors were of interest to the artist throughout her creative path, and determined the originality of her multifaceted heritage as a painter, graphic artist and stage designer.

Keywords: Natalia Goncharova, art of the Russian avant-garde, theatre and decorative art, Russian art, Russian painting of the first half of the twentieth century, Russian ballet, The Golden Cockerel, Jewish Women, Jewish Family, Spanish Woman with a Fan, Two Spanish women with a dog.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Omelik A.A. National motifs in the works of N. S. Goncharova. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 719–729.
EDN: PJMXSV

Национальные мотивы в творчестве Н.С. Гончаровой

М.А. Колесник, Н.М. Лещинская, А.А. Омелик

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Начало XX века – время значительных изменений в сфере искусства. Меняется понимание смысла искусства и его предназначения, ищутся новые возможности художественного языка. И творчество Наталии Сергеевны Гончаровой – один из примеров таких трансформаций и поисков. Художницей был пройден непростой путь профессионального становления и обретения своего индивидуального стиля. В рамках настоящего исследования на материале анализа ключевых произведений (эскизов декораций и костюмов к опере-балету «Золотой петушок» и балету «Свадебка», «Еврейские женщины», «Еврейская семья», «Испанка с веером», «Две испанки с собакой») рассматривается проявление в творчестве Н.С. Гончаровой русских, еврейских, испанских мотивов. Национальная тематика, народный колорит интересовали художницу на протяжении всего творческого пути и определили своеобразие её многогранного наследия как художницы, графика и сценографа.

Ключевые слова: Наталия Гончарова, искусство русского авангарда, театрально-декорационное искусство, русское искусство, русская живопись первой половины XX века, русский балет, «Золотой петушок», «Еврейские женщины», «Еврейская семья», «Испанка с веером», «Две испанки с собакой».

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Колесник М. А., Лещинская Н. М., Омелик А. А. Национальные мотивы в творчестве Н.С. Гончаровой. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 719–729. EDN: PJMXSV

Введение

Наталия Сергеевна Гончарова – одна из самых ярких представительниц русского авангардного искусства. Творчество ее многообразно и в жанровом отношении (театрально-декорационное, станковая живопись, книжная иллюстрация), и в том, какие направления в живописи были ею восприняты (кубизм, фовизм, футуризм, импрессионизм). Интересно это разнообразие отметить и на уровне того, к каким национальным мотивам обращалась художница, создавшая при всем том удивительно узнаваемые по стилистике работы.

Удивительно мало о столь яркой художнице написано монографий. Можно отметить большую работу А.Г. Лукановой

«Наталия Гончарова» (Lukanova, 2017), в которой представлено большое количество качественных репродукций, архивных фотографий, подробная биография художницы в сопровождении цитат из ее собственных писем и записей и отзывов о ней современников.

Интересна также монография под редакцией Г.Ф. Коваленко «Гончарова Н.С., Ларионов М.Ф. Исследования и публикации» (Kovalenko et al, 2001), в которой собраны статьи разных авторов о различных аспектах творчества двух мастеров русского авангарда. Широко представлены в сборнике также и архивные материалы.

Чаще всего о творчестве Н.С. Гончаровой пишут как об одном из явлений

наряду с другими видными художниками первой половины XX века. Так, например, в статье Ф.Л. Сурова (Surov, 2002), в которой представлен довольно традиционный подход, предполагающий исследование творчества Н.С. Гончаровой вкупе с творчеством М.Ф. Ларионова, говорится об их общем вкладе в становление авангардного искусства в Европе и в России. То же можно отнести и к статье О.М. Нетупской о «Русских сезонах» С. Дягилева, в которой характеризуется совместная работа художников над рядом постановок (Netupskaya, 2015). В статье О.Н. Прокаевой (Prokaeva, 2019) о древнерусских мотивах в театральном-декорационном искусстве рубежа XIX–XX вв. Гончарова упоминается в ряду таких художников, как В.М. Васнецов, М.А. Врубель, Н.К. Рерих, И.Я. Билибин, что, безусловно, подчеркивает высокий статус художницы в истории отечественного искусства.

Но есть и ряд авторов, которые отмечают, что творчество Н.С. Гончаровой необходимо рассматривать как самостоятельное, уйти максимально от его оценки в соотношении с творчеством Михаила Ларионова. Подобный подход представлен в статье J. E Bowlт, посвященной театральным произведениям художницы (Bowlт, 1990). О процессе признания и канонизации произведений Н.С. Гончаровой в качестве важнейших произведений современного искусства статья Е. Korowin (Korowin, 2018). О новаторстве в искусстве Н.С. Гончаровой, об особенностях произведений, представленных на выставке 1913 г., статья О. Furman (Furman, 2017).

В некоторых статьях проводится анализ отдельных произведений художницы, в качестве примера таковых можно привести исследования N. Gurianova о серии литографий «Мистические образы войны» (1914 г.) (Gurianova, 2017), С.А. Gill в контексте рассуждений об иконописной традиции у мастеров русского авангарда о произведении «Святой Пантелеймон» (1911 г.) (Gill, 2016). О работе над эскизами костюмов к балету «Литургия» с акцентом на то, как Н.С. Гончарова работала с визан-

тийской традицией, пишет в своей статье Г. Серова (Serova, 2019).

Освещаются в научной литературе также и отдельные темы, которые прослеживаются в творчестве Наталии Гончаровой. В статье С. Крамер (Kramer, 2002) дано описание произведений с изображением евреев, созданных ею в период с 1911 по 1914 год, правда, в большей степени в статье исследуется политический контекст создания данной серии картин. О дизайне костюмов авторства Н.С. Гончаровой, о пересечении в них самых разных национальных мотивов и стилей в живописном искусстве исследование Y. J. Park (Park, 2010). Характеристики религиозных мотивов и сюжетов в творчестве художницы представлены в статьях К.М. Балашевой (Balasheva, 2019), Г.Ю. Серовой (Serova, 2015), Н.К. Гаврюшина (Гаврюшин, 2017).

Описание различных этапов творчества Н.С. Гончаровой представлено в статьях следующих авторов: О.А. Koroleva пишет о жанровой специфике творчества в период с 1900 по 1910 год (Koroleva, 2017), И.А. Вакар исследует поздний этап в живописи (Vakar, 2012), О.В. Фурман сравнивает лучистскую живопись художницы на раннем этапе творчества с поздним французским периодом (Furman, 2014).

Методы

Концептуальные положения теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004; Koptseva et al., 2021) были выбраны в качестве методологического основания для настоящего исследования. В качестве ключевого метода исследования был выбран философско-искусствоведческий анализ, позволяющий изучать содержание произведений визуального искусства. Успешность применения данного метода для исследования произведений изобразительного искусства неоднократно подтверждалась отечественными и зарубежными исследователями (Sitnikova, Lee, 2022; Koptseva et al., 2022; Koptseva, Seredkina, 2021; Pashova, 2020; Avdeeva, Degtyarenko, 2021; Tarasova, Smolina, 2021; Sitnikova,

2022; Borodina, 2023), а также данный метод применяется для изучения произведений киноискусства (Reznikova, Sertakova, Sitnikova, 2022).

Исследование

Наталья Сергеевна Гончарова оставила огромное наследие как художница, график и сценограф, ее творчество обладает практически безграничным потенциалом для исследования, в настоящем же исследовании мы сфокусировались на изучении национальных мотивов в ее творчестве. Такой выбор не случаен и определяется тем, что на протяжении всей жизни художница интересовалась различными национальными культурными особенностями. Интерес этот был обусловлен глубокой любовью к народной и национальной культуре России, инициирован путешествиями и эмиграцией, а иногда и просто любопытством и симпатией к разным национальным культурным особенностям.

Наталья Сергеевна родилась 21 июня 1881 года в одном из сел Тульской губернии, принадлежавших ее дворянской семье. Ее детство прошло в самом сердце России, на лоне природы, принадлежность к дворянской семье и культуре переплелась с православной традицией и вдохновением крестьянской сельской жизнью. А. Н. Бенуа писал о поместном дворянстве, к которому относились многие деятели искусства, так: «Всякие тонкости русской психологии, извилины типичного русского морального чувства возникли и созрели в этой среде» (Венца, 1980). На протяжении всей творческой карьеры темы крестьянского быта, ремесла, лубка и православной иконописи будут сопровождать художницу.

Но кроме русских национальных мотивов в творчестве Гончаровой можно встретить тему еврейского национального колорита. Она появляется в творчестве Натальи Сергеевны после первого посещения Тирасполя, Одессы и Крыма еще во время учебы в 1903 году (Lukanova, 2017).

Примерно с 1915 года в ее творчестве можно проследить тенденцию к изображению «испанок» на полотнах и испанского

национального колорита в эскизах костюмов для спектаклей. Этому направлению также будет посвящена часть нашего исследования. Кроме того, в полотнах Гончаровой можно отметить эпизодическое обращение к китайским, египетским, арабским мотивам.

Живопись, графика и сценография Гончаровой всегда находились под влиянием разных стилей и направлений – от лубка, иконописи и восточного примитивизма до футуризма и кубизма, и способность к гармоничному симбиозу порой контрастных направлений и стала особенностью ее творчества. Историк искусства Илья Зданевич вспоминал: «Она так увлекалась работой, что достаточно ей было что-либо увидеть или услышать – она тотчас писала картину». Он же впервые в отношении ее творчества использовал термин «всёчество», который стал впоследствии активно использоваться искусствоведами. А сама Гончарова говорила: «Все, что до меня, – мое. Эклектизм – одеяло из лоскутов, сплошные швы. Раз шва нет – мое. Влияние иконы? Персидской миниатюры? Ассирии? Я не слепая. Не для того я смотрела, чтобы забыть». Но все же сама Наталья Сергеевна настаивала на том, что основное вдохновение она черпает не из европейской живописи, в своем дневнике она писала: «Сезанн и иконы равноценны, но мои вещи, сделанные под влиянием Сезанна и под влиянием икон, совсем не равноценны. Я совсем не европеец» (Lukanova, 2017).

Русские мотивы в творчестве Н. С. Гончаровой

Без сомнения, русские мотивы очень широко и разнообразно представлены в творчестве Натальи Сергеевны. Большое количество полотен передают колорит крестьянской повседневной жизни, вдохновлены народным лубком, отражают народное ремесленное творчество и колорит одежды, а также мы можем найти огромное количество примеров переосмысления религиозного православного наследия. Но в данной статье мы сосредоточим внимание на периоде творчества Натальи Сергеевны, в кото-

ром она активно сотрудничала с С. П. Дягилевым в работе над спектаклями «Русских сезонов» в Париже как сценограф и художник по костюмам.

Знакомство Гончаровой с Дягилевым происходит в 1906 году, когда он приглашает ее принять участие в ретроспективной выставке русского искусства в Париже в рамках Осеннего салона. На тот момент Дягилев уже известен как издатель журнала «Мир искусства» и художественный деятель, но до создания «Русских сезонов» еще несколько лет, и на данном этапе он только задумывается о том, как представить русское искусство в европейской среде так, чтобы внести значимый вклад. Гончарова же с ее устремленным взглядом к народному русскому и восточному искусству как раз вписывается в представления о новизне и уникальности в разрез со сложившимся европейским каноном искусства. В 1914 году Гончарова вместе с Ларионовым создала яркие декорации и костюмы в авангардной живописной манере с восточными и русскими народными мотивами для балета «Золотой петушок» по опере Н. А. Римского-Корсакова. После успеха балета в Париже прошла выставка картин Гончаровой (вместе с Ларионовым), которая принесла ей известность на Западе. Работа Гончаровой над постановками «Русских сезонов» в качестве главного театрального художника продолжалась до самой смерти Дягилева в 1929 году. Кроме «Золотого петушка» она оформила балеты «Садко» и «Полуночное солнце» на музыку Николая Римского-Корсакова, а также «Свадебку» и «Жар-птицу» Игоря Стравинского.

Для данного исследования мы сосредоточили внимание на эскизах декораций и костюмов к опере-балету Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» и балету И. Ф. Стравинского «Свадебка».

Премьера балета «Золотой петушок» состоялась 24 декабря 1914 года в парижском театре Гранд-Опера и произвела ошеломляющее впечатление. Опера-балет изначально задумывалась постановщиком Бенуа в первую очередь как зрелище. Вся сцена, декорации, артисты и хор должны были

составлять общий декоративный эффект, и Наталия Сергеевна, как никто другой, внимательно и глубоко подошла к проработке декоративности. Жанр русской сказки определил обращение к лубку и примитивизму в оформлении как сценического пространства, так и костюмов. В поисках художественных решений Гончарова посещала археологические музеи, ремесленные мастерские, вдохновлялась образцами ковроткачества, гончарных изделий, украшениями и орнаментами крестьянского костюма и узорами царских одежд (Lukanova, 2017).

В эскизах декораций (прил. 1, прил. 2) мы видим использование чистых, ярких, контрастных цветов, преимущественно желтого и красного. Здания и растительные формы написаны в нарочитой примитивной манере лубка, все украшено орнаментом из растений и животных, присущих русскому народному ремесленному творчеству. Здесь нет теней и полутонов, изображение намеренно плоское, что характерно не только для лубка, но и для традиционной византийской иконописи. Кроме того, Наталия Сергеевна использует эффект обратной перспективы, который, с одной стороны, также характерен для иконописи, а с другой стороны, используется ею еще со времен первых работ над любительскими спектаклями (Lukanova, 2017) и позволяет глубже погрузить зрителя в происходящее на сцене действие. Невиданная яркость, ослепительность красок, пламенеющее небо и цветы, разнообразие орнамента, гиперболизация и обратная перспектива погружают зрителя в мир русской сказки.

Декорации напоминают одновременно и жостовскую роспись, и хохломскую, но упрощенную до примитивным простым форм и цветов. Насыщенность и яркость цветов создают атмосферу праздника, веселья, цветущей жизненной силы и одновременно переносят зрителя в несуществующий идеальный мир, в котором возможны чудеса, и он существует вне времени и реального пространства.

В эскизах костюмов к «Золотому петушку» также прослеживается смелая манера выбора цветов и сочетаний. Для

костюма крестьянской сеной девушки (прил. 3) используются контрастные зеленый, красный, желтый и черный цвета, а также богатство разнообразных орнаментов в украшениях и одежде. Создается образ веселый, праздничный и сложно украшенный. В костюме царя же используется крупный синий растительный орнамент на золотом фоне, что, с одной стороны, упрощает костюм, но с другой стороны, делает его более значительным, весомым и более серьезным (прил. 4). Таким образом, мы видим, как, используя лишь традиционный для лубка растительный орнамент и разные сочетания цветов, Гончаровой удается показать характер персонажа и его роль. Кроме этого, в костюмах активно используется символика русской средневековой мифологии, например эскиз костюма «Птицы Сирин», выполненный полностью в эстетике русского лубка с использованием упрощенных форм и контрастных цветов (прил. 5).

Все костюмы продолжают и повторяют в себе декорации сцены и создают общую, всеобъемлющую картину в цветовом, форменном, линейном и орнаментальном отношении. Каждая часть спектакля объединена общей атмосферой сказочности, народности и праздничности.

Еще одной значимой работой над спектаклем стал для Гончаровой балет «Свадебка» на музыку одноименной кантаты И. Ф. Стравинского, премьера которого состоялась 13 июня 1923 года в театре «Гете-Лирик». Работа над спектаклем затянулась на несколько лет, но это позволило Наталии Сергеевне скрупулезно подойти к концепции эскизов декораций и костюмов. По задумке Стравинского балет должен был передать последовательность типичных свадебных эпизодов, воссозданных из разговоров всех участников данного обряда. При этом художница исходила из близкой ей мысли Стравинского, что каждая деталь в подготовке крестьянской свадьбы имеет ритуальное значение. Ей хотелось передать пышность быта в этот период жизни простого человека, пышность свадебного пира, яркую многоцветную одежду, атмосферу народного праздника с избытком и од-

новременно тяжестью. Этот первый вариант разработанной Гончаровой концепции не был реализован на сцене. Продолжая работать над спектаклем, Гончарова переносит действие сцены свадьбы в городскую среду. Этот вариант сценографии получил название «мещанский». В декорациях появляются городские трубы (прил. 6), общий колорит меняется на более весенний, используются светлые зеленые тона, четкие орнаменты становятся более расплывчатыми и иногда превращаются в абстрактные пятна. В эскизе мы видим, кроме зеленого и красного, больше белого цвета, также придающего сцене весеннюю свежесть и обновление.

Но колористическое решение все еще складывается из игры контрастов. Кроме того, городские части пейзажа – трубы и заводы – выполнены больше в кубистической и футуристической манере. И это также контрастирует с растительным миром на эскизе и орнаментом, обрамляющим сцену, который хоть и уходит в абстрактные пятна, но все еще намекает на цветочный праздничный орнамент лубка. Общая атмосфера сценографии остается праздничной и радостной, но городской пейзаж отчасти разрушает праздничную гармонию свадебного крестьянского обряда.

Костюмы к этому же варианту балета «Свадебка» представляют интерес, так как воплощают прекрасную стилизацию костюма под глиняные промысловые расписные игрушки – традиционные для разных регионов России. В эскизе женского костюма (прил. 8) прослеживается явное влияние дымковской игрушки и традиционного для нее сюжета – «барыни». Таким образом, в костюме сочетается и ремесленное крестьянское творчество, и представление о городской «барыне». Яркие цвета, тяжелые формы, упрощенные украшения в виде линий и кругов в сочетании с тяжелой плотной формой создают идеальное сочетание праздничности и тяжести, к которому изначально стремилась Наталия Сергеевна. В мужском же костюме «человека из народа» (прил. 7) угадываются черты каргопольской игрушки. Для нее характе-

рен и сюжет простого «мужика», и более детально проработанные орнаменты.

Подводя итоги исследования русских мотивов в произведениях Н.С. Гончаровой, можно сказать, что ей удивительным образом удалось соединить множество аспектов русского национального характера, чтобы создать тот «русский стиль», который до сих пор воспринимается как исконно русский, но на самом деле был изобретен, по словам ее мужа и постоянного соавтора в работе над дягилевскими спектаклями М.Ф. Ларионова (Lukanova, 2017), ею и не существовал до нее в таком виде. Основными приемами, которые использует Гончарова в национальной русской стилизации, можно считать гиперболизацию, упрощение форм и орнаментов, контрастные колористические решения с использованием большого количества красных, желтых и зеленых тонов, обращение к стилю лубков, а также обратная перспектива в работе над сценографией.

Еврейские мотивы в творчестве Н.И. Гончаровой

Увлечение еврейскими мотивами отмечается в творчестве Н.С. Гончаровой начиная с 1911 г. Илья Зданевич, один из первых авторов, писавших о творчестве Гончаровой, отмечает, что серия картин на еврейскую тематику связана с переходом к сюжетным картинам (Kovalenko, 2001). Художница вдохновлялась национальным колоритом, подсмотренным ею в путешествии в южные части Российской империи.

В качестве репрезентанта в этой серии можно выделить картину «Еврейские женщины» (1912 г.), хранящуюся в настоящее время в Третьяковской галерее (прил. 9). Представлены три женские фигуры на достаточно условном фоне: можно выделить лестницу, ведущую ко входу в здание, а также большую стеклянную витрину, в которой выставлены товары. Причем изображение витрины скорее напоминает картину в жанре натюрморта, выполненного в духе кубизма. На фоне лестницы в нижней части картины представлена сидящая на скамейке пожилая женщина в темных одеждах и с белым плат-

ком, покрывающим ее голову. Прямо над ее головой в верхней части лестницы на стуле в положении полусидя изображена молодая девушка, облаченная в белое платье, с белой же фатой на голове. Таковое ее положение и одежда указывают на статус невесты, и не зря ее положение в верхней части картины, поскольку это наводит на ассоциации с известным обычаем на еврейской свадьбе во время танца поднимать молодоженов на стульях. Наконец третья женская фигура – самая крупная, занимающая большую часть правой части картины, это указывает на ее главенствующую роль среди представленных персонажей. Она одета в яркое синее платье, стоит в уверенной позе, как бы держа на своей руке и плечах хрупкую и неуверенную фигурку девушки и вместе с тем как бы оберегающая старую женщину. Фигура ее по цветовому решению перекликается с витриной, наполненной разной снедью: здесь хлеб, рыба и бутылки, т.е. то, что питает человека, обеспечивает его жизненной энергией. Однако все эти предметы еще и перекликаются с христианской символикой, которая скорее относится к культуре, в рамках которой воспитана была сама художница: хлеб и вино, которое, возможно, содержится в сосудах, являются обязательными атрибутами литургии, а рыба – древний символ, указывающий на Христа. Но как бы то ни было, все это является указанием на саму основу жизни и мира, а женская фигура в синем, женщины, достигшей зрелости, являет эту полноту жизни во плоти.

Таким образом, Н.С. Гончарова решает довольно универсальный сюжет о трех возрастах, о трех этапах жизни: юности, зрелости и старости. Но делает это художница опираясь на узнаваемые колоритные национальные типажи.

В качестве примера можно также рассмотреть картину «Еврейская семья» (1912 г.) из собрания музея Людвига в Кёльне (прил. 10). Здесь художница использует во многом схожий прием в построении композиции: крупные фигуры на фоне четко обозначенных частей здания (виден только входной проем и большое окно, также видна часть изгороди). В правой части

представлены во весь рост фигуры мужчины и женщины, а в левой части прямо под окном представлены три фигуры: женщина, обнимающая ребенка, и стоящий рядом с ней еще один ребенок. Мужчина одет в черный строгий костюм с характерной для еврейского обычая шляпой на голове. Одной рукой он как бы удерживает массивный деревянный косяк входного проема, ведущего в дом. Сама его фигура, таким образом, становится как бы столпом, на котором все держится.

Обращает на себя внимание то, как решена фигура женщины с детьми. Во-первых, ребенок прильнул к ее телу, а она его обнимает, создавая вокруг него руками почти замкнутое пространство, как если бы ребенок не был явлен в мире, а все еще находился в ее лоне. Все это дает понять зрителю, что перед нами мать и ее дитя, ищущее у нее защиты и обретающее спокойствие. Во-вторых, фигурка второго ребенка являет образ предстоящего, с вниманием наблюдающего за тихой семейной сценой.

Все это вместе уж очень напоминает распространенные в западноевропейской живописи образы святого семейства, порожденные христианской культурой. Однако у Н.С. Гончаровой в картине это сходство может указывать только лишь на сакральность семейных уз, на чистоту человеческих отношений в семейном кругу, на то, что можно обнаружить и в современном мире в казалась бы бытовых условиях.

Испанские мотивы в творчестве Н.С. Гончаровой

Увлечение испанскими мотивами произошло после поездки в Испанию, организованной Сергеем Дягилевым. «Русские балеты» гастролировали в Мадриде, куда Н.С. Гончарова и М.Ф. Ларионов были приглашены для работы над балетом «Литургия», а после и над другими постановками. Культура Испании произвела невероятное впечатление на художницу, каждый момент и нюанс которого ею был зарисован. Заинтересованность испанскими мотивами перекликается с русскими, что совпало с проектом Сергея Дягилева: соединить

испанские и русские танцы, включить в состав труппы местных танцовщиков фламенко. Постановки балетов «Триана» на музыку И. Альбениса и «Испания» на музыку М. Равеля так и не состоялись, но эскизы костюмов, созданные Н.С. Гончаровой, были в дальнейшем воплощены в костюмах для танцовщицы Кариатис (прил. 11).

После этой поездки Наталия Сергеевна неоднократно создавала изображения испанок. Среди них одна из ярких работ панно «Испанки», созданное в Париже в 1922 году для оформления столовой в особняке Сергея Кусевицкого, а также станковые работы «Две испанки с собакой» (1922–1928), полиптих «Испанки» (1923–1926), «Весна. Белые испанки» (1932) и другие. Любовь и увлеченность испанской темой подтверждается тем, что художница неоднократно выставляла работы на испанскую тему на выставках, в том числе и эскизы театральных костюмов, приобретавших своё собственное существование как произведение изобразительного искусства.

«В Испании мы много работали и увидели очень много всего. Вернувшись в Париж, я начала рисовать испанских женщин в тонах, которые мне подсказывала атмосфера этой страны. Появились в моей живописи тона красно-коричневые, черные, белые, без желтых, красных, фиолетовых и оранжевых, и испанские женщины очень светлых или резких тонов» (Plyukhina, 2015). Именно такая «Испанка с веером» (прил. 11), сочетающая в себе прозрачность и насыщенность ярких цветов. Тонким контуром обозначена женская фигура, запечатленная в сложном ракурсе, момента исполнения фламенко, яркие элементы наряда перекликаются с веером. Распахнутый веер также созвучен позиции широко расставленных ног, за счет этого уравнивается и придается устойчивость всей композиции.

Совсем иные «Две испанки с собакой» (прил. 12). Монументальные фигуры изображены статично, их образы наполнены покоем. Если испанка с веером – это визуализация танца, то эти дамы воплощают в себе отголоски архитектуры. Даже кружевные белые мантильи, сияющие среди

черных и коричневых оттенков одежды, деревьев, на фоне которых изображены дамы, скорее напоминают мрамор, чем легкую ткань. Не нарушает равновесия и собака, спокойная, но готовая в любой момент защитить прекрасных испанок, на что указывают её детально прописанные зубы.

В Испании Гончарова, Ларионов и Дягилев совершали автомобильные поездки, во время которых художница впитывала в себя дух страны, ею были написаны такие строки: «Мы осмотрели Бургос, Севилью, Авила, Мадрид. Соборы, монастыри, великолепные дворцы, поражающие выражением какой-то суровой серьезности, проступающей даже в самой роскошной, пышной, перегруженной деталями барочной архитектуре. Всё это соединялось с прозрачным воздухом, красной землей равнин, лежащих среди серых скалистых гор, и синим небом» (Lukanova, 2017). В изображениях испанок Н. С. Гончарова раскрывала образ самой Испании. Страны, которая покорила художницу своей культурой, танцами, характером, сочетающим сдержанность и порывистость, яркой природой и монументальной архитектурой. И её испанки разные: яркие и пылающие, как страстный танец фламенко, монументальные и сдержанные, как храмовая архитектура.

Заключение

Увлечение Наталии Сергеевны Гончаровой национальными мотивами было в духе времени и отражало общую тен-

денцию поиска глубинных оснований для создания искусства новой эпохи. Критика академизма, появление разнообразных творческих объединений, члены которых были увлечены поиском нового художественного языка, – вот те обстоятельства, которые оказали влияние на творчество художницы и которые создавались такими же новаторами в искусстве, как она.

Стремление определить стиль Наталии Гончаровой, вписать её работы в рамки определенных традиций, определенных направлений, стилей весьма затруднительно. Её творчество максимально емко вписывается в определение “всёчества” – одно из направлений русского авангарда, подразумевающего интеграцию множества культурных традиций, слияние городского и сельского, западного и восточного, архаичного и остро современного. Национальные мотивы в произведениях художницы являются одним из ярких примеров проявления “всёчества” – переосмысления глубинных национальных традиций и создания нового искусства, стирающего рамки и границы национальностей, культур, религий.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Koptseva N. P. et al. *Obraz Severa v periodicheskikh izdaniyakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX veka* [The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century]. In: *Bylyye gody* [Bylye years], 2022, 17(2), 867. DOI: 10.13187/bg.2022.2.867
- Avdeeva Y. N. & Degtyarenko K. A. *Vizualizaciya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika* [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In: *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions], 2021, 5(2), 16–31. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–16–31
- Balashova K. M. «Umozreniye v kraskakh» Natal'i Goncharovoy [«Speculation in Colors» by Natalia Goncharova]. In: *XVII Easter Readings* [XVII Easter Readings], 2019, 124–128.
- Benua A. N. *Moi vospominaniya v 5 tomah* [My memories in 5 volumes]. 1–3. Moscow, 1980, 126
- Borodina M. A. *Khudozhestvennyy obraz sibirskoy identichnosti V. I. Surikova kak vizual'nyy pattern v izobrazitel'nom iskusstve Krasnoyarska* [The artistic image of V. I. Surikov's Siberian identity as a visual

pattern in the fine arts of Krasnoyarsk]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2023, 2(2), 36–45.

Bowlit J. E. Natalia Goncharova and futurist theater. In: *Art Journal*, 1990, 49(1), 44–51.

Furman O. Natalia Goncharova: Artistic Innovator and Inspiring Muse. In: *Marianne Werefkin and the Women Artists in Her Circle*, 2017, 191–206.

Furman O. V. Luchizm Natalii Goncharovoy v koordinatakh bespredmetnoy zhivopisi [Natalia Goncharova's rays in the coordinates of non-objective painting]. In: *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva [Current problems of theory and history of art]*, 2014, 4, 540–547.

Gavryushin N. K. «Kapriznyye ikony» Natalii Goncharovoy i religioznyye portrety Pavla Korina [«Capricious icons» by Natalia Goncharova and religious portraits of Pavel Korin]. In: *Damaskin [Damascene]*, 2017, 1(38), 72–78.

Gill C. A. «Direct Perception of Life». How the Russian Avant-Garde Utilised the Icon Tradition to Form a Powerful Modern Aesthetic. In: *IKON*, 2016, 9, 323–334.

Gurianova N. Visions, Wars, and Utopias of the Russian Avant-Garde. In: *Experiment*, 2017, 23(1), 203–214.

Ilyukhina Ye. Ispanskaya feyeriya Natalii Goncharovoy [Spanish extravaganza by Natalia Goncharova]. In: *Tret'yakovskaya galereya. [Tret'yakov Gallery]*, 2015, 4, 66–85.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S. Obrazets sibirskikh territoriy Rossiyskoy imperii v ramkakh protsedury izdaniya rubezha XIX–XX vv [Sample of the Siberian territories of the Russian Empire within the framework of the procedure for publishing the turn of the XIX–XX centuries]. In: *Bylyye gody [Bylye years]*, 2022, 2, 17(1), 422–431.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the causes of ethnic migration North Selkups based on the historical memory of indigenous ethnic groups Turukhansk district of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylyye gody [Bylye years]*, 2015, 38(4), 1028–1038.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A. Shpak A. A. Zhurnal «Priroda i lyudi» (1910) kak istochnik po istorii narodov Rossiyskoy imperii. In: *Bylyye gody [Bylye years]*, 2021, 16(2), 990–999.

Koptseva N. P., Seredkina N. N. Zhurnal «Sever» (1903 g.) kak istoricheskiy istochnik: k voprosu o reforme obrazovaniya v Rossiyskoy imperii [The journal “North” (1903) as a historical source: on the issue of education reform in the Russian Empire]. In: *Bylyye gody [Bylye years]*, 2021, 16(1), 343–356.

Koroleva O. A. Evolyutsiya zhanrovoy spetsifiki v tvorchestve Natal'i Goncharovoy 1900–1910 gg. [Evolution of genre specificity in the work of Natalia Goncharova 1900–1910]. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii [Cultural life of the South of Russia]*, 2017, 1, 33–35.

Korwin E. Natalia Goncharova's Canonization in Europe after 1945. In: *Journal of Art Historiography*, 2018, 19, 1–19.

Kovalenko G. F. et al. *Goncharova N. S., Larionov M. F. Issledovaniya i publikatsii [Goncharova N. S., Larionov M. F. Research and publications]*. Moscow, 2001, 252.

Kramer, C. Natalia Goncharova: Her Depiction of Jews in Tsarist Russia. In: *Woman's Art Journal*, 2002, 23(1), 17–23.

Lukanova A. G. *Nataliya Goncharova [Natalya Goncharova]*. Moscow, 2017, 536.

Netupskaya O. M. Khudozhnik v antreprize” Russkiye sezony”: novyye puti vizual'noy estetiki v teatre [Artist in the enterprise “Russian Seasons”: new ways of visual aesthetics in the theater]. In: *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka [Theater. Painting. Movie. Music]*, 2015, 1, 117–132.

Omelik A. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya nevzaimozamenyayemykh tokenov (NFT) v khudozhestvennoy i institutsional'noy praktike v Krasnoyarske [Possibilities of using non-fungible tokens (NFTs) in artistic and institutional practice in Krasnoyarsk]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2022, 3(2), 96.

Park Y. J. A Study on the Stage Costume Design in Natalia Goncharova-Focused on Early 20th Century Ballets Russes. In: *The Research Journal of the Costume Culture*. 2010, 18(1), 29–43.

Pashova E. V. «Superbogi»: kak sozdateli komiksov osmyslyayut arhetipy supergeroev [«Super Gods»: How Comic Artists Conceive Superhero Archetypes]. In: *Severnyye Arhivy i Ekspeditsii, [Northern archives and expeditions]*, 2020, 4(3), 100–110. DOI:10.31806/2542–1158–2020–4–3–100–110

Prokaeva O. N. Drevnyaya Rus' v otechestvennom dekoratsionnom iskusstve kontsa XIX-nachala XX veka [Ancient Rus' in domestic decorative art of the late 19th and early 20th centuries]. In: *Naslediye vekov [Heritage of Centuries]*, 2019, 4(20), 44–51.

Reznikova K. V., Sertakova E. A., Sitnikova A. A. Iskusstvennyy intellekt v Amerikanskom kinematografe kontsa XX-nachala XXI vekov [Artificial intelligence in American cinema of the late 20th and early 21st centuries]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2022, 3(1), 42–49. DOI: 10.31804/2712–939X –2022–3–1–33–41.

Serova G. Balet «Liturgiya» Natal'i Goncharovoy. Ikonograficheskiye istochniki i kul'turnyye konteksty [Ballet «Liturgy» by Natalia Goncharova. Iconographic sources and cultural contexts]. In: *Iskusstvoznaniye [Art history]*, 2019, 4, 182–213.

Serova, G. Yu. Religioznyye syuzhety Natalii Goncharovoy i ikh ikonograficheskiye istochniki [Religious subjects of Natalia Goncharova and their iconographic sources]. In: *Tret'yakovskiy chteniya. 2014. [Tretyakov Readings. 2014]*, 2015, 193–203.

Sitnikova A. A. Vizualizatsiya sushchnosti tvorchestva Anri Russo na kartine "Prazdnik rebenka (rebenok s marionetkoy)" (1903) iz sobraniya Vinterturskogo khudozhestvennogo muzeya [Visualization of the essence of Henri Rousseau's creativity in the painting "Children's Holiday (child with a puppet)" (1903) from the collection of the Winterthur Art Museum]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal [Siberian Art History Journal]*, 2022, 1(2), 32.

Sitnikova A. A., Lee, S. Obraz Kitaya v tvorchestve Krasnoyarskogo khudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the works of Krasnoyarsk artist Sergei Forostovsky]. In: *Severnyye arkhivy i ekspeditsii [Northern archives and expeditions]*, 2022, 6(4), 87–98.

Surov, F. L. Spetsifika traditsionnogo iskusstva i povorot k traditsii v russkom iskusstve nachala XX v. Rol' M. Larionova i N. Goncharovoy [Specificity of traditional art and the turn to tradition in Russian art of the early 20th century. The role of M. Larionov and N. Goncharova]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela [News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing]*. 2002, 2, 45–49.

Tarasova M. V., Maremkulova S. A. Osobennosti proizvedeniy bytovogo zhanra russkoy zhivopisi XIX veka [Features of works of the everyday genre of Russian painting of the 19th century]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2021, 2(1), 41–55.

Tarasova M. V., Smolina M. G. Proizvedeniya naskal'nogo iskusstva Yuzhnoy Sibiri: model' mirootnosheniya [Works of rock art of Southern Siberia: a model of world relations]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2021, 5(4), 34–52.

Vakar I. A. O pozdney zhivopisi NC Goncharovoy [About the late painting of NS Goncharova]. In: *Tret'yakovskiy chteniya. 2010–2011 [Tretyakov Readings. 2010–2011]*, 2012, 244–251.

Zhigaeva A. A. Kul'turnyye povoroty kak aktual'nyy podkhod k izucheniyu sovremennogo vizual'nogo iskusstva [Cultural turns as a current approach to the study of contemporary visual art]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(2), 11–19.

Zhukovskiy V. I., Koptseva N. P. *Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine arts]*. Krasnoyarsk, 2004, 266.

EDN: YBLCIR
УДК 392:17.023(=161.1)

Russianness: on the Concept Definition

Yuriy V. Kot*

*Moscow State Institute of Culture
Moscow, Russian Federation*

Received 29.02.2024, received in revised form 07.03.2024, accepted 20.03.2024

Abstract. The article examines the concept of Russianness, which is relevant both for the social sciences and humanities and for modern socio-political life. The author, analyzing the works of leading researchers and publicists, notes that Russianness is primarily a spiritual foundation, an inner worldview, a special warehouse of the soul. It is emphasized that the concept of “Russianness” is not identical to the concepts of “Russian-speaking” and “Russian”. It is highlighted that the ethnic component, while not being paramount, is also taken into account, complemented by the spiritual component.

Keywords: Russianness, spirituality, tradition, soul.

Research area: theory and history of culture, art (philosophical sciences).

Citation: Kot Yu. V. Russianness: on the concept definition. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 730–736. EDN: YBLCIR

Русскость: к определению понятия

Ю.В. Кот

*Московский государственный институт культуры
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. В статье рассматривается актуальное как для социально-гуманитарных наук, так и для современной общественно-политической жизни понятие русскость. Автор, анализируя работы ведущих исследователей и публицистов, отмечает, что русскость – это прежде всего духовная основа, внутреннее мироощущение, особый склад души. Подчёркивается, что понятие «русскость» не является тождественным

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: kotkot_76@mail.ru

понятиям «русскоязычный» и «россиянин». Выделяется, что этническая составляющая, не являясь первостепенной, также учитывается, дополняясь составляющей духовной.

Ключевые слова: русскость, духовность, традиция, душа.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (философские науки).

Цитирование: Кот Ю. В. Русскость: к определению понятия. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 730–736. EDN: YBLCIR

В настоящее время обращение к «русскости», Русскому миру объективно имеет первостепенное и даже стратегическое значение, поскольку национальной идентичности в последние десятилетия был нанесен очень тяжёлый урон. В. Ю. Даренский справедливо отмечает, что «искомая «русскость» ныне стала мощным, а возможно, и решающим фактором возрождения народа и развития государства» (Darenskiy, 2020: 52).

Русскость – типологически близкое понятие Русскому миру, что означает прежде всего их ценностно-смысловую близость. Необходимо учитывать, что русскость имеет собственное содержание, концентрированное выражение характерных черт и особенностей, которые различным образом проявляются в Русском мире.

На XVII Всемирном народном Соборе, прошедшем в 2013 году, было провозглашено общее понимание того, что «слово «русский» уже давно обозначает не столько этничность, сколько культурную, цивилизационную и духовную принадлежность» (V Moskve sobral'sya...). Русскость есть основа национального менталитета русского народа, основной маркер его национальной идентичности, важнейший признак в системе его исконных этнических признаков. Патриарх Кирилл в своём слове на Соборе выделил «симфонию этносов», которая является сущностью и своеобразием русской цивилизации. Однако глава Русской православной церкви подчеркнул особую роль русской культуры в становлении России. Причём «русское ядро» скрепляет и центрирует вклады других этносов и народов

в укрепление России, отнюдь не умаляя их (V Moskve sobral'sya...).

Кардинально важно различие *русскоязычности* и *русскости*, которые абсолютно не тождественны. Большой ошибкой является замена понятия «русские» «русскоязычным населением». Это в итоге приводит к устранению русскости, а вместе с ней русской культуры и русского народа как такового. Также недопустима подмена *русского российским*, вытеснение благодаря этому словосочетаний *русский народ*, *русская литература*, *русская музыка*, *русская идея*. Вспомним в этой связи мысли крупнейшего русского композитора XX века Г. В. Свиридова: «Я русский человек! Что ещё можно сказать? Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. И прекрасно он может жить в России. На здоровье, пусть живёт. Но русский человек – это русский человек. Во мне течёт русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный, но вот я такой, как есть – русский человек. И этим горжусь!

Я призываю всех вас возвысить свой голос в защиту нашей великой культуры, нашей великой литературы. Я призываю вас: не стыдитесь того, что мы – русские люди! Я призываю вас с высоты своего возраста, и не сердитесь на меня, что я так говорю: «Надо гордиться, что мы – русские люди!». Эти слова должны, наконец, зазвучать в каждом сердце наших соотечественников, и тогда – мы обретём самих себя!» (Sviridov, 2002: 272).

На наш взгляд, очень глубокие и ёмкие определения русскости сформулированы А. А. Корольковым. Исследователь отмеча-

ет, что русскость – менее всего характеристика этническая: этнически русский может совсем не быть носителем русскости, тогда как «носитель африканской крови способен стать высшим проявлением русскости, что и продемонстрировал в нашей истории русский гений Александр Сергеевич Пушкин». Русскость – «качество души и сердца, наполненность души человека любовью к Родине, к ее культуре в самых глубинных, сокровенных проявлениях». Подчеркивается, что эта любовь отнюдь не является «эгоистической», она «распахнута в мир, при этом не теряя своей неповторимости, самобытности». Всемирность русской культуры, всемирная отзывчивость (определение сформулировано в Пушкинской речи Ф. М. Достоевского – Ю. К.) не уничтожают реальность русскости» (Korolkov, 2011: 6).

Русскость культуры А. А. Корольков определяет как «проявление, выплеск глубинной народной души, ее потаенных и вместе с тем самых определяющих, субстанциональных особенностей». Ключевую роль здесь играет традиционная духовность, основанная прежде всего на православном христианстве: «Остаться русским, сохранить русскость – значит нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединив в себе вселенские истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И. А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью. Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости» (Korolkov, 2011: 86). Здесь мы вновь видим славянофильскую мысль о тождественности *русского и православного*. Православие воспринималось как наиболее подходящее для русской души, ее особого склада, идеально подходящего для православной духовности. Со временем эта идея вышла за славянофильские круги.

Особое духовное начало было воплощено и в русской философской мысли: «Русские философы размышляли не о чистоте крови, а о чистоте помыслов, идеа-

лов, о правде жизни, поэтому философия наша была озабочена спасением России как духовного материка, пристанище на котором может найти человек любой нации» (Korolkov, 1998: 50).

Вновь противопоставляются определение «русский» и «российский», «русский» и «русскоязычный»: «Нелепо называть Пушкина, Достоевского, Шукшина, Распутина российскими писателями, они русские писатели, они выразители русскости в литературе, которую совершенно определенно называют русской литературой» (Korolkov, 2011: 9).

В связи с русскостью и русскоязычностью А. А. Корольков размышляет следующим образом: «Быть русским и русскоязычным – не одно и то же, равно как и умение изъясняться по-английски не превращает кого-либо в англичанина». В качестве примера приводится уникальная книга И. С. Шмелёва «Лето Господне», которую «мог написать не просто русскоязычный писатель, а Иван Шмелёв, напитавшийся с младенчества духом православия, русским духом» (Korolkov, 2011: 10).

Исследователь выделяет В. И. Даля, который, имея немецкую и датскую родословную, будучи по вероисповеданию лютеранином, «редчайшим образом чувствовал и проявлял русскость в культуре всем своим творчеством и стал олицетворением русскости в словесности». Тайна русскости великого лексикографа – в «неуловимом, неформализуемом чувствовании звучания русского слова, его потаенной основы, его корневого происхождения» (Korolkov, 2011: 11).

В работе Е. А. Мостовщиковой «Светлый образ России» анализируются истоки русской духовной традиции, которая формировалась под влиянием кирилло-мефодиевского наследия. Православие на много столетий становится основной почвой для развития духовных практик на Руси. И самым высшим проявлением духовности у человека в русской традиции становится святость как «архетип духовной жизни, ставший идеалом для всех последующих поколений». Русскость есть следова-

ние истинно духовному идеалу, тогда как в Западной Европе первое место в иерархии ценностей занимают социальный престиж и материальный успех (Mostovshchikova, 2009: 169).

А. П. Валицкая в статье «Образ России в контексте национального самосознания» сосредотачивает внимание на нравственной преданности своей Родине как важнейшем качестве именно русского национального самосознания. Родина – «символ духовного братства» народа, «константная универсалия национального самосознания», объединяющая людей. Исследователь подчёркивает: «Образ России, страны, Родины принадлежит аксиосфере культуры, составляет ее ядро, но прежде всего присутствует в индивидуально-личностном сознании каждого из тех, кто именует себя русским, человеком родной культуры, идентифицирует себя с нею» (Valitskaya, 2009: 7).

Н. В. Теплых в статье, опубликованной в 2023 году, подчёркивает, что «вплоть до настоящего времени ценностные доминанты «русскости» не потеряли своей актуальности, среди которых российская общественная мысль выделяет религиозность, коллективизм, традиционность социально-го бытия человека» (Teplykh, 2023: 65).

Интересные мысли находим у Е. Ф. Казакова и Е. А. Чесноковой. Исследователи настаивают на том, что «русскость рождается не через самоопределение, а через отрицание». Под отрицанием здесь понимается вбирание черт западной и восточной культур, постоянно выделяемое с XIX века. Благодаря этому сформировалась выраженная конфронтационность русской души, которая ищет себя, защищая себя. Русскость «выкарабкивается» не только сама из себя, а одновременно из «аполлонической, фаустовской и магической душ», являющихся архетипами западной культуры. Для русскости немаловажным фактором является необходимость отталкиваться, то есть, заимствуя что-то от них, при этом критически относиться к ним (Kazakov, 2018: 32).

В данном контексте уместно вспомнить мысли Ф. М. Достоевского из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Господи,

да какие же мы русские?.. Действительно ли мы русские в самом-то деле? Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление? То есть я не про тех русских теперь говорю, которые там остались, ну вот про тех простых русских, которым имя пятьдесят миллионов, которых мы, сто тысяч человек, до сих пор пресерьезно за никого считаем и над которыми глубокие сатирические журналы наши до сих пор смеются за то, что они бород не бреют. Нет, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же «страны святых чудес»! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?» (Dostoyevskiy, 2008: 216–217).

Во многом характеризуя Европу и европейцев резко негативно, писатель и мыслитель одновременно подчёркивает, что эта земля является хранилищем великого художественного наследия. К нему у Ф. М. Достоевского особое отношение, поскольку оно воплощает некую высшую Красоту, призванную «спасти мир».

Русскую классическую культуру невозможно представить без европейской классической культуры, от которой были заимствованы внешние формы художественного творчества, а также и некоторые духовные идеи, затем переосмысленные по-своему. Вспомним в этой связи русское гегелианство первой половины XIX века, из которого во многом вышла дискуссия славянофилов и западников. Причём западники-«гегелианцы» отнюдь не стремились стать исключительно «европейцами». Их идеал – усвоение лучшего всемирного культурного опыта, прежде всего – европейского, и адаптация его к русским реалиям, русским традициям (Levandovsky, 1990: 159–161). А. С. Пушкин, что хрестоматийно известно, считал своими учителями Д. Бай-

рона и В. Шекспира. Творчество также ранее упоминаемого Г.В. Свиридова, равно как и русских композиторов-классиков XIX века, невозможно представить без классической европейской музыкальной культуры.

Отдавая должное классической западной культуре, «питаясь из её родника», мы отвергаем ныне навязываемые Западом деструктивные модели мультикультурализма, политкорректности и ультралиберального рынка. Все это не соответствует ни природе русскости, ни духовной сущности Русского мира.

Несмотря на сильнейшее западное влияние, которому подвергаются прежде всего либеральные слои нашего общества, этого перерождения в европейцев так и не происходит. В самый последний, казалось бы, критический момент угрозы национальным основам существования возникает какой-то национальный инстинкт самосохранения, который не позволяет России утратить свою идентичность.

Одним из важных аспектов феномена русскости является его соотносённость с феноменом советскости. Это очень сложный вопрос, являющийся темой для отдельного исследования. Впервые указанная тенденция заявила о себе в 30-е годы XX века, когда советское руководство окончательно убедилось в том, что мировая революция в течение ближайших десятилетий невозможна, в связи с чем было принято решение о «построении социализма в отдельно взятой стране». Первое в мире социалистическое государство должно было стать могучей державой, во всех отношениях конкурентоспособной по отношению к ведущим капиталистическим странам. Без уважительного отношения к великой национальной истории достичь этого было невозможно.

Если в первое советское десятилетие школьники изучали родную историю по «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, основывавшегося исключительно на классовом подходе, провозглашавшего всех дореволюционных лидеров страны, начиная с московских

князей, «агентами торгового капитала», то в 1937 году появился много более адекватный «Краткий курс истории СССР» А.В. Шестакова. В повести К.М. Симонова «Двадцать дней без войны» упоминается, что один из героев, искренне гордившийся своим происхождением из старой служилой дворянской семьи, «после тридцать седьмого года, когда в школах стали учить историю уже не по Покровскому, а по Шестакову, очень любил вспоминать об этом» (Simonov, 1984: 306). Во второй половине 30-х годов XX века на экраны вышли легендарные исторические художественные фильмы – «Петр I» В. Петрова и «Александр Невский» С. Эйзенштейна.

Ещё более масштабный характер отождествление *русского и советского* приняло в период Великой Отечественной войны, когда, как отмечают А.А. Иванов, А.Л. Казин и Р.В. Светлов, «понятие «русскости» стало, по сути, синонимом советской идентичности» (Darenskiy, 2020: 153–154). Именно тогда были возвращены многие значимые фигуры и символы русской истории. В частности, для национального самосознания очень важным является *женский* образ России и, соответственно, русскости. Вспомним в связи с этим Н.А. Бердяева, отмечавшего, что если Иисуса Христа простые русские люди часто воспринимали как грозного царя, то Богородица, напротив, для них была матушкой-заступницей (Berdyayev, 1990: 48). Религиозный мыслитель В.С. Соловьёв, по-своему интерпретировав канонический христианский образ Софии Премудрости Божией, сформировал идеальный женский образ-символ, воплощение некой высшей, божественной Женственности («Знай же: вечная женственность ныне в теле нетленном на землю идёт...»). Широко известно, что А.А. Блок в своей ранней лирике воплотил Софию В. Соловьёва в образах Прекрасной Дамы и Незнакомки. Если Прекрасная Дама и Незнакомка были навеяны, помимо Софии, культурой средневековой Европы, то М.М. Пришвин создал достаточно близкий образ на материале русского фольклора. В его произведениях часто фигурирует

сказочная красавица Марья Моревна – идеальный женский образ-символ, воплощающий высшую красоту, высшую доброту и высшую мудрость (Stepanov, 2015: 80–82). Т.Н. Астафурова и И.В. Скрынникова выделяют трансформацию этого глубинного духовного архетипа от матери-земли через Софию В.С. Соловьева до Родины-Матери в Великую Отечественную войну (Astafurova et al., 2022: 79–80).

В военные годы ещё более громко зазвучали имена великих русских полководцев А. Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, в том числе появились боевые ордена, носящие их имя. Несколько изменилось к лучшему и отношение к Русской православной церкви, в которой советское правительство увидело идеологического союзника в борьбе с гитлеризмом.

Сложность соотношения русскости и советскости, необходимость глубокого и объективного анализа в значительной степени объясняется тем, что в последние десятилетия к этому много обращаются как в контексте «краснопатриотических» идей, которые, несмотря на заявления их проводников, в большей или меньшей степени враждебны традиционной русской духовности, так и в либеральном антисоветском контексте, очень густо замешанном на русофобии. Здесь уместно вспомнить мысли М.Б. Смолина: «На начало XXI столетия русская нация переросла, изжила коммунистический соблазн как разновидность демократического принципа, к которому возврата, вероятно, уже

не будет, так как в обществе выработались идейно-политические иммунитеты на эту духовную заразу. Современная же Россия сегодня больна новыми и одновременно старыми западническими либеральными соблазнами, ставшими своеобразным «осложнением» после продолжительного и тяжелого заболевания большевизмом» (Smolin, 2014: 4).

В заключение отметим, что в русскости кардинально важное значение имеет духовная составляющая. Особый склад русской души, фундаментальное свойство русской души и русской культуры, обладающее особой сердечной и нравственной способностью благоговейно-уважительной отзывчивости к национальным ценностям и отеческим святыням при одновременной открытости и восприимчивости к «все-человеческому» и «вселенскому». Исходя из этого, русская культура – культура совести и справедливости, имеющая вселенский характер, чувствующая ответственность за своё сотериологическое призвание в мире. Вновь процитируем Г.В. Свиридова: «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание» (Sviridov, 2002: 274).

Необходимо отметить, что выделенное нами не отменяет этнической принадлежности русскости, а, напротив, во многом дополняет. Этническая составляющая является основополагающей, но при этом духовная русскость является ключевой не только для осознавших себя русскими «инородцев», но и для этнических русских.

Список литературы / References

Astafurova T.N., Skrynnikova I.V. Astafurova T.N., Skrynnikova I.V. *Sovremennaya rossiyskaya identichnost skvoz prizmu diskursivnykh metafor* [Modern Russian identity through the prism of discursive metaphors]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2022. 77–83.

Berdyayev N.A. *Russkaya ideya. O Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Filosofiy posleoktyabrskogo russkogo zarubezhya* [Russian Russian Idea. About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the post-October Russian diaspora]. N.A. Berdyayev, B.P. Vysheslavtsev, V.V. Zenkovskiy, P.A. Sorokin, G.P. Fedotov, G.V. Florovskiy. Moscow. «NaukA». 1990. 527.

Valitskaya A.P. *Obraz Rossii v kontekste natsionalnogo samosoznaniya* [The image of Russia in the context of national identity]. *Obraz Rossii. Sbornik nauchnykh statey* [The Image of Russia. Collection of scientific articles]. Sankt-Peterburg: Pnevma, 2009. 6–23.

Darenskiy V.YU. Russkaya filosofiya kak faktor tsivilizatsionnoĭ identichnosti v XXI veke [Russian philosophy as a factor of civilizational identity in the XXI century]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of civilizational development]. 2020. 2(1). 49–67.

Dostoyevskiy F.M. Zimniye zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter notes on summer experiences]. *Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy v 12-ti t.* [Dostoevsky F.M. Collected works in 12 volumes]. T. 10. Moscow. Mir knigi, Literatura, 2008. 462.

Ivanov A.A., Kazin A.L., Svetlov R.V. Russkiy natsionalizm: osnovnyye vekhi istoricheskogo osmysleniya [Russian nationalism: the main milestones of historical understanding]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015. 16(4). 143–157.

Kazakov YE.F., Chesnokova YE.A. K probleme ruskoĭ natsionalnoĭ identichnosti [On the problem of Russian national identity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2018. 2. 31–36.

Korolkov A. A. *Organika kultury* [The organics of culture]. Biysk, 2011. 322.

Korolkov A. A. *Russkaya dukhovnaya filosofiya* [Russian Spiritual Philosophy]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RKHGI, 1998. 576

Levandovsky A. A. *Granovsky's time at the origins of the formation of the Russian intelligentsia* [Granovsky's time at the origins of the formation of the Russian intelligentsia]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990. 302

Mostovshchikova YE.A. Svetlyy obraz Rossii [The bright image of Russia]. *Obraz Rossii. Sbornik nauchnykh statey* [The Image of Russia. Collection of scientific articles]. Sankt-Peterburg: Pnevma, 2009. 168–181.

Sviridov G. V. *Muzyka kak sudba* [Music as destiny]. Moscow. Molodaya gvardiya, 2002. 798.

Simonov K. M. Dvadsat dney bez voyny [Twenty days without war]. Aleksin A., Vorobyev K., Nilin P., Rasputin V., Roshchin M., Simonov K., Skalon A., Trifonov YU. *Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Sost. N.T.S. Stepanyan. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 464.

Smolin M. B. *Tayny russkoy imperii* [Secrets of the Russian Empire]. Moscow. Veche, 2014. 448

Stepanov S. A. Idealnyy zhenskiy obraz-simvol v otechestvennoy literature pervoy poloviny KHKH veka [The ideal female image is a symbol in Russian literature of the first half of the twentieth century]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI]. 2015. 2(64). 79–83.

Tepliykh N. V. Tsennostnyye dominanty «russkogo mira» i perspektivy budushchego Rossii [The value dominants of the “Russian world” and prospects for the future of Russia]. *Sotsialnyye normy i praktiki* [Social norms and practices]. 2023. 1. 63–73.

V Moskve sobralsya Vsemirnyy russkiy narodnyy sobor. <https://rg.ru/2013/11/01/forum.html>

EDN: SJJEGO
УДК 7.044

The Concept of «Regional Visual Culture» in the Modern Theory of Culture and Art

Mariana A. Borodina and Natalia A. Sergeeva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.02.2024, received in revised form 07.03.2024, accepted 14.03.2024

Abstract. This article provides an overview of the sources whose authors address the study of visual culture. Theoretical views on the visual culture of such figures as Klaus Hentschel, Renzo Baldasso, Herbert Butterfield, William John Thomas Mitchell, Hal Foster, Laura Mulvey, Joen Berger, Pal Miklos, Gyorgy Kepes, Hans Belting, Gottfried Boehm, Horst Bredekamp, Daniil Pivovarov and Vladimir Zhukovsky are considered. Visual culture is considered as a sphere of culture where idealization occurs in the form of creation, preservation and translation of standards in a visual form, that is, in a form consisting of visual signs. In the practical part of the article, one of the topical issues of the modern theory of culture and art is the problem of defining genre boundaries in a work of fine art. To analyze this problem, paintings representing the Krasnoyarsk visual culture, written on historical subjects, were selected. Historical painting, representing the most complex forms of artistic imagery, has a significant representative potential, revealing in the study the whole set of features of a specific regional visual culture. The theoretical foundations of this study are the key provisions of B. Croce's aesthetics on the importance in genre differentiation of not the material status of the work and its external formal characteristics, but the content factors revealed speculatively in the process of perception of the work, as well as the key provisions of M. M. Bakhtin's theory of the pragmatic orientation of the genre as a communicative cultural and philosophical category. The methodological basis was the conceptual provisions of the theory of artistic culture and the theory of fine art by V. I. Zhukovsky, N. P. Koptseva and D. V. Pivovarov. The empirical research is based on a source-based analysis of the works of fine art of Krasnoyarsk of the 20th – early 21st centuries, correlated with the genre of historical painting. The artistic images of the selected paintings are analyzed by means of philosophical and art criticism analysis.

Keywords: visual culture, visual image, theory of art and culture, genres of fine art, historical subjects, Krasnoyarsk pictorial art.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: maryana-borodina@yandex.ru; nasergeeva@sfu-kras.ru
ORCID: 0009-0003-1885-6798 (Borodina); 0000-0002-5896-6401 (Sergeeva)

Citation: Borodina M.A., Sergeeva N.A. The concept of «regional visual culture» in the modern theory of culture and art. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 737–750. EDN: SJJEGO

Понятие «региональная визуальная культура» в современной теории культуры и искусства

М.А. Бородина, Н.А. Сергеева

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В данной статье представлен обзор источников, авторы которых обращаются к исследованию визуальной культуры. Рассмотрены теоретические взгляды на визуальную культуру таких деятелей, как Клаус Хентшель, Ренцо Бальдассо, Герберт Баттерфильд, Уильям Джон Томас Митчел, Хэл Фостер, Лаура Малви, Джоен Бергер, Пал Миклош, Дьерд Кепеш, Ханс Бельтинг, Готфрид Бём, Хорст Бредекамп, Даниил Пивоваров и Владимир Жуковский. Визуальная культура рассмотрена как сфера культуры, где идеалообразование происходит в форме создания, сохранения и трансляции эталонов в визуальной форме, то есть в форме, состоящей из визуальных знаков. В практической части статьи обсуждается один из актуальных вопросов современной теории культуры и искусства – проблема определения жанровых границ в произведении изобразительного искусства. Для анализа данной проблематики выбраны репрезентирующие красноярскую визуальную культуру живописные произведения, написанные на исторические сюжеты. Историческая живопись, представляя наиболее сложные формы художественной образности, имеет значительный репрезентативный потенциал, раскрывающий в исследовании всю совокупность признаков конкретной региональной визуальной культуры. В качестве теоретических оснований настоящего исследования приняты ключевые положения эстетики Б. Кроче о значении в жанровой дифференциации не материального статуса произведения и его внешних формальных характеристик, а содержательных факторов, раскрывающихся умозрительно в процессе восприятия произведения, а также ключевые положения теории М. М. Бахтина о прагматической ориентации жанра в качестве коммуникативной культурологической и философской категории. Методологическим основанием послужили концептуальные положения теории художественной культуры и теории изобразительного искусства В. И. Жуковского, Н. П. Копцевой и Д. В. Пивоварова. Эмпирическое исследование основывается на источниковедческом анализе произведений изобразительного искусства Красноярска XX – начала XXI веков, соотносимых с жанром исторической живописи. Художественные образы выбранных живописных произведений проанализированы средствами философско-искусствоведческого анализа.

Ключевые слова: визуальная культура, визуальный образ, теория искусства и культуры, жанры изобразительного искусства, исторические сюжеты, живопись Красноярска.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Бородина М. А., Сергеева Н. А. Понятие «региональная визуальная культура» в современной теории культуры и искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 737–750. EDN: SJJEGO

Введение

Предметом исследования данной статьи является понятие «визуальная культура» в современной теории культуры и искусства. Изучая современную визуальную культуру, исследователи обращаются к такому феномену, как «визуальность», который возник относительно недавно на переходе от лингвистического и антропологического поворота и требует особого осмысления и теоретического обоснования. В научном сообществе, где визуальность лежит в поле исследования, склонны к тому, что классические эстетические теории, или теории искусства, в силу интенсивного развития новых визуальных технологий не способны в полном объеме объяснить данный феномен, а отсутствие единого понятийного аппарата, разногласия об объекте усложняют процесс визуальных исследований. В статье рассмотрим несколько теоретических взглядов на визуальную культуру, его составляющие, функции и предназначения.

Актуальной проблемой современной теории искусства и художественной практики является определение границ жанра в сопоставлении с сюжетно-тематическим содержанием, формообразующими и технико-технологическими характеристиками произведения изобразительного искусства. Региональные визуальные культуры предлагают исследователям обширный художественный материал для наблюдения за динамикой явления, научного структурирования и систематизации результатов теоретических изысканий, а также прогнозирования особенностей дальнейшего существования жанра в качестве творческой (практической), культурологической и искусствоведческой (теоретической) категории.

Основным элементом теории является обнаружение и обоснование причин появления и существования ее предмета. Предметность жанра в качестве художественной

категории обусловлена многими причинами и культурно-историческими процессами. Термин «жанр» (от французского *genre* – «вид», «род», «манера») вошел в европейский художественный обиход в XVIII веке в связи с появлением академического сообщества профессионалов искусства. Если понятия «вид» и «род» являются общепотребительными и присущими разным областям знания, то понятие «жанр» характерно для гуманитарных наук, искусствоведения. Исходя из значения слова, термин первоначально подразумевал не только разделение произведений изящных искусств на привычные для современной теории изобразительного искусства живопись бытового жанра, марину, ню, анималистический и другие жанры. Известны старинные французские трактовки жанра как определенной художественной техники (энкастика), формата (миниатюра), вида художественного творчества (изготовление копий мраморов), принципа организации формы и орнамента (арабески) и т.д. (Dmitrieva, 2021).

В русском языке под жанром изначально подразумевалась бытовая живопись (Vasiliev, 1990), благодаря чему, вероятно, в отечественной критике закрепился эфемизм «жанровая живопись» (Vlasov, 2005).

Понимание жанра как внешней характеристики произведения искусства раскрывает эту категорию как способ формальной классификации произведений искусства в системе художественной культуры, закрепляя в своей семантике типологизацию художественных образов по ряду нормативных признаков. Б. Кроче замечает, что подобный подход раскрывает не внутренние процессы искусства, а подразумевает внешнюю по отношению к искусству конвенцию исследователей, принятую для удобства классификации художественных образов в системе культуры (Croce, 2000).

Содержательно-смысловая трактовка жанра как теоретической категории при-

общается не к внешним формальным признакам произведения, а к структуре его духовной организации, связанной с представляемой темой, проблематикой, типу конфликта, эмоциональному наполнению и в широком смысле понимается как универсальный инструмент культуры, оказываясь не только искусствоведческой, но и культурологической категорией (Bahtin, 1979, 1996; Vasiliev, 1990). Таким образом, диффузная природа жанра определяет проблемность этой категории в качестве одного из фундаментальных вопросов современной теории культуры и искусства.

С появлением академической школы и по сей день только три жанра (в русской академической традиции XVIII века – рода) именуются и понимаются неизменно: историческая живопись, портрет и пейзаж (Urvanov, 1969; Dmitrieva, 2021). Исторический жанр, определившийся благодаря академизму в качестве основного, является наиболее технически сложным и трудоемким и требует от художника большой эрудиции, умения анализировать, обобщать и мыслить абстрактно, потому что история в его художественном мышлении оказывается не иллюстрацией, а инструментом организации мировоззрения и языка культуры.

**«Визуальная культура»
в современной теории культуры
и искусства»**

Исследование визуальной культуры от периода раннего Нового времени до конца XX века предпринял немецкий физик, профессор Штутгартского университета Клаус Хентшель в своей работе «Визуальные культуры науки и техники – сравнительная история» 2014 года (Hentshel, 2014). В своей работе он представил синтез микроисследовательских культур. Используя сравнительный подход, он выявляет закономерности развития и изменения визуальной культуры. Его работа основана на анализе всех видов визуальных изображений в науке, технике, медицине. Хосе Рамон Маркайда, преподаватель факультета истории и искусств Сент-Эндрюс, отмечает, что целью книги «Визуальные культуры в нау-

ке и технике» является предоставление систематического и комплексного описания формирования и развития множества визуальных культур на протяжении всей истории западной науки, техники и медицины. В основе ее методологии лежит исчерпывающий – и новый – сравнительный подход, основанный на большом количестве тематических исследований, охватывающих период, простирающийся от раннего Нового времени до наших дней. Выбор и диапазон примеров действительно феноменальны. Как и визуальные материалы и библиография, подтверждающие этот аргумент. Историк искусства и истории науки Ренцо Бальдассо отмечает, что работа представляет собой синтез изучения истории и историографии визуального представления в период раннего Нового времени и нового периода до конца 20-го века в рамках западной традиции.

Область интересов Ренцо Бальдассо лежит в поле дискурса визуальной репрезентации. Автор использует историографическое исследование, чтобы определить роль визуальной репрезентации в научной революции. Бальдассо исследует работы британского историка, королевского профессора Кембриджа и Члена Британской академии Герберта Баттерфилда, и приходит к выводу, что графические работы Леонарда да Винчи являются точкой отсчета визуальной репрезентации в науке эпохи Возрождения. Ренцо Бальдассо в статье «Роль визуальной репрезентации в научной революции: историографическое исследование» (Bal'dasso, 2006) говорит о том, что Герберт Баттерфилд, историк, который утвердил термин «научная революция», определив его место в более широком контексте истории западной цивилизации, также был первым, кто обратил внимание на роль визуального представления в развитии науки раннего Нового времени. Свои идеи о научной революции он выложил в серию лекций, которые прочитал в Кембриджском университете в 1948 году, позже переработанных для публикации в книге под названием «Истоки современной науки, 1300–1800» 1949 года. Чтобы расширить и прояснить

краткие утверждения, включенные в первое издание «Истоков современной науки», Баттерфилд представил более полный отчет о своих взглядах в 1954 году, опубликовав статью, посвященную взаимоотношениям искусства и науки в условиях научной революции, озаглавленную «Искусство эпохи Возрождения и современная наука». В нем он рассматривает эту тему в рамках обсуждения вклада XV века в историю науки. Баттерфилд утверждает, что именно в этом столетии художники разработали научный подход к визуальному представлению. Он обосновывает свое утверждение, рассматривая примеры Гиберти, Брунеллески, Донателло, Альберти, Мазаччо и Леонардо.

Особое значение визуальная культура получает в рамках смещения парадигмы социально-гуманитарных наук XX века. Обусловлено это так называемым визуальным поворотом, где визуальность выступает в качестве объекта исследования. Развитие технологических и технических инструментов порождает новую визуальность. Однако отсутствие единого понятийного аппарата не позволяет определить единого теоретического подхода и методов исследования визуальности и визуальной культуры.

Вопросом «что такое визуальная культура» задается американский академик, заслуженный профессор истории искусства Гейлорда Донелли в Чикагском университете Уильям Джон Томас Митчелл (Mitchell, 2002). В одном из своих эссе У. Дж. Т. Митчелл «Showing seeing: a critique of visual culture» задается вопросами: что такое визуальная культура или визуальные исследования? Является ли это зарождающейся дисциплиной, мимолетным моментом междисциплинарной турбулентности, темой исследования, областью или подполем культурологии, медиаисследований, риторики и коммуникации, истории искусств или эстетики? Есть ли у него конкретный объект исследования? Автор определяет, что визуальные исследования – это изучение визуальной культуры. В своей теории Митчелл выдвигает гипотезу, что видение является культурной конструкцией, что оно

изучается и культивируется, а не просто дается природой. Автор приводит смежные дисциплины, которые тесно пересекаются с визуальной культурой, это история искусства и эстетика, научная и техническая визуализация, кино, телевидение и цифровые медиа, философские исследования эпистемологии зрения, семиотические исследования образов и визуальных знаков, психоаналитическое исследование зрительного влечения, фенологические, физиологические и когнитивные исследования визуального процесса, социологические исследования зрительства и показа, визуальная антропология, физическая оптика и другие. Говоря о визуальности, Дж. Митчелл ссылается на содержание понятия «визуальность» американского художественного критика и историка Хэла Фостера, который в своей работе «Vision and visibility» 1988 года (Foster, 1988) разделяет понятия «видение» и «визуальность», рассматривая «видение» как физическое действие, а «визуальное» как социальное явление. Процесс видения претерпевает множество факторов, начиная от самого физического факта видеть до умения пользоваться этой способностью. Исходя из такого понимания, можно заключить, что технический прогресс с широко развитыми цифровыми технологиями в настоящее время способен влиять на процесс видения зрителя, наделяя его еще большими способностями. В этом понимании, как утверждал Х. Фостер, феномен видения является феноменом историческим и социальным. Говоря о влиянии технического процесса на способность видения зрителем, британский теоретик кино и режиссер, профессор кино и медиа в Биркбеке Лондонского университета Лаура Малви, в своей работе «Смерть 24 раза в секунду: неподвижность и движущееся изображение» 2006 года (Mulvey, 2005) отмечает, что технологии видео и DVD изменили отношения между фильмом и зрителем. Технологии, которые позволяют останавливать процесс видения, позволяют зрителям остановиться на фрагменте, разглядеть его, вернуть на несколько кадров или перемотать фильм, остановить

повествование. Тем самым зритель, который смотрит фильм на DVD, имеет больший контроль над фильмом, чем зритель, который смотрит фильм в кинотеатре. С другой стороны, «моменты остановки повествования» разрушают «мост между невозвратным зрелищем и воображением человека». Следует отметить, что оба автора являлись продолжателями теории взгляда французского психоаналитика и философа Жака Мари Эмиль Лакана. Стоит отметить, что Ж.М.Э. Лакан был еще и лингвистом, который предпринял попытку визуализировать свой опыт психоанализа в формулах.

Еще одной из ранних работ, посвященных исследованию визуальной культуры можно назвать «Способы видения» 1972 года английского искусствоведа Джона Бергера. Первая часть работы представляет собой введение в изучение изображений, частично оно было взято из эссе Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху механического воспроизведения» (Berger, 1972). Исследователи визуальной культуры отмечают еще одну работу, посвященную данной тематике, – работу 1976 года историка искусства Пала Миклоша «Визуальная культура. Теоретические и критические исследования в области изобразительного искусства». Надо отметить, что именно его называют изобретателем термина «визуальная культура». Будучи директором Музея прикладного искусства, Пал Миклош организовывал научные семинары, научные исследования, выставки современного искусства, которые являлись подтверждением концептуальных предположений визуальной теории Миклоша.

Понять, в чем заключаются законы визуальной организации, стремился венгерский педагог и теоретик искусства Дьерд Кепеш, который считал, что материальный мир находится в динамичных и взаимосвязанных отношениях. По нашему пониманию, материальный мир развивается, происходит эволюция чувственного постижения и одновременное углубление человеческого опыта. Основные концептуальные положения своей теории Дьерд Кепеш изложил в своей работе «Язык ви-

дения» 1944 года (Keres, 1944). Во второй главе «Визуальное представление» Кепеш обращается к прошлым традициям видения и записи увиденного, исследуя современный визуальный опыт с соответствующими новыми формами представительства. По мнению Кепеша, в борьбе человечества за выживание природа должна контролироваться как разумом, так и органами чувств, включая зрение. Он выражает утопическую веру как в силу «мыслительного процесса», так и в «чувственном постижении», в частности, развитии видения, способствующего человеческому прогрессу. Художник должен перевести физический опыт современного технологически сложного мира в двухмерное представление посредством знаковой системы. «Визуальные образы – один из методов контроля окружающего мира. Каждое новое достижение в этой области означает новые горизонты, новую систему координат, новую отправную точку для дальнейшего развития. По мере того как меняется природа, человечеству необходимо перестраивать эти методы и разрабатывать для них новые виды использования. Поскольку прогресс присутствует и в мыслительных процессах, то происходит и эволюция сенсорного восприятия. Развитие видения ведёт не только к дальнейшему пониманию природы, но и к прогрессивному развитию чувств, восприимчивости, следовательно, к более широкому и глубокому человеческому опыту».

Наукой об изображениях «Bildwissenschaft», точнее подходам к их изучению, занимались немецкий искусствовед и теоретик медиа Ханс Бельтинг, немецкий архитектор и скульптор Готфрид Бём, а также немецкий искусствовед Хорст Бредекамп. «Bildwissenschaft» является академической дисциплиной, которая всесторонне относится к исследованию своего предмета – изображению. Джейсон Гейгер отмечает в своей работе «Идея универсального Bildwissenschaft»: «Появление Bildwissenschaft (науки об изображениях) как новой междисциплинарной формации, призванной охватить все изображения, требует анализа оснований, на которых мож-

но обосновать претензию на универсальность» (Gejger, 2014). «Bildwissenschaft» особенно получила развитие в 1990-х годах, дисциплина исследует изображения и их интерпретации, а также социальную значимость изображений.

В отечественной культуре одним из ключевых представителей научного сообщества является философ, религиовед и культуролог Даниил Валентинович Пивоваров, в рамках его концепции синтетической теории идеальной культуры выступает как «идеалообразующая сторона деятельности человека» (Pivovarov, 2013). В.И. Жуковский в статье «Ключевые положения синтетической теории идеального Д.В. Пивоварова – методологическая основа инновационного концепта изобразительного искусства» отмечает, что «для Д.В. Пивоварова «идеал» есть равновесие внешнего и внутреннего, где внешне (чувственно) «идеал» представлен как «идол», внутренне (сверхчувственно) содержание «идеала» предстает как «идея». По утверждению Пивоварова, культура – это человеческая деятельность по культивированию, возделыванию, возвращению идеалов, призванных способствовать процессу уютного, комфортного существования каждого человека с собой, другими людьми, предметами первой и второй природы, мирозданием в целом» (Zhukovsky, 2016). Данной концепции придерживаются современные искусствоведы и культурологи, такие как Копцева Н.П. (Koptseva, Zhukovsky, 2008), Тарасова М.В. (Tarasova, 2022), Замараева Ю.С. (Sergeeva, Zamaraeva, 2023), Смолина М.Г. (Smolina, 2023), Пименова Н.Н. (Pimenova, 2023), Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Менжуренко Ю.Н. (Koptseva, Degtyarenko, Pchelkina, Menzhurenko, 2022), Резникова К.В. (Koptseva, Reznikova, 2015), Сергеева Н.А., Лесничих А.А. (Lesnichih, Sergeeva, 2023), Середкина Н.Н. (Seredkina, Shkel'tina, Shubnikova, 2023), Лещинская Н.М., Сертакова Е.А. (Zamaraeva, Leshchinskaya, Sertakova, 2022).

В современных теориях культуры понятие «визуального» рассматривается как некоторое конструирующее социокуль-

турное пространство – начало порождающее собой новые виды, формы и практики взаимодействия человека и его познания самого себя, человека и социума, человека и мира в целом (Sergeeva, 2023a; Sergeeva, 2023b). Рассматривая визуальную культуру как сферу культуры, где идеалообразование происходит в форме создания, сохранения и трансляции эталонов в визуальной форме, то есть в форме, состоящей из визуальных знаков. Следует отметить, что непосредственным соучастником взаимоотношения эталонов визуальной культуры является человек. В настоящее время визуальная культура способна расширить понимание культуры в целом, современные цифровые технологии способны воссоздавать визуальные образы, пространства, переводить вербальные и тактильные образы в визуальные, все это способствует расширению познания человеком окружающего мира и его культуру.

Исторические сюжеты в жанровой типологии красноярской живописи как репрезентация региональной визуальной культуры

Интерес к прошлому вызывается различными причинами, чаще всего его объясняют потребностью понять настоящее и выявить современное осмысление истории, поэтому историческая живопись вне зависимости от сюжета наиболее четко и доступно способна формулировать ценностные ориентиры эпохи.

В русской художественной культуре обозначаются несколько ярких этапов расцвета исторической живописи.

Еще до появления в России Академии художеств и признания в мире авторитета русского изобразительного искусства Петр I отметил исторический жанр (живопись, посвященную значимым событиям прошлого и настоящего, жизни великих людей или народов, важным моментам развития общества) и наделил его самостоятельной ролью, а не сугубо иллюстративной функцией, считая любую другую живопись вспомогательным и прикладным средством. Более того, он заметил колоссальное влияние, оказываемое историче-

ской картиной на современников, а также возможность использования этого жанра в качестве мощного инструмента решения актуальных общественных задач.

Начало XIX века в русском искусстве было ознаменовано гегемонией исторического жанра, поскольку считалось, что только историческая картина имеет самостоятельную, а не утилитарную ценность, только она ей лишь доступными средствами может истинно воплотить мировоззренческие идеи эпохи. Историческому жанру придается воспитательное и политическое значение. Герои, изображаемые историческими живописцами, стали воплощением подвига во имя гражданского долга; события, представляемые в героическом духе, уравнивали действительность и историческое прошлое.

Историческая живопись в данный период приобретает ключевое значение (о чем может свидетельствовать присвоение звания академика или награждение медалями исключительно исторических живописцев). В 1795 году выходит указ, официально подтверждающий ведущую роль исторического жанра. Данное событие, произошедшее в масштабах государства, послужило толчком к началу кризиса исторического жанра и эстетики классицизма в целом. С этого времени отмечается превращение классицизма в сухой академизм, а классицистических академических норм – в академический догматизм.

Новые возможности в русском изобразительном искусстве первой половины XIX века исторический жанр обретает в «стилевом контрапункте» классицизма и романтизма также у Ф.А. Бруни К.П. Брюллова. Безусловное влияние на понимание исторического жанра в середине XIX века оказала живопись передвижников. Выдающийся педагог Академии художеств П.П. Чистяков заслуженно называл своего ученика, красноярца В.И. Сурикова, истинно историческим живописцем, в то время как других живописцев, создававших картины на темы прошлого, но не передававших его дух, Чистяков именовал не историческими, а «архивными»

художниками (Vereshchagina, 1973; Rakova, 1979).

Являясь для красноярской художественной культуры знаковой фигурой и участвуя непосредственно в становлении профессионального искусства в Красноярске (Kistova, 2016), В.И. Суриков предопределил для последующих поколений живописцев Красноярска особую узнаваемую иконографию и ряд характерных сюжетов (Borodina, 2023b), раскрывающих историю региона (прил. 1 и прил. 2), и завещал исторической картине, представляющей момент исторического перелома и острого конфликта, необходимость особенной психологической напряженности и глубины (Borodina, 2022) (прил. 3).

Проницаемость границ жанра очевидна в произведениях красноярского художника Б.Я. Рязова, соотносимых исследователями с произведениями исторического пейзажа (Moskalyuk, 2018) и несущих признаки конкретной региональной визуальной культуры (прил. 4).

В XX веке сюжетами отечественной исторической живописи чаще всего были события революции, гражданской войны, жизни и деятельности В.И. Ленина, Великой Отечественной войны. Изначально художники продолжали традиции, заложенные в этом жанре передвижниками, но стремление мастеров выразить новое содержание, продиктованное временем, приводит к формированию особого художественного языка, закрепляющего сложный философско-мировоззренческий комплекс в русле действующей идеологии.

Красноярское изобразительное искусство, закрепившее за собой к середине XX века статус количественного и качественного первенства в сибирском пейзаже (Bahova, 2010), предлагает уникальные синтетические художественные образы, объединяющие мастерство красноярских пейзажистов и события региональной истории в образах красноярских исторических пейзажей.

Б.Я. Рязов, выдающийся мастер лирического и исторического пейзажа, создал корпус произведений о местах революци-

онных событий в Красноярском крае. Это «Туруханская серия» (1949–1951) о политической ссылке на север Красноярского края И. Сталина, в пейзажных образах повествующая о суровости северного края и его враждебности к осужденным царской властью революционерам (прил. 5), и «Шушенская серия» (1960-е) о ссылке В. Ленина на юг Красноярского края, создающая образы очарования им сибирской глубиной, его уединения и сосредоточенной интеллектуальной работы.

Обращаясь к темам, диктуемым действующей идеологией, Б. Я. Рязунов решает не только актуально-исторические проблемы, но и создает целостные философско-художественные визуальные понятия о взаимоотношении человека и природы, самоопределении человека в мире, времени и пространстве.

С середины пятидесятых годов в столичном изобразительном искусстве Советского Союза намечаются тенденции, приведшие к появлению «сурового стиля». К концу 1960-х годов лаконичная художественная образность покорила и региональных художников, а пятидесятилетие революции в 1967 г., столетие В. И. Ленина в 1970 г. и пятидесятилетие СССР в 1972 г. обратили внимание художников всей страны к сюжетам советской истории.

Выдающимися памятниками станкового и монументального изобразительного искусства «сурового стиля», представляющими эпизоды красноярской истории, стали произведения С. Е. Орлова, раскрывающие не только узкую историческую проблематику, но и воспроизводящие общечеловеческие смыслы и ценности (Borodina, 2023c).

С. Е. Орлов, изыскавшись сдержанным художественным языком «сурового стиля», объединил признаки исторической живописи и жанр портрета при создании выразительных образов революционных деятелей Я. Богграда, Я. Дубровинского и др., имена которых знакомы каждому современному красноярцу (прил. 6).

Тема Великой Отечественной войны раскрывается красноярскими художниками не столько традиционными батальными

сюжетами, сколько средствами тематической живописи и символическими образами всеобщего горя, отчаяния и тяжелой работы (что может объясняться удаленностью Сибири от основных фронтов войны).

Притчевая поэтика картины Ю. Д. Деева «Реквием. 1941 год» (1985) воплощает образ беды, осиротившей детей, оставившей в одиночестве женщин и стариков, выжженной всю русскую землю.

Композиция картины А. М. Знака «Три танкиста» (в эскизе – «Жажда. Родная земля») (1975) подсказывает зрителю смыслы художественного образа (прил. 7). Усеченная сферическая перспектива, высокая дугообразная линия горизонта, крупные округлые композиционные элементы в изображении земли – все эти художественные приемы выстраивают визуальное понятие концепта «Родина», значительность которого глобальна. «Земные поклоны» главных персонажей – как выражение смирения и благоговения перед Родиной, долгожданная и выстраданная встреча с родной землей.

«Победа» В. М. Харламова, ассоциативно-метафорически воспроизводящая триумф и счастье освобождения всего советского народа, победу тыла в этой страшной войне (прил. 8).

Неповторима стилистика творчества В. Ф. Капелько, отступившего в решении исторических сюжетов от реалистического метода изображения. Ранняя картина В. Ф. Капелько на исторический сюжет «Землепроходцы» (1969), в которой наблюдается поиск авторского художественного языка, фиксирует интерес мастера к историческому прошлому региона и теме покорения Сибири русскими казаками. Работы более позднего периода творчества художника – «Первопроходцы на реке Кан» и «Канский острог ставят» (обе 1985), находящиеся в настоящее время в Канском краеведческом музее, проявляют узнаваемую и характерную для красноярской живописи исторической тематики художественную образность уже в сложившейся авторской манере.

Экспонат Минусинского регионально-краеведческого музея – картина В. Ф. Ка-

пелько «Капище плодородия» (1978), написанная художником в Абакане, объединяет жанровые признаки пейзажа, натюрморта и живописного коллажа с мотивами региональной этноархаики, свойственной красноярскому декоративно-прикладному искусству (Filko, 2021).

Наиболее известное большое живописное произведение В.Ф. Капелько «Обь-Енисейский канал строят» (1988) (прил. 9) объединяет исторический контекст с жанром тематической картины (в данном случае – еще и с признаками картины бытового жанра), выявляя типичный для красноярской живописи 1970–1980-х годов прием размытия жанровых границ сюжетной живописи (Borodina, 2023a).

Прием жанровой интеграции усиливается и авторской стилистикой, подразумевающей обращение к эстетике русского лубка и художественному языку наивного искусства. Поддерживаясь лексико-синтаксической структурой названия, воспроизводящей разговорную речь, один из крупнейших и продолжительных проектов в истории Сибири сопоставляется художником с визуальным понятием народного труда. Грандиозность замысла строительства Обь-Енисейского канала показана В.Ф. Капелько при помощи контраста между размерами человеческих фигур и широтой преобразуемого мира, особенностей обратной перспективы, исключающей линию горизонта («конца-краю не видать») и в конечном счете условным превращением изображаемого процесса в проект планетарного масштаба для его участников.

Полисемия произведения предусматривает и символическое воспроизведение главных тенденций красноярской визуальной культуры в изобразительном искусстве: лейтмотива покорения Сибири русским народом, подчинения силам человека ее стихий и ее внутренней, исконной связи этой региональной визуальной культуры с культурами коренных народов Сибири (на традиционный уклад жизни местного населения – хантов и селькупов указывают национальные жилища, с древности располагавшиеся по берегам этого водного пути).

Владимир Феофанович Капелько не только обогатил красноярскую визуальную культуру неповторимыми остроумными художественными образами, но и внес выдающийся вклад в археологию, этнографию и музееведение благодаря многочисленным научным открытиям, сделанным в экспедициях по Енисейской Сибири и изобретению ныне всемирно известного и повсеместно используемого метода эстампажного копирования древних петроглифов на микалентную бумагу («метод В.Ф. Капелько»).

Системный кризис советской культуры и последующая модернизация, отметившая переход от советской к постсоветской культуре (Koptseva, 2010), приостановили развитие отечественной исторической живописи. 1990–2010-е годы в истории красноярской живописи отражают общероссийские тенденции творческого самоопределения художников и региональной школы в целом, возрождается интерес к этнографическому художественному наследию и религиозной тематике (Sergeeva, 2024).

С 2010-х годов художники Красноярска В.И. Ежов, А.А. Клюев, Л.В. Гурьева, Е.М. Ежов, В.К. Дидковская, Е.А. Исайкина, А.В. Зражевский, В.Т. Зражевская, М.Н. Казаченко, Л.Г. Кузнецов, Г.Д. Лейзаренко, Д.С. Карабчук, А.Н. Межова и др. проявляют интерес к теме Великой Отечественной войны в тематических композициях и военных натюрмортах, воспроизводя в предметном мире этого жанра обобщенные образы российской истории (прил. 10).

Межрегиональная художественная выставка «Сибирь – XIII», состоявшаяся в июле 2023 года в Барнауле, показала возвращение интереса сибирских художников к «большим» темам и историческому жанру в 2018–2023 годы. Красноярские живописцы М.Ю. Филатов и В.В. Дзалба представили на выставке произведения исторической тематики, обратившись к художественному нарративу В.И. Сурикова (прил. 11).

Жанр может выступать как характеристикой формы и (или) содержания произведения, предполагающей сюжетно-тематическое своеобразие произведения,

его ценностные и познавательные установки, так и в качестве сложного способа взаимодействия автора, художественного образа произведения и зрителя в исторически и стилистически обусловленных обстоятельствах (то есть в качестве жанрового подхода историко-теоретических искусствоведческих и культурологических исследований).

Обнаруживая не только собственную предметность для наук об искусстве, но субъектный статус самого искусства относительно теории, жанр трансформируется вслед за изменением формальных признаков и содержательных характеристик современного художественного произведения.

Выводы

Рассматривая визуальную культуру как сферу культуры, где идеолообразование происходит в форме создания, сохранения и трансляции эталонов в визуальной форме, то есть в форме, состоящей из визуальных знаков, можно предположить, что историческая живопись, особенно как род и жанр изобразительного искусства, активно взаимодействующий с другими жанрами, обладает наибольшими репрезентативными возможностями актуализации прошлого в настоящем и возможности его оценки с позиции современности, способна предоставить теоретику искусства и культуры обширный материал для анализа и оценки системной организации культуры и выявить закономерности ее визуальных характеристик, в том числе основных тенденций конкретной региональной визуальной культуры.

Список литературы / References

- Bahova N. A. Landscape Painting Genre of the Krasnoyarsk Art School. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2010, 3(4), 563–580.
- Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij v 7 t. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov [Collected works in 7 vols. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]*. Moscow, Russkie slovari, 1996, 7(5), 159–207.
- Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza. *Jestetika slovesnogo tvorcestva [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis. Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow, Iskusstvo, 1979, 281–308.

Рассмотренные репрезентанты красноярской исторической живописи показывают, что, являясь частью общероссийской и сибирской культурно-художественной парадигмы, на протяжении своей истории она характеризуется как совокупность уникальных региональных визуальных формально-стилистических, тематических и сущностно-содержательных характеристик, идентифицируя ее в ряду других региональных визуальных культур. Непосредственно воспринимая и наследуя художественные открытия В.И. Сурикова, сохраняющиеся по сей день традиции исторической живописи Красноярска могут характеризоваться как поиск через сюжеты местной истории метаобраза регионального духа. Художники Красноярского края, богатого на события революционной и советской истории, внесли в отечественную живопись обширный художественный материал, философски интерпретирующий эти события не только с позиции идеологической сообразности, но и с точки зрения общечеловеческих ценностей и вневременной актуальности. Этнографическая и природная уникальность региона также не остается без внимания красноярских художников, в разные годы обращающихся к исторической тематике.

Приложения / Applications

Bal'dasso R. *Rol' vizual'noj reprezentacii v nauchnoj revoljucii: istoriograficheskoe issledovanie* [The Role of Visual Representation in the Scientific Revolution: a historiographical study]. 2006. DOI: 10.1111/j.1600-0498.2006.00042.

Berger J. *Ways of seeing*. London: BBC and Penguin Books. 1972, 34. ISBN 0-14-191798-9.

Borodina M. A. Rol' istoricheskogo zhanra v sisteme hudozhestvennoj kul'tury. [The role of the historical genre in the system of artistic culture]. In: *Hudozhestvennaja kul'tura Rossii vchera, segodnja, zavtra: Regional'nyj aspekt. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii. Otv. red. N. A. Elovskaja. [The artistic culture of Russia yesterday, today, tomorrow: The regional aspect]*. Krasnojarsk, Krasnojarskij gosudarstvennyj institut iskusstv, 2017, 15-19.

Borodina M. A. Obraz Grazhdanskij vojny v Sibiri v tvorcestve A. M. Znaka [The Image of the Civil War in Siberia in the Works of A. M. Znak]. In: *Severnye arhivy i jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 154-163.

Borodina M. A. Fenomen prevrashhenija tematiceskoi i bytovoj kartiny v proizvedenie istoricheskogo zhanra (na primere tvorcestva krasnojarskih hudoznikov) [The phenomenon of turning a thematic and everyday painting into a work of historical genre (using the example of the work of Krasnojarsk artists)]. In: *Prospekt Svobodnyj [Svobodny Avenue]*, Krasnojarsk, SFU, 2023, 2593-2596.

Borodina M. A. Hudozhestvennyj obraz sibirskoi identichnosti V. I. Surikova kak vizual'nyj pattern v izobrazitel'nom iskusstve Krasnojarska [Artistic Image of Siberian Identity by V. I. Surikov as a Visual Pattern in the Fine Arts of Krasnojarsk]. In: *Sibirskij iskusstvedcheskij zhurnal [Siberian Art History Magazine]*, 2023, 2(2), 36-45.

Borodina M. A. Religioznaja problematika istoriko-revoljucionnyh proizvedenij «surovogo stilja» [Religious Issues of Historical and Revolutionary Works of the "Severe Style"]. In: *Severnye arhivy i jekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 15-26.

Croce, B. *Jestetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshhaja lingvistika [Aesthetics as a science of expression and as a general linguistics]*. Moscow, Intrada, 2000, 162.

Dmitrieva S. Ponjatje zhanra vo francuzskoj teorii iskusstva XVIII veka [The concept of genre in the French theory of art of the XVIII century]. In: *Iskusstvoznanie [Art studies]*, 2021, 1, 52-65.

Filko A. I., Avdeeva, Ju. N., Kistova, A. V., Pimenova, N. N., Robachevskaja, N. N. Jetnokul'turnaja dinamika Krasnojarskogo kraja v tvorcestve krasnojarskih hudoznikov [Ethnocultural dynamics of the Krasnojarsk Territory in the work of Krasnojarsk artists]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities]*, 2021, 14(6), 873-889.

Foster H. Vision and visuality. In: *The New Press*. 1988

Geiger, D. The Idea of a Universal Bildwissenschaft. In: *Aesthetics: The Central European Journal of Aesthetics*. 2014, 2, 208-229. doi:10.33134/eeja.124.

Hentshel' K. *Vizual'nye kul'tury nauki i tekhniki – sravnitel'naya istoriya» [Visual Cultures of Science and Technology – a comparative history]*. 2014.

Kepes, G. The language of vision. Chicago: Paul Theobald. 1944. 0-486-28650-9 ISBN.

Kistova A. V. Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2020, 4(2), 111-121.

Kistova A. V., Moskalyuk M. V., Sertakova E. A., Dvoretzkaya A. P. Ispol'zovanie imeni Vasilija Ivanovicha Surikova v konstruirovanii polozhitel'nogo obraza goroda Krasnojarska [Using the name of V. I. Surikov in constructing a positive image of the city of Krasnojarsk]. In: *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovanija [NB: Administrative law and administrative practice]*. Moscow, 2016, 6, 1-13.

Koptseva N. P., Zhukovsky V. I. The Artistic Image as a Process and Result of Game Relations between a Work of Visual Art as an Object and its Spectator. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2008, 1(2), 226-244. EDN IU DTOF.

Koptseva N. P., Bahova N. A. System of Culture in Krasnojarsk Region: Main Subjects and Cultural Values. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2010, 3(3), 344-381.

Koptseva N. P., Buralkova A. V., Gerasimova A. A. [i dr.]. Novaya art- kritika na beregah Eniseya [New Art criticism on the banks of the Yenisei]. Krasnojarsk, Siberian Federal University, 2015, 340.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. In: *Bylye Gody*, 2022, (2). 867–875.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye Gody*, 2015, 38(4), 1028–1038.

Lesnichih A. A., Sergeeva N. A. Cifrovizaciya v teatral'nom iskusstve: nauchnoe izdanie [Digitalization in theatrical art: a scientific publication]. In: *Cifrovizaciya [Digitalization]*, 2023, 4(3), 33–40.

Lukov V. A. Zhanry i zhanrovye generalizacii [Genres and genre generalizations]. In: *Problemy filologii i kul'turologii [Problems of philology and cultural studies]*, 2006, 1, 141–148.

Mitchell W. J. T. Showing seeing: a critique of visual culture. In: *Journal of visual culture*. 2002, 1(2). 165–181.

Moskalyuk, M. V. *Boris Rjauzov [Boris Ryauzov]*. Krasnoyarsk, ID Class Plus, 2018, 176.

Mulvey L. Death 24 times per second: immobility and a moving image. London: Reaktion Books. 2005, 7, ISBN 9781861892638.

Nehvjadovich L. I. Zhanr kak fundamental'naja kategorija iskusstvovedenija [Genre as a fundamental category of art criticism]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [World of science, culture, education]*, 2013, 4(41), 302–304.

Pimenova, N. N. Social'no-kul'turnaya deyatel'nost' v Krasnoyarske: podkhody i sub'ekty (na materiale issledovaniya praktik Novoj khudozhestvennoj shkoly im. A. Pozdeeva). [Socio-cultural activities in Krasnoyarsk: approaches and subjects (based on the research of the practices of the New A. Pozdeev Art School)]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*. 2023, 1(7).

Pivovarov D. V. Kul'tura kak idealoobrazovanie [Culture as idealization]. In: *Kul'turologiya i hudozhestvennaya kul'tura [Culturology and artistic culture]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. un-t, 2000, 5–8.

Pivovarov D. V. Kul'tura i religiya. Sakralizaciya bazovykh idealov [Culture and religion. Sacralization of basic ideals]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2013, 244, [1]. ISBN 978–5–7996–0846–0

Rakova M. M. Russkaja istoricheskaja zhivopis' pervoj poloviny devjattadcatogo veka [Russian historical painting of the first half of the nineteenth century]. Moscow, Iskusstvo, 1979, 244.

Seredkina N. N., Shkel'tina A. A., Shubnikova I. V. Aktual'nye napravleniya issledovanij koncepcii cifrovogo bessmertiya (po rezul'tatam kontent-analiza nauchnykh publikacij za 2012–2022 gg.): nauchnoe izdanie [Current directions of research on the concept of digital immortality (based on the results of content analysis of scientific publications for 2012–2022): scientific publication]. In: *Cifrovizaciya [Digitalization]*, 2023, 4(2), 58–66.

Sergeeva N. A. Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visual» in modern theory and history of art]. In: *Severnnye Arhivy i ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 108–115.

Sergeeva N. A., Zamaraeva Y. S. Sozdanie novykh hudozhestvennykh ob'edinenij v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917–1922 gg [The creation of new artistic associations in the Soviet fine arts of 1917–1922]. In: *Vestnik Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2023, 16(7), 1043–1061. EDN YDDUBL.

Sergeeva N. A., Pashova Je. V., Borodina M. A. Vizual'nyj povорот v kul'ture i ego otrazhenie v sovremennom iskusstve [Visual turn in culture and its reflection in contemporary art]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2024, 17(1), 84–100.

Sergeeva N. A. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu vizual'noj kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture: a scientific publication]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*. 2023, 7(3), 37–43.

Smolina M. G. Hudozhestvennyj muzej imeni V. I. Surikova kak prostranstvo dlya art-kritiki [V. I. Surikov Art Museum as a space for art criticism]. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal [Siberian Art History Magazine]*, 2023, 2(4), 59–68.

Stepan Egorovich Orlov: zhivopis'. Risunok. [*Stepan Egorovich Orlov: painting. Drawing*]. Sbornik. Avt.-sost. A. N. Orlova, L. M. Zapjataja. Saint-Petersburg, Russkaja kollekcija, 240.

Tarasova M. V., Sergeeva N. A. Religioznye kachestva proizvedenij russkoj zhivopisi 1920-h godov: nauchnoe izdanie [Religious qualities of the works of Russian painting of the 1920s: a scientific publication]. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal [Siberian Art History Magazine]*, 2022, 1(1), 32–53.

Urvanov I. F. Kratkoe rukovodstvo k poznaniju risovanija i zhivopisi istoricheskogo roda, osnovannoe na umozrenii i opytah [A brief guide to the knowledge of drawing and painting of a historical kind, based on speculation and experiments]. In: *Mastera iskusstva ob iskusstve [Masters of art about art]*. Moscow, 1969, 6, 122, 127–129.

Vasiliev A. Z. Iz istorii kategorii «zhanr» [From the history of the genre category]. In: *Problemy istoricheskoy pojetiki [Problems of historical poetics]*, 1990, 1. 11–21.

Vereshchagina A. G. Hudozhnik. Vremja. Istorija. Oчерki russkoj istoricheskoy zhivopisi XVIII – nachala XX veka [*The artist. Time. History. Essays on Russian historical painting of the XVIII – early XX century*]. Leningrad, Iskusstvo, 1973, 166.

Vlasov V. G. Zhanr. Novyj jenciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva v 10 t. T. III [*Genre. The new encyclopedic dictionary of Fine Arts in 10 volumes, vol. 3*]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2005, 10(3), 624–625.

Zamaraeva YU. S., Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Analiz osobennostej tradicionnyh vidov hozjajstvennoj deyatel'nosti v Krasnoyarskom krae: dosovetskij, sovetskij, sovremennyj periody [Analysis of the features of traditional types of economic activity in the Krasnoyarsk Territory: pre-Soviet, Soviet, modern periods]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(3), 78–95. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–3–78–95. EDN LHACMC.

Zhukovsky V. I. Klyuchevye polozheniya sinteticheskoy teorii ideal'nogo D. V. Pivovarova – metodologicheskaya osnova innovacionnogo koncepta izobrazitel'nogo iskusstva [*The key provisions of D. V. Pivovarov's synthetic theory of the ideal are the methodological basis of the innovative concept of fine art*]. In: filosofiya i kul'tura [*Philosophy and culture*]. 2016, 6. 892–898. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=67939

Zhukovsky V. I., Pivovarov D. V., Rahmatullin R. Yu. Vizual'noe myshlenie v strukture nauchnogo poznaniya [*Visual thinking in the structure of scientific cognition*]. Krasnoyarsk, 1988, 178.

Zhukovsky V. I. Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva: teksty lektsiy. CH. 2 Metodologiya istorii iskusstva [*The theory of fine arts: texts of lectures. Part 2 Methodology of the history of art*]. Krasnoyarsk, KGU, 2004, 198.

Zhukovsky V. I., Koptseva N. P., Pivovarov D. V. *Vizual'naya sushchnost' religii [The visual essence of religion]*. Krasnoyarsk, KGU, 2006, 460.

Zhukovsky V. I., Koptseva N. P. *Propozicii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine arts]*. Krasnoyarsk, Krasnojarskiy gosudarstvennyj universitet, 2004, 266.

EDN: STXBOC
УДК 7.01

The Concept of “Artistic Practices”: a Thematic Analysis of Scientific Literature (1990s-2023)

Natalya N. Seredkina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.02.2024, received in revised form 07.03.2024, accepted 15.03.2024

Abstract. The article presents an analysis of the “artistic practices” concept. The scientific works devoted to artistic practices and published in the period from the 1990s to 2023 were chosen as the analysis material. The study sample included both scientific research articles and fundamental works by modern scientists. The study purpose was to summarize existing approaches to the concept of “artistic practices” and strategies for constructing ethnocultural identity by artistic practices. The very concept of “artistic practices” is a widely used in modern cultural studies. An analysis of scientific publications showed that it is used in both narrow and broad meanings. In the narrow sense, artistic practices are usually called works of art of one kind or another. In the broad sense, the content of “artistic practices” concept goes beyond the designation of a set of individual forms and processes of artistic activity and expands to a phenomenon that is significant for social interaction, a source of study of ethno-cultural processes.

The author substantiates the connection between artistic practices and the ideal-forming function of culture. Artistic practices are endowed with the ability, through sign-symbolic forms, special artistic means of expression, to record the values and ideals of both a separate ethnic group and society as a whole. These artistic means of expression become the mechanism through which the transformation of ethnocultural identity is recorded in artistic practices, in particular in works of fine art.

Keywords: work of fine art, ethnocultural identity transformation, all-Russian civil identity, artistic means of expression.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Seredkina N. N. The concept of “artistic practices”: a thematic analysis of scientific literature (1990s-2023). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 751–765. EDN: STXBOC

Понятие «художественные практики»: тематический анализ научной литературы (1990–2023 гг.)

Н.Н. Середкина

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье представлен анализ понятия «художественные практики». Материалом для анализа послужили научные работы, посвященные художественным практикам и опубликованные в период с 1990-х по 2023 гг. В выборку исследования вошли как научные исследовательские статьи, так и фундаментальные труды современных ученых. Цель исследования состояла в обобщении существующих подходов к понятию «художественные практики» и стратегий конструирования художественными практиками этнокультурной идентичности. Само понятие «художественные практики» является широко используемым в современных культурных исследованиях. Анализ научных публикаций показал, что оно используется как в узком, так и в широком значениях. В узком значении художественными практиками принято называть непосредственно произведения искусства того или иного вида. В широком смысле содержание понятия «художественные практики» выходит за рамки обозначения совокупности отдельных форм и процессов художественной деятельности и расширяется до значимого для социального взаимодействия феномена, источника изучения этнокультурных процессов.

Автором обосновывается связь художественных практик с идеалообразующей функцией культуры. Художественные практики наделяются возможностью посредством знаково-символических форм, особых художественных средств выразительности, фиксировать ценности и идеалы как отдельной этнической группы, так и общества в целом. Данные художественные средства выразительности становятся тем механизмом, посредством которого фиксируется трансформация этнокультурной идентичности в художественных практиках, в частности в произведениях изобразительного искусства.

Ключевые слова: произведение изобразительного искусства, трансформация этнокультурной идентичности, общероссийская гражданская идентичность, художественные средства выразительности.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Середкина Н. Н. Понятие «художественные практики»: тематический анализ научной литературы (1990–2023 гг.). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 751–765. EDN: STXBOS.

Введение

Трансформация этнокультурной идентичности в своей основе – это процесс, который сопровождает этнические группы на протяжении всего их исторического развития. В советский и постсоветский пери-

оды данный процесс становится особенно заметным и значимым в контексте предпринимаемых мер со стороны государственной власти в рамках реализации национальной программы. Одним из инструментов, способствующих трансформации этнокультурной

идентичности этнических групп, являются художественные практики. Ярким примером этому служит опыт советского периода, когда через развитие художественных практик среди этнических групп Сибири воплощалась идеологическая программа национально-государственного строительства (Корсева, Nevol'ko, Reznikova, 2013; Pchelkina, Pimenova, Zamaraeva i dr., 2022; Seredkina, 2023). В постсоветский период художественные практики этнических групп Сибири продолжают свое развитие, наряду с этим выступая механизмом возрождения и сохранения этнической культуры, и, соответственно, воплощая в себе конструктивистские возможности выражения позитивной этнокультурной идентичности (Корсева, 2014; Libakova, 2015). Наряду с осмыслением роли художественных практик в процессе конструирования этнокультурной идентичности само понятие «художественные практики» с 1990-х гг. широко вошло в научный оборот современных ученых (Burgio, 2016: 31). Однако единого общепринятого определения этот термин на сегодняшний день не получил. В рамках данного исследования проводится анализ существующих подходов к понятию «художественные практики» с целью обобщения и формулирования авторского определения данного понятия в контексте исследования трансформации этнокультурной идентичности в общероссийскую гражданскую идентичность. Кроме того, на основе аналитического обзора научных исследований, посвященных художественным практикам, выделены и систематизированы художественные средства, посредством которых художественные практики реализуют функцию конструирования этнокультурной идентичности.

Материалы исследования

Источниками для исследования выступили фундаментальные труды современных ученых В.И. Жуковского, Н.П. Копцевой (Zhukovskij, Koptseva, 2004), Д.В. Пивоварова (Pivovarov, 2013), Н. Буррио (Burgio, 2016), в которых обосновывается концептуальное содержание таких понятий, как «культура», «искусство» и «реляционное искусство». Рассмотрение

понятия «художественные практики» через концептуальные положения смежных ему понятий, позволило содержательно обосновать место и роль художественных практик в сфере культуры. Кроме того, в тематический анализ включались научные статьи с результатами оригинальных исследований различных художественных практик. Основной источниковедческой базой для отбора публикаций послужила российская электронная научная библиотека e-library. В подборку исследования включались релевантные теме статьи работы. Релевантными считались те работы, которые были посвящены рассмотрению произведений искусства в контексте изучения художественных практик, а также работы, в которых обсуждалось социокультурное значение художественных практик. В качестве критериев отбора публикаций для анализа выступили также такие критерии, как цитируемость и доступность к полному тексту. В обзор не включались публикации, в которых анализ художественных практик проводился косвенно и не имел отношения к произведениям искусства. Таким образом, в итоговую подборку источников для анализа вошли релевантные научные публикации, опубликованные в период с 2012 по 2023 год.

Собственно анализ научных подходов к понятию «художественные практики» осуществлялся в рамках описательно-аналитического подхода.

Обзор подходов к понятию «художественные практики»

Само понятие «практика» в истории научной мысли не ново. Большую роль в его осмыслении сыграли ведущие философы разных исторических эпох, начиная с древнегреческого мыслителя Аристотеля (Aristotel', 1976). Они заложили фундаментальные философские основания данному понятию, связывая его с логикой познания природы человеком.

Современными учеными отмечается тенденция замены понятием «практика» устоявшихся понятий, таких как «действие» и «поведение» (Zembylas, 2014). Т. Зимбулас определяет практики как

«конфигурации сплоченных действий, которые устанавливают скоординированные отношения сотрудничества между членами сообщества» (Zembylas, 2014: 12). С этой точки зрения Т. Зимбулас понимает практики как «коллективно создаваемые и регулируемые, а также как трансформирующиеся по социальным, культурным, технологическим и экономическим траекториям» (Zembylas, 2014: 12). Согласно ученому, практики имплицитно и неразрывно связаны с сообществами во времени и пространстве. Благодаря практикам, таким образом, преодолевается оппозиция личности и общества, что позволяет анализировать совокупность действий одновременно на микро- и макроуровнях.

Само понятие «художественные практики» является широко используемым понятием в современных культурных исследованиях. Анализ научных публикаций показал, что оно используется как в узком, так и в широком значениях.

В узком значении художественными практиками принято называть собственно *произведения искусства* того или иного вида художественного творчества – народного творчества, декоративно-прикладного искусства, художественной самостоятельности, изобразительного искусства (Kurgyakova, 2015; Kirsanova, 2017; Ikonnikov, 2019; Bondareva, 2020; Ivashchenko, 2023). Российский художник С.В. Шурипа отмечает, что «понятие произведения как чего-то произведенного уступает понятию практики, которая нередко выходит за привычные институциональные границы искусства... Сегодня художественная практика – это та область культуры, где пересекаясь, взаимодействуют образ и слово, локальное и глобальное, событие коммуникации и структура языка» (Shuripa, 2018: 69). Называя произведения практикой, автор расширяет возможности самого произведения, значение его выразительных средств в своей совокупности. Различные практики изобразительного искусства рассматриваются учеными как отдельные парадигмы представления мира, которые отличаются друг от друга формой и мате-

риалом своей репрезентации. Основываясь на специфике репрезентации отдельных практик изобразительного искусства в тот или иной исторический отрезок времени, исследователь Ф. Гарнье выделяет три вида практик. К более ранним он относит практики графического искусства (живопись, рисунок, графика) и скульптуру. К более поздним – кино, видео и цифровые медиа. В настоящее время получают развитие, согласно ученому, два основных типа практик – это виртуальные миры и виртуальная реальность (Garnier, 2021). Доктор культурологии А.Ю. Чукуров к современным художественным практикам относит перформанс, где тело определено и как материал, и как центральный предмет изображения, и как главное средство выразительности (Chukurov, 2022).

Исследователь Е.Н. Багрий отмечает две тенденции в развитии художественных практик. С одной стороны, автор отмечает наличие тенденции дифференциации видов художественного творчества, например на музыкальные и изобразительные художественные практики. С другой стороны, Е.Н. Багрий отмечает тенденцию интеграции выразительных средств разных видов художественного творчества (Bagrij, 2019: 53). Рассматривая значение художественных практик для индивида, Е.Н. Багрий определяет художественную практику как деятельность индивида, направленную на осмысление мира и впоследствии его воссоздание средствами искусства (Bagrij, 2019). Среди функций художественных практик автор называет практическую (для обеспечения религиозного обряда) и охранительную (сохранение традиции в первоначальном виде) (Bagrij, 2019: 52).

Признавая выразительные возможности произведений искусства как художественных практик, ученые обращаются к их анализу с целью осмысления истории прошлого. Так, например, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, А.В. Еремин, осмысляя феномен советского бытия, обращаются к анализу отдельных произведений отечественной культуры 19–20 вв. (Zlotnikova, Erohina, Eremin, 2020). А.В. Кирилова обращается

к анализу художественных практик Абрамцевского кружка второй половины 19 в. как к источнику для осмысления их значения для сохранения и трансляции народной культуры. По результатам исследования автором выделены наиболее значимые для сохранения народной культуры и ее ценностей художественные практики Абрамцевского кружка. Среди них «идеологическая платформа», изучение произведений народного искусства, просветительская деятельность участников объединения, возрождение народной культуры в столярной и гончарной мастерских, налаживание механизма передачи творческого опыта от одного поколения к другому (Kirilova, 2022).

Еще одно значение, которое вкладывается учеными в содержание понятия «художественные практики», связано собственно с творческим процессом. У коренных народов такими художественными практиками, например, являются резьба по дереву и кости, обработка металла, вышивка, аппликация мехом и тканью, тиснение по бересте (Reznikova, Seredkina, Zamaraeva, 2017). Помимо собственно процесса производства произведений (арт-объектов) значение художественных практик проявляется также в организации выставок художников, разнообразных кружков, профессиональных сообществ, мастерских. Наконец, под художественными практиками принято понимать посещение выставки, просмотр и обсуждение художественных фильмов, проведение мастер-классов, конкурсов, изучение, освоение и сохранение культуры и т.п. (Pronin, 2016; Egorucheva, 2017; Kirilova, 2022). Таким образом, понятие «художественные практики» вбирает в себя, согласно результатам анализа научных публикаций, значение совокупности ряда отдельных видов художественной деятельности и их средств выразительности. Данные современные практики основываются в том числе на использовании современных медиа и цифровых технологиях (Stolyarova, 2019). Это позволяет говорить о междисциплинарности современных художественных практик, объединяющих разные виды искусств (Ikonnikov, 2019). Собственно сам

процесс создания определенного «продукта» (арт-объекта) и процесс восприятия его зрителем также приобретают значение художественной практики (Pronin, 2016).

Среди функций художественных практик П. А. Пронин выделяет в качестве ведущей образовательную функцию (Pronin, 2016). Образовательная функция художественных практик направлена, согласно автору, на формирование как художественных знаний у индивида, так и особенностей личностной и социальной картины мира.

Образовательное и воспитательное назначение художественных практик отмечает С. А. Егорычева. Согласно автору, художественные практики позволяют приобщить к искусству, творчеству и познавательной деятельности (Egorucheva, 2017).

В широком смысле содержание понятия «художественные практики» выходит за рамки обозначения совокупности отдельных форм и процессов художественной деятельности и расширяется до значимого для социального взаимодействия феномена.

Т. Зембилос, профессор Венского университета музыки и исполнительского искусства, специалист по теории культуры и в области культурной политики, определяет художественные практики как основу для реализации социальной функции искусства, которая признается значимой для общества (Zembylas, 2014). Искусство влияет, по мысли ученого, на повседневную жизнь человека путем тех значений и смыслов, которые заложены в нем. Кроме того, согласно Т. Зембилосу, искусство выступает средством регулирования социальных отношений, направляя их либо в позитивную, либо в негативную сторону. Это проявляется непосредственно в художественных практиках, которые, в свою очередь, развиваются в соответствии с динамикой развития общества. Таким образом, ученый подчеркивает взаимосвязь искусства и художественных практик, где одно проявляется через другое как форма и содержание, где формой выступает художественная практика, а содержанием – природа искусства.

Ценностную социокультурную составляющую художественных практик раскры-

вает французский искусствовед, художественный критик Н. Буррио в своем труде «Реляционная эстетика. Постпродукция» (Burrio, 2016).

Н. Буррио вводит в научный оборот понятие реляционного искусства, посредством которого обозначается ценность связи искусства с социальным контекстом. Доминанта данного аспекта искусства над «приватным символическим пространством» свидетельствует, по мысли автора, «о коренной перемене эстетических, культурных и политических целей художественной деятельности» (Burrio, 2016: 15). Связывает Н. Буррио данный процесс с процессами урбанизации, начавшимися после окончания Второй мировой войны. Это привело не только к активизации социальных обменов, но и к изменению функций произведения искусства и способа его презентации.

Отличительной особенностью произведения становится, согласно Н. Буррио, то, что оно приобретает характеристику «промежутка времени, который нам предлагается прожить...» (Burrio, 2016: 16). Произведение в этом смысле наделяется возможностью быть источником определенного исторического периода, который может быть «прожит» каждым индивидом. В этом смысле данная точка зрения Н. Буррио на предназначение произведения близка идеям сторонников конструктивизма, согласно которым конструирование этничности осуществляется каждым индивидом в процессе его соучастия в той или иной практике культуры. Подобное взаимоотношение субъектов приобретает в концепции Н. Буррио особое значение. Именно «интерсубъективные отношения», согласно ученому, составляет основу художественных практик. Это то, что определяет у Н. Буррио их основные характеристики (Burrio, 2016: 17).

Отличительной особенностью искусства, согласно Н. Буррио, например от других культурных практик, является то, что «оно стягивает вокруг себя пространство отношений» (Burrio, 2016: 17). Оно организует и побуждает к взаимоотношению

с произведением здесь и сейчас, в момент непосредственного «диалога». По мнению ученого, «искусство – это место производства особого рода социальности» (Burrio, 2016: 17).

Назначение художественных практик автор видит в создании новых моделей современности, которые складываются из форм человеческих отношений (Burrio, 2016).

Видя в искусстве социальную функцию, Н. Буррио обращается к осмыслению его места в глобальной системе экономики. Согласно ученому, произведения организуют собой пространство человеческих отношений, которое автор называет «порой» (Burrio, 2016: 18). Автор подчеркивает возможность произведений выражать то, что не совпадает с реальным моментом времени. И в этом состоит их открытость и преимущество. Коммуникация людей может складываться и вне предписанных постулатов. Важным для нас видится ценностный аспект произведений, который выделяет А. Буррио. Согласно ученому, «всякое изображение (впрочем, современное искусство не столько изображает, сколько моделирует, не столько вдохновляется социальной тканью, сколько непосредственно внедряется в нее) отсылает к неким ценностям, переносимым в общество» (Burrio, 2016: 19).

Аксиологический подход к пониманию особенностей художественных практик представляется особо значимым для исследования процессов трансформации этнокультурной идентичности в общероссийскую гражданскую идентичность в силу того, что данный процесс затрагивает в большей степени именно ценностную составляющую культуры каждого отдельного общества. Данный подход наряду с деятельностным и семиотическим подходами лег в основу синтетической концепции Д. В. Пивоварова, обобщающей и объединяющей концепции культуры, разрабатываемые в рамках данных трех подходов. В основе синтетической концепции Д. В. Пивоварова лежит постулат понимания культуры как «трехаспектного бытия», сочетающего в себе аксиологический, опе-

рациональный и семиотический компоненты (Pivovarov, 2013). В контексте разработанной им синтетической концепции Д. В. Пивоваров обосновывает значение культуры в аспекте идеалообразования жизни человека (Pivovarov, 2013: 9). Это становится смысловой доминантой значения понятия «культура» в концепции ученого. В соответствии с данной концепцией можно выделить ряд особенностей культуры.

Во-первых, предназначение культуры заключается в том, чтобы сохранять архетипы и традиции того или иного общества, того, что почитается за идеал.

Во-вторых, культура предстает как потенциально подвижный феномен, в котором идеалы могут изменяться.

В-третьих, в пространстве культуры происходит «возделывание» образцов общественной жизни. И данная особенность культуры подчеркивает ее социальный характер, связь с внешними социальными процессами развития общества.

Собственно идеалы Д. В. Пивоваров разделяет на достижимые и недостижимые.

К достижимым идеалам ученый относит идеалы-эталоны. Это все то, что составляет образец, классику. Другими словами, это все те ценности, которые едины для всех обществ.

Недостижимые идеалы определяются ученым с позиции, с одной стороны, прошлого, и с другой стороны, с позиции будущего. Соответственно, то, что уже исчезло и не может быть возобновимо, это и есть недостижимый идеал. Наряду с этим и то, что не может быть реализуемо в обозримом будущем, также является недостижимым идеалом. Оба этих идеала, по замечанию Д. В. Пивоварова, «переплетены в каждой культуре» (Pivovarov, 2013: 15).

Важным видится взгляд Д. В. Пивоварова на участие субъекта в процессе идеалообразования. Он наделяется автором характеристикой равноправного участника, который в том числе принимает участие в выборе эталона (Pivovarov, 2013). С другой стороны, объектом выступает выбранный эталон или репрезентант, который обладает определенной телесностью. Это

может быть знак или символ. Сам процесс формирования идеала, согласно ученому, осуществляется же на уровне воображения.

При этом Д. В. Пивоваров придерживается той точки зрения, что в разных культурах идеальные образы одних и тех же предметов будут различаться. С другой стороны, важно учитывать и то, что универсальные ценности и, соответственно, идеальные их образы могут принимать разное воплощение в разных культурах, через разные чувственно воспринимаемые знаки и символы.

В соответствии с концепцией идеалообразования Д. В. Пивоварова можно заключить, что художественные практики как особые формы проявления культуры, представленные различными видами художественного творчества, наделяются возможностью репрезентации ценностей, идеалов, норм той или иной этнической группы.

В соответствии с синтетической концепцией культуры художественные практики приобретают характеристику динамичной модели. Динамика художественных практик при этом проявляется не только в актуализации тех или иных их форм на каждом отдельном историческом этапе развития культуры, но и в трансформации знаков и символов, используемых авторами художественных практик.

Основания данной трансформации знаков и символов лежат в ценностной системе общества, которая, как доказывают результаты научных исследований, претерпевает свои изменения с течением времени (Bashkirova, 2000; Hrebtov, Fil'ko, 2021). Трансформация ценностей происходит под влиянием различных социально-культурных процессов развития общества. Е. И. Башкирова отмечает, что существенные изменения в массовом сознании происходят в «периоды резких, революционных преобразований» (Bashkirova, 2000: 1). Данные изменения при этом сопровождаются заменой одних ценностных доминант другими. Согласно справедливому замечанию Е. И. Башкировой, «система ценностей, формирующая основу мировоззрения людей, может выступать и как фактор, ускоряющий развитие, и как трудно прео-

долимый барьер на пути такого развития» (Bashkirova, 2000: 1). В.В. Иванов отмечает, что «динамика ценностей в художественной культуре предполагается тем, что сама художественная культура трансформируется в пространстве и во времени, а ценности выступают ее содержанием» (Ivanov, 2006: 80). Одним из факторов, влияющих на трансформацию художественной культуры и, соответственно, художественных практик, являются социокультурные трансформации. По замечанию А.Ю. Чукурова, «художественная культура мгновенно реагирует на все социокультурные трансформации, даже если они пока и носят латентный характер» (Chukurov, 2022: 34–35). Одним из социокультурных процессов, затрагивающих ценностную систему общества, является процесс трансформации этнокультурной идентичности, который находит свое отражение в том числе в художественных практиках. Именно на них возлагается роль механизма «сохранения этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (Koptseva, 2014), «формирования новых моделей современных процессов» (I'bejkina, 2013).

Произведение изобразительного искусства как художественная практика фиксации трансформации этнокультурной идентичности

Особая роль среди всех художественных практик принадлежит произведениям изобразительного искусства. Обоснование природы искусства и произведений изобразительного искусства в рамках синтетической концепции идеалообразования культуры Д.В. Пивоварова представлено в трудах современных ученых В.И. Жуковского и Н.П. Кошцевой (Zhukovskij, Koptseva, 2004). Согласно разработанной авторами современной теории изобразительного искусства, искусство определяется как «искусная деятельность по производству продуктов второй природы» (Zhukovskij, Koptseva, 2004: 7). Данная деятельность при этом присуща не только собственно

автору, художнику, но и зрителю, который при взаимодействии с произведением искусства осуществляет умозрительную деятельность, деятельность на уровне визуального мышления, направленную на создание художественного образа. При этом данный художественный образ, согласно ученым, «это не зеркальное воспроизведение содержания произведения в форме вещи, превращаемой в объект «художественного восприятия», равно как он не является адекватным выражением некоторых интеллектуальных структур зрителя» (Zhukovskij, Koptseva, 2004: 142). Художественный образ, таким образом, предстает тем инструментом, посредством которого культура реализует свою идеалообразующую функцию.

Данный художественный образ в контексте конструктивизма приобретает характеристику визуального конструкта, посредством которого конструируется особая реальность, проживаемая каждым индивидом в процессе «диалога» с художественными практиками. Это тот самый конструкт, который приобретает у конструктивистов значение этничности. Данная концепция находит свое отражение в развитии этнического искусства, которое принято в научном сообществе определять как «средство выражения этнической идентичности (Ivanov, 2006; Polevshchikova, 2017; Semenov, 2017; Kenzhebaeva, Rahimbaeva, 2023), как форму, в которой только и возможно выразить целостную структуру этнического (Polevshchikova, 2017). Художественные практики, в частности произведения изобразительного искусства, приобретают значение одного из важнейших источников в изучении особенностей этнических процессов (Lucenko, 2009; Matochkin, 2009; Nevol'ko, 2011; Koptseva, N. P., Nevol'ko, N. N., Reznikova, 2013; Libakova, 2015; Amosova, Koptseva, Sitnikova i dr., 2019). Данный подход к искусству, в частности к произведениям изобразительного искусства как источнику изучения народов, приобрел особую актуальность в научном сообществе в 1990-е гг., обозначив собой «изобразительный» поворот в гуманитарном знании (Golovnev, 2019: 72). А.В. Го-

ловнев видит в этом закономерный процесс развития общества. С одной стороны, по мысли ученого, в процессе становления и развития науки о народах изображение играло ключевую роль. С другой стороны, экранная культура, визуальные технологии свидетельствуют, согласно А. В. Головневу, о возвращении «к истокам», древнейшим традициям (Golovnev, 2019: 73).

Далее рассмотрим на основе обзора научной литературы, посредством каких выразительных средств художественные практики могут фиксировать этнокультурную идентичность.

Художественные средства конструирования этнокультурной идентичности в художественных практиках

Среди художественных средств воплощения этнокультурной идентичности в изобразительном искусстве Р. А. Ергалиева называет тематику произведений, стилевое направление и сюжетный уровень произведений. В качестве приоритетных в контексте выражения этнокультурной идентичности в искусстве Казахстана автор выделяет национальную, этнографическую и историческую тематику. Доминирующим художественным направлением называется реализм. На сюжетном уровне характерными являются исторические сюжеты, сюжеты древних петроглифов, мотивы архаической и средневековой культуры, орнаментальные узоры. В данном случае этнокультурная идентичность, согласно автору, находит свое отражение исключительно в прошлом (Ergalieva, 2020).

Г. Д. Базиева специфическими этническими маркерами в изобразительном искусстве называет, помимо объекта и сюжета, форму и материал художественного произведения (Bazieva, 2012: 98). Автор обращает внимание на трансформацию «идентификационных матриц» под влиянием в том числе процессов, связанных с формированием новых типов идентичности.

А. Н. Соколова определяет в качестве важных маркеров этнического искусства темы и образы, связанные с этнической «мифологией, фольклором, народными

сказками, легендами, бытовыми сценами, предметным миром и проч.» (Sokolova, 2021). Именно в темах и образах, по мысли автора, вложены этнические идеалы и ценности. Наряду с сюжетом, композицией, колоритом данные маркеры составляют, согласно А. Н. Соколовой, «внутренние характеристики» этнического искусства. К «внешним» характеристикам автор относит «степень популярности живописи в обществе; степень ее воздействия на формирование этнической идентичности; вовлеченность мультикультурного общества в ее потребление» (Sokolova, 2021: 13).

Л. И. Нехвядович определяет в качестве основного механизма интерпретации произведений изобразительного этноискусства этнокультурную традицию. Данное понятие трактуется автором достаточно широко, от «механизма формирования, хранения и передачи стереотипов, архетипических образов и мотивов» до «изобразительно-выразительных средств, стилизующих формы этнического искусства» (Nekhvyadovich, 2013: 20). Среди методов анализа произведений искусства она отмечает важность изучения личности автора, архетипов, тематики, средств художественной выразительности, а также смыслообразующего значения произведения искусства (Nekhvyadovich, 2013: 21).

В рамках этнокультурной традиции проводят свое исследование этнокультурной идентичности в искусстве С. М. Кенжебаева и И. Э. Рахимбаева. Кроме того, авторы расширяют видение возможностей искусства, которое является не только основой для выражения традиций этнической группы, но и выражения современных процессов развития общества, связанные в том числе с процессами глобализации и развитием сложных форм идентичности (Kenzhebaeva, Rahimbaeva, 2023).

Важным методологическим приемом признается выявление и анализ аксиологических архетипов, представленных в произведениях изобразительного искусства тех или иных народов (Fedorova, Alekseeva, 2020). В соответствии с данным подходом проводит свое исследование Э. М. Колчева, рассматривая изобразительное искусство

как этнокультурную рефлексию ценностных универсалий, закрепленных в этнокультурных архетипах. В качестве исследовательской стратегии анализа особенностей репрезентации этнокультурной идентичности в произведениях изобразительного искусства Марийского края автор использует структурно-архетипическую модель этнокультурного пространства. Данное пространство определяется как целостное пространство в совокупности четырех отдельных пространств – географического (физического) пространства (культурные архетипы – Мировое древо, Мировая гора, Мировая река, дорога, Поле), социального пространства (ведущий архетип – архетип Дома), информационно-знакового пространства этнокультуры (визуальные архетипические знаки и символы) и воображаемого пространства (совокупность всех архетипов) (Kolcheva, 2016: 134). Данная модель легла в основу методологии исследования Э. М. Колчевой особенностей этнокультурной рефлексии в марийском изобразительном искусстве (Kolcheva, 2020).

Наряду с изучением проявленности этнокультурной идентичности в произведениях изобразительного искусства ученые отмечают трансформацию художественных образов, которую связывают в том числе с процессами глобализации. Так, С. Г. Батырева характеризует динамику художественных образов с позиции тенденции обращения калмыцких художников к изображению разных мотивов: от обращения к эпическому творчеству народа до изображения исторической судьбы народа в общероссийской истории российского народа и обращения к современной интерпретации буддийского канона (Batyreva, 2008). Анализируя современное калмыцкое искусство, автор приходит к выводу о значимой роли художественной культуры России для развития современного калмыцкого искусства. Кроме этого, С. Г. Батырева не исключает возможности сочетания общего и специфического, целого и частного в сфере искусства. Тем не менее в качестве стержня автор определяет этническую идентичность (Batyreva, 2008).

Ж. Х. Кук и Ф. Х. Сулейманова приходят к выводу, что мотивы, связанные с традиционной картиной мира художников-черкесов, претерпевают изменения по мере отхода от «традиционных культурных реалий» (Kuek, Sulejmanova, 2020: 251). Данный процесс сопровождается большей образностью сюжетов и их художественно-метафорическим и философским осмыслением. Авторы определяют, таким образом, этническое искусство черкесов в его синтезирующей функции.

Н. В. Цуканова придает большое значение символам, передающим особенность мировосприятия членов этнической группы. Среди механизмов конструирования гражданской идентичности автор называет патриотизм, выражаемый в произведениях изобразительного искусства посредством исторических мотивов, событий, личностей (Cukanova, 2015).

Выводы

Подводя итоги анализа научной литературы, посвященной художественным практикам и их выразительным возможностям конструирования этнокультурной идентичности, следует выделить следующие важные положения:

1. Художественные практики в своем проявлении весьма разнообразны. Это и отдельные действия, направленные на развитие, поддержание и сохранение культуры, и собственно отдельные произведения того или иного вида искусства. Произведения изобразительного искусства как художественная практика приобретают сегодня значение особого источника по изучению этнокультурных процессов.

2. Художественные практики являются одной из форм реализации идеалообразующей функции культуры, обладающей возможностью воплощать в художественных образах ценности и идеалы как отдельной этнической группы, так и общества в целом. В соответствии с этим художественные практики наделяются возможностью фиксировать средствами своих знаково-символических форм разные модели трансформации этнокультурной идентичности,

в частности модель трансформации в общероссийскую гражданскую идентичность.

3. Художественными средствами фиксации этнокультурной идентичности в произведениях изобразительного искусства могут быть:

- природно-климатический ландшафт художественного пространства произведения;
- персонажи;
- род деятельности персонажа (–ей);
- одежда персонажа (–ей);
- тема и сюжет произведения (история, мифология, фольклор);

- название произведения;
- художественный образ произведения.

4. В зависимости от характеристики данных художественных средств выразительности произведения изобразительного искусства могут отражать ту или иную модель трансформации этнокультурной идентичности, связанную либо с доминантой культурных архетипов конкретной этнической группы, либо с доминантой маркеров общероссийской гражданской идентичности, либо имеющая интегративный характер.

Список литературы / References

Amosova M. A., Koptseva N. P., Sitnikova A. A. et al. Ethnocultural Identity in the Works of Krasnoyarsk Artists. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019, 12(8), 1524–1551. EDN: VKMHNQ

Aristotel'. *Metafizika [Metaphysics]*. Moscow. Mysl', 1976. 1. 64–367.

Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A. Vizualizaciya obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2021, 5(2), 16–31. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–2–16–31. EDN: KUMWWQ.

Bashkirova E. I. Transformaciya cennostej rossijskogo obshchestva [Transformation of the values of Russian society]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*. 2000, 6, 51–65. EDN: ESCTFT.

Batyreva S. G. Izobrazitel'noe iskusstvo Kalmykii 60–90-h godov XX veka (k probleme etnicheskoy identichnosti tvorcheskoj lichnosti) [Fine art of Kalmykia of the 60–90s of the XX century (to the problem of ethnic identity of a creative personality)]. In: *Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii [Cultural life of the South of Russia]*. 2008, 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazitelnoe-iskusstvo-kalmykii-60-90-h-godov-xx-veka-k-probleme-etnicheskoy-identichnosti-tvorcheskoj-lichnosti> (data obrashcheniya: 28.01.2024).

Bazieva G. D. Identichnost' v sisteme sovremennoj kul'tury [Identity in the system of modern culture]. In: *Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoj Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2012, 1(19), 96–101. EDN: RVLXBL.

Burrio N. *Relyacionnaya estetika. Postprodukcija [Relational aesthetics. Post-production]*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 216.

Chukurov A. Yu. *Sovremennye strategii konstruirovaniya identichnosti i ih reprezentaciya v hudozhestvennoj kul'ture: konca XX v. – nachala XXI v. [Modern strategies for constructing identity and their representation in artistic culture: the end of the 20th century. – beginning of the 21st century]: avtoreferat dis. ... doktora kul'turologii [abstract of thesis. ... Doctor of Cultural Studies]*: 24.00.01. Sankt-Peterburg, 2022. 48.

Cukanova N. V. Formirovanie grazhdanskoj i kul'turnoj identichnosti lichnosti sredstvami iskusstva [Formation of civil and cultural identity of the individual through art]. In: *Yamal'skij vestnik [Yamalsky Vestnik]*. 2015, 3(4), 6–11. EDN: ULZXFZ.

Egorycheva S. A. Vozmozhnosti primeneniya sovremennyh hudozhestvennyh praktik v esteticheskom vospitanii [Possibilities of using modern artistic practices in aesthetic education]. In: *Gumanitarnye vedo-*

mosti TGPU im. L. N. Tolstogo [*Humanitarian Gazette of the TSPU named after. L. N. Tolstoy*]. 2017, 1(21), 80–88. EDN: YINJWD.

Ergalieva R. A. Etnokul'turnaya identichnost' v sovremennom iskusstve Kazahstana [Ethnocultural identity in contemporary art of Kazakhstan]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*]. 2020, 15, 16–21. EDN: XWCCDH.

Fedorova A. S., Alekseeva G. V. Diskurs sohraneniya kul'turnyh cennostej cherez klyucheveye arhetipy v izobrazitel'nom iskusstve Primor'ya 60-h godov XX veka – nachala XXI veka [The discourse of preserving cultural values through key archetypes in the fine arts of Primorye in the 60s of the 20th century – the beginning of the 21st century]. In: *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [*News of the Baikal State University*]. 2020, 30(4), 551–559. DOI: 10.17150/2500–2759.2020.30(4).551–559. EDN: PUORNO.

Fil'ko A. I., Hrebtov M. Ya. Sociokul'turnye transformacii eneckoj etnokul'turnoj grupy [Sociocultural transformations of the Entets ethnocultural group]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [*Siberian Anthropological Journal*]. 2021, 5(2), 73–85. DOI: 10.31804/2542–1816–2021–5–2–73–85. EDN: ZOMHP.

Garnier F. *Artistic Practices in Digital Space: An Art of the Geometries of Movement?* Space-Time Geometries for Motion and Perception in the Brain and the Arts. Ed. Tamar Flash, Alain Bertho. Paris, 2021. 237–250. URL: https://libproxy.bik.sfu-kras.ru:2539/chapter/10.1007/978–3–030–57227–3_12

Golovnev A. V. Vizualizaciya etnichnosti: muzejnye proekcii [Visualization of ethnicity: museum projections]. In: *Ural'skij istoricheskij vestnik* [*Ural Historical Bulletin*]. 2019, 4(65), 72–81. DOI: 10.30759/1728–9718–2019–4(65)-72–81. EDN: HFPFWN.

Hil'ko N. F., Gorelova Yu. R. Garmoniya vzaimodejstviya obrazov narodnogo iskusstva i regional'nyh osobennostej narodnogo tvorcestva v processe formirovaniya sibirskoj etnokul'turnoj identichnosti [Harmony of interaction between images of folk art and regional features of folk art in the process of forming Siberian ethnocultural identity]. In: *Iskusstvo i hudozhestvennoe obrazovanie v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodejstviya: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kazan', 22 oktyabrya 2021 goda* [Art and art education in the context of intercultural interaction: Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Kazan, 22 October 2021]. Pod redakcij G. I. Batyrshinoy. Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2021, 75–80. EDN: BVVXBY.

Hrebtov M. Ya., Fil'ko A. I. Nauchnoe modelirovanie transformacii cennostej naseleniya regionov Sibirskogo federal'nogo okruga (1990-e – nachalo 2020gg.) [Scientific modeling of the transformation of values of the population of the regions of the Siberian Federal District (1990s – early 2020s)]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii* [*Northern Archives and Expeditions*]. 2021, 5(2), 168–180. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–2–168–180. EDN: DHKKOR.

Ikonnikov A. I. Nauchno-teoreticheskie osnovy obucheniya hudozhestvennym praktikam studentov tvorcheskih vuzov strany [Scientific and theoretical foundations of teaching artistic practices to students of creative universities in the country]. In: *Sovremennye tendencii izobrazitel'nogo, dekorativnogo prikladnogo iskusstv i dizajna* [*Modern trends in fine, decorative applied arts and design*]. 2019, 2, 52–57. EDN: ZJMIPH.

Il'bejkina M. I. Sovremennye muzejnye praktiki: 2000–2012gg [Modern museum practices: 2000–2012]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [*Modern problems of science and education*]. 2013, 1, 399. EDN: PWBCQX.

Ivanov V. V. *Iskusstvo kak sredstvo vyrazheniya etnicheskoy identichnosti* [Art as a means of expressing ethnic identity]: special'nost' 09.00.13 "Filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Stavropol', 2006. 170. EDN: NNYMJX.

Kenzhebaeva S. M., Rahimbaeva I. E. Iskusstvo kak sredstvo vyrazheniya etnicheskoy identichnosti v epohu globalizacii [Art as a means of expressing ethnic identity in the era of globalization]. In: *Kul'turnoe nasledie g. Saratova i Saratovskoj oblasti: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 04–07 oktyabrya 2023 goda* [*Cultural heritage of Saratov and the Saratov region: materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, October 04–07, 2023*]. Saratov: Saratovskij istochnik, 2023, 308–314. EDN: DHNAUH.

Kirilova A. V. Hudozhestvennye praktiki Abramcevskogo kruzhka kak sposob sohraneniya i translyacii narodnoj kul'tury [Artistic practices of the Abramtsevo circle as a way of preserving and transmitting folk culture]. In: *Nasledie vekov [Heritage of centuries]*. 2022, 4(32), 81–89. DOI: 10.36343/SB.2022.32.4.007. EDN: XKJKV.

Kolcheva E. M. Izobrazitel'noe iskusstvo kak etnokul'turnaya refleksiya / E. M. Kolcheva [Fine art as ethnocultural reflection]. In: *Nikonovskie chteniya: Elektronnyj sbornik nauchnyh statej: v 2-h tomah, Cheboksary, 22 aprelya 2016 goda [Nikon readings: Electronic collection of scientific articles: in 2 volumes, Cheboksary, April 22, 2016]*. Pod redakciej M. S. Ukolovoj, A. V. Nikitinoj, A. YU. Nikolaevoj. Tom 1. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I.YA. Yakovleva, 2016, 131–138. EDN: WIVVRF.

Kolcheva E. M. Marijskoe izobrazitel'noe iskusstvo kak nacional'no-etniceskij fenomen. Postanovka problem [Mari fine art as a national-ethnic phenomenon. Statement of the problem]. In: *Hudozhestvennaya kul'tura [Artistic culture]*. 2020, 4 (35), 302–319. DOI: 10.24411/2226–0072–2020–00074. EDN: GB-VWXL.

Kolesnik, M. A. Sozdanie etnokul'turnoj modeli mirovozzreniya v tvorchestve I. Ya. Bilibina [Creation of an ethnocultural model of worldview in the works of I. Ya. Bilibin]. In: *Sibirskij iskusstvedcheskij zhurnal [Siberian art history journal]*. 2022, 1(1), 22–32. DOI: 10.31804/2782–4926–2022–1–1–22–32. EDN: CLKDNP.

Koptseva N. P. Sovremennye kul'turnye praktiki sohraneniya etniceskoj identichnosti korenyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v Respublike Buryatiya [Modern cultural practices of preserving the ethnic identity of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the Republic of Buryatia]. In: *Chelovek i kul'tura [Man and Culture]*. 2014, 1, 17–30. EDN: RUVZUL.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. Obraz Severa v periodicheskikh izdaniyah Rossijskoj imperii konca XIX veka [Image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century]. In: *Bylye gody [Bye years]*. 2022, 17 (2), 867–875. DOI: 10.13187/bg.2022.2.867. EDN: QLUOPC.

Koptseva N. P., Nevol'ko N. N., Reznikova K. V. Formirovanie etniceskoj kul'turnoj identichnosti v sovremennoj Rossii s pomoshch'yu proizvedenij nacional'nogo iskusstva (na primere evenkijskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva) [Formation of ethnic cultural identity in modern Russia with the help of works of national art (on the example of the Evenki epic and decorative and applied arts)]. In: *Pedagogika iskusstva [Pedagogy of art]*. 2013, 1, 1–15. EDN: RDYJPV.

Koptseva N. P., Veretennikova A. V., Kurbatova E. A., Fomina E. I. Problema sohraneniya kul'turnogo naslediya malochislennyh severnyh narodov v sovremennoj kul'turologii s primeneniem kiber-polevyh issledovanij [The problem of preserving the cultural heritage of small northern peoples in modern cultural studies using cyber-field research]. In: *Severnnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2021, 5(1), 56–61. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–1–56–61. EDN: UYQZIH.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye Gody*. 2015, 38(4), 1028–1038. EDN: VHEISV.

Kuek Zh. H. Sulejmanova F. H. K nekotorym aspektam proyavleniya etnokul'turnoj identichnosti v proizvedeniyah sovremennyh cherkesskih hudozhnikov Turcii [On some aspects of the manifestation of ethnocultural identity in the works of modern circassian artists of Turkey]. In: *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya [Bulletin of Adygea State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies]*. 2020, 3 (264). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-nekotorym-aspektam-proyavleniya-etnokulturnoy-identichnosti-v-proizvedeniyah-sovremennyh-cherkesskih-hudozhnikov-turtsii> (data obrashcheniya: 28.01.2024).

Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A., Pashova E. V. Tradicionnaya ekonomika korenyh narodov Severnoj Azii, prozhivayushchih v zonah s ekstremal'nym klimatom [Traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in zones with extreme climates]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*

[*Siberian Anthropological Journal*]. 2021, 5(1), 20–29. DOI: 10.31804/2542–1816–2021–5–1–20–29. EDN: XAILEV.

Libakova N. M. Formirovanie pozitivnoj etnicheskoy identichnosti indigennyh narodov posredstvom dekorativno-prikladnogo iskusstva (rez'ba po kosti) [Formation of positive ethnic identity of indigenous peoples through arts and crafts (bone carving)]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*. 2015, 1–1, 1887. EDN: VIFGGD.

Lucenko Yu. V. (). Vozrozhdenie i transformaciya mifov v izobrazitel'nom iskusstve YAKutii kak faktor nacional'noj identifikacii [Revival and transformation of myths in the fine arts of Yakutia as a factor of national identification]. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*. 2009, 2(6), 44–45. EDN: NDTVCL.

Matochkin E. P. Arheologiya, drevnee nasledie i arheoart Sibiri [Archaeology, ancient heritage and archaeoart of Siberia]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*. 2009, 3, 7–10. EDN: KXLSGL.

Nekhvyadovich L. I. Etnicheskaya hudozhestvennaya tradiciya kak kategoriya teoreticheskoy istorii iskusstva [Ethnic artistic tradition as a category of theoretical art history]. In: *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]*. 2010, 2–2(66), 148–151. EDN: NBIPZH.

Nekhvyadovich L. I. *Etnokul'turnye tradicii v izobrazitel'nom iskusstve Altaya (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.) [Ethnocultural traditions in the fine arts of Altai (second half of the 20th – beginning of the 21st century)]*: special'nost' 17.00.04 "Izobrazitel'noe i dekorativno-prikladnoe iskusstvo i arhitektura": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora iskusstvovedeniya [specialty 17.00.04 "Fine and decorative arts and architecture": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Art History]. Barnaul, 2013. 42. EDN: ZPCTKN.

Nevolko N. N. The Visualization of Ethnic Theme in the Khakass Artists Paintings and Graphic Works of Art. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2011, 4(8), 1109–1126. EDN: NXXMOT.

Pchelkina D. S., Pimenova N. N., Zamaraeva Yu. S. i dr. Naciestroitel'stvo na territorii Evenkijskogo i Tajmyrskogo nacional'nyh okrugov v 1920–1970-e gg.: kul'turnye i hudozhestvennye praktiki [Nation-building on the territory of the Evenki and Taimyr national districts in the 1920–1970s: cultural and artistic practices]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*. 2022, 15(10), 1465–1479. DOI: 10.17516/1997–1370–0913. EDN: EOHRQW.

Pimenova N. N. Modelirovanie nacional'noj politiki SSSR po otnosheniyu k korennym malochislennym narodam Severa, prozhivayushchim v 1920–1970 gg. v Evenkijskom nacional'nom (avtonomnom s 1977 g.) okruge [Modeling the national policy of the USSR in relation to the indigenous peoples of the North living in 1920–1970. in the Evenki national (autonomous since 1977) district]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2021, 5(3), 64–76. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–3–64–76. EDN: BEHXKR.

Pivovarov D. V. *Kul'tura i religiya: sakralizaciya bazovyh idealov [Culture and religion: sacralization of basic ideals]*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 248.

Polevshchikova T. I. Iskusstvo kak sredstvo vyrazheniya etnicheskoy identichnosti [Art as a means of expressing ethnic identity]. In: *Konkurentosposobnost' budushchego specialista XXI veka: problemy, poiski, resheniya: materialy kruglogo stola, Joshkar-Ola, 19 sentyabrya 2017 goda [Competitiveness of the future specialist of the 21st century: problems, searches, solutions: materials of the round table, Yoshkar-Ola, September 19, 2017]*. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2017, 55–61. EDN: NFEJJJ.

Pronin P. A. Hudozhestvennye praktiki v sisteme sovremennogo esteticheskogo obrazovaniya [Artistic practices in the system of modern aesthetic education]. In: *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo [Humanitarian Gazette of the TSPU named after. L. N. Tolstoy]*. 2016, 2(18), 65–69. EDN: WWTGQJ.

Reznikova K. V., Seredkina N. N., Zamaraeva Yu. S. Rekomendacii po razvitiyu dekorativno-prikladnogo iskusstva korenyh malochislennyh narodov Krasnoyarskogo kraja [Recommendations for the development of decorative and applied arts of indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2017, 1(3), 23–41. EDN: ZULYJZ.

Semenov D. Yu. Iskusstvo kak sredstvo vyrazheniya etnicheskoy identichnosti [Art as a means of expressing ethnic identity]. In: *Nacional'no-kul'turnoe prostranstvo: tradicii i sovremennost': VII Regional'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya v ramkah realizacii Proekta «Nacional'noe social'no-kul'turnoe prostranstvo: Tradicii i sovremennost'»*, Izhevsk, 06–08 fevralya 2017 goda [National-cultural space: traditions and modernity: VII Regional scientific and practical conference within the framework of the Project "National socio-cultural space: Traditions and modernity", Izhevsk, 06–08 February 2017]. Izhevsk: Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni N.G. ZHiganova, 2017, 143–146. EDN: UP-IZSO.

Seredkina N. N. Transformaciya etnicheskoy identichnosti: konceptual'nyj analiz [Transformation of ethnic identity: conceptual analysis]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2022, 6(4), 53–62. DOI: 10.31806/2542–1158–2022–6–4–53–62. EDN: ZMDOXS.

Seredkina N. N. Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' sredi korennyh i korennyh malochislennyh narodov Severa Krasnoyarskogo kraja v sovetskij period: analiz materialov Evenkijskogo arhiva [Cultural and educational activities among indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in the Soviet period: analysis of materials from the Evenki archive]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]*. 2023, 16(8), 1382–1395. EDN: UKSGSQ.

Seredkina, N. N., Ermakov T. K., Shishkova E. E., Temnikova O. A. Evenkijskij nacional'nyj (avtonomnyj) okrug v kontekste sovetskoj nacional'noj politiki 1920–1970 gg [Evenki national (autonomous) district in the context of Soviet national policy of 1920–1970]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*. 2021, 5(3), 77–88. DOI: 10.31806/2542–1158–2021–5–3–77–88. EDN: ADZJTP.

Shishkova E. E. Issledovanie tradicionnogo iskusstva s pomoshch'yu cifrovyyh tekhnologij i virtual'noj real'nosti [Research of traditional art using digital technologies and virtual reality]. In: *Cifrovizaciya [Digitalization]*. 2022, 3(1), 61–70. DOI: 10.37993/2712–8733–2022–3–1–61–70. EDN: SZGGGP.

Sokolova A. N. Soderzhanie ponyatiya "etnicheskaya zhivopis'": k postanovke problem [The content of the concept of "ethnic painting": towards the formulation of the problem]. In: *Kul'tura i iskusstvo [Culture and art]*. 2021, 9, 1–17. DOI: 10.7256/2454–0625.2021.9.36273. EDN: MLHZBK.

Stolyarova E. G. Novejshee izobrazitel'noe iskusstvo. Osnovnye tendencii i napravleniya [The latest fine art. Main trends and directions]. In: *Tradicii i innovacii v stroitel'stve i arhitekture. Arhitektura i gradostroitel'stvo: sbornik statej. Pod redakciej M.V. Shuvalova, A. A. Pishchuleva, E. A. Ahmedovoj [Traditions and innovations in construction and architecture. Architecture and urban planning: collection of articles / Edited by M. V. Shuvalova, A. A. Pishchuleva, E. A. Akhmedova]*. Samara: Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2019, 832–836. EDN: HYQLUO.

Zembylas T. *Artistic practices: Social interactions and cultural dynamics*. London: Routledge, 2014. 216.

Zhukovskij V. I., Koptseva N. P. *Propozicii teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Propositions of the theory of fine arts]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. un-t, 2004. 266.

Zlotnikova T. S., Erohina T. I., Eremin A. V. Sovetskoe bytie kak integrativnyj fenomen: istoki, transformaciya, hudozhestvennye praktiki [Soviet existence as an integrative phenomenon: origins, transformation, artistic practices]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*. 2020, 5(116), 193–201. DOI: 10.20323/1813–145X-2020–5–116–193–201. EDN: CADTHL.

EDN: OVXOMC
УДК 7.036

Cultural Memory Representation in the Projects of the 7th Krasnoyarsk Museum Biennale “Drawing of Siberia”

Ekaterina A. Sertakova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.02.2024, received in revised form 07.03.2024, accepted 15.03.2024

Abstract. This article deals with the representation of the cultural memory of the Krasnoyarsk region in the projects of the Krasnoyarsk Museum Biennale held by the Cultural and Historical Centre (now “The Ploshchad Mira” Museum Center). The choice of the museum event in the consideration of commemorative practices is conditioned by the fact that, firstly, the functions of a museum are initially connected with the preservation of cultural heritage and its actualization through exhibition activities, and, secondly, by the fact that a modern museum not only preserves, but also constructs cultural memory in accordance with the context of time. Among the numerous exhibition projects of the Museum Centre, the Biennale is one of the most significant events in the cultural life of the regional center. Its realization is closely connected with the theme of the region’s cultural memory, research and comprehension of the past and its influence on the present.

The 7th Krasnoyarsk Museum Biennale “Sign of Siberia”, which became a turning point in the approach to the organization of the event as a conceptually integral, artistic and research journey, was chosen as a material for the analysis of the representation of cultural memory in the museum. The biennale was considered on the example of several installations that vividly represent cultural memory: “Untitled” by M. A. Vogrinchich, collective “Soil Fence”, “Genealogy of Repressions” by B. Mamonov, “Map of Memory” by A. Krasulin. Addressing these works as milestones of the imaginary map of Siberia allowed us to identify a number of key aspects of the cultural memory of the Krasnoyarsk Krai residents, on which basis the local identity is built today.

Keywords: Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk Museum Biennale, “Drawing of Siberia”, art projects, cultural memory, past, representation.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Sertakova E. A. Cultural memory representation in the projects of the 7th Krasnoyarsk museum biennale “Drawing of Siberia”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 766–777. EDN: OVXOMC

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: esertakova@sfu-kras.ru

Репрезентация культурной памяти в проектах VII Красноярской музейной биеннале «Чертеж Сибири»

Е.А. Сертакова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению репрезентации культурной памяти Красноярского региона в проектах Красноярской музейной биеннале, проводимой Культурно-историческим центром (ныне – Музейным центром «Площадь Мира»). Выбор музейного события в рассмотрении коммеморативных практик обусловлен тем, что, во-первых, функции музея изначально связаны с хранением культурного наследия и его актуализацией посредством выставочной деятельности, а во-вторых, тем, что современный музей не только сохраняет, но и конструирует культурную память в соответствии с контекстом времени. Среди многочисленных выставочных проектов Музейного центра биеннале – одно из самых значимых событий в культурной жизни краевого центра. Ее реализация тесно связана с тематикой культурной памяти региона, исследованием и осмыслением прошлого и его влияния на современность.

В качестве материала для анализа репрезентации культурной памяти в музее была выбрана VII Красноярская музейная биеннале «Чертеж Сибири», ставшая переломной в подходе к организации события как концептуально-целостного, художественно-исследовательского путешествия. Рассмотрение биеннале осуществлялось на примере нескольких инсталляций, ярко репрезентирующих культурную память: «Untitled» М. А. Вогринчича, коллективной «Забор почвы», «Генеалогия репрессий» Б. Мамонова, «Карта памяти» А. Красулина. Обращение к данным работам как вехам воображаемой карты Сибири позволило выявить ряд ключевых аспектов культурной памяти жителей Красноярского края, на которых сегодня выстраивается локальная идентичность.

Ключевые слова: Красноярский край, Красноярская музейная биеннале, «Чертеж Сибири», художественные проекты, культурная память, прошлое, репрезентация.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Сертакова Е. А. Репрезентация культурной памяти в проектах VII Красноярской музейной биеннале «Чертеж Сибири». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 766–777. EDN: OVXOMC

Введение

В современном гуманитарном знании исследования памяти, и в частности культурной памяти, имеют особый статус. Культурная память обладает способностью сохраняться в сознании значительного количества представителей общества, она может давать оценки прошлому, оказывать воздействие на фор-

мирование ценностей, на воспроизводство определенных моделей поведения.

Переоценка ценностей и формирование новых идеалов в современном обществе побуждают ученых и представителей социокультурных институтов обратить большее внимание на культурную память и рассмотреть ее в новом контексте, увидеть как

и посредством чего она формируется. Ведь культурная память является одной из базовых детерминант социальной реальности, одной из основ коллективной идентичности.

Так как культурная память имеет символический характер и может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций (Assman, 2004: 23), то ее рассмотрение часто проводится на материале музейных, медийных и прочих практик, которые могут передавать культурные смыслы (Sertakova, 2024).

Музейные практики весьма интересны. Помимо музейного дела: хранения, экспонирования, знакомства публики с культурным наследием, музей сегодня решает гораздо более сложные задачи. В частности, посредством современных коммуникативных, партиципаторных, коммеморативных и прочих практик музей становится местом актуализации культурной памяти территории, помогает идентифицировать общество, выстроить понимание себя. Более того, если обратиться к значению культурной памяти как взаимодействию прошлого и настоящего в социально-культурном контексте (ErlI, 2008: 2), то музей и здесь имеет преимущество – обладая коллекцией предметов культурного наследия, он способен актуализировать его смыслы даже для той публики, которая не была знакома с прошлым или не придавала ему ранее значение, посредством концептуально-разработанной выставки, где сложное дано доступным языком.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении конструирования и репрезентации культурной памяти Красноярского региона в произведениях художников-участников Красноярской музейной биеннале «Чертеж Сибири», понимании образов, лежащих в ее основе и являющихся важными для формирования территориальной идентичности.

Методология

Данное исследование строится на описании, анализе и интерпретации нескольких работ, созданных в рамках биеннале

«Чертеж Сибири», связанных с темой культурной памяти.

Теоретической основой для данной работы выступили труды Я. и А. Ассман (Assman, 2004; Assman, 2012), А. Эрлл (Cultural memory studies, 2008).

Практическая работа строилась на изучении каталога VII Красноярской музейной биеннале, публикаций о данном событии в СМИ и научной литературе, личных воспоминаниях события.

Для работы с конкретными работами биеннале использовался семиотический анализ, традиционно применяющийся в исследовании знаков и их значений в произведениях культуры и искусства. Возможности применения данного метода при рассмотрении современного визуального искусства отображены в ряде статей (Khusnullina, 2022; Zhigaeva, 2023; Sergeeva, 2023a; Krutikova, 2023). Возможности выявления и анализа художественного образа представлены в статье Н. П. Копцевой, К. В. Дегтяренко, Д. С. Пчелкиной, Ю. Н. Менжуренко (Koptseva, Degtyarenko, Pchelkina, Menzhurenko, 2022), работа с образами памяти описана в статье Н. П. Копцевой и К. В. Резниковой (Koptseva, Reznikova, 2015).

Обзор исследовательской литературы

Большое влияние на исследования репрезентации культурной памяти оказал историк искусства А. Варбург (Warburg, 2008). Принимая участие в выставочном проекте «Мнемозина» (1924–1928), Варбург обратил внимание на то, что посредством художественных знаков и формул экспонируемые произведения давали посетителям представление об определенных периодах времени и определенных территориях. Он выявил, что память может быть репрезентирована посредством материальных носителей – творческих работ.

П. Нора обратил внимание на понятие «место памяти» (Nora, 2005). Под данным термином он подразумевает институт, в котором существует коммеморативное сознание и сосредоточена обдуманная память. В отличие от механических индивидуальных запоминаний, по-настоящему прожи-

тых отдельными людьми, данная память сформирована искусственно. Это не историческая, а культурная память, основа которой – образ. Именно посредством образов и формируются места памяти – точки опоры, благодаря которым память функционирует в обществе, несмотря на сменяемость поколений.

Из подобных институтов, которые обеспечивают формирование, трансляцию, интерпретацию и развитие культурной памяти в целом, музеям принадлежит особая роль, так как они делают это наиболее целостным и непротиворечивым образом (Ovchinnikova, 2018: 86).

Музей как место сохранения и изменения памяти рассматривает Г. Блэк (Black, 2011). Автор обращает внимание на сложные взаимоотношения между музеями, памятью, историей и аудиторией, в которых очень важно найти баланс, чтобы не стать оплотом авторизованной коллективной памяти или не уйти в свободные интерпретации прошлого публикой. О. Наварро настаивает на том, чтобы, работая с памятью, музеи выявляли в своих экспозициях существующие противоречия и извлекали на поверхность коллективную память забытых групп (Navarro, 2010: 10). В своей работе он опирается на принципы критичной музеологии.

Среди зарубежных исследователей интерес вызывают также работа авторов О. Хабьянич, В. Перко, рассмотревших то, как музейные или частные коллекции формируют коллективную память и территориальную идентичность (Habjanic, Perko, 2018), и статья Х. Марсаль и Д. Салазар, проанализировавших «политически-временной» перформанс с точки зрения практик мемориализации (Marçal, Salazar, 2022).

Коммеморативные функции музея рассматривает О.В. Беззубова. Обращая внимание на то, что в современной культуре нет единого или доминирующего представления о прошлом, автор видит роль музея в создании своего рода дискуссионной площадки, где в культурном диалоге могут встретиться различные точки зрения (Bezzubova, 2018: 219). Возможности репрезентации культурного наследия, в том числе

и с учетом актуального взгляда на память, рассматривает Н. О. Пиков (Pikov, 2022).

Символическое конструирование истории, образа прошлого в музейных объектах рассматривает Е. Н. Мастеница (Mastenitsa, 2015). Исследователь видит в данной деятельности основу формирования национальной или локальной идентичности.

М. Л. Шуб (Shub, 2013), О. В. Иванова (Ivanova, 2022), О. Ю. Воробьева (Vorobyova, 2021), Г. А. Шапошникова (Shaposhnikova, 2023) выявляют современные тенденции развития музея как института памяти. Авторы анализируют конкретные музейные практики, в которых отображается работа с темой культурной памяти: от того как репрезентируется культурная травма до того, как реализуется политика памяти.

Практики музеев Сибирского региона рассмотрены в работах О. Н. Шелегиной (Shelegina, 2020), А. В. Осиной (Osina, 2020), М. А. Колесник, А. А. Ситниковой, Е. А. Сертаковой, Ю. С. Замараевой, Т. К. Ермакова (Kolesnik, Sitnikova, Sertakova, Zamaraeva, Ermakov, 2022), Л. С. Ивановой и А. В. Кистовой (Ivanova, Kistova, 2022), М. Г. Смолиной (Smolina, 2023). В данных статьях выявляются образовательные, партиципаторные, критические возможности организации музейной деятельности для более эффективной работы с публикой.

В целом обзор исследовательской литературы показал, что тема музея и культурной памяти актуальна и вызывает интерес и с теоретической, и с практической точки зрения, появляются работы, связанные с анализом коммеморативных практик в конкретных выставочных проектах, формулируются запросы на новые способы разговора о прошлом. Однако количество таких исследований в общем объеме трудов о памяти ничтожно, что вызывает потребность в дальнейшей работе по данному вопросу.

Основная часть

Музей и культурная память

В данном исследовании используется определение культурной памяти как взаимоотношения настоящего и прошлого в со-

циокультурных контекстах (Erl1, 2008: 2). Культурная память связана с институтами памяти – местами, где прошлое конструируется в символической форме, проводится работа по актуализации смыслов для широкой аудитории.

В данном понимании музей представляет собой место, где хранится культурное наследие прошлого, но посредством экспозиционной деятельности позволяет увидеть новые интерпретации экспонатов в рамках актуального контекста. Музей обладает возможностью не только зафиксировать (заархивировать) память посредством экспоната и его хранения, но и специфическими, в том числе эмоциональными средствами воздействия привлечь внимание человека к нему. Также значение музея среди прочих институтов памяти особенно высоко, так как он является «двухступенчатым фильтром» для памяти прошлого (Vorobyova, 2021: 196). Первая ступень связана с отбором экспертами из всего разнообразия предметного мира того, что имеет ценность для памяти и попадет в фонды музея. Выбирая, что собирать, они определяют, что является историей, а что нет. Вторая ступень связана с отбором предметов для экспонирования тех предметов коллекции, что позволят максимально ярко и доступно представить то событие или явление прошлого, что необходимо помнить. Именно эксперты решают, как предметы способны отобразить память и как их могут интерпретировать посетители. Эксперты конструируют экспозиции с позиции того значения, которое дойдет до адресата.

Как отмечает исследователь Г. Блэк, в современных музейных экспозициях существует постоянный конфликт между построением смыслов, поддерживающих авторизованную коллективную память, часто связанную с линейным повествованием о прогрессе, и стремлением выступать в качестве мест плюрализма и инклюзивности. По мнению автора, в экспозиционной деятельности наблюдается тенденция движения от «официального прошлого» к множеству точек зрения (Black, 2011). В этом Блэк видит потенциальную опасность для памя-

ти, так как экспертная составляющая очень важна в этих действиях, а ее отсутствие может привести к сильным ее искажениям.

Большинство исследований, посвященных рассмотрению деятельности музея в конструировании памяти, связано с историческими музеями и мемориалами – постоянными хранилищами памяти. Они преимущественно отражают официальную память общества, которая была закреплена в работах историков. Задача музея в этом плане заключается в закреплении и передаче официальной памяти через материальные артефакты, которые сотрудники музея собирали, сохраняли и экспонировали для поддержания ее постоянства.

Музеи в целом очень избирательны. Прежде всего в них собирались экспонаты, связанные с жизнью более богатых классов, вкусом тех, кто находился у власти. Именно им придавалась важность. Тем самым можно говорить о том, что посредством их транслировалась не коллективная память, а избирательная (память одной группы).

Появление современных музеев привнесло в понимание прошлого плюрализм, внимание ко всем членам общества, а не только элите. Это проявилось в собирании коллекций «повседневной жизни». Сфера деятельности музея была расширена и стала включать в себя архивы, фотографии, фильмы и особенно устные истории, представляющие как индивидуальные, так и общественные воспоминания, рассматриваемые в качестве прямой связи между прошлым и настоящим. Вместо единого авторитетного прошлого появились разнообразные точки зрения (индивидуальные и коллективные), собираемые в память общества, формирующие идентичность.

Наше внимание будет сосредоточено на деятельности художественного музея, связанного с экспонированием работ современных художников. Так как в данном типе музея собирают современное искусство, то и обращение к памяти понимается с его позиции – с позиции современного социокультурного контекста. В данном музее также важна роль эксперта – того, кто разбирается в искусстве, помогает зрителю

открыть для себя актуальные художественные смыслы. Однако в отличие от исторического музея работа здесь изначально проводится с коллективной памятью, базовые составляющие которой могут зафиксировать в своих произведениях художники, обладающие чуткостью видеть важное. Акцент ставится не на диктате «объективного» знания, часто подаваемого в качестве документа, а на внутреннем открытии понимания смысла через постижение художественного образа.

Также одной из важных задач музея искусств становится привлечение внимания к местности, которую он представляет. Музеи все чаще вовлекают местные сообщества в изучение своего прошлого с помощью художественных практик, поддерживают активное исследование истории и окружающей местности у посетителей. Искусство становится языком, посредством которого осмысляются и выражаются ключевые ценности и переживания, связанные с нашей памятью.

Культурная память в проектах Красноярской музейной биеннале

Красноярская музейная биеннале – значимое событие в культуре Красноярска. Идея проведения биеннале появилась в 1995 году в ходе обсуждения перспектив развития культурно-исторического центра на выездном международном семинаре. Музею необходимы были инновационные проекты, и зарубежные коллеги предложили формат крупной художественной выставки, проходящей раз в два года.

Первая биеннале была подготовлена за полгода. Это был формат презентаций экспозиций разных музеев в одном месте, что позволило бы установить сотрудничество между культурными учреждениями и обменяться идеями дальнейшего развития. Также к участию в первой биеннале были привлечены отдельные художники, например С. Ануфриев и Н. Рыбаков. В экспертный совет биеннале вошли иностранные деятели современной культуры и искусства, что позволило музею сразу войти в контекст мировых практик. Как отмечает

Ана Глинская, с работой которой в музей были привнесены инновации и набрана творческая команда последующих биеннале: «идея первой биеннале была в том, чтобы пробудить связь города с миром», преобразовать музей в площадку коммуникаций, в место рождения инновационных смыслов, изменить его роль в обществе.

Несмотря на то что первая биеннале не имела единой концепции, а выставленные работы были совершенно разными по художественным достоинствам и содержанию, как отмечает исследователь А. Ситникова, ее победители продемонстрировали вектор дальнейшего внимания музея – ориентацию на развитие живой коммуникации и сосредоточение на теме памяти, зачастую травматичной, которая стала одним из центральных направлений в развитии музея. От С. Ковалевского даже поступило предложение переименовать весь формат в «биеннале искусства памяти», чтобы научить публику прислушиваться к историческому прошлому (Sitnikova, 2017).

Данная тема стала одной из базовых в деятельности музея и постоянно проявлялась на последующих биеннале в виде отдельных экспозиций-размышлений. Четвертая биеннале (2001) и вовсе была полностью посвящена искусству памяти. Идея мероприятия отсылала к венецианскому «Театру памяти» XVI века Дж. Камилло – модели работы памяти изнутри. Некоторые работы, представленные на шестой биеннале «Вымысел истории» (2003), были сосредоточены на том, как искусство памяти отобразилось в рассказах.

Седьмую, восьмую и девятую биеннале можно объединить в трилогию крупных сибирских выставочных проектов, исследующих стихии земли, воздуха и воды Сибири как обладающих особым духом места. «Чертеж Сибири» (2007), «Даль» (2009) и «Во глубине» (2011) стали важными вехами в осмыслении территориальной идентичности, исторической и культурной памяти региона.

В данной статье внимание будет сосредоточено на VII Красноярской музейной биеннале «Чертеж Сибири», которая во мно-

гом изменила не только формат проведения события, но и развернулась в сторону художественного исследования территории. Биеннале стала местом культурной памяти.

Куратором биеннале выступил Сергей Ковалевский. Концептуальную основу мероприятия он обнаружил в очерке тобольского картографа и архитектора Семена Ульяновича Ремезова, написавшего «О грани и межах всей Сибири» в XVII столетии. Фраза из работы картографа: «Воздух над нами весел и ... Земля ... Паче всех частей света исполнена пространством...», – дала столь искомое ощущение внутренней самоидентичности.

Процесс открывания граней и межей Сибири был в VII биеннале сложным и многоэтапным. Еще до того, как приступить к созданию экспозиционных работ, художники были отправлены в небольшие экспедиции по краю, в которых они знакомились с историей и культурой, самобытностью места. Именно в поездке рождалось свое видение Сибири, линии будущего чертежа.

Сама биеннале предполагала погружение в тему – от работ, размещенных под открытым небом на площади перед музеем, до нескольких площадок художественных и музейных проектов, находящихся в здании.

Более подробно мы остановимся на рассмотрении нескольких произведений биеннале «Чертеж Сибири», которые репрезентируют тему культурной памяти региона достаточно простым языком, не требующим сложной подготовки среднестатистического зрителя.

Одной из работ, встречающих зрителей на площади перед входом в музей, была инсталляция «UNTITLED» художника из Словении М. А. Вогринчича (прил. 1).

Данное произведение представляло собой вытянутую деревянную платформу, приподнимающую землю над площадью из брусчатки и украшенную строем позолоченных лопат, ориентированных совковой частью в сторону горы Такмак на правом берегу Енисея. Как отмечает куратор С. Ковалевский: «этот «инструмент памяти» был подсмотрен автором в городском гербе

Красноярска» (Chertezh Sibiri, 2012). 300 одинаковых лопат были одинаково выкрашены: деревянный черенок – в красный цвет, металлический совок был снизу черен, сверху золочен, что очень характерно сочеталось с землей под лопатами и солнцем над ними. Прделанная творческая манипуляция позволила превратить абсолютно утилитарный инструмент в произведение искусства, теряющее свою материальную значимость. Множество на глазах становилось единством, однообразие и унификация трансформировались в самобытность, приземленность – в полет к светилу. В данном случае лопата являлась узнаваемым символом ископаемых богатств Сибири, ассоциаций с ней много у разных поколений красноярцев: от ресурсного края, в недрах которого есть много ископаемых богатств, до привычной многим практики садоводства, которое кормит всех и является частью жизненного опыта.

Ориентация пьедестала читалась через направление лопат. Их устремленность к горе через Енисей ориентировала взгляд зрителя на природную особенность территории, умозрительно возвышая от искусственно-сделанной площади к небу, обращая сознание к более тонким материям.

Одной из первых работ внутри музея была коллективная инсталляция художников – «Забор почвы» (прил. 2–3), расположенная на аван-платформе первого этажа. Назначение данной работы заключалось в приготовлении посетителя к основной экспозиции, снятии первой пробы. Аван-платформа музейного центра была покрыта настилом из горбыля площадью примерно в 300 кв.м, сквозь который появлялись проблески стекла 17 подпольных колодезев-раскопов. Внутри заглублений располагались авторские пробы культурного слоя Сибири – образцы «почвы», элементы, связанные с местом экспедиции авторов-художников и их основными проектами в рамках биеннале.

По задумке авторов, в отличие от уличных работ, которые ориентировали взгляд посетителей к специфическому городскому горизонту Красного Яра, данная работа направляла взгляд вниз, под ноги, на предель-

но материальную шероховатость опоры. Хожение по ней создавало ощущение неустойчивости, в котором нужно было искать баланс. Для глаза восприятие было колким. Обоняние выхватывало запах леса. «Забор почвы» был не только пробой, но и погружением в дебри неизведанной Сибири.

Коллективная работа сразу вызывала ряд устойчивых ассоциаций: сплав леса по реке, сплав на плоту или блуждание в лесу – путешествие, которое знакомит человека с миром и собой, своим характером. На эту идею работали сокровища, содержащиеся в колодцах, – все, что у художников ассоциировалось с картой Сибири – перья, перетирка затопленного петроглифа, чурки сибирских репрессий, настоящая земля как символ родного дома.

Инсталляция «Генеалогия репрессий» (прил. 4) объединила в себе разные предметы: природные (щепы), бытовые (вещи репрессированных), художественные (холст, акрил). Художник Б. Мамонов сделал ее в рамках более крупного проекта «Транквилизация памяти», связанного с историей его семьи, столкнувшейся с репрессиями 1932 года по национальному признаку. На создание памятного проекта Мамонова подтолкнул фотоархив деда – единственное, что осталось в память о нем.

Центральный образ инсталляции – нарисованное безжизненное генеалогическое древо-памятник, на стволе и сучьях которого представлены фотографические изображения известных заключенных, когда-либо сосланных в Сибирь: от декабристов до жертв сталинских репрессий. По центру и выше всех на стволе представлен портрет Сталина – явная метафора фигуры Отца. Причем не только «отца народов» – политического термина, закрепившегося в период Советской власти, но и отца, чьи гены будут оказывать влияние на всех его потомков. Некогда Сталин был ссыльнокаторжным в Туруханске Енисейской губернии, впоследствии – причиной политики репрессий. Через данный образ художник показал, что каждый из людей (ведь каждый – часть какого-либо семейного древа) может быть потенциально и палачом, и жертвой, и нужно постоянно

помнить о подобных возможностях и не допустить их вновь. Об этом свидетельствует продолжение инсталляции.

Вертикальный живописный холст переходит в настил щепок с располагающимися на нем предметами быта репрессированных ссыльнопоселенцев. Среди них: фонарь, часть керосиновой лампы, портки, утюг, миска с перловкой и т.д. – вроде бы вещи, принадлежащие людям, но людей нет. Общая композиция работы напоминает братскую могилу, где сложно разобрать, кому она принадлежит. Слишком много их, этих «щепок» системы.

Данная работа, несмотря на сдержанный колорит сепии, из-за очевидной темы смерти заживо трогает зрителя своей тактичностью, теплом вещей тех, кого уже давно нет на этом свете.

Произведение Андрея Красулина «КАРТА ПАМЯТИ. Транссибирская магистраль» (прил. 5) – многосоставной и многослойный проект из стальной тканой не оцинкованной сетки, укрывного материала, документальных фотографий, письменных материалов, бумаги. Это воплощенное личное воспоминание путешествия художника по Енисею полвека назад, рефлексия прошлого, утраченного в зыбкой пелене событий.

Инсталляция размещалась параллельно окнам музея, открывающим взору течение реки. Развернутое полотно сетки вступало в созвучие с Енисеем, воспроизводя топографию путешествия: рисунки, фотографии, телеграммы будто точки на карте выстраивали маршрут.

Одна из ключевых характеристик работы – протяженность, которая связана со многими характеристиками Сибирской территории. Протяженность реки, железной дороги были свернуты в образе жизни как путешествия.

Еще одна важная деталь – полотно сети, которым вылавливаются воспоминания как рыба из воды – где-то большое и значительное, где-то маленькое, но милое сердцу. Художественный образ, созданный предметами в пространстве, дополнялся полчасовым фильмом-записью путешествия. Содержание фильма строилось на образе

берега, вдоль которого плыла лодка. Практически неизменный ландшафт берега, покачивание картинки погружали зрителя в медитативное состояние, в котором было несложно представить себя соучастником художника не только в плане проделанного реального путешествия, но и открывания фрагментов-воспоминаний жизненного пути. И каждый такой фрагмент-вещь превращался в другой, и так до бесконечности.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что Красноярская музейная биеннале является одним из важнейших проектов, в рамках которого конструируется, репрезентируется и интерпретируется культурная память Красноярского края. За время своего существования формат биеннале изменялся: расширялась программная часть, виды представленных работ, росло количество участников и количество посетителей и т.д. Был определен вектор художественно-исследовательской работы биеннале – работа с территорией и ее смыслами. Важной частью данного направления становится культурная память: ее изучение, воспроизведение, переосмысление. Практики памяти были и являются обязательным элементом внутреннего содержания биеннале.

Наиболее существенное и упорядоченное погружение в тематику культурной памяти региона произошло на VII Красноярской музейной биеннале «Чертеж Сибири» – первой из трилогии «сибирских биеннале». Данный проект при кураторстве С. Ковалевского был концептуально продуман во всех деталях. Работы создавались в Музейном центре художниками после экспедиций и отражали в себе частицы художественно-переосмысленной карты территории.

Экспозиция биеннале была организована с учетом грамотной музейной коммуникации, где большое значение придавалось культуре участия, вовлеченности посетителя в пространство смыслов. Маршрут биеннале представлял собой пу-

тешество извне во глубину, с площади перед Музейным центром во внутреннее его пространство. От работы художника-иностранца, который использовал визуально узнаваемые образы Красноярского края (ресурсный край, источник богатств, сибирская природа), к работам русских авторов, в жизненном опыте которых присутствовала Сибирь, к работам, обращенным к групповым и индивидуальным воспоминаниям, культурным особенностям места (земля ссыльнопоселенцев, дневники и фотографии, видеопутешествия по Енисею и т.д.). На всем протяжении маршрута зрители встречали узнаваемые образы Сибири, ощущали и вдыхали специфику места. Это было возможно благодаря тому, что для репрезентации разных видов и форм культурной памяти в биеннале часто выбиралась инсталляция. Данная музейная практика весьма эффективна в воздействии на зрителя, так как объемно представленное произведение преобразует пространство зрителя, делая разницу времени того, кому показывают, и того, что показывают, несущественной. Переживание чувственно-явленного образа прошлого в моменте исследования-путешествия по музею позволяло почувствовать связь времен, сопричастность пространству.

В целом данная биеннале стала менее институциональной и более художественной, что позволило публике глубже погрузиться в контекст, переосмыслить прошлое как значимую и близкую себе историю, почувствовать символическую связь с теми, кто проживал и проживает на территории Красноярского края.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Assman A. Transformatsii novogo rezhima vremeni [Transformations of the new time regime]. In: *New literary review*, 2012, 116. Available at: magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7.
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004, 368.
- Bezzubova O. V. Muzei kak novaya forma pamyati: kul'tura i politika [Museum as a new form of commemoration: culture and politics]. In: *World trends and museum practice in Russia: collection of articles from an international scientific conference*. Moscow, 2018, 212–220. Available at: <https://www.library.ru/item.asp?id=41274593>
- Black G. Museums, memory and history. In: *Cultural and Social History*, 2011, 8(3), 415–427.
- Chertezh Sibiri: sed'maya Krasnoyarskaya muzeynaya biennale 17.09–18.11.2007* [Sign of Siberia: the seventh Krasnoyarsk Museum Biennale]. al'bom-katalog. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy muzeyny tsentr, 2012, 215.
- Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. Edited by Astrid Erll, Ansgar Nünning, Walter de Gruyter: Berlin, New York, 2008, 441.
- Habjanic O., Perko V. Museum Collections as a Reflection of Cultural Landscape: the Interpretation of Collective Memory. In: *European Journal of Multidisciplinary Studies*, 2018, 3(4), 170–179.
- Ivanova L. S., Kistova A. V. Sotsiokul'turnyye vozmozhnosti muzejev Krasnoyarska kak prostranstv mezhkul'turnoy kommunikatsii [Sociocultural capabilities of Krasnoyarsk museums as spaces of intercultural communication]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2022, 6(2), 46–55. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–2–46–55. EDN FXHPGP.
- Ivanova O. V. Kommemorativnyye praktiki muzejev pamyati: opyt Muzeya istorii GULAGa [Commemorative practices of memory museums: the experience of the Gulag History Museum]. In: *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2022, 6(4), 1366–1418.
- Khusnullina R. E. Sovremennaya yaponskaya fotografiya v muzeynom tsentre “Ploshchad' mira” g. Krasnoyarska: rol' zvuka v muzeynoy vystavke [Contemporary Japanese photography in the museum center “Peace Square” in Krasnoyarsk: the role of sound in the museum exhibition]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization], 2022, 3(4), 32–43. DOI 10.37993/2712–8733–2022–3–4–32–43. EDN NITMQH.
- Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Sertakova Ye. A., Zamaraeva Yu. S., Ermakov T. K. Osobennosti razvitiya partitsipatornogo iskusstva v gorode Krasnoyarske (Rossiyskaya Federatsiya) v nachale XXI veka [Features of the development of participatory art in the city of Krasnoyarsk (Russian Federation) at the beginning of the 21st century]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, 15(6), 826–839. DOI 10.17516/1997–1370–0888. EDN WTCERE
- Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. Obraz Severa v periodicheskikh izdaniyakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX veka [The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century]. In: *Bylye Gody*, 2022, 17(2), 867–875. DOI 10.13187/bg.2022.2.867. EDN QLUOPC.
- Koptseva N. P., Reznikova K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. In: *Bylye Gody*, 2015, 38(4), 1028–1038. EDN VHEISV.
- Krutikova A. D. Zhenskoye iskusstvo Krasnoyarska v 2010–2020-kh gg. Na materiale publik-toka «Zhenshchiny v muzei» (muzeyny tsentr «Ploshchad' mira», Krasnoyarsk, 8 marta 2022 goda) [Women's art of Krasnoyarsk in the 2010–2020s. Based on the material of the public talk “Women in the Museum” (museum center “Peace Square”, Krasnoyarsk, March 8, 2022)]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal* [Siberian art history magazine], 2023, 2(4), 46–58. DOI 10.31804/2782–4926–2023–2–4–46–58. EDN IZ-KCUY.
- Marçal H., Salazar D. ‘Political-Timing-Specific’ Performance Art in the Realm of the Museum: The Potential of Reenactment as Practice of Memorialization’, in *Over and Over and Over Again: Reenactment*

Strategies in Contemporary Arts and Theory, ed. by Cristina Baldacci, Clio Nicastro, and Arianna Sforzini, Cultural Inquiry, 21 (Berlin: ICI Berlin Press, 2022), 239–257.

Mastenitsa E. N. Sotsial'nyye funktsii muzeya v global'nom mire [Social functions of the museum in the global world]. In: *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture and Art*, 2015, 210, 229–236.

Navarro O. Istoriya i pamyat' v sovremennom muzeye: neskol'ko zamechaniy s tochki zreniya kriticheskoy muzeologii [History and memory in the modern museum: a few comments from the point of view of critical museology]. In: *Voprosy muzeologii [Questions of museology]*, 2010, 2, 7–8.

Nora P. Vsemirnoye torzhestvo pamyati [World celebration of memory]. In: *Emergency reserve*, 2005, 2–3(40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

Osina A. V. Osobennosti krasnoyarskogo proyekta biennale [Features of the Krasnoyarsk Biennale project]. In: *Etnicheskiye protsessy Arktiki, Severa i Sibiri [Ethnic processes of the Arctic, North and Siberia]*, 2020, 1(1), 38–51.

Ovchinnikova Z. A. Rol' muzeyev v formirovanii, podderzhke i translyatsii istoricheskoy i kul'turnoy pamyati [The role of museums in the formation, support and transmission of historical and cultural memory]. In: *Bulletin of culture and arts*, 2018, 1(53), 82–89.

Pikov N. O. Reprezentatsiya kul'turnogo naslediya: sovremennyye podkhody [Representation of cultural heritage: modern approaches]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(1), 174–186. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–1–174–186. EDN XYUVSB.

Sergeeva N. A. Metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu vizual'noy kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(3), 37–43. EDN NCLRXL.

Sergeeva N. A. Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2023, 7(2), 108–115. EDN JZKOFH.

Sertakova E. A. Vizualizatsiya kul'turnoy pamyati v krasnoyarskoy fotografii 1980–2000-kh gg. (na materiale analiza tvorchestva Aleksandra Kuznetsova) [Visualization of cultural memory in Krasnoyarsk photography of the 1980–2000s. (based on the analysis of the work of Alexander Kuznetsov)]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, 17(1), 55–67. EDN DEFOPA.

Shaposhnikova G. A. Obrazovatel'nyye vozmozhnosti installyatsiy muzeyev smerti (na materiale analiza muzeyev mirovoy pogrebal'noy kul'tury G. Novosibirskaya i Natsional'nogo muzeya pogrebal'noy kul'tury v Velikobritanii) [Educational opportunities of installations of death museums (based on the analysis of museums of world funerary culture in Novosibirsk and the National Museum of Funerary Culture in Great Britain)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(2), 67–75. EDN NSAJJE.

Shelegina O. N. Kommemorativnyye praktiki v muzeyakh lokal'noy istorii Sibirskogo regiona [Commemorative practices in museums of local history of the Siberian region]. In: *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS]*, 2020, 3(39), 74–82.

Shub M. L. Aktualizatsiya fenomena proshlogo v kontekste sovremennoy sotsiokul'turnoy situatsii [Actualization of the phenomenon of the past in the context of the modern sociocultural situation]. In: *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2013, 1(33), 61–67.

Simbirtseva N. A., Kruglikova G. A., Plaksina E. B. Cultural and Educational Practices in the Museum Environment. In: *Transmission of Cultural Heritage*, 2020, 4(4), 492–507 <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2020.4.4.113>

Sitnikova A. 22 goda poiskov, ili Istoriya Krasnoyarskoy biennale [22 years of searching, or the history of the Krasnoyarsk Biennale]. In: *Sibirskiy forum. Intellektual'nyy dialog [Siberian forum. Intellectual Dialogue]*, October. 2017. Available at: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/988>

Smolina M. G. Khudozhestvennyy muzey imeni V. I. Surikova kak prostranstvo dlya art-kritiki [Art Museum named after V. I. Surikov as a space for art criticism]. In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhur-*

nal [Siberian art history magazine], 2023, 2(4), 59–68. DOI 10.31804/2782–4926–2023–2–4–59–68. EDN JMOELL.

Vorobyova O. Yu. Aktualizatsiya kul'turnoy pamyati v deyatel'nosti provintsial'nogo muzeya [Actualization of cultural memory in the activities of the provincial museum]. In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2021, 1(118), 195–201. DOI 10.20323/1813–145X-2021–1–118–195–201

Warburg A. *Velikoye pereseleniye obrazov. Issledovaniye po istorii psikhologii vozrozhdeniya antichnosti [The Great Migration of Images. Research on the history of the psychology of the revival of antiquity]*. St. Petersburg: Publishing house “Azbuka-classics”, 2008, 406.

Zhigaeva A. A. Kul'turnyye povoroty kak aktual'nyy podkhod k izucheniyu sovremennogo vizual'nogo iskusstva [Cultural turns as a current approach to the study of contemporary visual art]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2023, 7(2), 11–19. EDN STXYVP.

EDN: OGROMR
УДК 172

Socio-Cultural Potential of the Russian IT Community. Part 2

Sergei S. Merzliakov*

*Lomonosov Moscow State University
National University of Science and Technology
Moscow, Russian Federation*

Received 21.05.2022, received in revised form 12.03.2024, accepted 18.03.2024

Abstract. The article is the second part of the study of the socio-cultural characteristics of the Russian community of IT specialists. In the second part of the work, the issues of work ethics are considered, the attitude of the members of the studied community to the problem of the relationship between the individual and the state in the context of responsibility for the subject is considered, and the attitude to freedom, equality, security and control technologies is also taken under consideration. The interest of Russian IT specialists in politics and making social decisions is also being investigated. The value framework of the Russian IT specialist includes the idea of personal autonomy and free choice. The members of the community are characterized by the idea of a person's responsibility for his life. In the context of interest in politics, it can be pointed out that the members of the group have a request to participate in the life of society, but this request is accompanied by distrust of the existing institutions for the implementation of this request. From the point of view of the socio-cultural potential of Russian IT specialists, a significant point is that the respondents name responsibility among the most important personal qualities. The conclusion of this part of the study is the idea that the Russian community of IT specialists is an important instrument for the socio-cultural modernization of Russian society.

Keywords: values, culture, IT specialist, socio-cultural modernization, cultural studies, Information society.

The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of project No. 20–011–00835.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Merzliakov S. S. Socio-cultural potential of the Russian IT community. Part 2.
In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 778–791. EDN: OGROMR

Социокультурный потенциал российского сообщества IT-специалистов. Часть 2

С.С. Мерзляков

МГУ им. М.В. Ломоносова

Национальный исследовательский технологический университет МИСиС

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья является второй частью исследования социокультурных особенностей российского сообщества IT-специалистов. Во второй части работы затрагиваются вопросы трудовой этики, рассматривается отношение членов исследуемого сообщества к проблеме взаимоотношения личности и государства в контексте ответственности за субъекта, а также отношение к свободе, равенству, безопасности и технологиям контроля. Также исследуется интерес российских IT-специалистов к политике и заинтересованность в принятии социальных решений. В ценностный каркас российского IT-специалиста входит представление об автономии личности и ее свободном выборе. Для членов исследуемой группы характерно представление об ответственности человека за свою жизнь. В контексте вопроса об интересе к политике можно указать на то, что у членов группы фиксируется запрос на участие в жизни общества, но этот запрос сопровождается недоверием к существующим институтам реализации этого запроса. С точки зрения социокультурного потенциала российских IT-специалистов значимым моментом является то, что среди наиболее важных личных качеств опрошенные называют ответственность. Выводом этой части исследования является представление о том, что российское сообщество IT-специалистов является качественным инструментом социокультурной модернизации российского общества.

Ключевые слова: ценности, культура, IT-специалист, социокультурная модернизация, культурология, информационное общество.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20–011–00835.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Мерзляков С.С. Социокультурный потенциал российского сообщества IT-специалистов. Часть 2. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 778–791. EDN: OGROMR

Введение

Представленный текст является второй частью работы, посвященной исследованию социокультурного потенциала российского сообщества IT-специалистов. В этой части мы затрагиваем трудовую этику; личность и границы ее свободы; интерес российских специалистов к политике; уровень доверия; отношение к свободе, равенству, безопасности

и технологиям контроля; также анализируем самые важные детские качества, по мнению российских IT-специалистов.

Работа, самостоятельность и причины успеха

Отношение к труду и трудовая этика указывают на предпочитаемые и наследуемые способы встраивания человека в общество,

поэтому их анализ полезен для определения социокультурного потенциала группы. Исходя из этого, мы включили в анкету некоторые вопросы, связанные с отношением членов группы к работе и ее месту в жизни человека и общества. При этом мы исходили из того, что для исследуемого сообщества в целом характерно специфическое отношение к выполняемой работе: в ценностный каркас группы входит трудолюбие – характеристика, которую высоко оценивают члены сообщества. На групповом уровне поддерживается представление об IT-специалисте как о человеке, для которого работа является приоритетом: частью идентичности являются представление о трудоголизме айтишника и связанных с этим особенностях – например, отсутствие баланса между работой и жизнью с перекосом в сторону работы: переработки¹, выгорание² и другие негативные следствия, которые становятся элементом групповой идентичности.

Мы взяли из проекта «Всемирный обзор ценностей» некоторые вопросы, с которыми можно было согласиться либо не согласиться: «Люди, которые не работают, становятся ленивыми?»; «Работа – это долг перед обществом?»; «Работа всегда должна быть на первом месте даже если это означает меньше свободного времени?». Более 40 % опрошенных согласились с тем, что люди, которые не работают, становятся ленивыми – в данном случае подтверждается важность труда (табл. 1). Россияне согласны с этим, но в целом более категоричны в этом вопросе, хотя и менее категоричны, чем китайцы (табл. 2). Ответы опрошенных в це-

лом похожи скорее на ответы, которые давали американцы. Однако если в этом вопросе IT-специалисты в целом солидарны с россиянами, то ответы на следующие два вопроса указывают на значимую разницу в установках.

Российские IT-специалисты абсолютно не согласны с тем, что работа является долгом перед обществом. Они воспринимают работу как способ реализации своих целей – работа становится личным делом каждого³. Вероятно, эти ответы указывают также на индивидуализм членов российского сообщества IT-специалистов. Также, согласно полученным нами результатам, российские специалисты совершенно не согласны с тем, что работа должна быть на первом месте даже в ущерб личной жизни – они больше не готовы жертвовать своей частной жизнью ради трудовых подвигов. Возможно, это ответ на перегибы культуры трудоголизма, характерной для сообщества⁴ – выгорание на рабочем месте перестает восприниматься как необходимая жертва и проявление героизма, но воспринимается скорее как халатность и отсутствие гигиены труда.

Таким образом, члены исследуемого сообщества сохраняют в своем ценностном каркасе трудолюбие, но становятся носителями постматериальных ценностей – работа больше не воспринимается в качестве главной ценности, она не является долгом перед обществом и является личным делом каждого. В том, что российские IT-специалисты становятся носителями постматериальных ценностей, мы видим значимый потенциал для актуали-

¹ Например, для периода авральных переработок в геймдеве существует отдельное название – «кранч»: «Кто-то переезжает жить в офис, работая по 14 часов в сутки, кто-то перестает общаться с друзьями и семьей, а кто-то набирает лишние килограммы, заедавая стресс фастфудом» (см.: Шрейер Д. Кровь, пот и пиксели).

² См., напр.: «Исследование Haystack: 83 % разработчиков страдают от выгорания, 81 % жалуется, что во время пандемии ситуация стала хуже». Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/t/567622/> (дата доступа: 24.11.21); «Профессиональное выгорание в ИТ (результаты исследования «Моего круга»)». Хабр. URL: https://habr.com/ru/company/habr_career/blog/437264/ (дата доступа: 24.11.21).

³ При этом обратим внимание на то, что личным делом может быть и реализация собственных проектов, так называемых ret-проектов, которые IT-специалист выполняет в свое личное время. Возможно, часть опрошенных нуждается во времени для реализации этих проектов. Это подтверждается тем, что около 25 % опрошенных нами специалистов имеют опыт организации своего бизнеса или попытки реализовать свой проект, который мог бы принести доход в случае успешной реализации.

⁴ Обратим внимание на то, что ответы опрошенных специалистов на этот вопрос похожи на ответы японцев – только 10 % которых согласились с тем, что работа должна быть на первом месте.

Таблица 1. В скобках – данные по России (WVS*), %
Table 1. In parentheses are data for Russia (WVS), %

Вариант ответа	Люди, которые не работают, становятся ленивыми?	Работа – это долг перед обществом?	Работа всегда должна быть на первом месте, даже если это означает меньше свободного времени?
Полностью согласен	15 (27,7)	3 (18,8)	1 (14)
Согласен	28 (35,4)	8 (28,3)	6 (20,8)
Затрудняюсь ответить	30 (22,9)	18 (29,7)	16 (34,6)
Не согласен	18 (9,8)	47 (16,4)	50 (22)
Категорически не согласен	4 (2,7)	23 (5)	26 (6,1)
Не знаю	5 (1,5)	1 (1,8)	1 (2,5)

* Здесь и далее WVS – World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/>.

Таблица 2. Люди, которые не работают, становятся ленивыми? (WVS), %
Table 2. Do people who don't work become lazy? (WVS), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Швеция
Полностью согласен	35,9	27,7	12,8	9,2
Согласен	47,3	35,4	31,1	22,9
Затрудняюсь ответить	3,1	22,9	29,9	27,8
Не согласен	11,5	9,8	19,7	27,2
Категорически не согласен	2	2,7	5,3	12,1
Не знаю	0	1,5	0	0,5
Нет ответа	0,2	0	1,1	0,3

зации сообщества в качестве инструмента социокультурной модернизации: при достижении достаточного уровня материального благополучия человек становится более заинтересованным в участии в жизни общества (Inglehart, 1971).

Также нас интересовали выбираемые членами сообщества способы достижения своих целей и оценка ими эффективности этих способов в российском обществе. Мы просили оценить конкуренцию; взаимоотношения человека и государства в контексте ответственности за субъекта; а также причины успеха. Члены сообщества высоко оценивают роль конкуренции – они полностью принимают этот элемент либеральной культуры (прил. 1). В контексте социокультурной модернизации высокая оценка конкуренции может являться основанием для

взаимодействия с другими социальными группами, поскольку предполагает столкновение различных подходов и мнений, свободный поток информации и ориентацию на коллегиальность принимаемых решений. Россияне в целом также позитивно относятся к конкуренции, но гораздо менее категоричны в позитивной оценке этого явления – они значительно уступают в позитивной оценке конкуренции не только американцам, но и китайцам.

Оценка ответственности человека и государства не так категорична, как оценка конкуренции: большинство опрошенных нами склоняются к тому, что люди должны брать на себя больше ответственности. Однако значительная часть – примерно 20 % – выбирает вариант «золотой середины» (прил. 2). Таким образом, мы видим цен-

Таблица 3. Ответственность личности и государства (WVS), %
Table 3. Responsibility of the individual and the State (WVS), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Швеция
Государство должно брать на себя больше ответственности за каждого человека	12,6	22,4	13,6	2,3
2	8,9	8,5	4,3	1,1
3	9,3	9,7	7,5	6,3
4	7,6	9	7,9	8,2
5	13,2	18,2	18,3	8,2
6	9,8	9,1	6,9	22,2
7	8,9	7,3	9,8	14,8
8	14,7	5,8	9,1	18,1
9	7,1	3	3,9	6,8
Люди должны брать на себя больше ответственности за самих себя	7,6	6	17,8	11,2
Не знаю	0	0,9	0	0,8
Нет ответа	0,3	0,1	0,9	0,1

ностный переко́с в сторону представления о личной ответственности человека за свою жизнь, что указывает как на близость либеральных установок, так и на распространенность установок индивидуализма. Россияне, в отличие от членов исследуемой группы, склонны к выбору патерналистского варианта: ответ «Государство должно брать на себя больше ответственности за каждого человека» выбрали более 22 % респондентов проекта Всемирный обзор ценностей из России; вариант «Люди должны брать на себя больше ответственности за самих себя» выбрали 6 % (табл. 3). Мы видим ценностный разрыв между членами российского сообщества IT-специалистов и российского общества в вопросе ответственности государства и личности за жизнь человека. Таким образом, члены исследуемого сообщества являются донорами таких ценных с точки зрения социокультурной модернизации установок, как позитивный индивидуализм и ориентация на ответственность за свою жизнь.

Если ответы на предыдущие вопросы демонстрируют, что российские IT-специалисты в целом наследуют ценностные установки трудовой этики либеральной культу-

ры⁵, то ответы на вопрос о причинах успеха несколько выделяются на этом фоне: несмотря на то, что в целом российские IT-специалисты все же охотнее россиян отвечают, что именно усердная работа приводит к успеху (прил. 3), они не настолько в этом уверены, как, например, жители США или Китая⁶.

Таким образом, мы видим, что российские IT-специалисты позитивно оценивают либеральную трудовую этику: хорошо относятся к конкуренции; считают, что работа – это личное дело каждого; не воспринимают труд как долг перед обществом и т.д. Несколько парадоксально, но при всем этом они с меньшей уверенностью относятся к тому, что успех является результатом собственных усилий. Возможно, в этом проявляется их критическое отношение к возможности российского общества обеспечивать равенство возможностей. В этом случае мы видим запрос на модернизацию

⁵ Мы говорим о наследовании, потому что сама культура IT возникла на Западе, прежде всего в США, и вобрала в себя элементы трудовой этики американского варианта западной культуры.

⁶ Более того, даже россияне в целом несколько охотнее выбирали однозначный вариант «В долгосрочной перспективе усердная работа приводит к лучшей жизни».

социальных институтов – то есть сильный потенциал для социокультурной модернизации общества.

Выводы этой части будут следующие: трудолюбие входит в ценностный каркас членов сообщества, но они больше не готовы к трудовым подвигам в ущерб личной жизни, потому что научились ценить правильный баланс между выполнением своих профессиональных обязанностей и жизнью вне рабочего места; они работают на себя и совершенно не согласны с тем, что работа является долгом перед обществом; им нужно время для реализации собственных проектов; они являются носителями либеральных трудовых ценностей, но не до конца уверены в том, что усердная работа действительно приведет к успеху; российские IT-специалисты являются носителями постматериальных ценностей, и можно предположить, что они заинтересованы в улучшении своей среды обитания в широком смысле, то есть в том числе и социальных институтов.

Личность и ее выбор

Для того чтобы понять, какое место в ценностном каркасе российских IT-специалистов занимает личность и ее ответственность за свою жизнь, мы выбрали несколько вопросов из Всемирного обзора ценностей, которые предлагают респондентам оценить некоторое явление. Мы предложили оценить проституцию, эвтаназию, смертную казнь. Также мы позже добавили еще три явления: нетрадиционная сексуальная ориентация, самоубийство, а также наш вариант – технологическое улучшение/изменение тела (Merzliakov, 2021a). На эти вопросы мы получили меньше ответов – 349. Мы хотели понять, допускают ли члены сообщества вмешательство общества в частную жизнь человека и если да, то в какой степени. Оценка степени свободы выбора человека является важной характеристикой, которая может стать каркасным элементом социокультурного развития.

В целом ответы опрошенных указывают на то, что для них характерно представление об автономии личности: чело-

век независим в своем выборе; порицание человека за сделанный им выбор, который затрагивает только его, не поддерживается (табл. 4).

В ответах на вопросы об оправдании/не оправдании проституции, эвтаназии, самоубийства (в меньшей степени) и нетрадиционной сексуальной ориентации опрошенные продемонстрировали готовность предоставить человеку свободу выбора большую, чем россияне в целом. Это вполне согласуется с тем, что они склонны считать человека ответственным за свою жизнь, что подразумевает принятие на себя рисков и свободу выбора даже в самых «жестких» вопросах: человек автономен и независим⁷. Исключением оказалась смертная казнь – специалисты оказались «кровожаднее» россиян в целом и несколько охотнее соглашались с предельным вмешательством общества в жизнь человека: в случае смертной казни само существование личности определяет общество.

Ответы на вопрос об оправдании технологического изменения/улучшения тела нам не с чем сравнивать – это наш вопрос, а не вопрос из Всемирного обзора ценностей. Однако обратим внимание на то, что опрошенные IT-специалисты склонны крайне позитивно оценивать подобные изменения, что может являться условием для социокультурного развития в направлении, включающем этот элемент.

Таким образом, российские IT-специалисты высоко ценят автономию личности и ее свободный выбор: это значимый ценностный элемент социокультурного профиля группы, который может быть транслирован в другие социальные группы. Высокая оценка свободного выбора

⁷ Проституция никогда не может быть оправдана: Китай – 82,5 %; Россия – 49,1 %; США – 36,9 % (источник: WVS); эвтаназия никогда не может быть оправдана: Китай – 44,5 %; Россия – 26,8 %; США – 19 % (источник: WVS); самоубийство никогда не может быть оправдано: Китай – 72,7 %; Россия – 51,5 %; США – 41,5 % (источник: WVS); Нетрадиционная сексуальная ориентация никогда не может быть оправдана: Китай – 67,5 %; Россия – 58,4 %; США – 19 % (источник: WVS); смертная казнь всегда может быть оправдана: Китай – 21,9 %; Россия – 10,1 %; США – 12,2 % (источник: WVS).

Таблица 4. Может ли следующее явление всегда быть оправданно, никогда не может быть оправданно или что-то среднее. 1 – никогда не может быть оправданно; 10 – всегда может быть оправданно. В скобках – данные по России (WVS), %. Данные по проституции, эвтаназии и смертной казни на основе 792 ответов; данные по самоубийству и нетрадиционной сексуальной ориентации на основе 349 ответов

Table 4. Can the following phenomenon always be justified, can never be justified, or something in between. 1 – can never be justified; 10 – can always be justified. In parentheses are data for Russia (WVS), %. Data on prostitution, euthanasia and the death penalty based on 792 responses; data on suicide and non-traditional sexual orientation based on 349 responses

	Проституция	Эвтаназия	Смертная казнь	Самоубийство	Нетрадиционная ориентация
1 – никогда	8 (49,1)	3 (26,8)	15 (26)	27 (51,5)	17 (58,4)
2	3 (7,9)	2 (6,7)	9 (5,6)	6 (8,8)	4 (5,8)
3	5 (6,8)	3 (5,4)	9 (6)	9 (7,4)	5 (4,8)
4	3 (5,3)	1 (5,1)	4 (6,2)	5 (4,5)	4 (4,1)
5	15 (9,1)	8 (12,6)	11 (14,3)	16 (8,1)	12 (6,3)
6	9 (4,9)	5 (7)	7 (8,7)	3 (3,4)	4 (3,9)
7	17 (4)	13 (5,9)	12 (5,6)	7 (3,3)	6 (2,9)
8	12 (3,1)	21 (6,4)	12 (5,6)	6 (2,2)	6 (2,2)
9	5 (1)	10 (2,7)	5 (3,2)	2 (1)	4 (1,4)
10 – всегда	19 (3,5)	29 (12,4)	14 (10,1)	13 (2,9)	34 (3,3)
Не знаю	4 (4,6)	5 (8,6)	2 (8,3)	6 (6,3)	4 (6,1)
Нет ответа	0 (0,6)	0 (0,5)	0 (0,4)	0 (0,6)	0 (0,7)

личности хорошо согласуется с высокой оценкой ответственности человека за свою жизнь в выборе между ответственностью человека и ответственностью государства. Российские IT-специалисты, высоко оценивая потенциал развития технологий изменения/улучшения естественных характеристик человека, могут быть драйвером социокультурного развития в направлении, включающем этот элемент.

Интерес к политике

Важной задачей данного исследования является определение потенциала членов исследуемого сообщества быть активными участниками социальных действий. Нам нужно понять, насколько российские IT-специалисты заинтересованы в социальной активности и улучшении институтов российского общества.

Сравнение с пилотным исследованием показало, что оценка важности граждан-

ской активности снижается у IT-специалистов по сравнению со студентами-программистами, у которых, в свою очередь, эта оценка ниже, чем у студентов гуманитариев. В пилотном исследовании мы сделали предположение, что российские IT-специалисты менее заинтересованы в модернизации социальных институтов российского общества, чем другие социальные группы, в силу относительно комфортных условий для профессиональной реализации и относительно высокой вероятности эмиграции (Merzliakov, 2021b)⁸. Данный блок исследования вносит коррективы в наши представления о потенциале социальной активности исследуемого сообщества и усложняет их.

На вопрос об активности на выборах в федеральные органы власти опрошенные нами российские IT-специалисты отвечали достаточно предсказуемо, то есть демон-

⁸ И/или распространения среди членов сообщества ценности пространственной мобильности.

стрировали меньшую активность, чем россияне в целом, – регулярно голосуют только 22 % опрошенных специалистов (прил. 5). Предположительно, причинами могут быть: относительная незаинтересованность в модернизации институтов российского общества; недоверие к формальным институтам; установка на дистанцирование от политики. В процессе исследования российских IT-специалистов, и прежде всего в ходе личного общения с членами сообщества, мы обратили внимание на распространение в сообществе специфической ценности – невмешательства в политику. Некоторые из наших собеседников посчитали неприемлемым участие IT-специалиста в политике в принципе. Эта позиция объяснялась как уже замеченной нами установкой на пространственную мобильность, так и тем, что IT-специалист является профессионалом, чьим абсолютным приоритетом является работа, а любая гражданская деятельность оказывается лишним «раздражителем». Позицию отказа от политики можно найти и на крупных ресурсах, посвященных IT. Например, правилами крупного российского ресурса «Хабр» участникам запрещается «инициировать политические дискуссии и участвовать в них»; в правилах отмечается: «Тематика нашего ресурса определена довольно чётко. Для рассуждений о политике есть куда более подходящие сайты. Но не “Хабр”»⁹. Первым правилом ресурса Cyberforum является: «Форум предназначен для обсуждения вопросов IT-тематики и смежных с ней. Обсуждение политических тем запрещено»¹⁰. Возможно, введение отказа от обсуждения политики объясняется исключительно желанием избежать конфликтов, но, по крайней мере, некоторыми членами исследуемого сообщества отказ от гражданской активности воспринимается как значимый и универсальный элемент групповой идентичности¹¹.

⁹ Правила сайта. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/docs/help/rules/> (Дата обращения: 20.05.2022)

¹⁰ Правила форума. CyberForum.ru URL: <https://www.cyberforum.ru/shell/announcement3.html> (Дата обращения: 23.12.2021)

¹¹ Если абсентеизм членов сообщества является следствием представления о групповых нормах поведения,

Однако, несмотря на относительно невысокую заинтересованность в пассивном участии в выборах, мы видим обратную ситуацию в заинтересованности в политике в целом: опрошенные активно интересуются политикой. Таким образом, возникает несколько парадоксальная ситуация: IT-специалисты голосуют на выборах реже, но при этом интересуются политикой активнее. Мы видим «спящий», не актуализированный интерес к политике: с одной стороны, есть установка на абсентеизм, а с другой стороны – потребность в участии. Причиной этой парадоксальной ситуации может быть недоверие к российским формальным институтам проявления гражданской позиции. В некоторой степени это подтверждается активным использованием членами сообщества альтернативных выборов вариантов гражданской активности.

Например, специалисты гораздо чаще россиян в целом использовали такую форму проявления гражданской активности, как подписание петиции. Также они чаще участвовали в мирных демонстрациях. И в обоих случаях охотнее соглашались с тем, что вполне могли бы подписать петицию или принять участие в мирной демонстрации.

Таким образом, мы видим, с одной стороны, недоверие формальному институту выборов («Какой смысл? Все равно от нас ничего не зависит»), формально декларируемую на уровне группы установку на дистанцирование от политики и безразличие¹², а с другой стороны – интерес к политике и активное использование альтернативных инструментов выражения гражданской позиции либо высокую вероятность использования этих инструментов.

Доверие

Уровень доверия в обществе является одним из наиболее важных социокультурных показателей, потому что указывает

то, вероятно, повысить социальную активность членов исследуемого сообщества можно, если само сообщество определит социальную активность как непротиворечащую групповой идентичности.

¹² Характерно, по крайней мере, для части членов сообщества. Влияние этой установки под вопросом.

Таблица 5. Большинству людей можно доверять или следует быть очень осторожным в общении с людьми? (WVS – данные по странам; данные по IT-специалистам получены автором), %

Table 5. Can most people be trusted or should you be very careful when communicating with people? (WVS – data by country; data on IT specialists were obtained by the author), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Российские IT-специалисты
Большинству людей можно доверять	63,5	22,9	37	21
Нужно быть очень осторожным	35,7	74,4	62,5	73
Не знаю	0	2,6	0	6
Нет ответа	0,8	0	0,4	0

на способность членов общества к кооперации. Чем выше уровень доверия, тем ниже транзакционные издержки, то есть издержки по обеспечению контрактов. При высоком уровне доверия в обществе людям проще и дешевле договариваться между собой. В контексте анализа потенциала социальной группы быть драйвером социокультурных процессов следует определить потенциал группы для увеличения бриджингового социального капитала (Woolcock, 2000).

Для России характерен низкий уровень доверия, как межличностного, так и институционального. Согласно полученным результатам, российское сообщество IT-специалистов наследует низкое доверие россиян (табл. 5). Причем наследование уровня межличностного доверия полное: 74,4 % россиян считают, что следует быть крайне осторожными при общении с другими людьми, и только 22,9 % полагают, что большинству людей можно доверять; среди опрошенных IT-специалистов тех, кто считает, что следует быть осторожными – 73 %, «доверчивых» – 21 %.

С одной стороны, низкое доверие является значимым тормозом использования социокультурного потенциала исследуемой группы: низкое доверие препятствует накоплению бриджингового социального капитала, мешает переносу позитивных модернизационных ценностей из одной социальной группы в другую, снижает эффективность коллективных действий и т.д. А в случае российских IT-специалистов это

может приводить к универсальности ответа «Компьютеры так не работают» при взаимодействии с представителями других социальных групп (Merzliakov, 2020). Но, с другой стороны, существуют варианты позитивного использования низкого доверия в обществе: например, в обществах с низким уровнем доверия хорошо развиваются шеринговые платформы (Nikishina, 2020), которые сами по себе являются неким вариантом коллективного действия. Другими словами, низкий уровень доверия при некоторых условиях может выступить инструментом развития – все зависит от образа желаемого будущего¹³.

Свобода, равенство, безопасность и технологии контроля

Члены исследуемого сообщества наследуют многие либеральные ценности, прежде всего либеральные ценности трудовой этики: позитивное отношение к конкуренции, работа как личное дело каждого, ориентация на личную эффективность, принятие ответственности за себя и т.д. Нас интересует то, как российские IT-специалисты относятся к фундаментальной ценности либерального общества – свободе.

В ситуации выбора между свободой и равенством подавляющее большинство

¹³ Возможно, низкий уровень доверия, прежде всего институционального, российских IT-специалистов может быть использован в качестве фактора позитивной социокультурной модернизации российского общества. Подробнее см.: (Merzliakov, 2021c).

Таблица 6. Большинство людей считают важными и свободу, и равенство. Но если бы вам пришлось выбирать что-то одно, то что бы вы сочли более важным? (WVS – данные по странам; данные по IT-специалистам получены автором), %

Table 6. Most people consider both freedom and equality important. But if you had to choose one thing, which would you consider more important? (WVS – data by country; data on IT specialists obtained by the author), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Российские IT-специалисты
Свобода	34	50,3	77,9	73
Равенство	65,4	41,1	21,3	19
Не знаю	0	8,3	0	8
Нет ответа	0,6	0,4	0,8	0

Таблица 7. Большинство людей считают важными и свободу, и безопасность. Но если бы вам пришлось выбирать что-то одно, то что бы вы сочли более важным? (WVS – данные по странам; данные по IT-специалистам получены автором), %

Table 7. Most people consider both freedom and security important. But if you had to choose one thing, which would you consider more important? (WVS – data by country; data on IT specialists were obtained by the author), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Российские IT-специалисты
Свобода	7,1	23,5	69,5	47
Безопасность	92,7	72	28,3	44
Не знаю	0	3,9	0	9
Нет ответа	0,2	0,6	2,2	0

опрошенных нами специалистов выбрало свободу – 73 %. Доля «свободных» лишь ненамного меньше доли ответивших также американцев и больше доли выбравших свободу россиян (табл. 6)¹⁴.

Однако в ситуации выбора между свободой и безопасностью опрошенные уже не столь категоричны в выборе свободы: голоса разделились примерно поровну. Таким образом, абсолютная ценность либерального общества является значимой ценностью для российских IT-специалистов, но для них она не является абсолютной (табл. 7)¹⁵.

¹⁴ Но при этом заметим, что россияне выбирали свободу чаще, чем равенство – ценность свободы значима для них.

¹⁵ Это может быть косвенным подтверждением того, что они несколько склонны к избеганию неопределенности (как и россияне в целом) и не являются донорами такой дефицитной для российского общества особенности, как способность идти на риск (Auzan, 2017).

В связи с этим интерес представляет отношение членов исследуемой группы к контролю со стороны государства, потому что именно в отношении к внешнему контролю субъекта актуализируются ценности свободы и безопасности, а также доверие к государственным институтам¹⁶.

На вопрос о том, должно ли государство иметь право отслеживать деятельность человека в интернете, российские специалисты отвечают – нет. Они предсказуемо выступают против того, чтобы государство нарушало их сетевую приватность. Обратим внимание на то, что россияне в целом солидарны с этой позицией – они тоже против контроля со стороны государства в Сети (табл. 8).

Однако ответы на вопрос о том, должно ли государство иметь право наблюдать

¹⁶ Подробнее см.: (Merzliakov, 2021c).

Таблица 8. Должно ли государство иметь право отслеживать электронные письма и любую другую информацию, которой люди обмениваются в интернете? (WVS – данные по странам; данные по IT-специалистам получены автором), %

Table 8. Should the government have the right to monitor emails and any other information that people exchange online? (WVS – data by country; data on IT specialists were obtained by the author), %

Вариант ответа	Китай	Россия	США	Российские IT-специалисты
Определенно, должно иметь право	23,6	6,5	4,6	5
Вероятно, должно иметь право	37	19,2	18,3	10
Вероятно, не должно иметь право	23,9	30	35,7	23
Определенно, не должно иметь право	14,8	39,2	39,2	61
Не знаю	0,3	4,9	0,1	1
Нет ответа	0,4	0,2	2,1	0

за людьми с помощью видеокамер в общественных местах, уже указывают на поведенческие различия между IT-специалистами и россиянами в целом. И те и другие согласны с тем, что видеокамеры в общественных местах – это скорее позитивное явление. Но среди россиян выше доля тех, кто однозначно считает, что у государства такого права быть не должно. Таким образом, для россиян важна их приватность в офлайне. Несмотря на то что российские IT-специалисты являются носителями многих либеральных ценностей, в некотором смысле россияне являются более активными носителями такой фундаментальной ценности, как свобода. Мы не видим здесь противоречия – наоборот, видим потенциал для позитивного социального диалога.

Также и опрошенные нами специалисты, и россияне отрицательно относятся к праву государства собирать информацию о людях без их ведома. Возможно, низкое институциональное доверие, ориентация на ценностный приоритет личности и сопротивление технологиям контроля российских IT-специалистов может быть основой специфического варианта социокультурного развития, предполагающего ограничение «простых» техноло-

гий контроля¹⁷ и ориентацию на человека как исключительную цель развития общества.

Детские качества

Респондентам проекта Всемирный обзор ценностей предлагалось выбрать наиболее важные качества, которые следует воспитывать у детей дома. Можно было выбрать до пяти качеств. Среди предложен-

¹⁷ Уже сейчас мы наблюдаем интересные этические кейсы, которые фиксируют уязвимость самих разработчиков. Это могут быть кейсы, связанные не только с появлением инновационных инструментов разработки, но и с контролем разработчиков. Массовая культура создает образ свободного программиста, который может сидеть на берегу океана на райском острове и эффективно делать работу. Вероятно, действительно есть такие примеры. Однако есть примеры и противоположные. В этом смысле интересен кейс российской компании Xsolla. В августе 2021 г. 150 сотрудникам компании руководство прислало письмо, в котором сообщало об увольнении. Интересна названная причина увольнения: команда Big Data, используя алгоритмы, проанализировала активность сотрудников и часть из них была помечена как «невовлеченные и малопродуктивные» (см., напр.: Xsolla предположительно уволила ряд сотрудников в Перми после анализа их рабочей активности. URL: <https://habr.com/ru/news/t/571238/> (дата обращения: 13.11.2021)). Оставляя в стороне этический анализ этого кейса, заметим, что IT-специалисты на длинной дистанции будут нести издержки из-за технологического развития не в меньшей степени, чем автор этого текста или тот, кто его сейчас читает.

ных были: хорошие манеры, трудолюбие, религиозность, послушание, бескорыстие, бережливость, терпимость и уважение к другим людям, воображение, независимость, решительность и настойчивость, ответственность. Мы предложили членам исследуемого сообщества также выбрать наиболее важные качества для ребенка (прил. 7). Подавляющее большинство опрошенных полагает, что самое важное качество, которое следует воспитывать у детей, – ответственность. Этот ответ выбрали 90 % респондентов, что делает ответственность самым популярным ответом со значительным отрывом от остальных вариантов. На втором месте – трудолюбие, которое входит в ценностный каркас исследуемого сообщества. Замыкают первую пятерку: решительность, независимость и воображение¹⁸. Наименее популярным ответом оказалась религиозность. Также не пользовались популярностью такие качества, как послушание, бескорыстие и бережливость.

У россиян самыми популярными детскими качествами также являются ответственность и трудолюбие, но на первом месте – трудолюбие (76 %), а на втором – ответственность (68 %) (прил. 8). В пятерку самых важных качеств также входят терпимость, хорошие манеры и бережливость. Наименее важным качеством россияне также назвали религиозность.

Таким образом, мы видим сходство в ценностных установках россиян и членов исследуемого сообщества: и те и другие среди прочих выделяют такие качества, как

¹⁸ Изначально мы выбрали вопрос о детских качествах именно для того, чтобы оценить важность воображения для исследуемой группы. Это связано с тем, что в предыдущих исследованиях мы столкнулись с представлением, что российские разработчики испытывают некоторые трудности с эстетическим оформлением конечного продукта. Мы предполагали, что воображение будет оцениваться IT-специалистами как относительно неважное. Наша гипотеза не подтвердилась – они выбрали воображение намного активнее, чем россияне в целом. Однако обратим еще раз внимание на то, что в данном исследовании могли принять участие не только разработчики программного обеспечения, но IT-специалисты в широком смысле, например дизайнеры, для которых воображение – важный инструмент работы.

трудолюбие (россияне в большей степени) и ответственность (IT-специалисты в большей степени); и те и другие низко оценивают религиозность, бескорыстие и послушание. Мы видим также и отличия. Россияне в целом выше ценят бережливость – это понятно: у IT-специалистов в целом финансовое положение лучше, чем у представителей других групп; вопрос денег стоит перед ними не так остро, поэтому они имеют склонность к постматериализму. Для россиян в целом также важнее социальные качества: хорошие манеры и терпимость. Это также можно объяснить профессиональной спецификой IT-специалиста. Также россияне склонны к низкой оценке воображения.

Результаты, полученные в этой части исследования, мы оцениваем как исключительно важные с точки зрения потенциала членов исследуемого сообщества быть агентами социокультурной модернизации. На наш взгляд, то, что подавляющее большинство российских IT-специалистов считают именно ответственность исключительным качеством, является принципиальным и, возможно, самым важным нашим открытием. Существует ряд препятствий тому, чтобы сообщество российских специалистов в области IT могло стать эффективным инструментом социокультурной модернизации российского общества. Во многом эти препятствия связаны с несовпадением профессиональной идентичности и национальной идентичности: относительно критичное отношение к национальной идентичности; доминирование наднациональной идентичности; ценность пространственной мобильности; некоторый политический абсентеизм; критичное отношение к ценностным установкам россиян¹⁹; некоторые сложности взаимодействия с другими социальными группами²⁰; низкий уровень доверия и др. – это то, что мешает позитивному взаимодействию членов сообщества и российского общества в целом. Исследуемая группа не является

¹⁹ Возможно, не к реальным установкам, а к своим представлениям о них.

²⁰ В том числе в формате «фирменного высокомерия айтишника». См.: (Merzliakov, 2020)

«идеальной» с точки зрения позитивной социокультурной модернизации. Однако распространение в обществе такой ценности, как ответственность, позволяет под другим углом посмотреть на социокультурный потенциал сообщества и, возможно, нивелировать значительную часть препятствий, а также указать на принципиально значимые возможности.

Значительная часть препятствий связана с тем, что члены сообщества идентифицируют себя как ценностных аутсайдеров – они неохотно ассоциируют себя с российским обществом. В этом случае дистанцирование от национальной идентичности и «ценностный саботаж»²¹ являются способом компенсации потери полезности своей идентичности (Akerlof, Kranton, 2005). Однако если актуализировать в коллективном сознании сообщества представление о его важности как субъекта социокультурной модернизации, то, предположительно, многие ограничения снимутся: дайте им возможность влиять на ситуацию в стране, и они станут активным субъектом развития, главной характеристикой которого является ответственность²².

Выводы

Российский IT-специалист – это не только инструмент технологической и экономической модернизации, но и качественный инструмент социокультурного развития. Российские IT-специалисты являются носителями постматериальных ценностей, и у них есть запрос на участие в жизни общества, но они не доверяют российским формальным институтам выражения гражданской позиции. Они ценят автономию личности и ее свободный выбор. В ценностный каркас сообщества входят элементы либеральной трудовой этики, и они считают, что человек

ответственен за свою жизнь, но не до конца уверены в том, что в российском обществе к успеху приводит именно усердная работа. Они трудоголики, но больше не готовы жертвовать личной жизнью ради трудовых подвигов. Им не нравится, когда их контролируют в онлайн, но к контролю в офлайне они относятся более лояльно. Ответственность опознается российскими IT-специалистами как важнейшее качество личности. Вероятно, любая социальная группа станет эффективнее в социально-экономическом плане, если повысит свой статус до ценностного инсайдера, но не любая группа в своем ценностном фундаменте изначально имеет такое сильное социокультурное качество, как ответственность. Мы полагаем, что вовлечение российских IT-специалистов в социальные процессы может иметь значительный позитивный эффект. При этом не стоит опасаться повышения социальной активности этой группы из-за возможного ценностного несоответствия российскому обществу²³ – негативные эффекты снимутся благодаря наличию такого исключительного качества, как ответственность российского IT-специалиста.

Благодарности

Автор выражает благодарность за помощь в организации и проведении исследования Н.П. Алексееву, Максиму Януковичу, Игорю Довлатову и Владимиру Грантовскому.

Приложения / Applications

²¹ Например, в виде представления о невероятном консерватизме россиян, их религиозном фундаментализме или технофобии.

²² Ответственность в широком смысле, т.е. и ответственность за тех людей, которым айтишник в настоящее время может себя противопоставлять на ценностном уровне. В конце концов, ценность автономии личности предполагает лояльное отношение к тем, кто отличается от тебя – у каждого своя ностальгия.

²³ Часто кажущегося несоответствия. В том числе кажущегося самим айтишникам. Еще раз обратим внимание на то, что российский IT-специалист является наследником советско-российской технической интеллигенции, поэтому говорить о «жестких» вариантах ценностных противоречий нельзя – можно говорить о запросе на участие в социальных процессах и запросе на изменение социальных институтов.

Список литературы / References

- Akerlof G., Kranton R. Identity and the economics of organizations. *Journal of Economic Perspectives*. 2005, 19(1), 9–32.
- Auzan A. Sociokul'turnaya ekonomika [Socio-cultural economics]. *Nauka i innovacii [Science and Innovation]*, 2017, 2. 4–10.
- Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. *American Political Science Review*. 1971, 65(4). 991–1017.
- Merzliakov S. Rossijskoe soobshchestvo IT-specialistov kak resurs pozitivnyh cennostej: problematizaciya voprosa [The Russian community of IT specialists as a resource of positive values: problematization of the issue]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura [Ethnosocium and interethnic culture]*. 2020, 9. 46–56.
- Merzliakov S. Issledovanie cennostnyh harakteristik rossijskih IT-specialistov: metodologicheskie prepyatstviya [The study of the value characteristics of Russian IT specialists: methodological obstacles]. In *Problemy social'no-ekonomicheskogo, politicheskogo i kul'turnogo razvitiya Rossii. [Problems of socio-economic, political and cultural development of Russia]*. Ulyanovsk. 2021, 29–34.
- Merzliakov S. Cennostnye orientacii rossijskih IT-specialistov: pilotnoe issledovanie [Value orientations of Russian IT specialists: a pilot study]. *Informacionnoe obshchestvo [Information Society]*. 2021, 2, 2–10.
- Merzlyakov S. S. Rossijskij IT-specialist: mezhdru «cifrovym konclagerem» i «tehnologicheskim gumanizmom» [Russian IT specialist: between the “digital concentration camp” and “technological humanism”]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki [Issues of innovative economics]*. 2021, 11(4). 1543–1556.
- Nikishina E. N. Doverie i sheringovye platformy [Trust and sharing platforms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics]*. 2020, 4. 71–83.
- Woolcock M. Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy. *The World Bank Research Observer*. 2000, 15(2). 225–249.

EDN: OLIKNJ
УДК 39: 930.85

Natural Disasters and the Changing Materiality of Indigenous Peoples of the Amur and Sakhalin

Sergey V. Bereznitsky*

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 17.02.2024, received in revised form 29.02.2024, accepted 18.03.2024

Abstract. Natural disasters (earthquakes, fires, floods) have a transforming effect on human culture, causing not only its change, population and animal migrations, but also the development of new territories. In traditional culture, the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region were less dependent on the effects of natural disasters because they had no industry, urban infrastructure, roads and bridges, agricultural land, and power plants. In the second half of the 20th – first quarter of the 21st centuries, they borrowed many components of industrial civilisation, as a result of which they are no longer able to eliminate the destruction after disasters on their own.

It seems relevant, based on the concept of anthropology of catastrophes, to trace the most obvious examples of transformation of materiality, features of adaptation to negative natural and social events. In order to collect ethnographic materials on the aftermath of the flood in July 2023, field research was conducted in the city of Komsomolsk-on-Amur and in the villages of Belgo and Verkhnyaya Ekon in Khabarovsk region. The vast majority of Amur Nanais people affected by the floods did not break ties with their native culture, did not change their places of residence, and retained their crafts, household activities, subsistence technologies, arts and crafts, and musical folklore.

Synthesis of the collected materials showed that the impact of the natural disaster (floods in 2013) has both negative and positive sides. The changes affected not only the sphere of materiality, but also spiritual culture, historical memory in the form of a new ethnographic museum, new mechanisms and opportunities for people's real influence on various branches of government.

Keywords: indigenous peoples of Amur and Sakhalin, natural disasters, changing materiality.

This work was supported by grant from the Russian Science Foundation (Project No. 23–18–00637) “The Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technologies, Innovations, Infrastructure” (supervised by V. N. Davydov). Source of funding MAE RAS.

Research area: ethnography; history.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: svbereznitsky@yandex.ru

Citation: Bereznitsky S. V. Natural disasters and the changing materiality of indigenous peoples of the Amur and Sakhalin. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 792–800. EDN: OLIKNJ

Природные катастрофы и меняющаяся материальность коренных народов Амура и Сахалина

С.В. Березницкий

*Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Природные катастрофы (землетрясения, пожары, наводнения) оказывают трансформирующее воздействие на культуру людей, вызывая не только её изменение, миграции населения и животных, но и освоение новых территорий. В традиционной культуре коренные народы Амура-Сахалинского региона были менее зависимы от последствий природных катастроф, так как не имели промышленности, городской инфраструктуры, дорог и мостов, сельскохозяйственных угодий, энергетических установок. Во второй половине XX – первой четверти XXI вв. они заимствовали многие компоненты промышленной цивилизации, вследствие чего самостоятельно ликвидировать разрушения после катастроф они уже не в состоянии.

Представляется актуальным на основе концепции антропологии катастроф проследить самые очевидные примеры трансформации материальности, особенности адаптации к негативным природным и социальным событиям. Для сбора этнографических материалов о ликвидации последствий наводнения 2013 г. в июле 2023 г. проводились полевые исследования в г. Комсомольске-на-Амуре, в селах Бельго, Верхняя Эконь Хабаровского края. Подавляющее большинство амурских нанайцев, пострадавших от наводнения, не прервали связей с родной культурой, не изменили мест проживания, сохранили промыслы, домашние занятия, технологии жизнеобеспечения, декоративно-прикладное искусство, музыкальный фольклор.

Синтез собранных материалов показал, что воздействие природной катастрофы (наводнения 2013 г.) имеет как негативные, так и позитивные стороны. Изменения коснулись не только сферы материальности, но и духовной культуры, исторической памяти в виде нового этнографического музея, новых механизмов и возможностей реального воздействия людей на различные ветви власти.

Ключевые слова: коренные народы Амура и Сахалина, природные катастрофы, изменение материальности.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–18–00637) «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (рук. В. Н. Давыдов). Источник финансирования МАЭ РАН.

Научная специальность: 5.6.4 – этнология, антропология и этнография.

Цитирование: Березницкий С. В. Природные катастрофы и меняющаяся материальность коренных народов Амура и Сахалина. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 792–800. EDN: OLIKNJ

Introduction

Materiality is understood as materiality, subject matter, which occupy an important place in the system of traditional and modern life support system of indigenous peoples of the southern Far East, in crafts, economy and technological activities. All these components of ethnic culture are constantly changing in evolutionary and transformational senses. Changes in food patterns, clothing, types of dwellings and transport are associated with the perception, introduction of new materials, technologies for their production and use.

The scientific novelty and relevance of the problem lies in the application of the methodology of anthropology of catastrophes to find out the ethno-cultural specifics of adaptation to natural and social cataclysms, to make practical decisions in the Far Eastern regions affected by floods, earthquakes, fires.

The scientific problem is also in the sphere of understanding the variability of materiality, which is not only characterised by a high rate of transformation after natural disasters, but is gradually acquiring a global character. The transformation of materiality entails changes in the world of things, rural infrastructure in the flooded area of Belgo, Bolon, and affects the qualitative characteristics of human activity, communication channels and social relations.

Theoretical framework

M. K. Mamardashvili's concept of anthropology of catastrophes was used as a methodological basis for the research (Mamardashvili, 2011: 7–8, 11–12, 36). According to this concept, it is believed that the environment constantly challenges people in the form of earthquakes, fires, volcanic eruptions, and floods. Society must choose the most effective mechanisms to eliminate the negative consequences of a natural disaster, which may differ in ethno-cultural, economic, political, social and other contexts. New living conditions begin to be realised in the local region, because full restoration of the former one is no longer possible

technologically, mentally, as a result of mass deaths of people and animals.

Ethnologists have developed concepts of adaptation of different communities to the transformation of the ecological and social environment after a natural disaster (Adaptation of Peoples, 2010). Adaptation is a complex mechanism of interaction between ethnosocial and natural systems in the framework of co-evolution and co-adaptation (Arutyunov, 2001: 10–17; 2011: 5–19; 1982: 8–21; Golovnyov, Belorussova, Kissler, 2020; Golovnyov, Kukanov, Perevalova, 2018; Davydov, 2023: 82–99; Koptseva, Pashova, 2022: 280–293). The complex system “nature-society”, develops, on the one hand, according to the laws of evolution, on the other hand, with obligatory consideration of ethno-cultural features of the region, ethnic traditions and contacts (Tishkov, 2010: 5; Bondarev, Bolkhovitinova, 2019: 21–29; Bereznitsky, 1998: 23–31). A natural disaster leads to economic, social, ethno-cultural damage, changes in the system of life support and environmental safety (Shalikovskiy, 2004; Gavrilieva et al., 2017: 93–113; We and the Amur floods, 2016). An important place in the research of the problems of transformation of the culture of indigenous peoples of the North, Siberia, changes in their ethnicity, ethnic processes in general, is occupied by the methods of cultural anthropology (Koptseva, 2010: 554–562; 2012: 89–104; Koptseva, Kirko, 2015: 217–224; Koptseva, Pimenova, 2020: 36–44; Koptseva, Nagaeva, 2023: 1222–1239).

Statement of the problem

A field study was conducted in 2023 to investigate the ethno-cultural features of the Amur Nanais people's adaptation to the global catastrophe in the places where they live. Its specific purpose was to study the consequences of the flooding on the Nanais people's livelihood system; to identify aspects of the transformation of rural infrastructure in the flooded territory of the villages of Belgo, Bolon; and to study the impact of the flooding

on the life support system of the Nanais people. Belgo, Bolon; in studying the facts of the emergence of new materiality and living conditions of the Belgo Nanais in the cottage settlement built on the artificial dam in 2014; in finding out the suitability for economic life of houses partially destroyed by flooding; in analysing the positive consequences of the global flooding in Belgo village: in identifying the mechanism of solidarity and assistance to the victims; in the study of the process of establishing a school ethnographic museum on the basis of new exhibits found and rescued from the flood; in the study of the process of helping the Nanais people of Verkhnyaya Ekon village, Komsomolsk-on-Amur to help their relatives who suffered from the flood. The study of the global flood as a peculiar impetus for the preservation and revival of traditional Nanais culture.

Methods

To solve the problem we used practical and theoretical methods of ethnography and ethnology, social and cultural anthropology. Practical methods are based on direct observation, recording and primary analysis of ethnographic materials collected during expeditionary research on the Amur River; analysis of local government documents, scientific papers and periodicals about global disasters in the Far East (tsunami in the Kurils in 1952, forest fire in Khabarovsk region in 1976, earthquake in Sakhalin in 1995).

The main theoretical methods used were: comparative-historical, which allowed us to identify ethno-cultural features of adaptation of indigenous peoples to natural disasters, strategies for eliminating the consequences of global flooding, the ratio of traditional and modern components of culture in the life support system. On the basis of anthropological hermeneutics, archetypes and cultural codes of mentality and worldview of people in critical situations were studied.

The methods of legal anthropology were used to study the problems of the Amur Nanais of Belgo and Bolon villages related to the allocation of plots of land for the construction of cottages in the new settlement; and amount

of compensation for flood-affected farm owners. Specialists in the field of legal and anthropological research emphasise that even at present the legal framework in the field of protection of the rights of indigenous peoples of the North, the correlation of the system of traditional law, taking into account ethnic and regional specifics, with the state branch of legislation is very insufficiently developed (Sushkova, 2017: 165–170; 2020: 33–47). The relevance of using the above methods is due to the need to introduce new materials and hypotheses into the scientific turnover.

Discussion

The Russian Far East is notorious for the most devastating natural disasters of the second half of the 20th – first third of the 21st centuries. For example, in November 1952, as a result of an underwater earthquake in the Pacific Ocean, huge waves over ten metres high arose, which destroyed the town of Severo-Kurilsk and several settlements (Onkotan, Okeanskoye, Utesnoye, Levashovo, Kamenisty, Galkino, Podgornyy, etc., various structures on the islands of Shumshu and Paramushir, in the traditional territories of the Ainu people). The tsunami reached Kamchatka and the coast of Primorsky region. Several thousand people died, but the exact details of the tragedy are still classified. Eyewitnesses recalled that a day before the catastrophe all nature in the Northern Kurils suddenly became quiet. Old-timers, who had spent their entire lives on the Kuril Islands, somehow inexplicably felt the tsunami and went to the tops of the hills, where they managed to escape the giant waves. Before the tsunami, people felt earth tremors to which they had long been accustomed and stayed in their homes. The more experienced, primarily fishermen, noticed a strong sea tide. This served as a signal to the men, who also escaped on the uplands. They spent several days in army dugouts, waiting for ships with help from Petropavlovsk-Kamchatsky and Vladivostok. Despite the general grief, there were some people (both civilian and military) who engaged in looting: they broke into safes and took money, took away food, alcohol, and belongings. The victims were taken to

Vladivostok, Kamchatka, and other regions, where they received monetary compensation, clothes and shoes.

There was no information about the tragedy in the Kuril Islands in the mass media due to a ban by the authorities. Only after these sad events was it decided to establish a tsunami warning service at seismic and meteorological stations in the Kuril Islands, Sakhalin and Kamchatka (Piip, 2005: 37–43; Nikonov, 2006: 48–58).

The south of the Russian Far East, covered with coniferous and deciduous forests, takes one of the first places in the country in the number of natural fires, which not only cause great harm to flora, fauna, people, but also become the cause of subsequent floods, as moisture from melting snow, rain is not retained in the mountains without plants and goes to the valleys, to settlements (Beloserkovich, 2016: 381–385).

In October 1976, a cyclone from Mongolia brought a sharp rise in temperature to Khabarovsk region. As a result of dry thunderstorms, the taiga caught fire, the fire began to spread at a speed of 130 kilometres per hour. The natural fire destroyed huge areas of taiga, completely eleven and partially nineteen settlements, affected military units, infrastructure, railways, highways and bridges. In particular, the villages of Toki and Duki were completely destroyed, and many residents of Vanino, Datta, and Zavety Ilyicha were left homeless. Among the indigenous peoples, the Nanais, Negidals, Orochis, Evenkis and others suffered from this disaster. The catastrophe was complicated by explosions of ammunition at military warehouses. In Vanino, people escaped in a bomb shelter built inside a cliff. Smoke from the fire covered the entire Tatar Strait, part of the Sea of Japan, Sakhalin, the Kurils, reached north-east China and even the coast of Alaska (Savchenko, 2006). The consequences of this fire, the most destructive in the Soviet Union in 1976, were dealt with by a government commission that included the highest civilian and military officials of the time. Overall, this global disaster changed the way of life of several generations of people in the Far East region.

Several thousand people died as a result of the earthquake in Neftegorsk in northern Sakhalin in May 1995. According to experts, it was the most powerful earthquake in the history of geophysical observations in the area since the early 20th century (Neftegorsk Earthquake, 1998). As in many other similar situations, many casualties could have been avoided if there had been a reliable system of seismic stations, and if officials and relevant services had started rescuing people immediately rather than half a day later. The houses for the oil workers were built in the 1960s with extremely poor quality materials and without regard for the seismicity of the region. The completely destroyed settlement was not rebuilt, but a memorial was created in its place in memory of the victims.

In 2013, the Amur River in Khabarovsk region experienced the largest flood in 100 years. The level of the Amur exceeded the norm by nine metres and the Nanai villages of Belgo and Bolon were completely flooded. The villages of Belgo and Bolon were completely flooded. In the Amur district of Khabarovsk region, Lake Bolon – the “Nanais Sea” – overflowed and flooded dozens of houses in the village of Achan. The village of Bolon became known as one of the heavily flood-affected settlements.

Local Nanais people (more than 900 people) resolutely refused to move to a new place of residence in the district centre of Amursk, Elban and Ommi settlements. People refused to move even though the settlement of Bolon was initially mistakenly built in a flooded place, in a low-lying area between the beds of two rivers. 80 per cent of the dwellings were flooded, the vast majority were deemed unfit for further habitation, and some were subject to major repairs. Only a small part of the flats were privatised, and many houses had no documents or owners. All this had a negative impact on the legal basis for the final decision on assistance to flood victims. All flood victims were paid 10,000 roubles each, and compensation for lost property was 100,000 roubles. People were afraid of the unknown, did not want to lose their usual jobs on the railway, did not believe the authorities, and succumbed to rumours and

gossip when discussing options to move the village two kilometres further along the Amur River bank (Ko, 2013; Residents of Bolon village, 2014).

A survey in Belgo village revealed that all of its residents were Nanais and also refused to move to another location (Author's field materials, 2023). The government decided to build a new settlement (98 cottages) on a rockfill dam. The people refused to leave the area developed by their ancestors hundreds of years ago, as the area is different in terms of fishing and culture. The Nanais people fish year-round in the Amur River and Belgo Lake, and collect food, medicinal and technical wild herbs in the taiga. Belgo is located fifteen minutes by motorboat from Komsomolsk-on-Amur, where the Nanais can buy all the things, equipment, machinery, clothes, shoes, books, gadgets necessary for fishing and everyday life, visit museums and theatres, beauty salons and stadiums.

The number of Nanais people in the village of Belgo. As of 1 January 2023, there were 222 people in Belgo village (out of a total of 421). However, only employees of the secondary school, village administration, private shop, medical and obstetric station, post office and the Rural House of Culture had permanent jobs. The rest of the Nanais seasonally worked on a rotational basis at mining enterprises, at various factories in Komsomolsk-on-Amur, and as fishermen in commercial fishing companies in the Amur Liman.

New cottages for flood-affected people are equipped in accordance with all modern requirements for a comfortable, full-fledged life: they have power plants, central electricity, mobile communications, individual heating systems, powerful pumps extracting clean drinking water from artesian wells, garden plots, outbuildings, cellars, greenhouses etc.

Human casualties were avoided because people were warned of the impending disaster in advance, and all structures of the Ministry of Emergency Situations and other relevant special services were activated in time. After the disaster, Nanais materiality and materiality as important components of ethnic culture changed and new meanings and possibilities

emerged. The functions of materiality acted as a modelling sign system for receiving, storing and transmitting information.

In particular, this was demonstrated by the exhibits of Nanais culture found in attics of houses when saving household belongings from impending water and, as a result, forming a new school ethnographic museum. This process of creating new material objects, valuable things containing historical memory, was a two-way process: it was people who constructed the things necessary for subsistence, but it was the essence and functions of things that had the strongest influence on ethnic culture, on the emergence of innovations. Changes in materiality, infrastructure, things, rural buildings, materials, technologies of their processing, tools, instruments, means of transport had an impact on the nature of social relations of the Amur Nanais, communications between people and animals fisheries.

Thus, the flood caused not only negative material losses, but became an impetus for positive social consequences, for strengthening social solidarity, for enhancing mobility, for intensifying processes of ethno-cultural adaptation, for improving various crisis management tools.

In the context of the ongoing and current consequences of the global flooding in the Komsomolsky district of Khabarovsk region, complex ethno-cultural, confessional, socio-cultural processes, the correlation between ethnicity, central and regional branches of government has been most clearly revealed. This aspect may become a relevant topic for further research, both in theoretical and empirical dimensions, including the dialogue between ethnic communities and state elites. The ethno-cultural potential of the Amur indigenous peoples was most effectively realised not only at the time of the natural disaster, but also during its elimination and restoration of their habitual way of life, trades, cultural traditions, everyday life and materiality. After the flood, the Amur Nanai's subsistence system acquired new components, often foreign cultural ones, which simultaneously transformed and evolved in food patterns, clothing, types of dwellings

and transport, and the Amur Nanai's materiality began to acquire a changing character.

Conclusion

The above-mentioned fires, earthquakes and tsunamis have caused numerous victims, so they are a priori considered tragedies. The 2013 Amur flood as a global natural catastrophe cannot be regarded with absolute certainty as evil or good. The Amur river system was naturally cleaned, lakes and swamps were filled with fresh water, biodiversity increased, new plants appeared on land and in water bodies as a food resource for fish, which is a reliable source of food for people.

The Nanais people of Belgo, Bolon, and Achan showed their best side in the process of overcoming negative natural factors, as their ethnic leaders became active, and public organisations and associations of small indigenous minorities of the North began to work. As a result, people were able to demand from regional officials that the consequences of the flooding be quickly eliminated, and from the central authorities money and equipment to overhaul the old logging road, which had turned into a reliable dirt highway. After learning about the flooding after a telethon on federal channels, a huge number of Russians responded and organised fundraising. The people themselves, who had lost their homes, furnishings, household appliances and objects with the status of spiritual values, united and remembered the best aspects of their ancient culture and ethnic identity.

The specific results of the field research in Belgo, Verkhnyaya Ekon, and Komsomolsk-

on-Amur villages can be classified into several main blocks: vivid memories of the Nanais people of Belgo village about the flood; changes in rural infrastructure and material conditions in the Belgo village; the emergence of a new school ethnographic museum as a positive consequence of the flood; and the peculiarities of the material and spiritual culture of the Nanais people of Verkhnyaya Ekon village. The flood as an impetus for more active revival and preservation of traditional culture by the Nanai people of Komsomolsk-on-Amur.

The study of the evolution and transformation of the Amur Nanais people's fishing activities, belongings, subsistence technologies, everyday life, and spiritual aspirations after the 2013 natural disaster showed that their society is undergoing complex processes of adaptation and changes in material culture. This can be traced, on the one hand, in the change in the location of the main settlement, in the transition of residents to new favourable cottages. On the other hand, the preservation and reconstruction of former dwellings that were in the flood zone, after their repair, as farm buildings for gardening, bases for storing boats, motors, nets and other equipment necessary for fishing is observed. People have not abandoned the hearths of their ancestors. The analysis of these trends and technologies made it possible to analyse not only changes in materiality, but also the ways in which Nanais people adapted to new things and technologies, and to consider the material component of anthropogenic impact on the surrounding landscape.

References

Adaptaciya narodov i kul'tur k izmeneniyam prirodnoj sredy, social'nym i tehnogennym transformaciyam [Adaptation of peoples and Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and technogenic transformations] otv. red. A. P. Derevyanko, A. B. Kudelin, V. A. Tishkov. Moscow: Rossijskaya politicheskaya `enciklopediya, 2010. 544.

Arutyunov S. A. Processy i zakonomernosti vhozhdeniya innovacij v kul'turu `etnosa [Processes and regularities of innovations in the culture of ethnos]. In: *Sovetskaya `etnografiya* [Soviet ethnography]. 1982, 1, 8–21.

Arutyunov S. A. Osnovnye pischevye modeli i ih lokal'nye varianty u narodov Rossii [Main food models and their local variants in the peoples of Russia. Russia]. *Tradicionnaya pischa kak vyrazhenie `etnicheskogo samosoznaniya*. Moscow: Nauka, 2001, 10–17.

Arutyunov S. A. Ot spokojnoj k uskol'zayuschej material'nosti: o problemah `etnograficheskogo izucheniya material'noj kul'tury (interv'y u N. V. Bogatyr') [From calm to elusive materiality: on the problems of ethnographic study of material culture (interview with N. V. Bogatyr)]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2011, 5, 5–19.

Beloserkovich A. V. Rol' lesnyh pozharov v izmenenii `ekosistem v regional'nom aspekte na primere Habarovskogo kraja [The role of forest fires in ecosystem change in the regional aspect on the example of Khabarovsk Krai]. In: *Molodoj uchenyj* [Young Scientist]. 2016, 3(107). 381–385.

Berezniyskiy S. V. Putem vzaimovliyaniya. Promyslovye kul'ty amurskih narodov i ih `etnokul'turnye kontakty [By the Way of Mutual Influence. Fishing Cults of the Amur Peoples and their Ethnocultural Contacts]. In: *Rossia i ATR* [Russia and the ATR], 1998, 4, 23–31.

Bondarev V. P., Bolhovitina Yu. A. Social'nye posledstviya katastroficheskikh navodnenij [Social consequences of catastrophic floods]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University]. 2019, 5, 21–29.

Davydov V. N. Issledovaniya mobil'nosti v Arktike: ot teorii k dejstviyu [Mobility studies in the Arctic: from theory to action]. In: *Etnografiya* [Ethnography]. 2023, 1(19), 82–99.

Gavril'eva T. N., `Ejkel'berger D. Ch., Kontar' E. E., Filippova V. V., Savinova A. N. Navodneniya v Arktike: vozdejstvie na zhizn' mestnyh obschin v Rossii i SShA [Floods in the Arctic: Impact on the life of local communities in Russia and the USA]. In: *Vserossijskij `ekologicheskij zhurnal* [All-Russian Ecological Journal]. 2017, 8, 93–113.

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kissar T. S. *Ocherki antropologii dvizheniya* [Sketches of anthropology of movement]. St-Petersburg: MA'E RAN, 2020. 336.

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevyh tehnologij* [Arctic: atlas of nomadic technologies]. St-Petersburg: MA'E RAN, 2018. 352.

Ko V. Zhiteli postradavshego ot navodneniya habarovskogo poselka otkazalis' perezzhat' [Residents of the flood-hit Khabarovsk village refused to move]. In: *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya newspaper]. 26.11.2013. 267(6243).

Koptseva N. P. Indigennyye narody Krasnoyarskogo kraja: k voprosu o metodologii kul'turnykh issledovaniy [Indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory: on the question of the methodology of cultural research]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of the Siberian Federal University], 2010, 3(4), 554–562.

Koptseva N. P. Problema metodologii sovremennykh kul'turnykh issledovaniy: vozmozhnosti klassicheskoy britanskoj social'noj antropologii [The problem of the methodology of modern cultural research: the possibilities of classical British social anthropology]. In: *Gumanitarnyye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences], 2012, 4, 89–104.

Koptseva N. P., Pimenova N. N. Kul'turnyye transformacii: vozmozhnosti izucheniya [Cultural transformations: opportunities for study]. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal], 2020, 4(03), 36–44.

Koptseva N. P., Pashova E. V. Social'nye posledstviya izmeneniya klimata: mirovyye praktiki izucheniya i prognozirovaniya [Social consequences of climate change: world practices of studying and forecasting]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2022, 15(2), 280–293.

Koptseva N. P., Kirko V. I. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic. In: *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, 6(3), 217–224.

Koptseva N. P., Nagaeva O. S. Tradicionnoe hozyajstvo korenykh malochislennykh narodov Severa v Krasnoyarskom krae: problemy i perspektivy razvitiya [Traditional economy of small indigenous minorities of the North in Krasnoyarsk Krai: problems and prospects of development]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of the Siberian Federal University], 2023, 16(7), 1222–1239.

Mamardashvili M. K. *Soznanie i civilizaciya* [Consciousness and civilisation]. St-Petersburg: Azbuka-Attikus, 2011. 288.

My i amurskie navodneniya: nevyuchennyj urok? [We and the Amur floods: an unlearned lesson?]. Pod red. A. V. Shalikovskogo. Moscow: Vsemirnyj fond dikoj prirody (WWF), 2016, 216.

Nikonov A. A. Kuril'skaya katastrofa Kuril'skaya katastrofa 1952 g., vyzvannaya cunami [Kuril catastrophe Kuril catastrophe of 1952 caused by tsunami]. In: *Izvestiya RAN Ser. Geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Series Geographic], 2006, 2, 48–58.

Pijp B. I., Belousov A. B. Zasekrechennoe cunami [Secret tsunami]. In: *Priroda* [Nature]. 2005. Maj 5. 37–43.

Savchenko A. Gorelo vse: zemlya i vody [Everything was burning: land and water]. In: *Tihookeanskaya zvezda* [Pacific Star]. 02.11.2006.

Shalikovskij A. V. *Osnovy racional'nogo ispol'zovaniya pavodkovo-opasnyh territorij* [Fundamentals of rational use of flood-hazardous territories]. Avtoref. diss... d.g.n. Chita, 2004. 40.

Sushkova Yu. N. Metodologiya yuridicheskoy antropologii [Methodology of legal anthropology]. In: *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2017, 1, 165–170.

Sushkova Yu. N. Osobennosti yuridicheskoy prirody obychnogo prava [Features of the legal nature of customary law]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11: Law]. 2020, 3, 33–47.

Zemletryasenie v Neftegorske (28 maya 1995 g.) [Earthquake in Neftegorsk on 28 May 1995]. In: *Katastrofy konca XX veka*. Moscow: URSS, 1998. 400.

Zhiteli sela Bolon' ne dali snesti razrushennyj navodneniem poselok [Residents of Bolon village did not allow to demolish the village destroyed by the flood]. In: *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda]. Habarovsk. 28.01. 2014.

EDN: ZJWKIL
УДК 81.42

Ethnolinguistic Aspects of Cultural Affiliation

Indira M. Zhanalina^{*a}, Saule B. Begalieva^a,
Elmira K. Erkebekova^b and Gulmira Y. Kozhamkulova^c

^a*Al-Farabi Kazakh National University*

^b*International Information Technology University*

^c*L.N. Gumilov Eurasian National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Received 07.02.2024, received in revised form 16.02.2024, accepted 21.03.2024

Abstract. This article explores the complex dynamics of ethnolinguistic aspects of cultural belonging, seeking to shed light on the deep relationship between language and identity in various communities. Focusing on literature, and various forms of cultural discourse, the study uses a qualitative approach to explore how language functions as a marker of cultural belonging. By studying linguistic patterns, expressions, and communicative practices, researchers strive to uncover the semantic layers embedded in the linguistic landscapes of ethnolinguistic communities.

The article covers various ethnolinguistic groups, exploring the relationship between language and cultural identity. The analysis and review of data sources will enhance the validity and reliability of the results, providing a comprehensive understanding of the research topic.

Keywords: ethnolinguistics, cultural affiliation, language, identity, linguistic patterns, continuous text, community, diversity, cultural discourse, qualitative research, narratives, common experience.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Zhanalina I. M., Begalieva S. B., Erkebekova E. K., Kozhamkulova G. Y. Ethnolinguistic aspects of cultural affiliation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 801–812. EDN: ZJWKIL

Этнолингвистические аспекты культурной принадлежности

И.М. Жаналина^а, С.Б. Бегалиева^а,
Э.К. Еркебекова^б, Г.Е. Кожамкулова^в

^аКазахский национальный университет имени аль-Фараби

^бМеждународный университет информационных технологий

^вЕвразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва

Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. Статья исследует сложную динамику этнолингвистических аспектов культурной принадлежности, стремясь пролить свет на глубокую взаимосвязь между языком и идентичностью в различных сообществах. Фокусируясь на литературе и различных формах культурного дискурса, исследование использует качественный подход для изучения того, как язык функционирует как маркер культурной принадлежности. Изучая лингвистические паттерны, выражения и коммуникативные практики, исследователи стремятся раскрыть семантические слои, заложенные в лингвистических ландшафтах этнолингвистических сообществ.

Статья охватывает различные этнолингвистические группы, исследуя взаимосвязь между языком и культурной идентичностью. Анализ и обзор источников данных повысят достоверность результатов, обеспечивая всестороннее понимание темы исследования.

Ключевые слова: этнолингвистика, культурная принадлежность, язык, идентичность, лингвистические паттерны, непрерывный текст, сообщество, разнообразие, культурный дискурс, качественное исследование, нарративы, общий опыт.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Жаналина И. М., Бегалиева С. Б., Еркебекова Э. К., Кожамкулова Г. Е. Этнолингвистические аспекты культурной принадлежности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 801–812. EDN: ZJWKIL

Introduction

Linguistic diversity and cultures form a deep connection, forming a complex mosaic of identity within ethnolinguistic communities. This study delves into the fascinating field of ethnolinguistic aspects of cultural belonging, seeking to shed light on the dynamic relationship between language and a sense of community and identity.

The term “ethnolinguistic” implies a fusion of ethnicity and language, emphasizing the inseparable nature of cultural and linguistic markers within a particular community (Alpatov, 2023).

Language, as a means of communication, goes far beyond its utilitarian purpose, becoming a symbolic expression of a common heritage, values and traditions. This study is aimed at exploring the multifaceted ways in which language acts as a conductor of cultural belonging in ethnolinguistic communities. By exploring linguistic patterns, expressions, and communicative practices, we strive to uncover the semantic layers embedded in continuous text, literature, and various forms of cultural discourse.

The study of ethnolinguistic aspects of cultural belonging is not only an academic ex-

ercise, but also an attempt to understand the life experience of communities whose identity is intricately woven into the fabric of their languages. This research will help to understand the complexities of how language serves as a defining marker, reinforcing a sense of shared identity and interconnectedness among community members. Through an interdisciplinary lens encompassing linguistics, anthropology and cultural studies, this research aims to contribute to a deeper understanding of the symbiotic relationship between language and cultural identity, shedding light on the unique narratives woven into the linguistic landscapes of various ethnolinguistic groups.

Linguistic anthropology, in the context of ethnolinguistic aspects of cultural belonging, explores the subtle ways in which language acts as a dynamic factor shaping cultural identity in various societies. This field of research explores the symbiotic relationship between language and culture, focusing on language as a cultural practice that is deeply rooted in the production and expression of social identity, rather than as a neutral method of communication (Maslova, 2020).

Linguistic anthropologists study ethnolinguistic communities that are defined by common linguistic and cultural ties. The study of linguistic behavior in these cultures illustrates how language functions as a marker of group membership and a means of cultural expression. The linguistic choice of individuals within these groups helps to negotiate and maintain cultural norms, which contributes to the development of a sense of belonging among community members.

Literature review

The concept of linguistic relativity, developed by scholars such as Edward Sapir and Benjamin Lee Wharf, highlights how language influences mental patterns and defines cultural perspectives. Linguistic relativism is especially important in ethnolinguistic groups, as different languages provide different ways of thinking and categorizing experiences, contributing to a variety of cultural worldviews.

Linguistic anthropology also explores language as a cultural activity, paying special

attention to how speech patterns, discourse styles and communicative norms form the fundamental components of cultural identity. The complexities inherent in the use of language in ethnolinguistic communities often serve as markers that distinguish one cultural group from another, thus contributing to the creation and maintenance of cultural norms.

Language plays an important role in socialization processes, during which people learn about their cultural norms and values. Linguistic anthropologists study how language can be used to convey cultural information from one generation to another, ranging from family interactions to educational institutions. The way language is used in these conditions of socialization has a significant impact on individuals' views and understanding of appropriate behavior in a certain cultural environment (Sukhikh, 2021).

Linguistic anthropology also studies linguistic ideologies, which include beliefs and attitudes towards languages. These ideologies shape the perception of linguistic diversity and help in the formation of a linguistic hierarchy within cultures. Linguistic ideologies influence how certain languages or dialects are valued or rejected in ethnolinguistic communities, hence influencing the sense of belonging of their members.

The dynamics of language preservation, change and revitalization are the most important topics of study in linguistic anthropology of ethnolinguistic aspects of cultural affiliation. Changes in language use caused by external influences or changing social dynamics have a profound impact on community-level cultural identity negotiations. On the other hand, efforts to revive the language turn into measures to preserve and develop a sense of belonging among members of the community.

According to Koptsova, the influence of factors on the viability of peoples' languages represents many aspects. One of the key factors is the size of the ethnocultural group and the number of native speakers. The distribution of native speakers by age group also plays an important role in preserving languages across generations. An important factor is the ethnocultural nature of family and marriage rela-

tions, since marriages between representatives of different ethno-cultural groups can affect linguistic aspects. The practices of acculturation and socialization, as well as the influence of the local living space on the preservation of language, are integral to the discussion.

The interaction between different ethno-cultural groups in linguistic terms, as well as the types of social communications characteristic of a particular ethnic group, are essential for understanding the dynamics of linguistic changes. Ethnocultural identity and self-identity, within which issues of self-awareness are considered, are also important. Educational practices in schools with their impact on linguistic aspects and state policy in the field of native languages of this ethnocultural group complement this comprehensive view of ethnolinguistics. The assessment of the role of public policy can cover both the threat of the destruction of languages and the possibility of their revival. This approach represents an extensive analysis of the influence of various factors on the linguistic aspects of the viability of languages (Koptseva, 2014).

Linguistic relativity, a fundamental idea of linguistic anthropology, asserts that the language used affects how people see and think about the world, and shapes it. This theory calls into question the idea of universal and objective reality, arguing that the structure of language and vocabulary can shape cognitive processes by influencing how people within a language community interpret and organize their experiences (Omelchenko, 2022).

Linguistic relativity serves as a prism through which we can see how language influences the formation of cultural worldviews. The structure of a language, especially its grammatical elements and vocabulary, can introduce new ways of expressing concepts that may not have direct parallels in other languages. This linguistic diversity reflects and complements the cultural diversity of different societies. For example, the presence or absence of specific terms in a language can reveal the cultural significance of certain concepts. Languages often have phrases that embody cultural ideals, conventions, or practices, providing a linguistic understanding of cultural priorities

and nuances. The absence of a specific phrase in one language compared to its prevalence in another may indicate differences in cultural orientation or perspective.

Linguistic relativity has implications for cultural perception, including how members of a language group understand and interpret their surroundings. The linguistic tools available to express concepts affect not only how people interact, but also how they think about and comprehend these ideas. Such linguistic structuring of cognition helps in the development of cultural norms, values and social activities. Moreover, linguistic relativity is not a deterministic theory; Rather, it highlights the possibility of differences in cognitive processes between linguistic cultures. She emphasizes the premise that language influences perception by offering a special lens through which people view their cultural environment. This idea has important implications for understanding cultural differences and the dynamic interaction of language and culture in ethnolinguistic communities (Pimenova, 2020).

The connection between language and identity is seen in various linguistic phenomena, including dialects, accents, and even the use of certain words or phrases. Regional accents, for example, can mean not only geographical origin, but also cultural identity within a larger linguistic community. Dialects and language variants become symbols of a common history and experience, strengthening native speakers' sense of common identity.

M. M. Kopylenko notes that little work has been done in the field of ethnological study of proper names. This may indicate that ethnolinguistics in the context of onomastics (the study of names) has not received due attention and systematic research. Perhaps in the future this area will be more fully explored and become the object of more in-depth theoretical and methodological research within the framework of ethnolinguistics (Kopylenko, 1995).

Linguistic practices also help individuals and groups negotiate their identity. The use of different registers, courtesy signals, or even code switching in language contacts shows the subtle ways in which people manage their identity in different social contexts. Thus, language

serves as a tool for both self-expression and for coordinating social roles, either reinforcing or contrasting cultural norms depending on the communicative situation.

The concept of linguistic capital, developed by sociolinguists, emphasizes the importance of language as a sign of social identity. Proficiency in a particular language can provide social advantages or disadvantages, affecting access to resources, opportunities, and social networks. Language serves both as a symbol of cultural identity and as a social currency, shaping the experience of individuals within a broader society.

Linguistic socialization, an important aspect of linguistic anthropology, highlights the complex process by which individuals acquire the linguistic and cultural competencies necessary for effective interaction in their social groups. This concept recognizes that learning a language entails more than just learning grammar and vocabulary; it also includes learning the social norms, values, and communication practices that are inherent in the language system (Gorelov, 2021).

Cultural transmission through linguistic socialization involves the implicit assimilation of cultural norms and expectations. Individuals learn appropriate ways to show respect, convey authority, and orient themselves in the social hierarchy in their cultural environment. These implicit cultural lessons, which seamlessly integrate into language interactions, help shape cultural identity and how people overcome their social context. In addition, linguistic socialization affects people's worldview and their ideas about reality. The language tools acquired in the process of socialization affect not only how people express themselves, but also how they understand and interpret their experiences. This correspondence between linguistic and cultural awareness highlights the interdependence of linguistic and cultural competencies in the broader context of socialization.

The main part

Methodology

The study will use a qualitative design that allows a deeper understanding of how language functions as a marker of cultural belonging in

ethnolinguistic communities. This approach was chosen because of its suitability for exploring the depth and nuances inherent in cultural expressions in a continuous text.

Continuous texts from various sources, including literature, mass media and online platforms, will be collected for analysis. This will include written stories, online discussions, and cultural expressions manifested through storytelling, humor, and language variations.

Qualitative methods such as thematic analysis will be used in data analysis. The continuous text will be encoded taking into account recurring themes, linguistic markers and expressions of cultural identity. Transcripts of interviews and focus group discussions will be carefully analyzed to identify patterns and variations in participants' stories.

Triangulation of data sources, including continuous text, interviews, focus groups, and documentary analysis, will increase the reliability of conclusions. Comparative analysis in various ethnolinguistic communities will provide a comprehensive understanding of the research topic.

Maintaining reflexivity is an integral part of the research process, as researchers recognize their own biases and points of view. Reflexivity will be included in the data analysis to ensure a detailed interpretation of the results (Omelchenko, 2022).

Results

Language is the main indicator of cultural belonging within ethnolinguistic groups. In continuous writing, numerous linguistic aspects help to express cultural identity. Vocabulary is important because it contains specific terms and expressions unique to a given culture, expressing common beliefs and experiences.

Idiomatic expressions and language models unique to a given society strengthen cultural identity. These subtleties, deeply rooted in the cultural foundation, contribute to mutual understanding between members of the community.

The syntax and form of the sentence affect the cultural tone of the language. Different cultures may have different ways of constructing

sentences that reflect their own methods of conveying information and emotions.

The cultural references woven into the narrative act as points of contact for community members. These hints may include historical events, traditions, or personalities significant to the cultural narrative.

Humor and wit, which are sometimes culture-specific, add depth to the text. Cultural allusions can be used in jokes, puns, and comedic techniques to create a sense of shared fun among people from the same cultural and linguistic groups.

The narrative styles in a continuous text vary depending on the culture. The way stories are presented, the narrative structures used, and the tempo of the text all contribute to the expression of cultural identity through language (Kolesov, 2023).

Pragmatic aspects such as communication styles and rules of politeness also influence the content. They reflect the cultural norms of the community and, when shared, enhance a sense of belonging.

Dialects and accents differentiate linguistic utterances, reflecting regional identity within the ethnolinguistic community. These linguistic differences are additional indicators of cultural identity. In fact, language in a continuous text serves as a dynamic and diverse tool for transmitting cultural identity among ethnolinguistic communities. The interplay of vocabulary, grammar, cultural allusions, and communication styles creates a complex tapestry that reinforces the shared history, values, and experiences of the community.

Kazakh, Russian and English languages serve as different identifiers of the cultural affiliation of ethnolinguistic communities, leaving marks in the continuous text reflecting the unique identity of each group.

In the Kazakh language, the use of special vocabulary with cultural subtleties reflects the traditions and ideals of the Kazakh people. Idiomatic phrases and language models characteristic of the Kazakh language help members of the community to feel a common identity. The language also retains remnants of the nomadic heritage, with phrases such as cattle breeding and horse riding (Kubryakova, 2021).

The Russian language, which has historical significance in the region, has left an unmistakable imprint on language and cultural expression. A continuous text in Russian may contain a mixture of Slavic cultural references and various influences from the former Soviet Union. The use of Cyrillic and the inclusion of Russian literary traditions help to create a special cultural identity among the Russian-speaking population.

English, being the language of the whole world, serves as a cultural identifier for various ethnolinguistic groups. In a continuous text, English may be influenced by the cultural background of its native speakers, including idioms, slang, and cultural references reflecting the different origins of native English speakers. Language serves as a means of communication and cultural expression, instilling a sense of belonging to the people who speak it.

The syntax and sentence structure of each language reflect cultural differences. Kazakh can use a poetic and expressive style, Russian can convey a combination of formality and emotion, and English can have a dynamic and adaptive grammatical structure.

Cultural references in a continuous text vary depending on the language. Kazakh content may be based on the rich history of the Silk Road and the traditions of nomads, Russian text may relate to historical events of the Soviet era, and materials in English may contain references to pop culture from around the world (Leontovich, 2021).

Humor and wit in Kazakh, Russian and English have cultural specificity, focusing on language play and references that are relevant to each society. Narrative styles also vary: Kazakh stories probably reflect oral storytelling traditions, Russian narratives express literary heritage, and English texts demonstrate different approaches to storytelling.

Communication styles, rules of politeness, and forms of address are all examples of pragmatic features that contribute to the creation of cultural markers in a continuous text. Dialects and accents distinguish linguistic utterances, reflecting regional identity and history.

Kazakh, Russian and English demonstrate various linguistic practices that serve as ex-

Table 1. Linguistic practices, speech patterns and discourse styles

Kazakh	Russian	English
1. The legacy of the nomads	1. Formality and hierarchy	1. Cultural diversity
The peculiarities of Kazakh speech often reflect the nomadic heritage of the Kazakh people. An emphasis can be placed on clarity and directness in communication, reflecting the practical needs of a nomadic lifestyle	Russian discourse styles often exhibit a certain degree of formality, especially in formal and hierarchical contexts. There may be various forms of address and conventions of politeness reflecting social status and relationships	English, as a global language, is shaped by the cultural diversity of its speakers. The styles of discourse in English can vary greatly, including expressions, idioms, and speech patterns from different cultural backgrounds
2. Courtesy and respect	2. The literary tradition	2. Informality and flexibility
Kazakh discourse styles often include expressions of politeness and respect, especially in a formal setting. Traditional values of hospitality and courtesy are woven into the fabric of speech patterns	The Russian language, with its rich literary traditions, influences the styles of discourse. Expressive and complex language can be used, reflecting the cultural appreciation of literature and art	English discourse is often characterized by informality and flexibility. Conversations can be more casual, and it is common in culture to adapt language to different contexts and audiences
3. Oral tradition	3. Directness and clarity	3. Pragmatic communication
The oral tradition is strong in Kazakh culture, and this is often reflected in speech patterns. Storytelling and the use of metaphors may prevail, which contributes to a rich and expressive language style	The Russian style of communication can be direct and clear, with an emphasis on the concise transmission of information. This may be influenced by practical considerations and the historical context in which straightforwardness is valued	Native English speakers often prefer pragmatic communication, focusing on effective information exchange. This can be reflected in speech models that value clarity and brevity
4. Using honorifics	4. Emotional expressiveness	4. The use of humor and sarcasm
The Kazakh language can use honorific addresses to convey respect and social hierarchy. The choice of pronouns and forms of address can be an important indicator of the speaker's relationship with the listener	Russian discourse often allows for emotional expressiveness. Conversations can involve a wide range of emotions and can be more overtly expressive compared to some other cultural contexts	English discourse styles often include humor and sarcasm. The use of playful language is widespread, and humor can serve as a means of bringing together and expressing cultural attitudes

pressions of cultural identity. These practices, including speech models and styles of discourse, reflect the cultural origin, history and social norms of the respective ethnolinguistic communities (Ivantsova, 2020).

Language practices, speech models and styles of discourse in Kazakh, Russian and English are shaped by the cultural identity of the respective communities. These practices not only reflect historical and social influences, but also contribute to a rich palette of cultural expression within each language.

The roles of Kazakh, Russian and English languages in the socialization of community members are multifaceted, influencing various

aspects of individual interaction, identity formation and cultural integration. Each language plays a special role in shaping socialization within its respective community:

Kazakh:

Cultural transmission: The Kazakh language is a key means of transmitting cultural values, traditions and norms. With the help of language, older generations pass on knowledge, folklore and historical narratives to young members of the community.

Identity formation: Language plays an important role in the formation of Kazakh identity. Through language practices, people develop a sense of belonging and connection with the

Kazakh cultural heritage, contributing to the formation of a common identity among community members.

Social norms and etiquette: The Kazakh language strengthens social norms and etiquette. The rules of politeness, honorable addresses and forms of address in the Kazakh language promote respectful and culturally acceptable communication by guiding social interactions.

Community cohesion: The use of the Kazakh language in everyday communication contributes to a sense of community cohesion. Common language practices strengthen social ties, promoting collective identity and a sense of belonging among native Kazakh speakers.

Russian:

Russian Russian Bilingual identity: In regions where Russian is spoken, people often develop a bilingual identity by navigating between Russian and their native language. Such bilingualism contributes to the formation of a complex cultural identity reflecting historical and socio-political influences.

Russian language proficiency is crucial for educational and professional integration in contexts where the Russian language is widely used. It serves as a tool for access to academic resources, employment opportunities, and participation in broader community structures.

Cultural diversity: Russian, as a language spoken by representatives of various ethnic groups, facilitates communication and socialization of people from different cultural backgrounds. It promotes a sense of common space and cultural exchange.

English:

Global Communication: English serves as a global lingua franca, allowing people with different language backgrounds to communicate and socialize internationally. English language proficiency is often associated with increased opportunities for global interaction.

Academic and professional growth: Proficiency in English is often essential for academic and professional success. English language proficiency provides access to a huge amount of information, academic resources and global career opportunities, shaping the

socialization of people in academic and professional circles.

Cultural exchange: English promotes cultural exchange and interaction in a multicultural environment. As the language of diplomacy, business and popular culture, English allows people to interact with different points of view and promotes intercultural understanding.

The impact of digital technology and media: English plays a significant role in the consumption of global media, including the Internet, movies and music. Familiarization with English-language content contributes to the formation of cultural preferences, trends and social norms.

The role of Kazakh, Russian and English languages in socialization is interconnected with cultural identity, community cohesion, educational and professional integration and global communication. Each language makes a unique contribution to the processes of socialization within the respective community, reflecting historical, cultural and linguistic dynamics.

Linguistic ideologies play a crucial role in shaping the perception of belonging within ethnolinguistic groups, influencing how people perceive their identity, cultural heritage and belonging to a community. Ideologies associated with the Kazakh, Russian and English languages contribute to different perceptions of belonging within the respective ethnolinguistic groups (Popova, 2021).

Linguistic ideologies associated with the Kazakh, Russian and English languages play a significant role in the formation of ideas about belonging to ethnolinguistic groups. These ideologies influence individuals' understanding of cultural identity, historical connections, and the broader social context to which they belong, contributing to a detailed and dynamic sense of belonging to a community (Karasik, 2022).

The influence of linguistic hierarchies and power dynamics on cultural identity differs in Kazakh, Russian and English, reflecting historical, social and geopolitical factors. Linguistic hierarchies often contribute to power imbalances by exerting complex influences on cultural identity within each ethnolinguistic group.

Table 2. The form of ideology

Kazakh	Russian	English
Preservation of culture	Bilingual identity	Global citizenship
The Kazakh language is often seen as a symbol of cultural preservation and continuity. Ideologies related to the Kazakh language emphasize the importance of preserving the language in order to preserve traditional values, folklore and a sense of cultural identity	In regions where Russian is spoken, linguistic ideologies often support a bilingual identity. People can perceive belonging as encompassing proficiency in both Russian and their native language, recognizing the multicultural and multilingual nature of their community	The ideologies of the English language often encourage a sense of global citizenship. English language proficiency is associated with participation in a globalized world, contributing to the perception of belonging to a community that transcends national borders and encompasses a wide range of cultural influences
National identity	Socio-political identity	Promotion in the field of education and professional activity
The ideologies of the Kazakh language are closely related to the formation of national identity. Proficiency in the Kazakh language is considered as a patriotic act that strengthens the sense of belonging to the Kazakh nation and contributes to the cultural and linguistic heritage of the country	The ideologies of the Russian language can be intertwined with socio-political identity. For some, speaking Russian may be associated with historical ties to the Soviet Union and the wider Russian-speaking world, influencing perceptions of belonging in a broader geopolitical context	The perception of belonging to English-speaking communities is shaped by ideologies that emphasize the role of the English language in academic and professional advancement. English language proficiency is often seen as a key factor in access to global knowledge, technology, and career opportunities
Connection with the heritage of the nomads	Integration and access	Cultural influence
The ideologies surrounding the Kazakh language emphasize its connection with the nomadic heritage of the Kazakh people. Speaking the Kazakh language is often seen as a way to honor and perpetuate the traditions of the nomads who shaped the history and identity of the community	Ideologies associated with the Russian language may emphasize its role in promoting integration into broader social structures. Proficiency in Russian is often seen as providing access to educational, economic and professional opportunities, influencing the perception of belonging to a modern interconnected society	English-speaking ideologies can emphasize the cultural influence of the English language in the media, entertainment, and popular culture. Belonging to the English-speaking community may include adopting cultural trends, expressions, and values related to the English language

Linguistic hierarchies and power dynamics have a multifaceted impact on cultural identity in the Kazakh, Russian and English-speaking communities. This dynamic affects how people navigate their language choices, discuss cultural identity, and position themselves in broader social structures. The interaction between linguistic hierarchies and cultural identity is complex and dynamic, shaped by historical heritage, geopolitical realities and ongoing social changes.

The influence of linguistic hierarchies and power dynamics on cultural identity in

the Kazakh, Russian and English-speaking communities is complex and nuanced. Each language bears the imprint of historical, social and geopolitical factors that influence how people perceive their cultural identity and navigate their language choices. The Kazakh language, which is an integral part of cultural preservation, may face tension as language hierarchies arise in urban settings. Russian, historically the language of power, continues to form identity complexities and bilingualism in regions where it coexists with other languages. English, which dominates the world, plays

Table 3. The influence of linguistic hierarchies

Kazakh	Russian	English
Preservation of cultural identity	The language of power and management	Global domination and cultural influence
The Kazakh language occupies a central place in the preservation of cultural identity. However, language hierarchies may arise within the Kazakh-speaking community, especially in urban centers or contexts where Russian is also spoken. This can lead to tension between those who prioritize the use of the Kazakh language to preserve cultural identity and those who adhere to bilingualism	Historically, Russian was the language of power and administration, especially in the Soviet era. The dominance of the Russian language in official contexts can contribute to the dynamics of power by influencing cultural identity, associating language with power and governance.	English occupies a significant global position, which makes it the language of power in various contexts, including politics, business and technology. The influence of English in these areas can shape power dynamics and influence cultural identity by linking English language proficiency with access to opportunities and cultural influence
Nomadic heritage and social hierarchy	Bilingualism and the complexity of identity	Colonial legacy and power imbalance
Historical social hierarchies influenced by the traditions of nomads can be manifested in the Kazakh language practice. The use of honorific addresses and specific linguistic markers can reflect social status and hierarchy, influencing cultural identity by strengthening traditional social structures	In regions where Russian is used along with other languages, the language hierarchy can create a sense of bilingualism. People can navigate the complexities of identity by choosing between Russian and their native language, which affects their cultural identity and how they perceive their place in the community	In regions with colonial history, English may be associated with a legacy of power imbalance. The imposition of English during colonial periods may affect cultural identity, as individuals may be confronted with the historical consequences of language and its role in shaping social hierarchies

a significant role in power structures, influencing access to opportunities and cultural identity. The interaction between linguistic hierarchies and cultural identity is dynamic, and individuals within these ethnolinguistic groups are constantly discussing their sense of belonging in a complex sociolinguistic landscape. Understanding this dynamic is crucial for understanding the complex ways in which language shapes cultural identity in different communities (Toporov, 2020).

The ideologies surrounding Kazakh, Russian and English in their respective communities are strongly influenced by the complex interaction of external causes. Historical heritage, geopolitical events, and global trends have influenced language conventions, attitudes, and perceptions, influencing how people perceive and interact with their languages. For Kazakhs, colonial and Soviet history, combined with modernization and globalization, contribute to the ongoing

debate about the meaning of language in a changing world. Russian ideologies are inextricably linked to the Soviet heritage, post-Soviet events and the global Russian diaspora, reflecting the different linguistic experiences of native Russian speakers from different places. The English language, with its colonial history, media dominance and global influence, is viewed from the point of view of education and economics, as well as cultural interaction and hybridization.

Understanding this external dynamic is crucial to understanding the changing nature of linguistic ideologies. Ongoing negotiations on internal cultural ideals as opposed to external pressures are changing the way communities perceive, prioritize, and use their languages. In this ever-changing sociolinguistic landscape, languages serve not only as communication tools, but also as transmitters of cultural identity, heritage, and reaction to a broader global context. As communities face the

consequences of external forces, the ideologies associated with these languages remain variable, which indicates the adaptability and longevity of linguistic and cultural manifestations in various ethnolinguistic groups (Grinev-Grinevich, 2021).

Conclusion

The study highlights the importance of language as a sign of cultural belonging in ethnolinguistic communities. The analysis of the continuous text shows that language is a dynamic means of expression, exchange and preservation of cultural identity.

The richness of a culture's vocabulary and vocabulary reflects its distinctive nature by including specific words and expressions that echo common values and experiences. Idiomatic expressions and language models, firmly rooted in the cultural context, complement the structure of belonging, encouraging members of the community to understand each other.

The syntax and structure of sentences convey information while reflecting the cultural characteristics of the community. Storytelling styles and the use of cultural allusions act as storytelling mechanisms, bringing people

together through a shared narrative spanning generations.

Humor, wit and pragmatic features in a continuous text add depth to the cultural identity conveyed through language. These features serve not only as linguistic indicators, but also as channels for the transmission of cultural norms, values and a sense of community.

Dialects, accents and linguistic differences are becoming new aspects of cultural belonging, reflecting regional identity and complementing the mosaic of linguistic diversity of the ethnolinguistic community.

Since the study examines the many ways in which language serves as a marker of cultural belonging, it emphasizes the importance of linguistic aspects as carriers of cultural history. As a symbol of this linguistic richness, the continuous text turns into a living repository of a common identity, allowing community members to interact, communicate and assert their cultural identity through subtle expressions of their language. This understanding not only benefits linguistic science, but is also important for raising cultural awareness, inclusivity, and preserving a diverse cultural identity in the fabric of humanity.

References

- Alpatov V.M. On anthropocentric and system-centric approaches to language. *Issues of Linguistics*. 2023. 3. 15–26.
- Omelchenko S.R. *Anthropology of language: a collection of articles I ed. by S.R. Omelchenko. Issue 2*. Moscow: Flint Science, 2022. 200.
- Gorelov I.N. *Fundamentals of psycholinguistics II*. N. Gorelov, K.F. Sedov. Moscow: Labyrinth, 2021. 224.
- Grinev-Grinevich S.V. *Fundamentals of anthropolinguistics (on the human foundations of the evolution of human thinking) I S.V. Grinev-Grinevich, E.A. Sorokina, T.G. Skopyuk*. Moscow. Sputnik+ Company, 2021. 114.
- Ivantsova E.V. *Linguopersonology: basics of the theory of linguistic personality I E.V. Ivantsova*. Tomsk. Publishing house of Tomsk University, 2020. 160.
- Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse I V.I. Karasik*. Volgograd. Peremena, 2022. 477.
- Kolesov V.V. *Language and mentality = Language and mentality I V.V. Kolesov*. Saint Petersburg. Petersburg Oriental Studies, 2023. 238.
- Kopylenko M. *Fundamentals of ethnolinguistics*. Almaty, 1995.178.
- Kubryakova E.S. *Language consciousness and linguistic worldview I E.S. Kubryakova II Philology and Culture: materials of an international conference: part I*. Tambov. Publishing house of Tambov University, 2021. 6–13.
- Leontovich O.A. *Introduction to intercultural communication I O.A. Leontovich*. Moscow: Gnosis, 2021. 368.

Pimenova M. V. *Language and mentality: a collection of articles I ed. by M. V. Pimenova*. Saint Petersburg. Publishing house of SPbSU, 2020. 696.

Maslova V. A. *Linguoculturology I V. A. Maslova*. Moscow. Academy, 2020. 208.

Omelchenko S. R. *Possibilities of an anthropological approach in linguistics I S. R. Omelchenko*. Volgograd. Publishing house of VolsU, 2022. 198 p.

Popova Z. D. *Cognitive linguistics I Z. D. Popova, I. A. Sternin*. Moscow: AST. East – West, 2021. 314.

Sukhikh S. A. *Pragmalinguistic dimension of the communicative process: dissertation abstract... Doctor of Philological Sciences I S. A. Sukhikh*. Krasnodar, 2021. 30.

Toporov V. N. *Linguistic paleontology I V. N. Toporov II Linguistic Encyclopedic Dictionary I chiefed. V. N. Yartseva*. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 2020. 360–362.

Koptseva Natalya Petrovna *On the issue of state policy in the field of preserving the languages of indigenous small-numbered peoples of the North*. Ai S. 2014. 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gosudarstvennoy-politike-v-oblasti-sohraneniya-yazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa>

EDN: WXCSUK
УДК 639.181

Tea Drinking Traditions in the Nomadic Cultures of Eastern Siberia: Ritual, Hospitality, Feeling Full, Health

Veronika A. Beliaeva-Sachuk* and Vladimir N. Davydov

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 02.12.2021, received in revised form 12.04.2022, accepted 01.12.2023

Abstract. The article is based on analysis of field materials on the use of tea, collected by the authors among the nomads of Eastern Siberia: Buryats, Tuvans, as well as Soyots, Evenkis, Dolgans and Chukchis. The article attempts to discuss the multiple facets of tea drinking practices and consider the meaning of tea drinking for representatives of local communities. Joint tea consuming is an essential element of the etiquette of interaction between Siberian nomads and guests. Tea preceded not only a festive or everyday meal, any acquaintance and any conversation began with tea drinking: personal, business, ceremonial ritual. Drinking tea is not only a satisfaction of thirst and hunger among representatives of the nomadic cattle-breeding and reindeer-herding peoples of Siberia. This is an important ritual action associated with the customs of hospitality, the tradition of maintaining social connections both within the family circle and with distant relatives, neighbors, matchmakers and strangers. Tea is a drink, food and medicine. It is well packaged and transported, easy to prepare and has a tonic and healing effect. Tea not only saturates, but also allows you to establish communication between people, as well as between humans and various beings/spirits responsible for the well-being of local communities. The authors associate the wide distribution and popularity of this drink with its multi-functionality. It is the versatility and multiplicity of uses of tea that made it an indispensable companion for nomads.

Keywords: Eastern Siberia, tea, tea drinking, hospitality, food, alimentary culture, ritual, nomads.

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

Citation: Beliaeva-Sachuk V.A. Davydov V.N. Tea Drinking Traditions in the Nomadic Cultures of Eastern Siberia: Ritual, Hospitality, Feeling Full, Health. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 813–823. EDN: WXCSUK

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: belyaeva.veronika@gmail.com; davydov.kunstkamera@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4180-5027 (Beliaeva-Sachuk); ORCID: 0000-0003-2738-4609 (Davydov)

Традиции чаепития в кочевых культурах Восточной Сибири: ритуал, гостеприимство, чувство сытости, здоровье

В.А. Беляева-Сачук, В.Н. Давыдов

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья представляет собой обобщение полевых материалов об употреблении чая, собранных авторами среди кочевников Восточной Сибири: бурят, тувинцев, а также сойотов, эвенков, долган и чукчей. В статье делается попытка проанализировать множественные грани практик чаепития и рассмотреть значение употребления чая для представителей локальных сообществ. Совместное чаепитие является важнейшим элементом этикета взаимодействия сибирских кочевников с гостями. Чай предвещал не только праздничную или повседневную трапезу, с чаепития начиналось любое знакомство и любой разговор: личный, деловой, обрядовый ритуальный. Чаепитие у представителей кочевых скотоводческих и оленеводческих народов Сибири является не только удовлетворением чувства жажды и голода. Это важное ритуальное действие, связанное с обычаями гостеприимства, традицией поддержания социальных связей как в кругу семьи, так и с дальними родственниками, соседями, сватами и незнакомыми путниками. Чай – это напиток, пищевой продукт и лекарство. Он хорошо упаковывается и транспортируется, легко готовится и имеет тонизирующий и исцеляющий эффект. Чай не только насыщает, но и позволяет наладить коммуникацию людей между собой, а также человека и различных сущностей/духов, отвечающих за благополучие локальных сообществ. Широкое распространение и популярность данного напитка связывается авторами с его полифункциональностью. Именно многогранность и множественность сфер применения чая сделало его незаменимым спутником кочевника.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, чай, чаепитие, гостеприимство, пища, алиментарная культура, ритуал, кочевники.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Беляева-Сачук В. А., Давыдов В. Н. Традиции чаепития в кочевых культурах Восточной Сибири: ритуал, гостеприимство, чувство сытости, здоровье. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 813–823. EDN: WXCSUK

Данная статья построена на материалах, собранных авторами в кочевых сообществах Восточной Сибири с 2001 по 2023 гг. Авторы работали в Республиках Бурятия, Тува, Саха (Якутия), Забайкальском крае, Амурской области, на Чукотке и севере Красноярского края. Полевые исследования проводились в основном среди скотоводов – бурят и тувинцев. В качестве сравнительного матери-

ала были использованы примеры из практик чаепития оленеводов – чукчей, долган, эвенков и сойотов. Статья является попыткой осмысления практики чаепития, являющейся важнейшим элементом гостеприимства у кочевников Сибири.

Чаепитие у представителей кочевых скотоводческих и оленеводческих народов Сибири является не только удовлетво-

нием чувства жажды и голода. Это важное ритуальное действие, связанное с обычаями гостеприимства, традицией поддержания социальных связей как в кругу семьи, так и с дальними родственниками, соседями, сватами и незнакомыми путниками. Чаем можно угостить духов и локальных божеств и так же, как с людьми, начать с этого общение со сверхъестественными силами или хозяином места перед обрядом поклонения, благодарения или прошения. Чай предварял не только праздничную или повседневную трапезу, с чаепития начиналось любое знакомство и любой разговор: личный, деловой, обрядовый ритуальный.

Чаепитие в кочевой традиции

Обратимся к традиции чаепития у сибирских кочевников. Буряты являются самым многочисленным монгольским народом России, многие из них до сих пор занимаются скотоводством, хотя сейчас кочуют лишь немногие (преимущественно это две перекочевки на зимник и летник, причем живут там в стационарных домах русского типа). Тем не менее кочевые традиции чаепития продолжают бытовать как в городской, так и сельской среде. Тувинцы, один из крупных тюркоязычных народов Южной Сибири, так же как и буряты, являются приверженцами тибетского буддизма школы Гелук, исторически связаны с Монголией, однако сумевшие сохранить многие черты тюркских кочевых культур. Современные скотоводы Тувы продолжают жить в юртах, перекочевывая минимум четыре раза в год. Это способствует сохранению алиментарных традиций и этики гостеприимства. Многие традиции чаепития у бурят и тувинцев схожи, так как относятся к общей тюрко-монгольской традиции кочевников Южной Сибири. Чукчи, долганы и многие группы эвенков занимались оленеводством, постоянно меняя место своего пребывания. В последние годы структура и материальная база их перекочевок сильно изменилась, но по сей день многие оленеводы продолжают пользоваться мобильными жилищами, дополняя свои маршруты и стационарными точками. Во многих

точках кочевых маршрутов теперь активно используются избы, зимовья, перевалочные базы, помещения и приспособления для хранения инвентаря и другие стационарные постройки. Все рассматриваемые в данной статье группы отличала относительная автономность в отдельные периоды времени. Чаепитие являлось важнейшим действием во время стоянок животноводов и оленеводов, а также встреч гостей.

Путник, без разницы, был это почетный человек или случайный, незнакомый путешественник, заходя в юрту, чум, ярангу, палатку или стационарное жилище всегда мог рассчитывать на трапезу или хотя бы на угощение чаем. Даже бедные люди старались накормить гостя – скупиться по отношению к нему считалось не только нарушением основ этикета, но могло вызвать гнев божеств, духов и предков, что могло обернуться множеством несчастий для семьи. Прием еды всегда начинался с чая или, в случае бедняков, замещал его. О значении чаепития в алиментарной культуре тувинцев и бурят может свидетельствовать существование таких пословиц, как бурятская «Буква «А» – начало ученья, чаю стакан – начало трапезы» или тувинская «Кто в аал¹ пойдет – чай пьет, кто в лес пойдет – серу жует». Тувинская пословица также говорит о том, что чаепитие является важной частью общения между людьми, ведь совместное употребление напитка является прежде всего не физиологическим удовлетворением жажды, а поводом для общения и обмена новостями. До сих пор все важнейшие вопросы в семье или с соседями решаются в неспешной беседе за чаем (ПМА Бурятия, 2001–2023; ПМА Тува, 2023).

С приходом нового гостя у всех рассматриваемых народов хозяйка специально для него заваривала обязательно свежий чай, так как подавать заранее сваренный или остыв-

¹ Аал – кочевое поселение тувинцев, включающее обычно три-пять юрт, число которых могло варьироваться в зависимости от времени года. Обычно жители аала были связаны родственными узами, являлись представителями большой семьи или рода. Главной отличительной чертой аала было совместное пользование и владение одной кошарой или другим местом, в котором содержался скот всех хозяйств (Вайнштейн, Москаленко, 2008: 52).

ший напиток считалось крайне неприличным. Это действие происходило на глазах пришедшего, и пока готовился свежий чай, хозяин приветствовал гостя и усаживал его около себя в торжественное место, напротив входа в мобильное жилище². У бурят это самое почетное место в юрте, в котором хранятся сундуки с семейными реликвиями и самыми дорогими вещами. Там находится также буддийский алтарь, а до принятия буддизма хранились шаманистические онгоны, духи-покровители и защитники семьи. Ожидая чай, хозяин юрты угощал гостя нюхательным табаком из табакерки или раскуренной трубкой. Происходил обмен традиционными вопросами и ответами, например «Как доехали?», «Когда приехали?» и т.д., однако настоящий разговор не велся. Когда чай закипал, хозяйка брала лучшую чашу, если была – фарфоровую, наливала в нее чай и передавала ее главе семьи, который подавал ее гостю. До сих пор одним из лучших подарков для тувинских скотоводов, живущих в юртах, являются керамическая чашка, чай и сладости, которые подаются на *кадаке*³ (ПМА Тува, 2023). Если

² У бурят и тувинцев Центральной, Восточной и Южной Тувы вход в юрту расположен с южной стороны, традиционной для монгольских народов, у западных тувинцев – с восточной, что свидетельствует о тюркской традиции. В бурятской традиции это почетное место называется «хоймор», то есть север, северная сторона. Эвенки почетное место, располагавшееся напротив входа в чум, называли «малу».

³ Кадак (тув.), хадак (бур.) – ритуальный шарф благопожеланий, обычно из шелковой ткани. В Туве и в Бурятии распространился благодаря влиянию тибетского буддизма и в настоящее время является универсальным подарком для каждого человека. Общий смысл одаривания хадаком состоит в показании чистоты намерений и пожелания благополучия, однако в зависимости от цвета хадак имеет дополнительное значение. Так, белый цвет связан в культуре бурят и тувинцев с «белой пищей», то есть молочной едой, сакральной в культуре кочевников, символизирующей богатство, благополучие и процветание. Считается, что белый хадак можно дарить в любой ситуации каждому человеку и божеству. Голубой цвет связан с цветом Неба, особо почитаемым монгольскими и тюркскими народами – такой хадак часто завязывают на сакральных шаманистических и буддийских местах почитания божеств и духов. Так как Небо у монголов и тюрков считается отцом и прародителем, голубой цвет также символизирует мужское начало, мужскую энергию и власть, поэтому

семья была богатая, чай наливался в медный чайник-кувшин и ставился перед хозяином и гостем. Все члены семьи, несмотря на то, чем они занимались, садились вместе с гостем за чай, а потом приступали к трапезе (Vainshtein, Moskalenko, 2008: 80–81; Zhukovskaya, 2002: 104).

Чайный этикет

Существуют также определенные правила, как следует наливать чай, как его подавать и принимать. За соблюдением всех этих ритуалов до сих пор неукоснительно следят как хозяева мобильного жилища или дома, так и гость. Практически все тувинцы продолжают пользоваться круглыми чашами без ручек (*аяк*), хотя в городской среде появляется все больше высоких кружек с ручкой. В Бурятии чаши (*аяга*) используются обычно только в ритуальных целях, в шаманистических и буддийских обрядах. Чаши можно наблюдать в быту у оленеводов-долган, эвенков и чукчей. Многие буряты хранят старинные чаши своих предков, в большинстве своем деревянные и серебряные, как семейные реликвии. Однако, несмотря на почти полный уход из обихода чаш, традиции подачи чая сохранились и были адаптированы к современным чашкам с ручками. В быт оленеводов и скотоводов также вошли металлические кружки. Сейчас пользуются спросом термкружки и легкие туристические пластиковые и металлические кружки. В Арктике у чукчей и долган в обиход вошли термосы, позволяющие экономить топливо, необходимое для кипячения воды (ПМА Чукотка, 2017–2023; ПМА Таймыр, 2014–2022).

с синим хадаком приходят к отцу невесты сваты. Желтый цвет ассоциируется с буддизмом, который как по-тувински, так и по-бурятски носит название «желтая вера», поэтому желтый хадак подносят буддийским учителям и монахам. Самые редко используемые цвета хадаков – красный и зеленый: красный, считающийся цветом энергии и власти, подносится представителям власти, а зеленый, ассоциирующийся с молодостью, дарится детям и подросткам. Самым распространенным хадаком в качестве подарка, как в Бурятии, так и в Туве, остается белый.

По представлениям бурят, чашу с чаем не следует наливать до краев, а наполнить где-то до двух третей. Наливать напиток ковшиком или поварешкой следует к себе, так как от себя наливают воду для омовения покойника (ПМА Бурятия, 2003). Долганы при угощении заполняют чашу практически полностью. Считается знаком хорошего тона предложить гостю чай и еду, особенно если он только что приехал на оленеводческую стоянку (ПМА Таймыр, 2014–2022).

Чашу передавали гостю различными способами. На территории Бурятии – традиционным способом, каким подавалась и принималась чаша с чаем, как и в случае, употребления алкоголя, остается протягивание посуды с напитком правой рукой, которая поддерживается ладонью левой за локоть или между кистью и локтем правой руки. Принимается чаша таким же жестом, после чего гость должен окунуть неглубоко в чай безымянный палец и трижды побрызгать наверх. Иногда последнюю каплю капают на стол. Это считается пожеланием благополучия и изобилия дому и угощением для семейных божеств и духов. Традиция «брызгать духам» бытует среди эвенков Бурятии в случае алкогольных напитков (ПМА Бурятия, 2007–2009). В тувинской культуре описанный выше способ также используется только во время употребления алкогольных напитков – кумыса и араки. Чай подается и принимается только двумя руками, что, по мнению Севяна Израилевича Вайнштейна, является древней тувинской традицией (Vainshtein, 1991: 124). Пить чай можно поддерживая чашу двумя руками или одной правой – в этом случае четыре пальца поддерживают днище чаши, а большой палец сверху держит за край. Держать сверху указательный палец и поддерживать посуду большим пальцем считается неприличным, так как ладонь не открыта, а закрывает гостя от других людей, что воспринимается как жест пренебрежения по отношению к хозяевам юрты (ПМА Тува, 2023).

Чай обычно пили без спешки и в молчании, перед чаепитием беседа тоже не на-

чинали, кроме традиционных вопросов и ответов, которые являются частью приветственного ритуала. Считалось, что питье чая преобразовывало статус чужака, пришедшего извне, откуда могли появиться враги и злые духи, в «настоящего» человека, своего. С другой стороны, если бурятскую юрту посетило существо из сверхъестественного мира, во время чаепития оно всегда проявляло свою природу, так как не могло следовать человеческим ритуалам. По словам информантки-бурятки, каждому вошедшему в дом без вопросов подавался чай с молоком, причем это считалось не просто знаком гостеприимства, но и должно было очистить гостя от плохих мыслей и помыслов. После первой чаши чай предлагался дальше, до тех пор, пока гость не насытится. И только потом можно было начинать разговор (Beliaeva-Sachuk, 2020: 29). В семьях состоятельных бурят после чая следовала трапеза, и в таком случае все разговоры велись уже после еды. В настоящее время во всех рассматриваемых группах при каждом посещении гостем дома его не только угостят чаем, но и обязательно накормят – хотя бы поставят на стол что-нибудь к чаю. Если гость посещает жилище скотоводов, его обязательно накормят всем, что есть. В настоящее время подобная трапеза является не столько «проверкой» людей на знание этикета и непринадлежность к миру духов, сколько возможностью увидеть, как ведет себя человек, не брезгует ли он предлагаемой едой, относится ли с уважением к хозяевам и их традициям, то есть можно ли ему доверять и продолжать общаться.

Чайная материальность

Чай занимал и до настоящего времени играет важную роль в структуре питания кочевников Сибири. Напиток пришел из Китая относительно поздно – только в XVI–XVII вв., однако быстро распространился. Буряты, тувинцы, эвенки, долганы и чукчи раньше в основном пили кирпичный прессованный чай, который был хуже по качеству, но более дешевым,

чем байховый⁴. Кирпичный чай изготавливался из остатков просеянного байхового, с примесью листьев и стеблей чайного куста грубого помола. Конечный продукт плотно спрессовывался в брикеты в форме кирпича, отсюда и произошло название. Такой чай было удобно хранить, так как он занимал гораздо меньше места и его было легко перевозить, что являлось крайне важным в жизни кочевников. Он был удобен для транспортировки, и торговцы охотно завозили его, пополняя запасы кочевников. Пользовался спросом кирпичный чай и у кочевников-оленеводов Арктики.

Чай предполагает наличие специальной утвари и приспособлений для его приготовления. Так, для измельчения спрессованного чая буряты пользовались чаерезкой (бур. *сайн тэбшэ*), благодаря которой можно был отрезать маленький кусочек от «кирпича». Чаерезка представляла собой доску с углублением или маленькое корытце, к которому прилагался нож с толстым и неострым лезвием серповидной формы. Для более тщательного измельчения использовались маленькие деревянные ступки (бур. *уур*), а с конца XIX – начала XX в. распространение получили ступки из бронзы. Чай варили в котле, стоявшем на огне, в который уже после кипения добавляли коровье, овечье или ячье молоко и варили еще несколько минут помешивая. В такой чай обычно добавляли соль, масло, бараний жир и кусочки мяса для восстановления солевого баланса и насыщения (Zhukovskaya, 2004: 173).

Кроме обычного чая с молоком среди бурят был весьма распространен так называемый *зутаран* (бур. *зутараан сай*). *Зутаран* скорее напоминает суп, он очень питательный и прекрасно согревает, поэтому особенно часто готовится зимой. Приготовление этого напитка немного отличается от рецепта бурятского чая с молоком. Пшеничную или ржаную муку грубого помола прожаривают на внутреннем бараньем или говяжьим жире, однако сейчас

вместо него используется сливочное масло. Параллельно варится чай с молоком, который после готовности процеживается и опять ставится на огонь. Далее добавляют муку с жиром, соль и доводят до кипения, тщательно при этом помешивая. Готовый *зутаран* не должен быть слишком густым. (Damdinzharova, 2018: 189–192). Такой чай до сих пор популярен в сельской местности, и его готовят обычно зимой.

Интересен способ приготовления чая у высокогорных кочевников-оленеводов западной Бурятии – окинских сойотов, которые являются потомками древнего самодийского населения Саян, появившихся на этой территории еще в неолите (Pavlinkaya, 2002: 26–40). Сойоты продолжают пользоваться минималистическими технологиями предков, которые приспособлены к жизни в высокогорной тайге в условиях постоянного передвижения. Одним из таких достижений является набор для приготовления чая или еды *ямбэ*, который до сих пор широко используется охотниками и промысловиками. Такой набор состоит из двух кожаных сум диаметром 60–80 см. В одной из них лежит запас поджаренной муки и высушенного мяса, а в другой – два котелка – один диаметром 40 см и глубиной 15 см, второй меньше размером, помещающийся внутрь первого. Кроме этого, в набор входит складная тренога, кожаный непромокаемый мешочек с солью и чаем, деревянная лопатка и маленькая метелка из прутиков для очищения посуды. Все это складывается внутрь котелков, оборачивается мягкой тканью или кожей и вкладывается в суму. Во время постоя тренога раскрывается, на нее ставится большой котелок, а под ним разжигается маленький костер из веточек и деревяшек, которые можно собрать на месте. В кипящую воду добавляется мука, кусочки сушеного мяса и чай. Получается питательный суп, который переливают в маленький котелок и оттуда его едят. При использовании такого набора можно приготовить еду и поесть в течение 20–30 минут, а также дать возможность попасть и отдохнуть лошади или оленю. Сейчас данный набор становится модным брендом в Окин-

⁴ Байховый чай – название происходит от китайского «бай хуа» – «белый цветок», названия, обозначающее молодые почки в белом пуху.

ском районе как функциональная и много-разовая посуда, связанная с традиционной культурой, опытом предков и выживанием в тяжелых природных условиях.

«Черный» и «белый» чай

Чай хорошо сочетается с другими жидкостями. Буряты и тувинцы традиционно пьют чай с молоком. Похожая практика распространилась и у эвенков Бурятии. Долганы-оленоводы и эвенки могут использовать молоко важенки. В настоящее время оленеводы довольно часто употребляют ультрапастеризованное коровье молоко, которое хранится длительное время в упаковках и не требует холодильника. Вся молочная пища, в том числе и чай с молоком у кочевников тюрко-монгольского мира Южной Сибири считается «белой пищей» (бур. *сагаан эдээн*, тув. *ак чем*), наделенной высоким сакральным статусом. Белый цвет ассоциируется с благополучием, чистотой помыслов, удачей и богатством, а молочная пища из-за высокого значения в структуре всего алиментарного комплекса скотоводческих народов Южной Сибири и белого цвета устойчиво связана с верхним миром богов. В мифологии монгольских народов наряду с Мировой Горой Шумеру (Сумеру) и Мировым Деревом, которые пронизывают все уровни трех миров, почитается Молочное Море (бур. *хуун-далай*), которое является частью владений верховных небесных божеств и символом их безграничного изобилия и благополучия. Поэтому в бурятской и тувинской традиции «белая пища» считается наилучшим подношением для местных божеств и духов и используется во многих ритуалах. Молочная пища используется для очищения всего пространства, человека и животных. В бурятской традиции известно использование молока в юридической практике, когда подозреваемый в преступлении должен был принести присягу на молоке: говоря о своей невиновности, человек должен был отпить из подаваемой ему чаши молочный напиток. Этот ритуал назывался словом «*сагалха*», в переводе «побелиться», то есть очиститься от подозрений и обвинений (Khangalov,

1958: 186). Также известное как у бурят, так и у тувинцев пожелание хорошего путешествия «Белой дороги!», функционирующее до сих пор, обозначает, что вслед уезжающему путнику брызгалось молоко, чтобы очистить его дорогу. Молочную пищу широко использовали в ритуальных целях как в семейной обрядности, так и хозяйственных и промысловых ритуалах (Sodnompilova, 2021: 208–209).

Совершенно другое значение будет иметь обычный, не забеленный чай, так называемый черный (бур. *хара сай*, тув. *кара шай*). Угощать таким чаем считалось крайним оскорблением, так как этот напиток символизировал нищету, потерю скота, гнев богов и предков и даже смерть (Angaeva, Tykheeva, 2010: 98). Подача кому-либо чая, не забеленного молоком, означало открытое презрение, неуважение и даже агрессию по отношению к человеку. С другой стороны, отказ от забеленного чая, который предлагают хозяева, считается крайне неприличным и даже оскорбительным. В тувинской культуре до сих пор считается, что гость обязан если не съесть, то хотя бы попробовать всю еду, которой его угостят – отказ от еды также считается грубым нарушением этикета, который особо соблюдается среди скотоводов, живущих в юрте. У долган как только гость выпил чашку, хозяйка сразу наливает ему следующую. Не дотить чашку чая или вообще отказаться от чая у них считается невежливым. Если гость вылетит или оставит на столе недопитый чай – это может оскорбить хозяев. Если гость напился чая, он обычно переворачивает пустую чашку вверх дном. Хорошим тоном для гостя считается выпить несколько чашек горячего напитка. Подобная практика всегда вызывает одобрение со стороны хозяев (ПМА Таймыр, 2014–2022).

Напиток для здоровья

Кроме покупного чая кочевники могли готовить напитки с использованием дикоросов. У бурят самыми популярными были кипрей или иван-чай (бур. *улаан жаргана*), листья кровохлебки (бур. *хүдэн*), листья

и цветы шиповника (бур. *нохойн хоншоор*), чага, или березовый гриб. Бедняки смешивали покупной чай с собранным и пили его также с молоком и солью. Сегодня многие буряты, живущие в сельской местности, продолжают собирать выше упомянутые дикорастущие растения, однако делают это в лечебных целях. Так, считается, что иван-чай повышает иммунитет и не поднимает давление, как обычный чай, кровохлебка помогает при женских болезнях, шиповник пьют от простуды, а чага является действенным средством при онкологических заболеваниях (ПМА Бурятия, 2001–2022). Эвенки использовали отвары лекарственных растений для лечения целого ряда болезней. Универсальным «эвенкийским» лекарством являлся отвар горной травы *янды* (горечавки), применяемый не только для лечения человека, но и оленят. Большой популярностью у эвенков Бурятии пользуется золотой корень *улдын* (родиола розовая), собираемый в горах по берегам рек и ручьев (ПМА Бурятия, 2007–2009).

Сейчас бурятские и эвенкийские лекарственные травы позиционируются как экологически чистый и проверенный опытом местных жителей полезный и оригинальный байкальский сувенир. Самой известной лечебной добавкой к чаю у бурят, эвенков и местных русских стала *сагаан дали* (в переводе с бурятского «белое крыло»), или рододендрон Адамса, который рекламируется как чудесное средство от многих болезней. В интернете есть множество сайтов, предлагающих купить эту «волшебную» траву, а в аэропорту Новосибирска, самой крупной воздушной гавани Сибири, *сагаан дали* продается как общесибирский сувенир, экологический и этнический бренд большого региона. Сами буряты используют чистый отвар из этого растения в случае сильной простуды или гриппа, для профилактики простудных заболеваний, а также для укрепления истощенного организма. В чай (черный или зеленый) *сагаан дали* добавляют очень редко (ПМА Бурятия, 2001–2023).

Тувинцы, как и буряты, пили кирпичный прессованный чай, который измельчали в ступках, а потом варили в котле

в подсоленной воде с добавлением молока. Многие путешественники и исследователи, например Егор Яковлевич Пестерев, Николай Федорович Катанов, Феликс Яковлевич Кон (см. Pesterev, 1793; Кон, 2014), отмечали, что чай был основой питания тувинцев и в голодное время мог быть главным блюдом вместе с просом и дикоросами. Однако даже у богатых и зажиточных тувинцев чай с молоком и солью был главным повседневным напитком.

Первой в семье вставала хозяйка и дочери-подростки, которые начинали день с дойки скота. После этого хозяйка кипятила молоко и грела чай, и вся семья садилась завтракать – кроме чая ели пенки, сыр и кисломолочные продукты. Зимой вместо молочных продуктов готовились мучные блюда и жареное просо. Обедали после дневной дойки и обычно ели то же самое, что и на завтрак, но ключевым элементом оставался чай. Вечером ужинали после того, как темнело и пригоняли мелкий скот. Закончив вечернюю дойку, хозяйка готовила те же блюда, что и в течение дня, кроме того, если в семье было мясо, то его готовили именно вечером (Vainshtein, 1991: 122–123). Интересно, что схожая модель питания функционирует среди тувинцев и по сегодняшний день. Одна из информанток рассказывала, что современные тувинцы, особенно скотоводы, могут утром выпить три чашки чая с молоком и *далганом*⁵, *потом работать до обеда, далее опять выпить чаю с далганом* и работать до вечера. Зато вечером на ужин они плотно едят – в основном мясо и ложатся спать (ПМА Тува, июль 2023).

Как и буряты, тувинцы использовали вместо или в дополнение к чаю дикорастущие растения, например кипрей (иван-чай), курильский чай, листья бадана, сабельник (болотник), плоды и листья шиповника, пион (марьин корень), герань ложносибирскую и луговую. Интересно, что часто все эти растения назывались одним определением – *черлик шай*, то есть «дикий чай». Во время полевых исследований в Туве,

⁵ Далган (талган) – толокно из ячменя, обжаренное в сухой раскаленной чугунной чаше или на сковородке.

в июле 2023 года, в Тере-Хольском коожуне нам были подарены сушеные листья растения, которые заваривают вместо чая. На вопрос, что это за растение, был дан ответ, что это *черлик шай*, то есть дикий чай, листья, которого заготавливаются в августе. Приготовление напитка из дикого чая выглядит так же, как и заваривание обычного тувинского чая: кипятится вода, туда добавляют сушеные листья растения и молоко. Другого названия растения ни по-тувински, ни по-русски респондент не знал. После консультации с ботаниками оказалось, что это герань ложносибирская, которую некогда тувинцы широко использовали вместо чая. Жители таежного Тере-Хольского района до сих пор собирают герань и пьют ее, причем не из-за лечебных свойств, а из-за вкуса (ПМА Тува, 2023). В этом контексте интересно замечание Леонида Павловича Потапова, который в своей работе «Очерки народного быта тувинцев» пишет о том, что среди прочих суррогатов чая, как кора лиственницы и семенная коробочка пиона, тувинцы употребляют «листья лесного растения черлик шай» (Potapov, 1969: 201). Однако определить растения не удалось, так как ученый не увидел этого растения. Возможно, под названием «дикий чай» скрывался целый ряд дикоросов, использовавшихся вместо чая.

Потапов также пишет о существовании чаеподобного напитка *хымыран* среди западных и юго-восточных тувинцев. Раньше его давали детям или готовили в ситуации, когда не было никакого чая. Этот напиток готовился так же, как обычный чай, но без добавления заварки, то есть кипятили воду, потом ее солили и добавляли молоко, после чего кипятили еще раз. Так же, как и обычный чай, в *хымыран* можно было добавить *далган*. Обычно его употребляли женщины, так как считалось, что если женщина не пьет чай, то у нее будут сильные головные боли. Сам исследователь упоминает, что встречал женщин, которые уверяли его, что если с утра не выпьют чаю, то весь день их будут мучить головные боли (Potapov, 1969: 201–202). Следовательно, само употребление чая не только насыщает людей,

оно позволяет выстраивать социокультурные отношения с людьми и поддерживать связь с богами, имеет ритуальное значение, очищает от всего дурного и даже лечит болезни.

Заключение:

полифункциональность чая

Чай – напиток социальный. Он не только являлся ключевым пищевым продуктом кочевников, но позволял им проявить гостеприимство. В чем заключается причина его столь широкого распространения и популярности среди кочевых сообществ Сибири? Представляется, что причина как раз скрывается в многогранности сфер применения данного напитка. Он хорошо упаковывается и транспортируется, легко готовится и имеет тонизирующий и исцеляющий эффект. Чай полифункционален – черта многих используемых представителями кочевых северных сообществ материальных объектов (Golovnev, Kukanov, Perevalova, 2018). Одна из функций чая – это его сакральность. Угощение гостя интерпретируется не только как нерушимое правило этикета, оно имело свое сакральное значение, так как гость воспринимался как посланник божеств, он был представителем своего рода, в который кроме живых людей входят и все умершие предки. Поэтому приход гостя является посещением жилища всеми духами-защитниками рода. С другой стороны, путник приходящий в дом, заходит на территорию духов рода гостей. По представлениям местных жителей духи предков также проявляют мобильность, путешествуют и общаются с другими духами. Соблюдение этикета гостеприимства и посещения становится основой правильного общения не только между людьми, но их предками и духами-опекунами. Напиток объединяет живых и умерших, поддерживает семейные связи между поколениями, в сакральном значении разрушает в момент употребления деление на разные миры, создает площадку для общения людей и предков. Чай не только насыщает, но и позволяет нала-

дять коммуникацию людей между собой, а также человека и различных существ/духов, отвечающих за благополучие локальных сообществ.

Для кочевников чай является основой питания и выживания в тяжелых условиях. Считается, что без чая человек не сможет насытиться, но если у него есть только чай, его употребление позволит заглушить чувство голода и даст энергию для работы или выживания. Поэтому до сих пор на территории Восточной Сибири охотники и сборщики дикоросов обязательно оставляют в охотничьих избушках в тайге и на промысловых точках в тундре спички, чай и соль. В экстренном случае человек, который потерял все свои припасы в тайге, добравшись до избушки, может воспользоваться этим минимумом для выживания. В случае, когда в тайге нет никакого ста-

ционарного прибежища, кочевая культура изобрела приспособления для быстрого приготовления чая, употребление которого может спасти человека даже в сложных природно-климатических условиях тайги, высокогорья или степи.

В кочевых сообществах Восточной Сибири чай является частью праздника, ритуала, а также повседневных трапез. Он неплохо сочетается с другими пищевыми продуктами и является ценным подарком. Чай можно пить во время привала в тайге, семейного или родового праздника, им встречают и провожают гостей, он используется в религиозных действиях. Чай – это и напиток, и пища, и даже лекарство. Именно многогранность и множественность сфер применения данного напитка сделало его незаменимым спутником кочевника.

Список источников и литературы

ПМА Бурятия, 2003 – Полевые материалы экспедиций В.А. Беляевой-Сачук в Республику Бурятия. Полевые дневники. Записи бесед. Июль 2003 г.

ПМА Бурятия, 2007–2009 – Полевые материалы экспедиций В.Н. Давыдова в Северобайкальский район Республики Бурятия. Полевые дневники. Записи бесед. 2007–2009 гг.

ПМА Бурятия, 2021–2023 – Полевые материалы экспедиций В.А. Беляевой-Сачук в Республику Бурятия. Полевые дневники. Записи бесед. 2001–2023 гг.

ПМА Таймыр, 2014–2022 – Полевые материалы экспедиций В.Н. Давыдова в Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края. Полевые дневники. Записи бесед. 2014–2022 гг.

ПМА Тува, 2023 – Полевые материалы экспедиций В.А. Беляевой-Сачук в Республику Тува. Полевые дневники. Записи бесед. Июль, сентябрь 2023 г.

ПМА Чукотка, 2017–2023 – Полевые материалы экспедиций В.Н. Давыдова в Чукотский автономный округ. Полевые дневники. Записи бесед. 2017–2023 гг.

Список литературы / References

Angaeva S.P., Tykheeva Yu. Ts. Chem bogaty, tem i rady [Everything that we have, we are ready to give the Visitors]. In: *Vestnik VSGTU [Bulletin of ESGTU]*, January-March, 2010, 1, 90–99.

Beliaeva-Sachuk V.A. Bukva “A” – nachalo uchen’ia, chait stakan – nachalo trapezy. Traditsiia chaepitiia v buriatskoi kul’ture [The Letter “A” is the Beginning of Study, a Glass of Tea is the Beginning of a Meal. Tea Drinking Tradition in Buryat Culture]. In: *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke [Social and Human Sciences in the Far East]*, 2020, 2(17), 24–30.

Damdinzhapova O. *Buryat-mongol’skaia kukhnia [Buryat-Mongolian Cuisine]*. Ulan-Ude, NovaPrint, 2018, 240.

Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevyh tekhnologii [The Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]*. St. Petersburg, MAE RAS, 2018, 350.

Khangelov M.N. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Vol. I. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1958, 550.

Kon F. Ia. Ekspeditsiia v Soiotiiu [Expedition to Soyotia]. In: *Uriankhai. Tyva depter. Uriankhaiskii krai: perekrestok mnenii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Uriankhai. Tyva Depter. Uriankhai Region: Crossroads of Opinions (Late 19th – early 20th Centuries)]. Moscow, Slovo, 2014, 348–547.

Pavlinskaya L. R. *Kochevniki golubykh gor. Sud'ba traditsionnoi kul'tury narodov Vostochnykh Saian v kontekste vzaimodeistviia s sovremennost'iu* [Nomads of the Blue Mountains. The fate of the traditional culture of the Eastern Sayan peoples in the context of interaction with modernity]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2002, 263.

Pesterev E. Primechaniia o prikosnovennykh okolo kitaiskoi granitsy zhiteliakh [Notes on Residents Affected near the Chinese Border]. In: *Novye ezhemesiachnye sochineniia* [New Monthly Essays], 1793, 82, 7–28.

Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvinians]. Moscow, Nauka, 1969, 404.

Sodnompilova M. M. Molochnaia pishcha kochevnikov Vnutrennei Azii: znachenie, funktsii i simvolika [Milky food of the nomads of Inner Asia: meaning, functions and symbolism]. In: *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, 2021, 1(31), 206–219.

Vainshtein S. I. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The World of Nomads of the Centre of Asia]. Moscow, Nauka, 1991, 296.

Vainshtein S. I., Moskalenko N. P. Material'na'a kul'tura [Material Culture]. In: *Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri* [Turkic Peoples of Eastern Siberia]. Moscow, Nauka, 2008, 41–119.

Zhukovskaya N. L. *Kochevniki Mongolii. Kul'tura, traditsii, simvolika* [Nomads of Mongolia. Culture, Traditions, Symbols]. Moscow, Vostochnaia literatura, 2002, 247.

Zhukovskaya N. L. Pishcha i kulinarnye traditsii [Food and Culinary Traditions]. In: *Buriaty* [Buriats]. Moscow, Nauka, 2004, 166–180.

EDN: XORRAS
УДК 394

Use of Local Biological Resources of Chukotka for Food Self-supply of Local Communities

Konstantin B. Klovov*

*Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 15.12.2023, received in revised form 24.12.2023, accepted 21.03.2024

Abstract. The use of local food biological resources (LFBR) is an important source of food, not only for indigenous people, but for all inhabitants of the North. The aim of the research is to quantify the LBFR for one of the typical Arctic regions of Russia. The territory of Chukotka north-east was chosen, where food self-sufficiency of the population has been studied in detail at the qualitative level in recent years. Our methodology included a mass survey, using a short anonymous questionnaire, complemented by informal interviews. Ten villages and towns in three municipal districts were surveyed in 2023 summer. The results showed that the most important of all the LFBRs are (in descending order): venison, fish, berries, mushrooms, marine mammal meat, and game birds, which were rated highest by the majority of the population in almost all settlements. Five of them have approximately equal and high importance for both indigenous and non-indigenous parts of the local population. The marine mammal meat is important mainly for the families of indigenous people. Two old traditions were confirmed to be preserved and highly relevant: the donation of a part of the harvested resources to needy families and the exchange of harvested products between tundra reindeer herders and sea-hunters from coastal settlements. The result of the study show that an adequate system of local biological resources management should be created, since almost all residents are acutely dissatisfied with the existing rules. The North residents highly appreciate the importance of the LFBR, and their interests should not be neglected.

Keywords: Arctic, indigenous population, non-indigenous population, questionnaire survey, food resources, reindeer husbandry, sea mammal hunting, game bird hunting, collection of food plants, food self-sufficiency.

Work supported by the RSF project “Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technologies, Innovations, Infrastructure” (No. 23–18–00637).

Research area: theory and history of culture, art (cultural studies).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: k.b.klovov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6149-5778

Citation: Klokov K. B. Use of local biological resources of Chukotka for food self-supply of local communities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(4), 824–836. EDN: XORRAS

Использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения

К. Б. Клоков

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. Использование местных продовольственных биологических ресурсов (МПБР) является важным источником продовольствия и не только для коренных, но для всех жителей Севера. Цель исследования состояла в количественной оценке использования МПБР для одного из типичных регионов российской Арктики – северо-востока Чукотки, где за последние годы продовольственное самообеспечение населения было детально изучено на качественном уровне. Основным методом был выбран массовый анонимный опрос, для которого была разработана короткая анкета. Анкетирование было дополнено неформальными интервью. Летом 2023 г. было обследовано 10 поселков в трех муниципальных районах. Результаты показали, что наибольшее значение из всех МПБР имеют (в порядке убывания): оленина, рыба, ягоды, грибы, мясо морских млекопитающих, пернатая дичь, которые получили наиболее высокие оценки у большей части населения почти во всех населенных пунктах. Пять из них имеют примерно равную и высокую значимость и для коренной, и для некоренной части местного населения. Продукция морского зверобойного промысла значима в основном для семей коренных жителей. Подтверждена сохранность и высокая актуальность двух старых традиций: безвозмездной передачи части добытых ресурсов нуждающимся семьям и обмена добытой продукцией между сообществами тундровых оленеводов и морских зверобоев из береговых поселков. Результаты исследования показывают актуальность создания адекватной условиям Крайнего Севера системы управления местными биологическими ресурсами и их использованием, поскольку практически все жители остро недовольны существующими правилами. Северяне высоко оценивают значимость МПБР, а значит, не надо пренебрегать их интересами в сфере регулирования природопользования.

Ключевые слова: Арктика, коренное население, некоренное население, анкетный опрос, пищевые ресурсы, оленеводство, морской зверобойный промысел, охота на птиц, сбор пищевых растений, продовольственное самообеспечение.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 23–18–00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура».

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Клоков К.Б. Использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(4), 824–836. EDN: XORRAS

Введение

Использование местных биологических ресурсов в традиционном хозяйстве коренных народов Севера – условие их устойчивого развития. Наряду с этим они являются важным источником продовольствия не только для коренных, но и для всех жителей Севера. Использование «даров природы» связано с формированием сложного комплекса материальных, социальных и ментальных связей, через которые человек укореняется в окружающем его арктическом ландшафте. На зарубежном Севере их изучение часто становится предметом сотрудничества этнологов и экологов (Moller, Berkes, 2004; Arctic..., 2013; Naves, Keating, 2019; Naves, Ruthrauff, 2019 и др.). В свое время в России в рамках Приполярной переписи 1926/27 гг. было проведено уникальное статистическое обследование всего Севера по единой программе и с охватом всех видов местных биоресурсов (Pokhoziaistvennaia perepis..., 1929). В постсоветской России было реализовано несколько международных проектов, включавших количественные оценки использования биоресурсов в модельных регионах Арктики. В их фокусе были вопросы управления и охраны экосистем (например, проекты «ECORA» и «TUNDRA»), а также изучение условий жизни людей в различных регионах Арктики в целом (Andersen, Poppel, 2002; Survey of Living Conditions..., 2019). Для сбора данных использовались формальные интервью по длинным детальным опросникам. Кроме того, в северной Якутии, на Чукотке и на Камчатке был осуществлен цикл обследований по оценке масштабов аборигенной охоты на популяции охотничьих арктических птиц на основе анонимного анкетирования (Syroechkovskiy, Klokov, 2010; Klokov, 2023; Klokov et al, 2023).

Недавно детальные антропологические исследования продовольственного самообеспечения жителей арктических поселков были проведены на восточной Чукотке (Davydova, 2018, 2019a, 2019b; Davydova, Davydov, 2018, 2020; Davydov, Davydova, 2020, 2023 и др.). Было установлено много интересных и важных как с теоретической, так и с практической, прикладной точки зрения особенностей и закономерностей. Однако эти исследования имели качественный характер, и возникает необходимость дополнить их количественными или полуквантитативными подходами.

Цель этой статьи – восполнить образовавшийся информационный пробел, дав количественную оценку роли местных продовольственных биоресурсов (далее МПБР) северо-востока Чукотки. Для исследования мы выбрали районы, где за последние годы продовольственное самообеспечение было наиболее детально изучено на качественном уровне (ссылки на эти работы были приведены выше). В задачи входило, во-первых, сравнить значение различных видов МПБР для коренного и некоренного населения, сельских и городских жителей. Во-вторых, оценить роль различных стратегий использования ресурсов разными группами населения, в частности, выяснить, как много семей добывают их самостоятельно, каковы масштабы перераспределения полученной продукции, в какой степени сохраняется традиция делиться излишками рыбы, мяса, пищевых растений, которые успешные добытчики обычно передают нуждающимся семьям. Основным методом был выбран массовый анонимный опрос, для которого была разработана короткая анкета. Анкетирование было дополнено неформальными интервью.

Одновременно с этим производился сбор материалов для другой исследователь-

ской задачи – получить оценку воздействия местного населения на водоплавающих птиц (уток и гусей), что необходимо для выработки стратегии устойчивого использования ресурсного потенциала кормящего ландшафта. Для этого была разработана еще одна анкета. Ответы на нее в этой статье детально не анализируются, но использованы при обсуждении значения МБПР для местного населения.

Методика исследования и полученные материалы

Исследование было проведено в июле-августе 2023 года в поселках¹ Чукотского, Провиденского и Иульгинского² районов Чукотского автономного округа (ЧАО). В проведении анкетирования участвовали В.Н. Давыдов, К.Б. Клоков, А.Г. Крайников, Л.А. Лазутина, О.М. Шульгина. Единичей обследования, к которой относились основные вопросы анкет, была взята семья (домохозяйство). Кроме того, каждый респондент, со слов которого заполнялась анкета, указывал свой пол, возраст и этническую принадлежность.

При проведении опроса была использована близкая к случайной двухступенчатая выборка. В пределах исследуемой территории были отобраны 10 поселков. В крупных поселках, с населением более 1000 человек, опрашивались по 100 семей. Дома выбирались случайным образом по схемам поселков, полученным из Интернета. В небольших поселках производился сплошной обход домов и квартир по вечерам и в выходные дни. Охват при этом составил примерно 60 % семей, так как значительное число жителей отсутствовало: выехали в отпуск «на материк» или в другие поселки, находились на кочевых стойбищах и промысловых точках, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды в тундре или на побережье.

¹ Термины «поселок» и «населенный пункт» используются в статье как синонимы.

² В 2016 г. Иульгинский муниципальный район стал официально называться «муниципальное образование городской округ Эгвекинот». В статье используется старое название как более привычное и краткое.

Анкета на листе А4 содержала таблицу, в строках которой были указаны девять видов МБПР: местная рыба, мясо морских зверей, другие морепродукты, оленина (домашняя или дикая), пернатая дичь, мясо других диких животных, грибы, ягоды, другие дикие растения. В столбцах левой части таблицы для каждого вида ресурса предлагалось выбрать один из вариантов субъективной оценки его значимости: основная пища, важная, дополнительная, не имеет значения, вообще не употребляется в пищу. При обработке анкет каждой из этих градаций был присвоен условный балл. Сумма баллов была использована в качестве итоговой оценки значимости (популярности) данного биоресурса.

Затем выявлялись стратегии, которые семья использует, чтобы обеспечить себя ресурсами. Они соответствовали четырем стратегиям обеспечения местными продуктами, предложенным для восточной Чукотки Е.А. Давыдовой (Davydova, 2018: 120). В столбцах правой части таблицы были перечислены варианты ответа на вопрос, где семья приобретает местные продукты: в магазинах, у местных производителей, у родственников и знакомых, или же семья добывает или собирает их самостоятельно. Предлагалось указать один или несколько вариантов.

Вторую анкету предлагали только тем семьям, которые указали, что сами добывают пернатую дичь. Она содержала вопросы о том, сколько птиц и каких видов было добыто и сколько яиц собрано из гнезд.

Распределение анкет, полученных от 594 семей, и результаты их анализа представлены в таблицах (табл. 1–4). К сожалению, корректно сопоставить структуру выборки (табл. 1) со структурой населения на всей охваченной исследованием территории оказалось невозможно, так как текущий учет населения ведется теперь на уровне муниципальных образований, а не по каждому населенному пункту. Доля коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в поселках, для которых местные администрации смогли предоставить такие сведения, составила 82,5 %. В нашей

Таблица 1. Структура выборки (распределение заполненных анкет)
Table 1. Sample structure (distribution of completed questionnaires)

	Поселки городского типа	Села Чукотского района	Села Иульгинского района	Всего
Всего анкет	243	190	161	594
в т. ч. заполненных представителями:				
КМНС	106	150	125	381
некоренного населения	137	40	36	213
мужчинами	116	75	81	272
женщинами	127	115	80	322
Возраст респондентов:				
минимальный	17	19	17	17
медианный	44	44	44	44
максимальный	87	82	81	87

выборке по этим же поселкам доля семей, полностью состоящих из коренного населения, равнялась 78,8 %. Соотношение между мужчинами и женщинами в нашей выборке было 46 к 54 %, а в целом по округу составляет 50,1 к 49,9 %. Таким образом, структура выборки достаточно близка к структуре населения. В распределении населения прослеживается четкая закономерность: в селах всюду преобладают коренные, а в поселках городского типа – некоренные жители.

Результаты анкетного опроса и их обсуждение

Анкетирование показало, что из девяти видов МПБР наибольшее значение как для коренного, так и для некоренного населения имеют шесть: оленина³, рыба, ягоды, грибы, мясо морских млекопитающих (китов и ластоногих) и пернатая дичь. Эти виды МПБР рассматривались как основные, они получили наиболее высокие оценки у большей части населения почти во всех населенных пунктах (прил. 1). Из них только мясо морских млекопитающих оказалось важ-

ным в основном для семей коренных жителей, среди некоренного населения оно мало популярно.

Остальные три вида ресурсов – мясо других диких животных (кроме пернатой дичи), морепродукты (кроме рыбы и мяса морского зверя) и дикие пищевые растения (кроме грибов и ягод) менее важны. Они популярны в основном только у коренного населения и не во всех населенных пунктах. Ниже мы рассмотрим особенности использования шести основных ресурсов.

Оленина

Обследованная территория включала Иульгинский район, где, по данным Управления сельского хозяйства ЧАО, сосредоточено 32 % (около 40 тыс. голов) всего поголовья домашних оленей округа, а также Чукотский и Провиденский районы, в которых оленеводство развито слабо: соответственно 6 и 2 % от окружного поголовья. Диких северных оленей на этой территории мало. Однако, вопреки ожиданиям, оленина по сумме оценочных баллов получила очень высокие оценки не только в Иульгинском районе, но и на всей изученной территории, причем не только у коренного, но также и у некоренного населения. Лишь у коренных жителей Чукотского района она немного уступила по своей популярности

³ К оленине мы здесь относим мясо как домашних, так и диких северных оленей. Мы намеренно не разделяли их в анкете, так как в местных условиях покупатель оленины часто не знает, мясо какого оленя – домашнего или дикого, он приобрел.

мясу морского зверя (табл. 2, 3). В целом ее отметили как основной или важный источник пищи 83 % респондентов.

Какие же стратегии обеспечили эти высокие оценки? Последние годы (2019–2021 гг.) в Иультинском районе забивалось

Таблица 2. Оценка значения местных биоресурсов семьями коренного (1) и некоренного (2) населения по типам поселков и районам, средний суммарный балл

Table 2. Assessment of the importance of local bioresources by Indigenous (1) and non-indigenous (2) families by settlement type and district, average composite score

Виды местных ресурсов	Поселки городского типа		Села Чукотского района		Села Иультинского района	
	1	2	1	2	1	2
Оленина	2,67	2,49	2,17	1,24	2,68	2,67
Рыба (местная)	2,22	1,90	1,65	0,88	1,97	0,67
Ягоды	1,41	1,42	1,77	1,00	1,55	1,61
Грибы	1,34	1,34	1,79	0,95	1,52	1,61
Мясо морзверя	1,41	0,24	2,21	0,62	1,19	0,42
Пернатая дичь	1,11	0,64	1,49	0,38	1,09	0,86

Таблица 3. Оценка значения местных биоресурсов в различных населенных пунктах, средний суммарный балл

Table 3. Assessment of the importance of local bioresources in different settlements, average composite score

Населенные пункты	Оленина	Рыба	Ягоды	Грибы	Мясо морзверя	Пернатая дичь	Море-продукты
Провидения	2,78	2,36	1,15	1,01	0,93	0,92	0,77
Эгвекино	2,42	1,75	1,56	1,54	0,45	0,78	0,42
Озерный	2,35	1,88	1,79	1,79	1,06	0,79	0,47
Сумма по поселкам городского типа	2,57	2,04	1,41	1,34	0,75	0,84	0,58
Инчоун	1,83	2,26	2,20	2,09	2,77	2,34	2,29
Уэлен	2,25	2,02	1,74	1,83	2,57	1,79	1,94
Лаврентия	2,49	1,78	2,12	2,06	1,90	1,29	1,31
Лорино	2,57	1,71	2,12	2,10	2,43	1,55	1,76
Сумма по селам Чукотского района	2,32	1,92	2,03	2,01	2,39	1,69	1,79
Амгуема	2,80	1,93	1,77	1,69	0,69	0,65	0,28
Конергино	2,85	1,13	1,33	1,39	1,00	1,22	0,59
Уэлькаль	2,15	1,82	1,41	1,38	1,82	1,71	1,18
Сумма по селам Иультинского района	2,68	1,68	1,57	1,54	1,02	1,04	0,56
Сумма по всем селам	2,48	1,81	1,81	1,79	1,76	1,39	1,23
Итого	2,52	1,90	1,65	1,61	1,35	1,17	0,96

около 4 тыс. оленей в год, т.е. примерно по одному оленю на каждого жителя. Считая убойный вес оленя в среднем 40–50 кг, это не более 1 кг оленьего мяса на человека в неделю. Однако основная часть товарной оленины вывозится в Анадырь и не попадает на стол местным жителям через торговую сеть. Поэтому важны также и другие стратегии – самообеспечение и неформальные сети распределения.

Уже установлено, что популярность домашней оленины у разных слоев местного населения существенно зависит от способа забоя оленей (Davydova, Davydov, 2020: 71). При забое на сертифицированных забойных пунктах (на изучаемой территории такой пункт расположен в с. Амгуэма) в соответствии с имеющимися стандартами получается обескровленное мясо. Технология его получения состоит в том, что животное сначала оглушается специальным пистолетом. Затем из живого животного спускается кровь, пока оно не погибнет из-за потери крови. Такое мясо реализуется через торговую сеть крупных торговых компаний. По данным интервью с работниками забойного пункта, мясо забитых оленей распиливается на полутуши, грузится в контейнеры и морем отправляется в г. Анадырь в количестве около 2 тыс. ц в год.

Коренные жители, особенно старшего поколения, избегают употреблять такое мясо в пищу, рассматривая его как «русскую» пищу. Традиционной едой для них остается оленина местного забоя, при котором животное убивают сразу – чаще всего ударом ножа в сердце, и мясо остается пропитанным кровью. Этот способ они рассматривают не просто как забой, но одновременно и как жертвоприношение (Davydova, Davydov, 2021; Rakhmanova, Davydova, Davydov, 2022). Такое же мясо получается и при традиционной разделке дикого оленя, добытого на охоте. Оно не соответствует стандартам и поэтому не реализуется через торговую сеть. Вместе с тем руководство оленеводческих предприятий, которое по большей части состоит из людей, происходящих из оленеводческих семей, понимает заинтересованность коренных жителей в традиционной пище, поэтому в хозяйствах проводится также и местный «тундровой» забой (Davydov, Davydova, 2023: 23; Полевые материалы автора, 2023).

Анкетирование показало (табл. 4), что в настоящее время основным источником оленины стала торговая сеть и официальная реализация через оленеводческие предприятия (69,0 %). Кроме этого, 18,2 % семей, включая даже и некоренное на-

Таблица 4. Стратегии обеспечения семей местными биоресурсами: распределение ответов об источниках получения местных продуктов, %

Table 4. Strategies of providing families with local bioresources: distribution of answers about the sources of local products, %

Виды местных продуктов	Все население			Коренное население			Некоренное население		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Оленина	69,0	18,2	12,9	67,3	17,5	15,1	72,2	19,4	8,4
Рыба (местная)	20,7	24,2	55,1	14,7	19,5	65,7	31,5	32,8	35,7
Ягоды	2,0	6,8	91,2	0,5	4,0	95,5	4,9	12,4	82,7
Грибы	1,3	6,9	91,8	0,5	4,6	94,9	2,8	11,7	85,5
Мясо морзверя	28,7	43,0	28,3	26,4	40,4	33,2	40,3	55,8	3,9
Пернатая дичь	3,0	46,6	50,4	2,6	43,6	53,9	4,3	55,6	40,2

Варианты ответов: 1 – покупаем в магазине или у местных производителей;
2 – получаем или приобретаем у родственников, друзей и знакомых; 3 – добываем сами
Response options: 1 – we buy in a shop or from local producers;
2 – we obtain or buy from relatives, friends and acquaintances; 3 – we get them ourselves

селение, получают оленину через неформальные каналы от родственников и знакомых, работающих в тундре. Еще 15,1 % семей коренных жителей указали, что получают ее самостоятельно. Это, очевидным образом, могут быть семьи работников оленеводческих хозяйств, в том числе владеющие своими личными оленями (которых на Чукотке очень немного), а также охотники на северных оленей. Однако доля таких ответов (8,4 %) значительна и в семьях некоренных жителей, среди которых на Чукотке практически нет оленеводов. Ситуацию можно прокомментировать на основе неформальных интервью. Они свидетельствуют, что местные охотники нередко добывают не только диких, но и домашних оленей, которые отбились от стада и уже не находятся под охраной пастухов. По данным интервью с работниками оленеводческих предприятий, непродовольственные потери в стадах значительно – нередко в 2–3 раза – превышают число оленей, реализуемых на убой.

Местная рыба

Второе место по своему значению из МПБР устойчиво занимает рыба (прил. 1; табл. 2, 3). Две трети респондентов из коренного населения и 35,7 % из некоренного отметили, что добывают рыбу сами, главным образом сетями. Широко распространено неформальное перераспределение улова: от родственников и знакомых рыбу получает 32,8 % семей некоренных жителей и 19,5 % коренных (табл. 4).

Обращает на себя внимание очень низкая – как по сравнению с олениной, так и по сравнению с мясом морского зверя – доля семей, которые покупают рыбу у организаций. Казалось бы, в условиях Чукотки нет объективных препятствий, чтобы организовать лов рыбы для снабжения местного населения предприятиями малого бизнеса через торговую сеть. В первую очередь рыбу могли бы поставлять общины КМНС, число которых в округе в последние годы быстро растет (Kolomiets, 2019). Однако существующие правила рыболовства создают для этого труднопреодолимые пре-

пятствия, особенно после 2016 г. – когда общинам стали разрешать рыбачить только на оформленных промысловых участках. Правила оформления оказались настолько сложны, что многие коренные жители предпочитают подавать заявки на вылов рыбы как физические лица. Однако и в этом случае чукотским рыбакам приходится преодолевать немалые бюрократические сложности. Существующий порядок использования рыбных, а также и охотничьих ресурсов постоянно вызывает возмущение как у коренного, так и у некоренного населения всей Чукотки. Его можно проиллюстрировать короткой цитатой, взятой из интервью с одной из местных жительниц: «Была на собрании по правилам рыболовства. Опоздала на час – у дверей услышала сплошные матюги» (Полевые материалы автора, 2022).

Приведем несколько примеров сопротивления местного населения необоснованным формальным ограничениям использования местных продовольственных ресурсов. Один записанный в ходе интервью (Полевые материалы автора, 2022) случай имел место несколько лет назад в одном из поселков Чукотки (название не указывается из соображений конфиденциальности). Респондент рассказал, что в его обязанности тогда входила продажа разрешений на вылов лососевых рыб. Когда в поселок приехали инспекторы рыбоохраны, он спросил, сколько и на какую сумму у них запланировано получить протоколов о нарушении правил рыболовства в этом поселке. После некоторого замешательства ответ был получен. Респондент собрал у местных рыбаков (около 10 человек) паспорта для оформления квитанций на штрафы, приложив также и свой паспорт, и необходимую сумму денег. Он также предупредил жителей поселка о необходимости временно снять сети. Инспекторы пробыли в поселке два дня, но не смогли выявить ни одного нарушения.

В другом поселке, несколько лет назад, было собрание жителей, где их информировали о новых правилах оформления разрешений на добычу лососевых рыб.

Человек, уполномоченный авиакомпанией оформлять билеты на рейсовые вертолеты, заверил присутствующих, что всегда будет иметь возможность сообщить жителям о том, что в поселок летят инспекторы. На собрании присутствовал один из руководителей правительства округа. На вопрос местных жителей, что важнее – ловить рыбу или соблюдать бюрократические формальности, он ответил, что ловить рыбу все-таки важнее. Это не единичный случай на Чукотке. Чрезмерная формализация системы управления биоресурсами, игнорирующая интересы местных жителей, привела к тому, что рыболовство и охота в значительной степени перешли в сферу теневой экономики. Это подтверждается как результатами нашего анкетирования, так и наблюдениями этнологов. Как сообщает Е. А. Давыдова (Davydova, 2018: 117), для неформального распределения промысловой продукции здесь широко используются закрытые группы в «Ватсапе», в которых достаточно сложно попасть посторонним. Эта возможность позволяет местным сообществам сохранять пищевую автономию, несмотря на бюрократические препятствия.

Отметим, что вопросы несовершенства существующего порядка распределения квот на вылов рыбы в районах проживания КМНС и несоответствия правил рыболовства на Севере местным условиям в целом уже много лет обсуждаются в региональных СМИ и отражены в работах ряда этнологов (Martynova, 2017; Gavrilova, 2019; Klokov, 2020).

Мясо морских млекопитающих

По сравнению с рыбой и олениной продукция морского зверобойного промысла в большей степени воспринимается людьми как специфически «чукотская» пища, (Davydova, 2018: 118). Анкетный опрос показал (табл. 3), что мясо китов, моржей, нерпы и лахтака имеет наибольшее значение для коренных жителей сел Чукотского и Провиденского районов, а также села Уэлькаль Иульгинского района. В Амгуэме оно имеет меньшее значение, так как село

расположено далеко от моря, и его жители получают мясо и жир из приморских поселков, прежде всего из Ванкарема. В поселках городского типа продукция из морского зверя значима только для коренного населения.

Большое значение имеет традиция обмена продукцией между оленеводами и морскими зверобоями, которая известна давно и активно поддерживается до настоящего времени (Bogoraz, 1934: 79–90; Vate, 2005: 48–52; Yartzutkina, 2017: 57–69; Davydova, 2018: 113–121; Davydova, Davydov, 2018: 27–34). Полученные материалы дают возможность количественно оценить ее масштабы.

По данным анкетирования, самостоятельно добычей морского зверя занимается 33,2 % семей коренного и 3,9 % некоренного населения (табл. 4), а основной его источник (соответственно 40,4 и 55,8 %) – неформальные сети обмена продукцией, т.е. родственники и знакомые. Это подтверждается и данными интервью. Жители Конергино рассказывали, что моржатины и другие продукты морской охоты им привозят из Уэлькаля – села, расположенного на противоположном берегу Залива Креста (в прошлом оба села входили в один совхоз): «Наши теперь на морзверя не охотятся, но уэлькальцы привозят его нам, если мы их попросим» (Полевые материалы автора, 2023). Оленеводов из Амгуэмы снабжают мясом и нерпичьим жиром из Ванкарема. Каждая семья амгуэмских оленеводов возит с собой бутылки (1,5-литровые полиэтиленовые емкости) с нерпичьим жиром. Связи между этими поселками тесные, так как в Амгуэме находится интернат, где живут дети из Ванкарема.

Морской зверобойный промысел на Чукотке активно поддерживается правительством округа. Поддержка осуществляется через 9 занятых таким промыслом территориально-соседских общин (ТСО), в которых работают около 300 человек (Kolomiets, 2019). Наиболее крупные общины – «Лорино» и «Дауркин», в селах Лорино и Лаврентия Чукотского района. Есть общины морзверобоев и в поселках

Провиденского района: «Янракынот», «Чаплино» (в с. Новое Чаплино), «Сиреники», «Унэнэн» (в с. Нунлигране). Морские охотники всех поселков Иульгинского района объединены в одну ТСО «Анкальыт», офис которой находится в Эгвекиноте. Одна из бригад этой общины (из шести человек) находится в Уэлькале. Есть инициативные предложения организовать бригаду также и в Эгвекиноте.

Основной целью ТСО является не получение прибыли, а обеспечение местного населения продукцией морского промысла. Ежегодно они добывают для этого более 600 т мяса китов и ластоногих, что составляет примерно 40 кг в год на одного коренного жителя ЧАО (Kolomiets, 2019). Кроме собственных средств общины получают значительные субсидии через государственные программы развития агропромышленного комплекса ЧАО, а также за счет грантов и других источников. Это дает им возможность выплачивать своим работникам стабильную заработную плату, приобретать лодки, холодильное оборудование и снаряжение для морской охоты, независимо от рыночной конъюнктуры (Kolomiets, 2019). В открытую продажу мясо и жир морских млекопитающих не отпускают.

Другие морепродукты по своему значению значительно уступают продукции морзверобойного промысла. Они представлены в основном водорослями и морскими беспозвоночными, которые местные жители собирают на берегу моря после штормов. Собирают их в основном в тех же поселках, где добывают морского зверя (табл. 3).

Пернатая дичь

Несколько менее важным, по сравнению с предыдущими, но весьма существенным пищевым ресурсом на Чукотке остается охота на пернатую дичь. По итоговой балльной оценке добытая на охоте дичь занимает шестое место (прил. 1), однако ее роль в питании жителей разных населенных пунктов существенно различается (табл. 3). Больше всего она в селах Чукотского района и в Уэлькале. Полученные балльные

оценки соответствуют степени участия жителей в охоте на птиц. Так, в Инчоуне и Уэлькале число семей с охотниками превышало 60 %, в Уэлене, Провидения и Конергино их было более 40 %, а в остальных поселках – от 20 до 30 %. Отмечена также диспропорция между коренным и некоренным населением: у первого роль дичи как источника пищи выше.

Полученные в первой анкете субъективные оценки важности охоты на птиц в баллах хорошо коррелируют с результатами второй анкеты, где респонденты указывали число добытых птиц. Для средних значений этих показателей по поселкам коэффициент корреляции составил 0,86. Количество птиц, добытых в среднем на одну семью, в различных поселках варьировало от двух-трех (в Амгуэме и Эгвекиноте) до 19 в Инчоуне и 12 в Уэлене (прил. 2). 80 % птиц было добыто весной. Больше чем 3/4 добычи составили водоплавающие птицы – утки и гуси. Среди уток преобладали морские утки – гаги. Кроме водоплавающих добывается немного куропадок (белой и тундряной) и журавлей (канадский журавль). Географическое распределение интенсивности охоты на птиц, по-видимому, связано главным образом с особенностями их весеннего пролета. Охота наиболее популярна там, где гуси и утки летят близко от поселков и есть удобные места для охоты на них.

Показателем обилия охотничьих птиц в окрестностях поселка может быть среднее число птиц, добытых за год на одного охотника. Поскольку, как показали анкеты, в большинстве семей охотится только один человек, этот показатель можно приблизительно оценить как отношение общего числа добытых респондентами птиц к числу семей с охотниками. Максимальные значения получились для Инчоуна – почти 30 птиц и Уэлена – почти 25 (прил. 2). Как показали анкеты, охота на птиц больше развита на севере обследованной территории, где в добыче преобладают гаги. Исключение составляет расположенный у южной границы Иульгинского района Уэлькаль, но тут добывают больше гусей. По словам

одного из местных охотников, раньше здесь гусей почти не стреляли, а охотились в основном на гаг, добыть которых весной относительно просто. Однако в 1970–1980-х гг. в поселок приехало много русских охотников, которые «научили» местных коренных стрелять гусей, используя фанерные профили-маньки. По сравнению с охотой на гаг, это более сложная, но зато более азартная и увлекательная охота, которая скоро стала здесь популярной. К тому же в 1980-е годы численность гнездящихся гаг в традиционных местах охоты местных жителей по какой-то причине сильно снизилась. Теперь гаг в Уэлькале практически не добывают, зато охота на гусей здесь процветает.

Дикие птицы могут «снабжать» население не только мясом, но и яйцами, сбором которых занимаются коренные жители в некоторых поселках. Отвечая на вопрос о сборе яиц, большая их часть подчеркивали, что они никогда не берут из гнезда все яйца. В среднем на одну опрошенную семью было собрано по 4,2 яйца. Наиболее интенсивно яйца собирают жители Конергино, Лаврентия и Озерного – по 7–8 яиц на семью. Интенсивность сбора яиц зависит в основном от наличия поблизости от поселка крупных птичьих базаров на скалах, на которых гнездятся колонии морских птиц (чаек, чистиковых и др.), а также мест массового гнездования чаек и гусеобразных в тундре вдоль морского побережья или на островах, где также можно собрать много яиц, чаще всего чайчых и утиных. Сбор птичьих яиц был широко распространен в конце 1990-х гг., когда на Чукотке был сильный дефицит продуктов, граничащий с голодом, и купить яйца в магазинах было практически невозможно. В настоящее время он сохраняется как традиция.

Дикорастущие пищевые растения (грибы, ягоды и др.)

Грибы и ягоды собирают почти все семьи, но большинство семей рассматривает их как дополнительный источник пищи. Это очевидным образом связано с их сезонностью, хотя широкое распространение

бытовых морозильных камер делает возможным их круглогодичное потребление (Davydova, 2019a; Davydov, Davydova, 2022). Массовость сбора обуславливает их высокие итоговые оценки, которые в некоторых поселках лишь немного уступали оленине. 95 % семей коренного населения и более 80 % некоренного собирают грибы и ягоды самостоятельно, иные стратегии их получения (покупка, от родственников и знакомых) отмечались крайне редко.

Другие пищевые растения как источник пищи были отмечены главным образом сельскими коренными жителями. В основном это были дикий лук и чеснок, конский щавель и золотой корень, которые семьи собирают самостоятельно.

Заключение

Полученные путем анкетного опроса данные не выявили каких-либо особых закономерностей, но уточнили имевшиеся представления о том, как происходит использование местных биологических ресурсов Чукотки для продовольственного самообеспечения местного населения.

Во-первых, они подтвердили количественными показателями важную роль таких ресурсов особенно в сельских населенных пунктах. Было установлено, что почти все виды рассмотренных выше ресурсов имеют примерно равную высокую значимость и для коренной, и для некоренной части местного населения. Исключением оказались только продукты морского зверобойного промысла и другие морепродукты – оценки их значимости у семей коренных жителей были существенно выше, чем у некоренной части населения. О большом значении морской пищи для жителей северо-востока Чукотки и несовершенстве системы ее распределения говорит также тот факт, что кандидаты в депутаты городского округа Эгвекинот от коренного населения даже включали обещание решить проблему снабжения населения чукотской пищей в свои предвыборные кампании (Davydova, 2019b: 23–24).

Во-вторых, проведенное исследование подтвердило сохранность и по-прежнему

высокую актуальность местных традиционных сетей перераспределения добытых ресурсов: обмен продуктами между сообществами тундровых оленеводов и береговых морских зверобоев, а также традицию безвозмездной передачи части промысловой продукции нуждающимся семьям.

В-третьих, интерпретация результатов анкетного опроса в сочетании с данными интервью показала, что весьма актуальной проблемой остается создание адекватной условиям Крайнего Севера системы управления местными биологическими ресурсами и их использованием. Практически все жители остро недовольны существующими правилами рыболовства и распределения разрешений на вылов рыбы. Многие

респонденты, отвечая на вопросы анкеты, сами начинали разговор на эту тему.

Полученные оценки убедительно говорят о том, что северяне придают местным биоресурсам, особенно потребителю рыболовству и охоте, весьма важное значение, а значит, не надо пренебрегать их интересами в сфере регулирования природопользования.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Andersen T., Poppel B. Living Conditions in the Arctic. In: *Social Indicators Research*, 2002, 58, 191–216. DOI: 10.1023/A:1015787901370.

Arctic Biodiversity Assessment. Status and trends in Arctic biodiversity. CAFF, Arctic Council Denmark, 2013, 596–600.

Bogoraz V.G. *Chukchi. Avtorizovannii perevod s angliyskogo [Chukchies. Authorised translation from English], Part 1.* Leningrad, Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1934, 191.

Davydov V.N., Davydova, E. A. Routes of sustenance: infrastructure and food security strategies in Chukotka. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2020, 13(5), 772–782. DOI: 10.17516/1997–1370–0606.

Davydov V.N., Davydova E. A. Polevyie issledovaniia na Chukotke v 2022: strategii podderzhanii pishchevoy i energeticheskoy bezopasnosti zhiteliami olenevodcheskogo sela [Field Research in Chukotka in 2022: Strategies for Maintaining Food and Energy Security by the Dwellers of a Reindeer Herders' Village]. In: *Kunstkamera*, 2022, 4(18), 217–229. DOI: 10.31250/2618–8619–2022–4(18)-217–229.

Davydov V.N., Davydova E. A. Food security and paradoxes of supply in Chukotka. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(4), 656–661.

Davydova E. A. Sovremennyye strategii polucheniia i raspredeleniia pishchevykh resursov gorodskimi zhiteliami Chukotki [Modern strategies for obtaining and distributing food resources by urban residents of Chukotka]. In: *Universitetskiy nauchnyy zhurnal [University scientific journal]*, 2018, 38, 113–121.

Davydova E. A. Kholodil'nik, sol' i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke strategies in i sakhar: dobycha i tekhnologii obrabotki pishchi na Chukotke. [Refrigerator, salt and sugar: extraction and food processing technologies in Chukotka]. In: *Sibirskii istoricheskiie issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2019, 2, 143–161.

Davydova E. A. Pishchevyie tayny olenevodov i okhotnikov Chukotki [Food secrets of reindeer herders and hunters of Chukotka]. In: *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2019, 3(28), 19–25.

Davydova E. A., Davydov V.N. Proizvodstvo (vkusov) oleniny: praktiki zaboia zhivotnykh v tundre i v oleneubynom punkte na Chukotke [Production of Venison Tastes: Practices of Animal Slaughter in the Tundra and in a Slaughterhouse in Chukotka]. In: *Kunstkamera*, 2021, 2(12), 95–103. DOI: 10.31250/2618–8619–2021–2(12)-95–103.

Gavrilova K. A. Opasnoie prirodopol'zovaniie: rybnyie resursy i.no stal'giia po gosudarstvu v Barents-regione [The Danger of Natural Resource Use: Fishery and Nostalgia for the State in the Barents Region]. In: *Etnograficheskoe obozreniie*, 2019, 4, 13–28. DOI: 10.31857/S 086954150006189–7.

Klovov K. B. Mezhdru gosudarstvom i rynkom: neformal'nyie praktiki prirodopol'zovaniia v sibirskikh selakh [Between the state and the market: informal practices in the use of wildlife resources in Siberian villages]. In: *Etnografia*. 2020, 1(7), 142–165. DOI: 10.31250/2618–8600–2020–1(7)-142–165.

Klovov K. Indigenous hunting in the Russian Arctic: toward sustainable wildlife resource management. In: *IIRPCMIA 2021 E 3S Web of Conferences*, 2023, 378, 05004. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202337805004>.

Klovov K., Gerasimov Iu., Syroechkovskiy E. Assessment of hunting pressure on Arctic-nesting shorebirds: first results from the Northeast of Russia. In: *IIRPCMIA 2021 E 3S Web of Conferences*, 2023, 378, 05003. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202337805003>

Kolomiets O. P. Chukotskiy biznes: sovremennyye formy predprinimatel'stva korennykh zhitel'ey Chukotskogo AO [Business in Chukotka: modern forms of entrepreneurship of the indigenous people of the Chukotian Autonomous Region]. In: *Vestnik antropologii*, 2019, 2(46), 55–71.

Martynova E. P. Traditsionnyie otrasli khoziaystva obskikh ugrov: sovremennyye adaptivnyie strategii v rynochnoy ekonomike [The traditional economic sectors of the Ob Ugrians: the modern adaptive strategy in a market economy]. In: *Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric studies]*, 2017, 7(4), 119–130.

Moller H., F. Berkes P. O., Lyver and Kislalioglu M. Combining science and traditional ecological knowledge: monitoring populations for co-management. In: *Ecology and Society*, 2004, 9(3), 2. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss3/art2>.

Naves L. C., Keating J. M. *Alaska subsistence harvest of birds and eggs, 2004–2017 data book*, Alaska Migratory Bird Co-Management Council. Alaska Department of Fish and Game Division of Subsistence, Special Publication 2019–04, Anchorage, AK, USA. 2019

Naves L. C., Ruthrauff D. Shorebird subsistence harvest and indigenous knowledge in Alaska: Informing harvest management and engaging users in shorebird conservation. In: *The Condor: Ornithological Applications*, 2019, 121, 1–19, Available at: <https://www.researchgate.net/publication/334640932>.

Pokhoziaystvennaia perepisi' Pripoliarnogo Severa SSSR 1926–27 g. Territorial'nyie i gruppovyye itogi pokhoziaystvennoy perepisi [Household census of the Subpolar North of the USSR 1926–27. Territorial and group results of the household census]. Moscow, Statizdat TSSU SSSR. 1929, 256.

Rakhmanova L. I. A., Davydova E. A., Davydov V. N. Novyye tekhnologii zaboia i ikh «poslevkusii»: biografii oleney, miasa i krovi v Arktike [New Slaughter Technologies and Their “Aftertaste”: Biographies of Reindeer, Meat and Blood in the Arctic]. In: *Sibirskiiie istoricheskiie issledovaniia. [Siberian Historical Research]*, 2022, 2, 181–206. DOI: 10.17223/2312461X/36/10.

Survey of Living Conditions in the Arctic: Inuit, Saami, and the Indigenous Peoples of Chukotka (SLI-CA). 2019. Available at: https://iseralaska.org/static/living_conditions/

Syroechkovskiy E. E., Klovov K. B. Ispol'zovaniie metoda anketirovaniia dlia izucheniia vliianiia okhoty na vodoplavayushchikh ptits v Rossiiskoi Arktike [Using questionnaire method to study the impact of hunting on waterfowl in the Russian Arctic]. In: *Cazarka*, 2010, 13, 76–103.

Vate V. Maintaining cohesion through rituals: Chukchi herders and hunters, a people of the Siberian Arctic. In: *Senri Ethnological Studies*, 2005, 69, 45–68.

Yarzutkina A. A. Sdelka kak protsess: torgovlia na Chukotke v kontse XIX-nachale XX v. [Transaction as a protest. Trade in Chukotka in the late 19th and early 20th century]. In: *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2017, 1, 57–69.